

**НАУКА О ЧЕЛОВЕКЕ:
ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
RUSSIAN JOURNAL
OF SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES**

Научный журнал

Том 17 № 1 ■ 2023 ■ Vol.17 No.1

Учредитель:

Частное учреждение образовательная организация высшего образования «Омская гуманитарная академия»
Издается с декабря 2007 г. Выходит четыре раза в год.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук.

Включен в Базу данных ВИНТИ РАН, ежегодно подающую сведения в мировую справочную систему по периодическим изданиям «Ulrich's Periodicals Directory» о реферировании журнала в Реферативном журнале ВИНТИ РАН.

Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ55-00557 от 03.04.2017 выдано Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Омской области.

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 43161.

Ссылки на журнал при цитировании обязательны.

Цена свободная.

Главный редактор: А. Э. Еремеев
доктор филологических наук, профессор
Выпускающий редактор: О. В. Попова,
кандидат филологических наук, доцент
Редактор, ответственный секретарь: Т. М. Днепроvская
Редактор, корректор: Д. К. Сaitмамeтова
Компьютерная верстка: Т. М. Днепроvская

Рукописи подвергаются редакционной обработке. Точки зрения авторов и редакционной коллегии могут не совпадать.

Founder:

Private Establishment an Educational Institution of Higher Education "Omsk Humanitarian Academy"

First published: December 2007. Publication timeframe: 4 times per year

The journal is included in the system of the Russian Science Citation Index.

The journal is indexed in the List of Russian peer-reviewed scientific journals where the main scientific results of dissertations for the degrees of Doctor and Candidate of Sciences should be published.

It is included in the VINITI Database RAS; the database annually submits information to "Ulrich's Periodicals Directory" that the journal is regularly reviewed in the VINITI RAS reference journal.

The registration certificate PI No. TU55-00557 dated 03/04/2017 issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media in Omsk Region.

Subscription index in the "Russian Print Media" catalog 43161.

If you cite the journal, reference it correctly.

Free market price.

Chief Editor: A. E. Eremeev,
Doctor of Philology, Professor
Managing editor: O. V. Popova
Candidate of Sciences in Philology, Associate Professor
Editor, executive secretary: T. M. Dneprovskaya
Editor, Proof-reader: D. K. Saitmametova
Desktop Publishing: T. M. Dneprovskaya

Manuscripts are subjected to the editorial processing. The viewpoints of the authors and the editorial board may not coincide.

ISSN 1998-5320 DOI 10.57015/issn1998-5320

В оформлении обложки использована фотография скульптуры Огюстена Пажу «Каллиопа» (ок. 1763 г.).

Адрес редакции и издателя: 644105, Омская область, Омск, ул. 4-я Челюскинцев, 2а.

Тел./факс 28 47 37. E-mail: nou_ogu@mail.ru, <http://journal.omg.a.su>

Подписано в печать 23.03.2023. Формат 60×84/8. Уч.-изд. л. 22,15.

Печ. л. 31,25.

Дата выхода в свет 31.03.2023.

Тираж 500 экз. (1-й завод 1-100). Заказ № 60.

Полиграфический центр издательства ОмГА.

644105, Омск, ул. 4-я Челюскинцев, 2а

© Омская гуманитарная академия, 2023

The cover is designed with a photograph of Calliope, a sculpture by Augustin Pageout (c. 1763).

Editorial office and publishing house address: 644105, Omsk region, Omsk, st. 4th Chelyuskintsev, 2a.

Tel./fax 28 47 37. E-mail: nou_ogu@mail.ru, <http://journal.omg.a.su>

Passed for printing 03/23/2023. Format 60×84/8. Published page(s).

22.15. Printer's sheets. 31.25.

Release date 03/31/2023.

Printing is 500 copies. (1st plant 1-100). Order No. 60.

Printing Center of OmHA Publishing House.

644105, Omsk, st. 4th Chelyuskintsev, 2a.

© Omsk Humanitarian Academy, 2023

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Еремеев Александр Эммануилович, д-р филол. наук, профессор, ректор Омской гуманитарной академии (Омск, Россия)

Заместители главного редактора

Иссерс Оксана Сергеевна, д-р филол. наук, профессор. Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)

Лопанова Елена Валентиновна, д-р пед. наук, профессор. Омская гуманитарная академия (Омск, Россия)

Патласов Олег Юрьевич, д-р экон. наук, профессор. Пушчинский государственный естественно-научный институт (Пушино, Россия)

Члены редколлегии

Акелькина Елена Алексеевна, д-р филол. наук, профессор. Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)

Апенько Светлана Николаевна, д-р экон. наук, профессор. Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)

Беляев Виктор Иванович, д-р экон. наук, профессор. Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Бережнова Елена Викторовна, д-р пед. наук, профессор. Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва, Россия)

Бутакова Лариса Олеговна, д-р филол. наук, профессор. Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)

Викторович Владимир Александрович, д-р филол. наук, профессор. Государственный социально-гуманитарный университет (Коломна, Россия)

Далингер Виктор Алексеевич, д-р пед. наук, профессор. Омский государственный педагогический университет (Омск, Россия)

Дворянкина Елена Борисовна, д-р экон. наук, профессор. Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург, Россия)

Донских Олег Альбертович, д-р филос. наук, профессор. Новосибирский государственный университет экономики и управления (Новосибирск, Россия)

Евдокимов Владимир Анатольевич, д-р полит. наук, профессор. Омская гуманитарная академия (Омск, Россия)

Катаев Владимир Борисович, д-р филол. наук, профессор. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Косяков Геннадий Викторович, д-р филол. наук, профессор. Омская гуманитарная академия (Омск, Россия)

Лебедева Ольга Борисовна, д-р филол. наук, профессор. Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия)

Лозовский Борис Николаевич, д-р филол. наук, профессор. Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)

Роберт Ирэна Веньяминовна, академик РАО, д-р пед. наук, профессор, главный научный сотрудник. Институт стратегии развития образования РАО (Москва, Россия)

Ромм Татьяна Александровна, д-р пед. наук, профессор. Новосибирский государственный педагогический университет (Новосибирск, Россия)

Сериков Владислав Владиславович, член-корреспондент РАО, д-р пед. наук, профессор. Институт стратегии развития образования РАО (Москва, Россия)

Смолин Олег Николаевич, академик РАО, д-р филос. наук, первый заместитель председателя Комитета по образованию ГД РФ (Москва, Россия)

Фоменко Наталья Михайловна, д-р экон. наук, доцент, Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (Москва, Россия)

Шумакова Оксана Викторовна, д-р экон. наук, профессор. Омский государственный аграрный университет им. П. А. Столыпина (Омск, Россия)

Члены международного совета

Бисвас Паримал Чандра, Ph.D., кандидат технических наук, профессор. Университет Адама (Калькутта, Индия)

Ван Лиэ, Dr. Habil. Philol., профессор. Пекинский университет иностранных языков (Пекин, Китай)

Досанова Сая Сабировна, д-р пед. наук, профессор. Кокшетауский университет им. Абая Мырзахметова (Кокшетау, Республика Казахстан)

Кожей Славомир, д-р пед. наук, профессор. Университет Яна Кохановского в Кельце (Кельце, Польша)

Кошербаева Айгерим Нуралиевна, д-р пед. наук, профессор. Казахский национальный педагогический университет имени Абая (Алматы, Республика Казахстан)

Торхова Анна Васильевна, д-р пед. наук, профессор. Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка (Минск, Республика Беларусь)

Ушаков Денис Сергеевич, д-р экон. наук, профессор. Университет Суан Сунандха Раджабхат (Бангкок, Таиланд)

Чимпоеш Драгош, д-р экон. наук, профессор. Государственный аграрный университет (Кишинев, Молдова)

EDITORIAL BOARD

Chief Editor

Alexander E. Ereemeev, Dr. Sc. (Philology), Professor,
Rector of the Omsk Humanitarian Academy (Omsk, Russia)

Deputy Chief Editors

Oksana S. Issers, Dr. Sc. (Philology), Professor.
Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

Elena V. Lopanova, Dr. Sc. (Pedagogy), Professor.
Omsk Humanitarian Academy (Omsk, Russia)

Oleg Yu. Patlasov, Dr. Sc. (Economics), Professor. Pushchino
State Institute of Natural Science (Pushchino, Russia)

Editorial Staff

Elena A. Akelkina, Dr. Sc. (Philology), Professor.
Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

Svetlana N. Apen'ko, Dr. Sc. (Economics), Professor.
Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

Viktor I. Belyaev, Dr. Sc. (Economics), Professor.
Altai State University (Barnaul, Russia)

Elena V. Berezhnova, Dr. Sc. (Pedagogy), Professor.
Moscow State Institute of International Relations
(University) of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Larisa O. Butakova, Dr. Sc. (Philology), Professor
(Omsk, Russia)

Vladimir A. Viktorovich, Dr. Sc. (Philology), Professor.
State University for Social Sciences and Humanities
(Kolomna, Moscow Region, Russia)

Victor A. Dalinger, Dr. Sc. (Pedagogy), Professor.
Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russia)

Elena B. Dvoryadkina, Dr. Sc. (Economics), Professor,
Ural State University of Economics (Ekaterinburg,
Russia)

Oleg A. Donskih, Dr. Sc. (Philosophy), Professor.
Novosibirsk State University of Economics and
Management (Novosibirsk, Russia)

Vladimir A. Evdokimov, Dr. Sc. (Political Science),
Professor. Omsk Humanitarian Academy (Omsk, Russia)

Vladimir B. Kataev, Dr. Sc. (Philology), Professor.
Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Gennadiy V. Kosyakov, Dr. Sc. (Philology), Professor
(Omsk, Russia)

Olga B. Lebedeva, Dr. Sc. (Philology), Professor.
Research Tomsk State University (Tomsk, Russia)

Boris N. Lozovsky, Dr. Sc. (Philology), Professor.
Ural Federal University named after the First President
of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)

Irena V. Robert, Academician of the Russian Academy
of Education, Dr. Sc. (Pedagogy), Professor. Institute
for Strategy of Education Development of the Russian
Academy of Education (Moscow, Russia)

Tatyana A. Romm, Dr. Sc. (Pedagogy), Professor.
Novosibirsk State Pedagogical University
(Novosibirsk, Russia)

Vladislav V. Serikov, Dr. Sc. (Pedagogy),
Corresponding Member of RAO, Professor. Institute
for Strategy of Education Development of the Russian
Academy of Education (Moscow, Russia)

Oleg N. Smolin, Corresponding Member of Russian
Academy of Education, Dr. Sc. (Philosophy) First
Deputy Chairman of the Education Committee
of the State Duma of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

Natalya M. Fomenko, Dr. Sc. (Economics), Associate
Professor, Plekhanov Russian University of Economics
(Moscow, Russia)

Oksana V. Shumakova, Dr. Sc. (Economics), Professor.
Omsk State Agrarian University named
after P. A. Stolypin (Omsk, Russia)

Members of the International Council

Parimal Chandra Biswas, Cand. Sc. (Engineering),
Ph. D., Professor. Adamas University (Kolkata, India)

Van Lie, Dr. Habil. Philol., Professor. Beijing University
of Foreign Languages (Beijing, China)

Saya S. Dosanova, Dr. Sc. (Pedagogy), Professor.
Abay Myrzakhmetov Kokshetau University (Kokshetau,
Republic of Kazakhstan)

Slavomir Koziej, Dr. Sc. (Pedagogy), Professor.
Jan Kochanowski University in Kielce (Kielce, Poland)

Aigerim N. Kosherbayeva, Dr. Sc. (Pedagogy),
Professor. Abai Kazakh National Pedagogical University
(Almaty, Republic of Kazakhstan)

Anna V. Torkhova, Dr. Sc. (Pedagogy), Professor.
Belarusian State Pedagogical University named after
Maxim Tank (Minsk, Republic of Belarus)

Denis S. Ushakov, Dr. Sc. (Economics), Professor. Suan
Sunandha Rajabhat University (Bangkok, Thailand)

Dragos Cimpoies, Dr. Sc. (Economics), Professor. State
Agrarian University (Chisinau, Republic of Moldova)

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Филологические науки

Philological Sciences

Э. И. Коптева, О. М. Колесников
Философско-эстетическое
значение библейских аллюзий
в поэтике повести А. П. Чехова «Три года»

7

E. I. Kopteva, O. M. Kolesnikov
Philosophical and aesthetic significance
of biblical allusions in the poetics
of A. P. Chekhov's novella "Three years"

Мд Тапу Райхан
Экокритический подход к роману
В. П. Астафьева «Последний поклон»

20

Md Tapu Rayhan
Ecocritical Approach
to V. P. Astafyev's novel "The Last Bow"

И. О. Приходченко
Локальный текст провинциальной литературы:
к вопросу об определении понятия и истории изучения

30

I. O. Prihodchenko
Local text of provincial literature: the question
of the concept definition and the history of study

Т. П. Рогожникова
Язык сибирского учетного
делопроизводства рубежа XVII-XVIII веков

43

T. P. Rogozhnikova
The language of Siberian accounting
office work at the turn of the 17th-18th centuries

Е. С. Радионцева
Телепередачи о моде всегда в моде:
форматообразующее ядро телевизионных fashion-программ

51

E. S. Radiontseva
TV shows about fashion are always in fashion:
the format-forming core of television fashion shows

К 210-летию со дня рождения И. А. Гончарова

Е. А. Акелькина
Художественно-критическая статья И. А. Гончарова
«Картина г. Крамского "Христос в пустыне"»

60

E. A. Akel'kina
I. A. Goncharov's art-critical article
"Kramskoy's painting "Christ in the Desert"

Е. В. Киричук
Роман И. А. Гончарова
«Обломов» в книжной традиции

65

E. V. Kirichuk
"Obломov" novel
by I. A. Goncharov in the bookish tradition

А. В. Коровин
Необыкновенная история, начавшаяся в Омске:
И. А. Гончаров и русско-датские литературные контакты

76

A. V. Korovin
An Unusual Story Started in Omsk:
Ivan Goncharov and Russian-Danish Literary Contacts

М. Г. Меркулова
Англия и англичане в цикле путевых
очерков И. А. Гончарова «Фрегат "Паллада"»

85

M. G. Merkulova
England and the Englishmen in the cycle
of travel essays "Frigate Pallada" by I. A. Goncharov

Ф. В. Шелухин

Интерпретация художественного текста
в кино: роман И. А. Гончарова «Обломов» и фильм
Н. Михалкова «Несколько дней из жизни И. И. Обломова»

92

F. V. Shelukhin

Interpretation of a literary text in cinema:
I. A. Goncharov's novel "Oblomov" and N. Mikhalkov's
film "A few days from the life of I. I. Oblomov"

Педагогические науки

Pedagogical Sciences

Н. С. Веремчук, Ю. И. Привалова

Формирование цифровых компетенций обучающихся
технических вузов с использованием имитационного
моделирования в учебном процессе

100

N. S. Veremchuk, Yu. I. Privalova

Formation of digital competencies
of students of technical universities
using simulation modeling in the educational process

Л. М. Мануйлова, А. С. Максимов

Использование возможностей цифровой образовательной
среды для формирования профессионально-правовой
компетенции будущего социального педагога

107

L. M. Manuylova, A. S. Maksimov

Use of the digital educational environment
possibilities to form the professional and legal
competence of a future social pedagogue

Н. А. Моисеева, Т. А. Полякова, Т. А. Ширшова

Значимость цифровых сервисов в решении
задач информационно-математического
моделирования для будущих инженеров

116

N. A. Moiseeva, T. A. Polyakova, T. A. Shirshova

The digital services significance to solve
tasks of information and mathematical
modeling for future engineers

А. С. Корсаков

Организационно-педагогические условия формирования
профессиональной мобильности курсантов военного вуза

129

A. S. Korsakov

Organizational and pedagogical conditions
for the professional mobility formation of military university cadets

Г. К. Исмаилова, Л. А. Байтлеуова

Влияние методов и средств преподавания иностранных
языков на результаты обучения студентов и их академическую
мотивацию: обзор с точки зрения казахстанских преподавателей

139

G. K. Ismailova, L. A. Baitleuova

The influence of methods and means of teaching foreign languages
on the students' learning outcomes and their academic motivation:
review from Kazakhstani teachers' perspective

Т. П. Руденко, О. В. Фрезе

Деловой английский и его место
в университетском курсе иностранного языка
для студентов неязыковых специальностей

148

T. P. Rudenko, O. V. Freze

Business English and its place
in university EFL course for students
of non-linguistic specialties

В. М. Минияров, Е. И. Сулина

Когнитивный уровень отчуждения
от учебной деятельности обучающихся 5-х классов

156

V. M. Miniyarov, E. I. Suslina

Cognitive level of the fifth-graders alienation
from learning activity

С. М. Андリュшечкин

Изучение влияния характера дидактических средств
на развитие диалектического мышления учащихся

163

S. M. Andryushechkin

Study of the didactic materials influence
on the development of students' dialectical thinking

**И. И. Новикова, О. М. Куликова,
И. Г. Шевкун, Г. В. Яновская**
Нормирование физических нагрузок
в детско-юношеском спорте как инструмент
сохранения здоровья детей: систематический
обзор трудов отечественных и зарубежных ученых

176

**I. I. Novikova, O. M. Kulikova,
I. G. Shevkun, G. V. Yanovskaya**
Physical activity regulation in children's
and youth sport as a tool to maintain children's
health: systematic review of the works
of Russian and foreign scientists

С. Е. Бебинов, О. Н. Кривошекова
Модульный подход к формированию
у юношей навыков вождения автомобиля
в парадигме личностно-деятельностной методологии

188

S. E. Bebinov, O. N. Krivoshekova
Developing young men's driving skills using
a modular approach in the paradigm
of personal-activity methodology

Экономические науки

Economic Sciences

Н. Е. Алексеев
Базовые модели координации
хозяйственных связей экономических субъектов

198

N. E. Alekseev
Basic models of coordination
of economic relations of economic entities

Е. Б. Дворядкина, Д. А. Травникова
Анализ тенденций устойчивого развития региональной
социально-экономической системы: кейс здравоохранения

210

E. B. Dvoryadkina, D. A. Travnikova
Analysis of the sustainable development trends
of the regional socio-economic system: a healthcare case

Е. А. Орлянский
Эволюция теории инфляции и ее практическое значение

220

E. A. Orlyansky
Evolution of the inflation theory and its practical significance

О. Ю. Патласов, О. Г. Конюкова
Технологии моделирования финансовых индикаторов

229

O. Yu. Patlasov, O. G. Konyukova
Financial Indicators Modeling Technologies

А. С. Саламова
Социально-экономические факторы борьбы
с бедностью и голодом в современном мире:
научный подход Амартии Кумара Сена

237

A. S. Salamova
Socio-economic factors of poverty
and hunger reduction in the modern world:
Amartya Kumara Sen's scientific approach

Е. А. Акелькина
Формирование литературоведческой школы
в Омском педагогическом институте (к 90-летию вуза)

246

E. A. Akel'kina
Formation of a literary school at the Omsk Pedagogical
Institute (to the 90th anniversary of the university)

Э. И. Коптева¹✉, О. М. Колесников

✉ eleonora_kopteva@mail.ru

¹Омский государственный педагогический университет, г. Омск, Российская Федерация

Философско-эстетическое значение библейских аллюзий в поэтике повести А. П. Чехова «Три года»

Аннотация: В статье осмысляются функции библейских цитат в повести А. П. Чехова «Три года» (1895 г.). Целью анализа является выявление философско-эстетического значения библейских аллюзий в художественном единстве повести «Три года». В основе исследования лежит системный подход, позволяющий сопрягать целостный (имманентный) анализ художественного произведения с интертекстуальными связями, библейским и небиблейским контекстами. В статье подробно проанализированы прямые цитаты из Библии, их роль в сюжетно-композиционном единстве повести А. П. Чехова «Три года», выявлено взаимодействие библейских аллюзий с другими контекстами, в том числе с быто- и нравописательной традицией, характерной для эпических форм, различными сюжетными линиями, системой лейтмотивов и символов (время-пространство, символика числа и имени, символика светил: луна, солнце и т. д.). Прослеживается композиционное соответствие повести сонатной форме, что позволяет выявить смену ключевых тем (любви и веры), изменчивость и непредсказуемость человеческих чувств. Автор выстраивает параболическую связь библейской истории и современной ему жизни для прояснения общечеловеческих законов бытия. Сложная организация сюжета повести, параллелизм жизненных ситуаций и библейской истории, параболическая связь, выстраиваемая автором между изображаемым настоящим и библейским притчевым временем, позволяют увидеть, как философско-эстетическое начало авторской мысли выводит частную жизнь героев повести в общечеловеческое единство духовных поисков, сомнений, иллюзий; поверяет идеи, чувства, происходящие события, позволяя соотносить высокое нравственное начало и профанацию, усиливая образ двойственной природы человека, необходимость постоянного выбора между состраданием и безучастием, верой и унынием, памятованием и забвением.

Ключевые слова: А. П. Чехов, Три года, библейские аллюзии, парабола, целостный (имманентный) анализ художественного произведения, интертекстуальные связи.

Дата поступления статьи: 2 ноября 2022 г.

Для цитирования: Коптева Э. И., Колесников О. М. (2023) Философско-эстетическое значение библейских аллюзий в поэтике повести А. П. Чехова «Три года». Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 17, № 1, с. 7-19. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.1.

Scientific article

E. I. Kopteva¹✉, O. M. Kolesnikov

✉ eleonora_kopteva@mail.ru

¹Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russian Federation

Philosophical and aesthetic significance of biblical allusions in the poetics of A. P. Chekhov's novella "Three years"

Abstract: The article comprehends the functions of biblical quotations in A. P. Chekhov's novella "Three Years" (1895). The purpose of the analysis is to identify the philosophical and aesthetic significance of biblical allusions in the artistic unity of the novella "Three Years". The research is based on a systematic approach that allows combining a holistic (immanent) analysis of a work of art with intertextual connections, biblical and non-biblical contexts. The article analyzes in detail direct quotations from the Bible, their role in the plot-compositional unity of A. P. Chekhov's story "Three Years", reveals the interaction of biblical allusions with other contexts, including the everyday and moral tradition characteristic of epic forms, various storylines, a

system of leitmotifs and symbols (time-space, symbolism of number and name, symbolism of luminaries: moon, sun, etc.). The compositional correspondence of the story to the sonata form is traced, which makes it possible to identify the change of key themes (love and faith), the variability and unpredictability of human feelings. The author builds a parabolic connection between biblical history and contemporary life to clarify the universal laws of being. The complex organization of the plot of the story, the parallelism of life situations and biblical history, the parabolic connection built by the author between the depicted present and the biblical parable time allow us to see how the philosophical and aesthetic principle of the author's thought brings the private life of the heroes of the story into the universal unity of spiritual searches, doubts, illusions, confides ideas, feelings, events taking place, allowing us to correlate high moral principle and profanity, reinforcing the image of the dual nature of man, the need for a constant choice between compassion and indifference, faith and despondency, remembrance and oblivion.

Keywords: A. P. Chekhov, Three Years, biblical allusions, parabola, holistic (immanent) analysis of a work of art, intertextual links.

Paper submitted: November 2, 2022.

For citation: Kopteva E. I., Kolesnikov O. M. (2023) Philosophical and aesthetic significance of biblical allusions in the poetics of A. P. Chekhov's novella "Three years". Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 17, no. 1, pp. 7-19. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.1.

Введение

Функции библейских аллюзий, как и роль интертекстуального анализа в прозе А. П. Чехова не раз являлись объектом исследования (Грякалова, 1994; Ранева-Иванова, 2005; Даренский, 2014; Липке, 2014; 2015; Гедзюк, 2018; Степанов, 2019; Картузова, 2020; Гончарова, 2021). В нашу задачу входит выявление и осмысление философско-эстетического значения библейских аллюзий в художественном единстве повести «Три года» (1895 г.). В этом случае интертекстуальный анализ необходим не в качестве самостоятельного метода, а как один из этапов анализа, сопрягающийся с целостным подходом, что в совокупности позволяет увидеть связи контекста и сюжетно-композиционных, жанрово-стилевых особенностей повести, выявить динамику авторского взгляда.

Методы

Методология осмысления отечественной литературы с христианской точки зрения находится в стадии своего становления, ее разработка невозможна без исследований, обращающих пристальное внимание на воплощение религиозных идей в художественном произведении. Как справедливо отмечает В. Н. Турбин, из русских писателей XIX столетия А. П. Чехов – «первый по трудности исследования» (Турбин, 1973, с. 204); его творчеству, завершающему период классической русской литературы, посвящено немало исследований, однако способы введения библейских цитат в прозаический текст Чехова и их функции остаются недостаточно изученными.

Трансформация религиозно-философских идей в художественном творчестве Чехова осмыслялась в исследованиях И. А. Есаулова (Есаулов, 1999), В. Н. Захарова (Захаров, 1994), Н. В. Капустина (Капустин, 2004), В. Б. Катаева (Катаев, 1976; 1979; 2008), А. М. Любомудрова (Любомудров, 2017), Р. Г. Назирова (Назирова, 2005), А. С. Собенникова (Собенников, 1997; 2005), А. П. Чудакова (Чудаков, 1996) и др. ученых.

Заслуживает внимания мысль В. Б. Катаева об эволюции в обращении Чехова к «вечным образам» и новом подходе при изображении жизни «в некоторых из последних произведений Чехова», когда «сюжет, характеристики, описания, оставаясь в пределах поэтики реализма, приобретают такую смысловую и ассоциативную насыщенность, что читатель получает возможность соотнести «безымянный» факт, эпизод из жизни частного человека, о котором пишет Чехов, с опытом человечества, закрепленным в фольклоре, мифологии, литературе» (Катаев, 1989, с. 85–86).

Нам также близко мнение А. С. Собенникова о том, что «евангельские истины» рассматриваются Чеховым «как феномены человеческой культуры», выработанные человечеством «в ходе поступательного развития, нравственно-духовного совершенствования» (Собенников, 1997, с. 124).

Разрабатывая собственную типологию библейских цитат в прозе Чехова (Колесников, 2021), мы пришли к выводу о том, что трансформация библейской цитаты в зрелой прозе Чехова соотносится с ее жанрово-стилевыми и сюжетно-композиционными особенностями. Библейские идеи

и образы в художественном единстве произведения взаимосвязаны с другими формами образного отражения («сонатной» организацией композиции, расширением культурных контекстов и точек зрения, введением в текст литературных и философских цитат из произведений разных авторов, метафорами и символами). Так, взаимодействие интертекстуального подхода с целостным анализом художественного произведения раскрывает его философско-эстетическую содержательность.

Результаты

Обращаясь к анализу повести «Три года», отметим, что явные отсылки к тексту Священного Писания в повести встречаются несколько раз (Чехов, 1977, т. IX, с. 7–91):

- 1) в главе III, когда Юлия Сергеевна размышляет о замужестве;
- 2) в главе VI во время молебна в доме отца Лаптева, благословляющего молодых;
- 3) в главе IX, когда «Алексей Федорыч занимался по закону Божию с Сашей и Лидой»;
- 4) в главе XVI в разговоре Юлии Сергеевны и Федора Степаныча о детях Панаурова.

Сюжетно-композиционная логика в данном случае позволяет говорить, что библейский контекст определенно связывается автором с темами семьи, брака, наследия. Однако указанные моменты раскрываются в сложнейшем взаимодействии с другими контекстами, бытовыми частностями, своеобразным нравописанием, разными сюжетными линиями, ведомыми каждым действующим лицом без исключения, что создает ощущение погруженности в мирское, земное бытие, характерное для всех эпических форм.

Кольцевой хронотоп усиливает контекстуальные связи, вследствие чего создается ощущение кружения, циклического повторения, безысходности. Обратимся к этому подробнее. Образы ночи, луны, всеобщей, заданные в экспозиции, создают ряды лейтмотивов, как в музыкальном произведении, сопрягая разные ситуации, жизненные мгновения, состояния героев. Приведем несколько фрагментов:

«Было еще темно, но кое-где в домах уже засветились огни и в конце улицы из-за казармы стала подниматься бледная луна. Лаптев сидел у ворот на лавочке и ждал, когда кончится всеобщая в церкви Петра и Павла. Он рассчитывал, что Юлия Сергеевна, возвращаясь от всеобщей, будет проходить мимо, и тогда он заговорит с ней и, быть может, проведет с ней весь вечер» (Чехов, 1977, с. 7).

«Ему вдруг страстно захотелось обнять свою спутницу, осыпать поцелуями ее лицо, руки, плечи, зарыдать, упасть к ее ногам, рассказать, как он долго ждал ее. От нее шел легкий, едва уловимый запах ладана, и это напомнило ему время, когда он тоже веровал в бога и ходил ко всеобщей и когда мечтал много о чистой, поэтической любви. И оттого, что эта девушка не любила его, ему теперь казалось, что возможность того счастья, о котором он мечтал тогда, для него утеряна навсегда» (Чехов, 1977, с. 8).

«Вечером она оделась понаряднее и пошла ко всеобщей. Но в церкви были только простые люди, и ее великолепная шуба и шляпка не произвели никакого впечатления. И казалось ей, будто произошла какая-то перемена и в церкви, и в ней самой. Прежде она любила, когда во всеобщей читали канон и певчие пели ирмосы, например, “Отверзу уста моя”, любила медленно подвигаться в толпе к священнику, стоящему среди церкви, и потом ощущать на своем лбу святой елей, теперь же она ждала только, когда кончится служба. И, выходя из церкви, она уже боялась, чтобы у нее не попросили нищие; было бы скучно останавливаться и искать карманы, да и в карманах у нее уже не было медных денег, а были только рубли» (Чехов, 1977, с. 64).

Переживание героев соотносится с религиозным чувством или с его отсутствием. Сюжет в этой проекции строится как проверка человеческих отношений, идей, мыслей, чувств, разрушающихся вследствие душевной и духовной слабости героев, потому и материальное благополучие, бытовая защищенность еще более контрастно изобличают беспомощность чувства. Влюбленность не становится зрелым состоянием любви, не приносит счастья. Лейтмотив лунного света, сопутствующий указанным переживаниям, усиливает ощущение бесприютности, неприкаянности:

«Луна светила ярко, можно было разглядеть на земле каждую соломинку, и Лаптеву казалось, будто лунный свет ласкает его непокрытую голову, точно кто пухом проводит по волосам» (Чехов, 1977, с. 15).

«Ночь была тихая, лунная, душная; белые стены замоскворецких домов, вид тяжелых запертых ворот, тишина и черные тени производили в общем впечатление какой-то крепости и недоставало только часового с ружьем. Лаптев пошел в садик и сел на скамью около забора, отделявшего от соседнего двора, где тоже был садик. Цвела черемуха. Лаптев вспомнил, что эта черемуха во времена его детства была такою же корявой и такого же роста и нисколько не изменилась с тех пор. Каждый уголок в саду и во дворе напоминал ему далекое прошлое. И в детстве так же, как теперь, сквозь редкие деревья виден был весь двор, залитый лунным светом, так же были таинственны и строги тени, так же среди двора лежала черная собака и открыты были настежь окна у приказчиков. И всё это были невеселые воспоминания» (Чехов, 1977, с. 89).

«Но что же мешает ему бросить и миллионы, и дело, и уйти из этого садика и двора, которые были ненавистны ему еще с детства?»

Шёпот и поцелуи за забором волновали его. Он вышел на середину двора и, расстегнув на груди рубаху, глядел на луну, и ему казалось, что он сейчас велит отпереть калитку, выйдет и уже более никогда сюда не вернется; сердце сладко сжалось у него от предчувствия свободы, он радостно смеялся и воображал, какая бы это могла быть чудная, поэтическая, быть может, даже святая жизнь...» (Чехов, 1977, с. 90).

Симптоматично, что образ солнца в повести появляется лишь однажды, когда Юлия Сергеевна теряет иллюзии, связанные с замужеством. В разговоре с Костей о любви после рождения ребенка повествователь высвечивает состояние Юлии:

«Наконец показался поезд. Из трубы валил и поднимался над рощей совершенно розовый пар, и два окна в последнем вагоне вдруг блеснули от солнца так ярко, что было больно смотреть» (Чехов, 1977, с. 68).

Уходящий поезд с последней парой окон, отражающих солнечный свет, становится символом потерянных иллюзий («розовый пар») и потерянной гармонии.

Ночное время в повести связано с бессонницей, ночными разговорами, смутными мыслями (чаще об измене), смертью. Рядом со словом «день» крайне часто появляется эпитет «каждый» (Чехов, 1977, с. 11, 13, 19, 31, 32, 39, 43, 47, 76, 78, 79, 83, 86, 87) – этот образ, заданный повествователем, соотносится с суждениями-итогами самих героев: «Жизнь текла обыкновенно, изо дня в день, не обещая ничего особенного» (Чехов, 1977, с. 68). Перед читателем разворачивается несобственно-прямая речь, отражающая состояние Юлии, но здесь в целом обобщается чувство жизни, характерное для всех героев.

Цикл времен года в финале повести заканчивается весной («Цвела черемуха», Чехов, 1977, с. 89), тем ироничнее звучат слова повествователя о желании Юлии вернуть время влюбленности: «Где начиналась главная аллея, шагах в двадцати от ворот, под старым широким тополем сидела Юлия Сергеевна, поджидая гостей. На ней было легкое изящное платье, отделанное кружевами, платье светлое кремового цвета, а в руках был всё тот же старый знакомый зонтик. ... Она объяснялась ему в любви, а у него было такое чувство, как будто он был женат на ней уже лет десять, и хотелось ему завтракать» (Чехов, 1977, с. 90). Несовпадение психологических состояний героев подчеркивается в последней фразе. Юлии Сергеевне хочется вернуть момент влюбленности, Лаптеву становится невыносимо скучно от того, что желаемое не случилось, и три года превращаются для него в десять. Его сознание переключается к бытовому: «...и хотелось ему завтракать»; переключение от ненужных переживаний лишь акцентирует для читателя вопрос: зачем же герой женился?

Событийное время отражает всего три года (и с этим связано название повести), однако ретардация в повествовании очевидно соотносится с ретардацией (запаздыванием личностного созревания) как состоянием героев.

Библейские аллюзии повести можно понять и объяснить именно в целостном анализе произведения, иначе, на наш взгляд, они «потеряются» в своем смысловом единстве. Автору, однако, необходима эта параболическая связь библейской истории и современной ему жизни для прояснения жизненных законов. Эпическая дистанция, остранение, внимательное наблюдение за временным потоком, отраженное в заглавии, помогают приблизиться к авторскому взгляду, многосложно выраженному в художественном единстве повести.

Позволим себе в связи со сказанным остановиться еще на одном сопоставлении: как воспринимается текущее время сознанием героя? Приведем несколько примеров из текста:

«Лаптев молчал. Ярцев прошелся по кабинету, посмотрел на картины, которые он уже видел много раз раньше, и сказал, вздыхая:

– Да, друг мой. Я старше вас на три года, и мне уже поздно думать о настоящей любви...» (Чехов, 1977, с. 77).

«– Какой там именитый род? – проговорил Лаптев, сдерживая раздражение. – Именитый род! Деда нашего помещики драли, и каждый последний чиновничиска бил его в морду. Отца драл дед, меня и тебя драл отец. Что нам с тобой дал этот твой именитый род? Какие нервы и какую кровь мы получили в наследство? Ты вот уже почти три года рассуждаешь, как дьячок, говоришь всякий вздор и вот написал – ведь это холопский бред! А я, а я? Посмотри на меня... Ни гибкости, ни смелости, ни сильной воли; я боюсь за каждый свой шаг, точно меня выпорют, я робею перед ничтожествами, идиотами, скотами, стоящими неизмеримо ниже меня умственно и нравственно; я боюсь дворников, швейцаров, городских, жандармов, я всех боюсь, потому что я родился от затравленной матери, с детства я забит и запуган!..

Когда он надевал шубу, то был будто ошеломлен, и лицо его выражало боль. Лаптев уже не чувствовал гнева; он испугался и в то же время ему стало жаль Федора, и та теплая, хорошая любовь к брату, которая, казалось, погасла в нем в эти три года, теперь проснулась в его груди, и он почувствовал сильное желание выразить эту любовь» (Чехов, 1977, с. 80).

«– В нашем деле нельзя прощать. Если будешь всех прощать, то через три года в трубу вылетешь» (слова отца Лаптева, Чехов, 1977, с. 84).

Навстречу ему бежали девочки.

«Как они выросли! – думал он. – И сколько перемен за эти три года... Но ведь придется, быть может, жить еще тринадцать, тридцать лет... Что-то еще ожидает нас в будущем! Поживем – увидим» (Чехов, 1977, с. 91).

Этот временной ряд со словом «три», разумеется, можно усилить, поскольку в повести несколько подобных примеров повторений: три минуты, три раза, три месяца, три сына, три копейки и т. д. Все приведенные фрагменты позволяют соотнести название повести и ощущение времени, переживаемое героями. Есть и другой контекст, спрятанный в указанном лейтмотиве, – библейский и шире: христианский.

Расширяя сопоставительный контекст, добавим, что чеховское название повести отсылает к рассказу Л. Н. Толстого «Три смерти» (1858 г.; Толстой, 1935). Это позволяет увидеть фабульные сходства (Марья Дмитриевна – Нина Федоровна), принципы и приемы изображения героев (опрощение имени, остранение, психологический параллелизм и проч.)

Число «три» становится своеобразной *мерой* времени в индивидуальном, родовом, общечеловеческом масштабах. Но это же число в восприятии героев «дробит» время, и в отношении многих чеховских персонажей отражает потерю *целостного* чувства жизни, ощущение бытия. Так что название повести одновременно и отсылка к сознанию героев, и заданный авторской мыслью временной круг в его отношении к вечности.

«И Лаптев заметил, с каким восторгом смотрел ей навстречу Ярцев, как это ее новое, прекрасное выражение отражалось на его лице, тоже грустном и восхищенном. Казалось, что он видел ее первый раз в жизни. И когда завтракали на террасе, Ярцев как-то радостно и застенчиво улыбался и всё смотрел на Юлию, на ее красивую шею. Лаптев следил за ним неволью и думал

о том, что, быть может, придется жить еще тринадцать, тридцать лет... И что придется пережить за это время? Что ожидает нас в будущем?

И думал:

«Поживем – увидим» (Чехов, 1977, с. 91).

«Красивая шея» Юлии становится литературной цитатой на «Анну Каренину», намеком на возможную измену, хотя надежда на обновление подчеркивается: «Казалось, что он видел ее первый раз в жизни».

Думаем, что приведенные наблюдения помогают вчитаться в библейский контекст, введенный в повесть, соотнося общечеловеческий смысл Писания с конкретными событиями. Такая параболическая связь, отметим сразу, позволяет говорить о жанровом синтезе произведения Чехова: эпическое начало соединяется с философским взглядом, общее – с конкретным, индивидуальным. Авторский взгляд проясняется в архитектонике, композиции, сюжетных связях – со- и противопоставлениях, лейтмотивах, аллюзиях, метафорах – иными словами, в «поэзисе» (Н. Ю. Грыкалова) художественного целого.

Заметим также, что все герои повести принципиально переживают похожие жизненные ситуации (вера – безверие, очарование – разочарование, здоровье – болезнь, сила – бессилие и т. д.).

Категория времени является существенной для поэтики повести «Три года», неслучайно она манифестируется в названии. Основным предметом художественного изображения является процесс изменения чувств (в том числе религиозных) главных героев, причем для этого изображения выбирается «музыкальная» композиция. Повесть композиционно соответствует сонатной форме, где параллельно друг другу развиваются две музыкальные темы – главная и второстепенная. Цель проведения аналогий между литературой и музыкой заключается не в скрупулезном выявлении формальных соответствий, что, наверное, в принципе невозможно, а в раскрытии архитектурных принципов литературного произведения.

В повести показывается, как протекают изменения чувств героев друг к другу, представляется ход развития этих перемен у Лаптева и Юлии Сергеевны, выделяются отдельные этапы и проч. Ключевое событие повести – перемена отношения Лаптева к жене (от любви к равнодушию), и жены к Лаптеву (от равнодушия к любви). Есть и другой аспект изменения умонастроений и чувств героев – религиозный. Различие в отношении героев к вере фиксируется в начале произведения (как и различие в чувствах): он равнодушен к вере, а она нет. То, что изначально наблюдается в области веры (она верит, он нет), имеет зеркальное отражение в сфере чувств героев (он любит, она нет). Анализ развития второстепенной темы – религиозной – надлежит делать, принимая в учет ее «повреждение», т. е. цензурную правку строк, относящихся к религии. Стабильность отрицательного отношения героя к религии, имеющего истоки в его детстве, подчеркивается неоднократными (на протяжении всей повести) имплицитными и эксплицитными констатациями его религиозного скепсиса. С другой стороны, достаточно выпукло показаны этапы охлаждения к вере Белавиной-Лаптевой, возможно, частичного и не бесповоротного.

Узловыми моментами в произведении являются те, где происходит подобное сонатному сближение тем (любви и религии). Два раза их «сцепление» происходит во внутреннем монологе героя. Первый раз – в начале повести, когда запах ладана, исходящий от его возлюбленной, пробудил в нем воспоминания о времени, «когда он тоже веровал в бога и ходил ко всемогущей и когда мечтал много о чистой, поэтической любви» (Чехов, 1977, с. 8). Грусть о невинном периоде жизни, где была вера и мечты о любви, казалось бы, должна подтолкнуть Лаптева к пересмотру своего отношения к Богу, вере, церкви и др. Однако изменчивость человеческих чувств исследуется в повести на более глубоком уровне, затрагивается еще и проблема непредсказуемости этих изменений. Герой пересматривает свое отношение не к религии, а к религиозности жены, делает шаг от любования ее верой к ненависти. Глядя на свою жену, Лаптев «думает с ненавистью», что «когда она была его невестой, ее религиозность трогала его, теперь же эта условная определенность взглядов и убеждений представлялась ему заставой, из-за которой не видно было *настоящей правды*» (курсив наш. – Э. К., О. К.; Чехов, 1977, с. 45). Здесь сплетение чувств героя к жене и ее вере с трудом поддаются анализу.

Понятие «настоящая правда» – стержневое для чеховского мира, достаточно вспомнить его значение для идейно-тематического содержания повести «Дуэль». Согласно Чехову, «настоящей правды», «истины настоящего бога» не знает никто, но, возможно, она будет познана человечеством в будущем. Чеховская гносеология, с ее подчеркиванием относительности и предположительности человеческих знаний о мире, и чеховская художественная антропология органично сочетаются друг с другом.

Для Лаптева в какой-то момент времени религия стала представляться преградой («заставой») на пути к «настоящей правде». Насколько твердым является это и другие его умонастроения? «Что ожидает нас в будущем? – задает себе вопрос герой в финале повести и сам же отвечает на него: Поживем – увидим» (Чехов, 1977, с. 91). Чеховской правдой является вера в то, что внутренний мир даже дюжинного человека с его многоплановостью, незавершенностью, непредсказуемой изменчивостью не может быть исчерпывающе показан в произведении искусства. Подобный принцип изображения человека («человек не равен самому себе») характерен для романной формы. Такая художественная антропология является организующим началом в композиционном построении чеховской повести.

Обратимся к последовательному введению в текст повести библейских аллюзий:

1) в главе III, когда Юлия Сергеевна размышляет о замужестве: «Да и Священное Писание, быть может, имеет в виду любовь к мужу, как к ближнему, уважение к нему, снисхождение» (Чехов, 1977, с. 23).

Мучительное непонимание, что выбрать, как жить, непонимание (ср.: «И во время молитвы она не была вполне откровенной, так как не знала наверное, чего собственно ей нужно просить у Бога»; Чехов, 1977, с. 21), неспособность сделать необходимый выбор приводят Юлию к совершенно обратному «источнику»: «Юлия Сергеевна вернулась к себе. Она достала из комода колоду карт и решила, что если хорошо стасовать карты и потом снять, и если под низом будет красная масть, то это значит да, т. е. надо согласиться на предложение Лаптева, если же черная, то нет. Карта оказалась пиковою десяткой»; Чехов, 1977, с. 24). В контексте исканий русских писателей, в т. ч. старших современников Чехова, Толстого и Достоевского, становится очевидным, что героиня думает о любви к ближнему головой, но не сердцем. Что означает это «снисхождение» к мужу в мысленной речи Юлии? Такое «объяснение» – это полное непонимание того, что есть любовь. Эта потерянная в жизни выражена автором: «Ей трудно было идти против ветра, она едва шла, придерживая обеими руками шляпу, и ничего не видела от пыли» (Чехов, 1977, с. 24).

Непонятая первая заповедь (Мф. 22: 37–40) делает невозможным устройство жизни: «Медовый месяц давно прошел, а он, смешно сказать, еще не знает, что за человек его жена. Своим институтским подругам и отцу она пишет длинные письма на пяти листах, и находит же, о чем писать, а с ним говорит только о погоде и о том, что пора обедать или ужинать. Когда она перед сном долго молится богу и потом целует свои крестики и образки, он, глядя на нее, думает с ненавистью: “Вот она молится, но о чем молится? О чем?” Он в мыслях оскорблял ее и себя, говоря, что, ложась с ней спать и принимая ее в свои объятия, он берет то, за что платит, но это выходило ужасно; будь это здоровая, смелая, грешная женщина, но ведь тут молодость, религиозность, кротость, невинные, чистые глаза... Когда она была его невестой, ее религиозность трогала его, теперь же эта условная определенность взглядов и убеждений представлялась ему заставой, из-за которой не видно было настоящей правды. В его семейной жизни уже всё было мучительно» (Чехов, 1977, с. 45).

Заповедь любви к ближнему здесь одновременно отсылает к богатейшему контексту русской классики. Например, к роману Достоевского «Братья Карамазовы», к протесту Ивана Карамазова о невозможности соблюсти это нравственное правило: «... я никогда не мог понять, как можно любить своих ближних» (Достоевский, 1976, с. 215). Противоположный смысл раскрывается в учении Зосимы:

«– ... Но доказать тут нельзя ничего, убедиться же возможно.

– Как? Чем?

– Опытом деятельной любви. Постарайтесь любить ваших ближних деятельно и неустанно. По мере того как будете преуспевать в любви, будете убеждаться и в бытии бога, и в бессмертии души вашей. Если же дойдете до полного самоотвержения в любви к ближнему, тогда уж несомненно уверуете, и никакое сомнение даже и не может зайти в вашу душу. Это испытано, это точно» (Достоевский, 1976, с. 62).

Библейский контекст в указанном фрагменте чеховской повести акцентирует внимание на самом сложном жизненном вопросе: как любить?

2) в главе VI во время молебна в доме отца Лаптева, благословляющего молодых (Чехов, 1977, с. 38).

«– Пророк Самуил, – начал священник, – пришел в Вифлеем по повелению господню, и тут городские старейшины вопрошали его с трепетом: “мир ли вход твой, о прозорливче?” И рече пророк: “мир, пожрети бо господу приидох, освятитесь и возвеселитесь днесь со мною”. Станем ли и мы, раба божия Юлия, вопрошать тебя о мире твоего пришествия в дом сей?..»

Ср. синодальный перевод: «И сделал Самуил так, как сказал ему Господь. Когда пришел он в Вифлеем, то старейшины города с трепетом вышли навстречу ему и сказали: мирен ли приход твой? И отвечал он: мирен, для жертвоприношения Господу пришел я; освятитесь и идите со мною к жертвоприношению» (1 Цар. 16:4, 5).

Внешнее благочестие отца Лаптева сталкивается с рассказами сына о воспитании в родительском доме, жестокости, побоях («Ты вот религиозна и всё это любишь, а я боюсь религии, и когда прохожу мимо церкви, то мне напоминает мое детство и становится жутко»; Чехов, 1977, с. 39). Однако ветхозаветный текст напоминает о жертве Богу, о святой жизни в миру, о браке как таинстве. Неоднозначность этого фрагмента усиливается тем, что вводится цитата из елизаветинской Библии. Церковнославянский язык отражает в контексте повести верность отца Лаптева канону, догматизм, непримиримость. Вместе с тем по сравнению с более поздним синодальным переводом церковнославянский оставляет больший простор многозначному толкованию библейских строк: не только «для жертвоприношения Господу пришел я», но и сам пророк мыслит себя жертвою Богу.

В отношении Юлии подобное сопоставление помогает прояснить таинство брака, во образ союза Христа с Церковью: «Тайна сия велика; я говорю по отношению ко Христу и к Церкви» (Еф. 5: 32).

3) в главе IX, когда «Алексей Федорыч занимался по закону Божию с Сашей и Лидой» (Чехов, 1977, с. 50).

«– Итак, у Адама и Евы было два сына, – сказал Лаптев. – Прекрасно. Но как их звали? Припомни-ка!

Лида, по-прежнему суровая, молчала, глядя на стол, и только шевелила губами; а старшая, Саша, смотрела ей в лицо и мучилась.

– Ты прекрасно знаешь, не нужно только волноваться, – сказал Лаптев. – Ну, как же звать сыновей Адама?

– Авель и Кавель, – прошептала Лида.

– Каин и Авель, – поправил Лаптев.

По щеке у Лиды поползла крупная слеза и капнула на книжку. Саша тоже опустила глаза и покраснела, готовая заплакать. Лаптев от жалости не мог уже говорить, слезы подступили у него к горлу; он встал из-за стола и закурил папироску».

Племянницы Лаптева после смерти матери переезжают в дом дяди. Прямо о предательстве отца дети не говорят, они продолжают его любить и ждут приезда. Панауров оставляет детей на родственников жены, причем и во второй семье тоже. Лаптев и Юлия остаются единственными, кто продолжает заботиться о сиротах.

Указанный диалог соотносит урок по Закону Божьему и ту жизненную трагедию, что переживают дети. Оговорка младшей девочки вовсе не случайна в художественном мире Чехова, как и то, что имя Авеля она ставит на первое место. Чистое детское сознание познает нравственный

закон, оговорка интуитивна и вместе с тем в сюжете повести выполняет важнейшую ключевую роль. Потеря матери, предательство отца, чистые детские слезы, сочувствие Лаптева – всё это передает страдание, в том числе от несовершенства человека, связанного с его двойственностью (имена «Авель» и «Каин» в речи девочки словно складываются и превращаются в «Кавель» – человека, способного равно как к дурным, так и к добрым поступкам). Не случайно в следующем фрагменте Костя, рассказывая о потопе, передает ренановский взгляд: «За несколько тысяч лет до Рождества Христова было на земле необыкновенное наводнение, и об этом упоминается не в одной еврейской библии, но также в книгах других древних народов, как-то: греков, халдеев, индусов. Но какое бы ни было наводнение, оно не могло затопить всей земли. Ну, равнины залило, а горы-то, небось, остались. Вы эту книжку читать-то читайте, да не особенно верьте» (Чехов, 1977, с. 50). Автор создает «спектральный» взгляд, дающий возможность одномоментно почувствовать и детскую пронзительную интуицию, и позитивистский подход к объяснению библейских событий, и взгляд культурного человека (Лаптева), образованного в противоречивом столкновении отцовского догматизма и секулярного мира. В таком изображении остается недосказанность, возможность другого толкования, вхождение читательского «я» со своим душевным и духовным опытом, – так рождается эпическая «объемность», всеохватность, потенцированная авторским сознанием.

Так, человеческая двойственность преследует героев Чехова, безусловная любовь остается желанной и почти недостижимой. Перед женитьбой Лаптев размышляет о Юлии как в высоком ключе, так и в резко сниженном:

«Он сидел теперь в гостиной, и эта комната производила странное впечатление своею бедною, мещанскою обстановкой, своими плохими картинами, и хотя в ней были и кресла, и громадная лампа с абажуром, она всё же походила на нежилое помещение, на просторный сарай, и было очевидно, что в этой комнате мог чувствовать себя дома только такой человек, как доктор; другая комната, почти вдвое больше, называлась залой и тут стояли одни только стулья, как в танцклассе. И Лаптева, пока он сидел в гостиной и говорил с доктором о своей сестре, стало мучить одно подозрение. Не затем ли Юлия Сергеевна была у сестры Нины и потом привела его сюда, чтобы объявить ему, что она принимает его предложение? О, как это ужасно, но ужаснее всего, что его душа доступна для подобных подозрений. Он представлял себе, как вчера вечером и ночью отец и дочь долго советовались, быть может, долго спорили и потом пришли к соглашению, что Юлия поступила легкомысленно, отказавши богатому человеку...» (Чехов, 1977, с. 25–26).

«Можно допустить, что Юлия, чистая и верующая в бога, ни разу не подумала о деньгах, но ведь она не любила его, не любила, и очевидно, у нее был расчет, хотя, быть может, и не вполне осмысленный, смутный, но всё же расчет. Дом доктора был ему противен своею мещанскою обстановкой, сам доктор представлялся жалким, жирным скрягой, каким-то опереточным Гаспаром из “Корневильских колоколов”, самое имя Юлия звучало уже вульгарно. Он воображал, как он и его Юлия пойдут под венец, в сущности совершенно незнакомые друг другу, без капли чувства с ее стороны, точно их сваха сосватала, и для него теперь оставалось только одно утешение, такое же банальное, как и самый этот брак, утешение, что он не первый и не последний, что так женятся и выходят замуж тысячи людей и что Юлия со временем, когда покорооче узнает его, то, быть может, полюбит.

– Ромео и Юлия! – сказал он, закрывая книгу, и засмеялся. – Я, Нина, Ромео. Можешь меня поздравить, я сегодня сделал предложение Юлии Белавиной» (Чехов, 1977, с. 27).

Шекспировская трагедия вспоминается и в рассуждении Ярцева:

«– Если поэзия не решает вопросов, которые кажутся вам важными, – сказал Ярцев, – то обратитесь к сочинениям по технике, полицейскому и финансовому праву, читайте научные фельетоны. К чему это нужно, чтобы в “Ромео и Жульете”, вместо любви, шла речь, положим, о свободе преподавания или о дезинфекции тюрем, если об этом вы найдете в специальных статьях и руководствах?» (Чехов, 1977, с. 55).

Профанация трагического сюжета превращает драму жизни в пошлый водевиль. Фабульная переключка с комической оперой (одна из героинь не отвечает влюбленному в нее ни согласием,

ни отрицанием) снижает драматизм чувства. Один из частых чеховских приемов – опрощение имен (Жульета, Степаныч) – только усиливает этот взгляд.

4) в главе XVI в разговоре Юлии Сергеевны и Федора Степаныча о детях Панаурова (Чехов, 1977, с. 84).

«– Я к вам и завтра приеду, – сказала она, – и привезу с собой ваших внушек, Сашу и Лиду. Они будут жалеть и ласкать вас.

– Не нужно, не привозите. Они незаконные.

– Почему же незаконные? Ведь отец и мать их были повенчаны.

– Без моего позволения. Я не благословлял их и знать не хочу. Бог с ними.

– Странно вы говорите, Федор Степаныч, – сказала Юлия и вздохнула.

– В евангелии сказано: дети должны уважать и бояться своих родителей.

– Ничего подобного. В евангелии сказано, что мы должны прощать даже врагам своим.

– В нашем деле нельзя прощать. Если будешь всех прощать, то через три года в трубу вылетишь».

Отец Лаптева ссылается на библейские книги, говоря о почитании родителей (Исх. 20:12; Втор. 5:16; Мат. 15:4; Мар.7:10; Еф. 6:2; Еф. 6:3).

Юлия ссылается на Евангелие, говоря о прощении врагов (Мат. 5:33–45; Мат. 18: 21–22; Лук. 17:4; Лук. 6:37).

Однако именно эти незаконнорожденные дети в финале фактически единственные наследники состояния Лаптевых.

Выводы

Таким образом, библейский контекст не только выводит частную жизнь героев повести в общечеловеческое единство духовных поисков, сомнений, иллюзий, но поверяет мысли, чувства, происходящие события, позволяя соотносить высокое нравственное начало и профанацию, усиливая образ двойственной природы человека, необходимость постоянного выбора между состраданием и безучастием, верой и унынием, памятованием и забвением. Библейское слово взаимодействует со всем художественным миром Чехова.

Чеховские герои в своей душевной жизни часто слабы, но вместе с тем в их двойственности, жизненных противоречиях они переживают необходимость внутреннего поиска, гармонизации собственной жизни. В этом смысле принципы изображения человека у Чехова близки осмыслениям Л. Н. Толстого. По словам Л. Я. Гинзбург, «без организации внутреннего опыта, без иерархии уровней душевной жизни невозможно было бы поведение, а тем более стереотипизация поведения в столь важных для Толстого категориях личности, характера» (Гинзбург 1971, с. 337). Причем организация собственного опыта необходима и герою, и читателю, размышляющему о герое. Главное в мире Чехова не потерять этого деятельного начала человеческого чувства, все время сверяющего себя с жизнью, ее течением. Библейский контекст, расширяя поиски жизненного смысла, таким образом, задает своеобразную «амплитуду» проверки жизненного опыта, вынашивания смысла жизни – процесс постоянный и непрекращающийся.

Подобная сложная организация сюжета, его сопряжения со Священным Писанием, выработка многосложных композиционных параллелей, перевод жизненных ситуаций в метафорическое и символическое единство принадлежат автору-творцу. Не внешние предвзятые обстоятельства, но труд собственного выстраивания жизни приводит к осознанному выбору, созиданию смысла. Автор утверждает, таким образом, необходимость деятельного со-участия и со-творения жизни. Универсальные законы-заповеди поверяются конкретным сознанием, собственным опытом, его осмыслением.

Источники

Гедзюк Е. А. (2018) Рассказ А. П. Чехова «Кошмар» в свете литературной трансформации библейских сюжетов. Вестник Московского государственного областного университета. Серия Русская филология, № 1, с. 58–67.

Гинзбург Л. Я. (1971) О психологической прозе. Л., Советский писатель, 464 с.

- Гончарова Н. Н. (2001) Аллюзии к притче о десяти девах в «Степи» Чехова и новелле Кэтрин Энн Портер «Как была брошена бабушка Вэзеролл». Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, № 201, с. 99–109. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/allyuzii-k-pritche-o-desyati-devah-v-stepi-a-p-chehova-i-novelle-ketrin-enn-porter-kak-by-la-broshena-babushka-vezeroll>.
- Грякалова Н. Ю. (2002) А. П. Чехов: Поэзис религиозного переживания. Христианство и русская литература. Вып. 4. СПб., Наука, с. 383–397.
- Даренский В. Ю. (2014) Идея смирения в повести А. П. Чехова «Три года». В кн.: Проблемы исторической поэтики, с. 416–431. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideya-smireniya-v-povesti-a-p-chehova-tri-goda/viewer>.
- Достоевский Ф. М. (1976) Полное собрание сочинений: в 30 т. Редкол.: В. Г. Базанов (отв. ред.) и др. Т. 14. Братья Карамазовы: Роман в 4 ч. с эпилогом. Кн. 1–10. Текст подгот. В. Е. Ветловская, Е. И. Кийко. Л., Наука, Ленинградское отделение, 511 с.
- Есаулов И. А. (1999) Пространственная организация рассказа «Студент» и православная традиция. Чеховский сборник. М., Изд-во Литературного института им. А. М. Горького, с. 123–130.
- Захаров В. Н. (1994) Пасхальный рассказ как жанр русской литературы. Проблемы исторической поэтики, № 3, с. 249–261.
- Капустин Н. В. (2004) Рассказ А.П. Чехова «Студент»: преодоление жанрового канона. Жанрологический сборник. Вып. 1. Елец, ЕГУ имени И. А. Бунина, с. 79–88.
- Каргузова М. В. (2020) «Мысль семейная» и жанровое своеобразие повести А. П. Чехова «Три года». Мир науки, культуры, образования, № 2 (81), с. 513–515.
- Катаев В. Б. (1976) Чехов и мифология нового времени. Филологические науки, № 5, с. 71–77.
- Катаев В. Б. (1979) Проза Чехова: проблемы интерпретации. М., Издательство МГУ, 326 с.
- Катаев В. Б. (1989) Литературные связи Чехова. М., Издательство МГУ, 261 с.
- Катаев В. Б. (2008) Истинный мудрец. Философия А. П. Чехова: Международная научная конференция (Иркутск, 27 июня – 2 июля 2006). Материалы. Иркутск, Издательство Иркутского государственного университета, с. 68–75.
- Колесников О. М. (2021) Типология библейских цитат в прозе А. П. Чехова. Наука о человеке: гуманитарные исследования, т. 15, № 2, с. 15–21. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2021.15.2.2.
- Липке Ш. (2014). Библейский подтекст в рассказе А. П. Чехова «Случай из практики». Вестник Томского государственного университета, № 382, с. 29–32.
- Липке Ш. (2015) Интертекстуальность в повести А. П. Чехова «В овраге» и функции библейских текстов. Вестник Томского государственного университета, № 390, с. 22–25. DOI: 10.17223/15617793/390/4.
- Любомудров А. М. (2017) Вечное и преходящее в христианском сознании («Река времен» Б. Зайцева и «Архиерей» А. Чехова). Русская классика: Сборник историко-литературных работ к 85-летию со дня рождения и 60-летию научной деятельности члена-корреспондента РАН Николая Николаевича Скатова, СПб., ООО «Издательство «Росток»», с. 487–492.
- Назирова Р. Г. (2005) Пародии Чехова и французская литература. В кн.: Назирова Р. Г. Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет: Сборник статей, Уфа, РИО БашГУ, с. 150–158.
- Ранева-Иванова М. (2005) Христианский мотив и поздний рассказ А. П. Чехова: жанр и повествование. В кн.: Проблемы исторической поэтики, с. 416–427. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hristianskiy-motiv-i-pozdny-rasskaz-a-p-chehova-zhanr-i-povestvovanie>.
- Собенников А. С. (1997) «Между “есть Бог” и “нет Бога”...»: (О религиозно-философских традициях в творчестве А. П. Чехова). Иркутск, Издательство Иркутского университета, 224 с.
- Собенников А. С. (2005) Чехов и христианство. Иркутск, Иркутский университет, 84 с.
- Степанов А.Д. (2019) А. П. Чехов и К. С. Баранцевич: К вопросу о критериях интертекста. Русская литература, № 2, с. 97–102.
- Толстой Л. Н. (1935) Три смерти. В кн.: Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Под ред. В. Г. Черткова. Т. 5. Произведения 1856–1859 гг. М., Художественная литература, с. 53–65.
- Турбин В. Н. (1973) К феноменологии литературных и риторических жанров у А. П. Чехова. Проблемы поэтики и истории литературы. Сборник статей. Саранск, Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева, с. 204–217.
- Чехов А. П. (1977) Три года. В кн.: Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. Т. 9. Рассказы. Повести, 1894–1897. М., Наука, с. 7–91.
- Чудаков А. П. (1996) «Между “есть Бог” и “нет Бога” лежит целое громадное поле»: Чехов и вера. Новый мир, № 9, с. 186–192.

References

- Chekhov A. P. (1977) Tri goda [Three years]. Chekhov A. P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem v 30 tomah [Chekhov A. P. Complete works and letters: in 30 vol.]. Essays: in 18 vol. Vol. 9. Moscow, Nauka Publ., pp. 7–91 (In Russian).
- Chudakov A. P. (1996) Mezhdud est bog i net boga lezhit celoe gromadnoe pole: Chekhov i vera [“Between “there is a God” and “there is no God” lies a whole huge field”: Chekhov and faith]. Novyj mir – A new world, no. 9, pp. 186–192 (In Russian).

- Darensky V. Yu. (2014) Ideya smireniya v povesti A. P. Chekhova Tri goda [The idea of humility in A.P. Chekhov's novella "Three Years"]. Problemy istoricheskoy poehtiki [Problems of historical poetics], pp. 416-431. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideya-smireniya-v-povesti-a-p-chehova-tri-goda/viewer> (In Russian).
- Dostoevsky F. M. (1976) Polnoe sobranie sochinenij v 30 tomah [Complete works: in 30 vols]. Leningrad, Nauka Publ., vol. 14, 511 p. (In Russian).
- Gedzyuk E. A. (2018) Rasskaz A. P. Chekhova Koshmar v svete literaturnoj transformacii biblejskih syuzhetov [A. P. Chekhov's short story "Nightmare" in the light of the literary transformation of Biblical plots]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriâ Russkaâ filologiâ, no. 1, pp. 58-67 (In Russian).
- Ginzburg L. Ya. (1971) O psihologicheskoy proze [About psychological prose]. Leningrad, Sovetskij pisatel' Publ., 464 p. (In Russian).
- Goncharova N. N. (2001) Allyuzii k pritchke o desyati devah v Stepi Chekhova i novelle Kehtrin Enn Porter Kak byla broshena babushka Vezeroll [Allusions to the parable of the Ten Virgins in Chekhov's "Steppe" and Catherine Ann Porter's novella "How Grandma Weatherall was Abandoned"]. Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences, no. 201, pp. 99-109. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/allyuzii-k-pritchke-o-desyati-devah-v-stepi-a-p-chehova-i-novelle-kehrin-enn-porter-kak-byla-broshena-babushka-vezeroll> (In Russian).
- Gryakalova N. Yu. (2002) A. P. Chekhov: poehzis religioznogo perezhivaniya [A. P. Chekhov: The poethis of religious experience]. Hristianstvo i russkaya literatura – Christianity and Russian literature. Saint-Petersburg, Nauka Publ., vol. 4, pp. 383-397 (In Russian).
- Kapustin N. V. (2004) Rasskaz A. P. Chekhova Student: preodolenie zhanrovogo kanona [A. P. Chekhov's short story "Student": overcoming the genre canon]. Zhanrologicheskij sbornik [Genre collection]. Yelets, Yelets State University named after I. A. Bunin Publ., vol. 1, pp. 79-88 (In Russian).
- Kartuzova M. V. (2020) Mysl semejnaya i zhanrovoe svoeobrazie povesti A. P. Chekhova Tri goda ["Family Thought" and the genre originality of A. P. Chekhov's story "Three Years"]. Mir nauki kulturey obrazovaniya – The world of science, culture, education, no. 2 (81), pp. 513-515 (In Russian).
- Kataev V. B. (1976) Chekhov i mifologiya novogo vremeni [Chekhov and the mythology of modern times]. Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education, no. 5, pp. 71-77 (In Russian).
- Kataev V. B. (1979) Proza Chekhova: problemy interpretacii [Chekhov's Prose: problems of Interpretation]. Moscow, Moscow State University Publ., 326 p. (In Russian).
- Kataev V. B. (1989) Literaturnye svyazi Chekhova [Chekhov's literary connections]. Moscow, Moscow State University Publ., 261 p. (In Russian).
- Kataev V. B. (2008) Istinnij mudrec [A true Sage]. Filosofiya A. P. Chekhova: mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya. Irkutsk, 27 iyunya – 2 iyulya 2006. Materialy [A. P. Chekhov's Philosophy: International Scientific Conference (Irkutsk, June 27 – July 2, 2006). Materials]. Irkutsk, Irkutsk State University Publ., pp. 68-75 (In Russian).
- Kolesnikov O. M. (2021) Tipologiya biblejskih citat v proze A. P. Chekhova [Typology of Bible quotes in Chekhov's prose]. The Science of Person: Humanitarian Researches, vol. 15, no. 2, pp. 15-21. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2021.15.2.2 (In Russian).
- Lipke Sh. (2014). Biblejskij podtekst v rasskaze A. P. Chekhova Sluchaj iz praktiki [The Biblical subtext in A. P. Chekhov's story "A Case from practice"]. Tomsk State University Journal, no. 382, pp. 29-32 (In Russian).
- Lipke Sh. (2015) Intertekstualnost v povesti A. P. Chekhova V ovrage i funkcii biblejskih tekstov [Intertextuality in A.P. Chekhov's Novella "In the Ravine" and the functions of Biblical texts]. Tomsk State University Journal, no. 390, pp. 22-25. DOI: 10.17223/15617793/390/4 (In Russian).
- Lyubomudrov A.M. (2017) Vechnoe i prekhodyashchee v hristianskom soznanii Reka vremen B. Zajceva i Arhierej A. Chekhova [Eternal and Transitory in the Christian consciousness ("River of Times" by B. Zaitsev and "Bishop" by A. Chekhov)]. Russkaya klassika: sbornik istoriko-literaturnyh rabot k 85-letiyu so dnya rozhdeniya i 60-letiyu nauchnoj deyatel'nosti chlena-korrespondenta RAN Nikolaya Nikolaevicha Skatova [Russian Classics: A collection of historical and literary works dedicated to the 85th anniversary of the birth and the 60th anniversary of the scientific activity of Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences Nikolai Nikolaevich Skatov], Saint-Petersburg, Rostock Publ., pp. 487-492 (In Russian).
- Nazirov R. G. (2005) Parodii Chekhova i francuzskaya literatura [Chekhov's parodies and French literature]. Nazirov R. G. Russkaya klassicheskaya literatura: sravnitel'no-istoricheskij podhod. Issledovaniya raznyh let. Sbornik statej [Nazirov R. G. Russian classical literature: a comparative historical approach. Studies of different years: A collection of articles], Editorial and Publishing Association of Bashkir State University, Ufa, pp. 150-158 (In Russian).
- Raneva-Ivanova M. (2005) Hristianskij motiv i pozdnij rasskaz A. P. Chekhova: zhanr i povestvovanie [The Christian motif and the late story by A. P. Chekhov: genre and narrative]. In: Problemy istoricheskoy poehtiki [Problems of historical poetics], pp. 416-427. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/hristianskij-motiv-i-pozdnyj-rasskaz-a-p-chehova-zhanr-i-povestvovanie> (In Russian).
- Sobennikov A. S. (1997) Mezhdru est bog i net boga: o religiozno-filosofskih tradiciyah v tvorcestve A. P. Chekhova ["Between "there is God" and "there is no God" ..." (About religious and philosophical traditions in the works of A. P. Chekhov)]. Irkutsk, Irkutsk State University Publ., 224 p. (In Russian).

- Sobennikov A. S. (2005) Chekhov i hristianstvo [Chekhov and Christianity]. Irkutsk, Irkutsk State University Publ., 84 p. (In Russian).
- Stepanov A. D. (2019) A. P. Chekhov i K. S. Barancevich: k voprosu o kriteriyah interteksta [A. P. Chekhov and K. S. Barantsevich: On the question of intertext criteria]. Russian Studies in Literature, no. 2, pp. 97–102 (In Russian).
- Tolstoy L. N. (1935) Tri smerti [Three deaths]. Tolstoj L. N. Polnoe sobranie sochinenij v 90 tomah [Tolstoy L. N. Complete works: in 90 volumes]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., vol. 5, pp. 53–65 (In Russian).
- Turbin V. N. (1973) K fenomenologii literaturnyh i ritoricheskikh zhanrov u A. P. Chekhova [On the Phenomenology of Literary and Rhetorical Genres by A. P. Chekhov]. Problemy poetiki i istorii literatury. Sbornik statej [Problems of poetics and literary history. Collection of articles], Publ. N. P. Ogarev Mordovian State University, Saransk, pp. 204–217 (In Russian).
- Yesaulov I. A. (1999) Prostranstvennaya organizaciya rasskaza Student i pravoslavnaya tradiciya [Spatial organization of the story “Student” and the Orthodox tradition]. Chekhovskij sbornik [Chekhov’s collection]. Moscow, A. M. Gorky Literary Institute Publ. House, pp. 123–130 (In Russian).
- Zakharov V. N. (1994) Paskhalnyj rasskaz kak zhanr russkoj literatury [Easter story as a genre of Russian literature]. Problemy istoricheskoy poetiki [Problems of historical poetics], no. 3, pp. 249–261 (In Russian).

Информация об авторах

Коптева Элеонора Ивановна

Доктор филологических наук, доцент,
зав. кафедрой литературы и культурологии.
Омский государственный педагогический
университет, г. Омск, РФ.
ORCID ID: 0000-0003-2409-6361.
E-mail: eleonora_kopteva@mail.ru

Колесников Олег Михайлович

Кандидат филологических наук, свободный
исследователь.
ORCID ID: 0000-0001-5464-8193.
E-mail: haris67@list.ru

Autor’s information

Eleonora I. Kopteva

Dr. Sc. (Philol.), Associate Professor, Head of the
Department of Literature and Cultural Studies.
Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russian
Federation. ORCID ID: 0000-0003-2409-6361.
E-mail: eleonora_kopteva@mail.ru

Oleg M. Kolesnikov

Cand. Sc. (Philology), freelance researcher.
ORCID ID: 0000-0001-5464-8193.
E-mail: haris67@list.ru

УДК 821.161.1

DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.2

Научная статья

Мд Тапу Райхан^{1, 2}

✉ tapu.engdu@gmail.com

¹Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск, Российская Федерация

²Ноахалинский научно-технический университет, г. Ноахали, Бангладеш

Экокритический подход к роману В. П. Астафьева «Последний поклон»

Аннотация: Целью данной статьи является изучение «Последнего поклона» В. П. Астафьева с точки зрения экокритицизма. Проводится текстологический анализ произведения с точки зрения взглядов автора на отношения между человеком и природой. При этом уделяется специальное внимание приоритету таких взаимоотношений между ними, которые создают сбалансированную экосистему, необходимую для существования самого человека, а также и окружающей его природы. Книга рассматривается в ключе жанра семейной саги. Анализируется, как Астафьев описывает отношения людей с природой, и как эти отношения меняются со сменой поколений. Проблема обсуждается в контексте экологического кризиса как результата технического прогресса с опорой на теоретические основы экокритицизма, представленные в работах таких экокритиков, как Грег Гаррард, Уильям Рюккерт, Шерил Глоффелти, Ричард Керридж, Чарльз Э. Бресслер. В результате исследования показано, что Астафьев выступает как экокритик, использующий автобиографический материал, что делает эту книгу образцом для повышения осведомленности читателей о хорошо сбалансированной экосистеме и в то же время предполагает моральную ответственность человека перед природой.

Ключевые слова: экокритицизм, природа, человек, взаимоотношения, взаимозависимость, экологический кризис, индустриализация.

Дата поступления статьи: 22 декабря 2022 г.

Для цитирования: Мд Тапу Райхан (2023) Экокритический подход к роману В. П. Астафьева «Последний поклон». Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 17, № 1, с. 20–29. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.2.

Scientific article

Md Tapu Rayhan^{1, 2}

✉ tapu.engdu@gmail.com

¹Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation

²Noakhali Science and Technology University, Noakhali, Bangladesh

Ecocritical Approach to V. P. Astafyev's novel "The Last Bow"

Abstract: The purpose of this article is to study The Last Bow by V. P. Astafyev from the point of view of ecocriticism. A textual analysis of this book is carried out from the point of view of the author's views on the relationship between a man and the nature. At the same time, special attention is paid to the priority of such relationships between them, which create a balanced ecosystem necessary for the existence of both humans and natural landscapes. The book is considered in the key of the family saga genre. It is traced how Astafyev describes the relationship of people with nature and how these relationships change with the change of generations. The problem is discussed in the context of the ecological crisis as a result of technological progress within the framework of the theoretical foundations of ecocriticism presented in the works of such ecocritics as Greg Garrard, William Rueckert, Cheryl Glotfelty, Richard Kerridge, and Charles E. Bressler. As a result of the research, it is shown that Astafyev acts as an eco-critic using autobiographical material, which makes this book a phenomenon for raising readers' awareness of a well-balanced ecosystem and at the same time assumes a moral responsibility of man to nature.

Keywords: ecocriticism, nature, man, relationships, interdependence, ecological crisis, industrialization.

For citation: Md Tapu Rayhan (2023) Ecocritical Approach to V.P. Astafyev's novel "The Last Bow". Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 17, no. 1, pp. 20–29. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.2.

© Мд Тапу Райхан, 2023

Введение

Экокритицизм – это литературное направление, возникшее во 2-й половине XX века, которое обращает внимание критиков на описание в литературе природных явлений с точки зрения актуальных экологических проблем. По словам Эстока, экокритицизм – это не просто средство анализа природы в литературе, а, скорее, движение к более биоцентричному мировоззрению, расширение этики, расширение представлений людей о глобальном сообществе, включающем внечеловеческие формы жизни и физическую среду (Estok, 2001, p. 221). Хотя эта теория широко обсуждается в зарубежной литературе, в российской литературе она еще не подвергалась критическому анализу. Многие российские писатели используют элементы экокритической теории в своих произведениях, но их произведения еще не рассматривались в ключе экокритической теории, в частности это относится к очень хорошо изученным авторам «деревенской прозы», к которым относится и В. П. Астафьев. В «Последнем поклоне», как и в других своих произведениях, он осветил различные аспекты взаимоотношений человека с природной средой. Существует ряд исследований, посвященных книге «Последний поклон», но ни один исследователь еще не рассматривал эту книгу в теоретических рамках экокритицизма. В статье «Тема природы и экологии в творчестве В. Астафьева и С. Залыгина» Владимир Федоров обсуждает экологические проблемы в творчестве В. Астафьева, но он не рассматривает «Последний поклон» строго с экокритической точки зрения (Федоров, 2017).

«“Последний поклон” В. П. Астафьева как семейная сага» описывает эту книгу как жанр семейной саги, используя автобиографические элементы и показывая меняющуюся историю жизни персонажей трех поколений (поколение бабушки и дедушки автора, поколение его родителей и его собственное поколение) с 1930 по 1990 год, но как на человеческие жизни этих трех поколений повлияла меняющаяся типология взаимозависимости окружающей среды и человека, не отмечается (Райхан, 2022). Поэтому логично обсудить «Последний поклон» с экокритической точки зрения. В статье проводится подробный теоретический и текстологический анализ «Последнего поклона» с позиции экокритицизма, для этого:

1. Проводится углубленный анализ взглядов Астафьева на природу.
2. Исследуются взаимоотношения человека и природы у разных поколений, описанных в книге.
3. Рассматривается то, как автор представляет экологический кризис XX века.
4. Подчеркиваются усилия, предпринятые автором для повышения осведомленности читателя о принципиальном значении для него окружающей природы.

Это позволяет в итоге представить «Последний поклон» как экокритический текст в соответствии с теориями, изложенными различными видными теоретиками экокритического направления.

Методы

В данной статье нижеперечисленные методы используются для критического анализа «Последнего поклона» в рамках теории экокритицизма. Во-первых, это текстологический анализ «Последнего поклона» В. П. Астафьева, проводимый для выявления тех средств, которые позволяют судить о позиции автора в отношении широкого круга экологических проблем, тогда как теоретический анализ строится на основании работ ряда экокритиков, таких как Грег Гаррард, Уильям Рюккерт, Шерил Глотфелти, Ричард Керридж, Чарльз Э. Бресслер. Грег Гаррард считает, что экокритический анализ в литературе – это в первую очередь анализ самого человека. Уильям Рюккерт понимает экокритицизм как использование экологических достижений и применение экологических концепций при изучении литературных произведений. Шерил Глотфелти фокусируется не только на окружающей человека природной среде, но и на техногенных источниках природных катастроф, на проблемах отходов промышленного производства и жизнедеятельности самого человека как на потенциальных областях пристального внимания экокритиков. Ричард Керридж предполагает, что экокритицизм стремится оценивать тексты и идеи с точки зрения их согласованности и полезности в качестве ответа на экологический кризис. Чарльз Э. Бресслер определяет ряд функций экокритики, делая акцент на том, что экокритики должны задавать людям моральные вопросы об их взаимодействии с природой и побуждать их защищать нашу планету.

Результаты

Во второй половине XX века, а точнее в 1960–1980-е гг., в русской литературе появляется направление, обозначаемое выражением «деревенская проза», которое приобретает свое место в рамках социалистического реализма. В XX веке из-за последствий урбанизации уклад крестьянской жизни, который преобладал в течение сотен лет, начал резко разрушаться. Хоскинг считает, что «деревенская проза» отчасти является плачем по поводу образа жизни, который был разрушен «неуклонной урбанизацией и бюрократизацией» Советского Союза (Hosking, 1973, p. 712). Как реакция на наступающую урбанизацию, бросающую вызов природе, разрушающую гармонию отношений между человеком и природой, появилась группа писателей, выступивших за сохранение традиционного сельского образа жизни и окружающей среды. По мнению Новожеевой, «...деревенскую прозу 1960–1980-х гг., представленную произведениями таких самобытных и талантливых художников, как Ф. Абрамов, В. Астафьев, В. Белов, В. Распутин, В. Шукшин, характеризует некая типологическая общность в изображении человека» (Новожеева, 2007, с. 99). Они сосредоточены на крестьянском мире, особенно на его внутренних ценностях и тесной связи крестьян с почвой, растениями и животными, а также с сезонными изменениями в природе. Хоскинг говорит, что у этих писателей есть инстинктивное, безотчетное чувство привязанности к природным объектам, как к их красоте, так и к тому, как их можно использовать (Hosking, 1973, p. 712). Сосредоточенность на процессе разрушения традиционной сельской жизни и окружающей среды определило тот факт, что даже названия многих работ были очень похожи. В данном случае нам нужно обратить внимание на то, что пишет Кэтлин Ф. Парте в своей книге «Русская деревенская проза: лучезарное прошлое» (Russian Village Prose: The Radiant Past). Он отмечает, что прошлое и прогрессирующая утрата отражены в таких названиях, как «Последний срок» Распутина, «Последний поклон» Астафьева, «Последний колдун» Личутина, «Последняя охота» и «Последний старик деревни» Абрамова, «Последняя хата» Екимова и «Последний день в своем доме» Виктора Перепелки (Parthe, 1992, p. 212).

Описание природы занимает огромную часть повествования в жанре деревенской прозы. Природа гармонично вписывается в повседневную жизнь деревенских жителей, хотя в то же время писатели этого литературного направления очень практично относились к природе. Как говорит Ренате Шапер, отношение к природе в деревенской прозе может быть поэтическим, но в основе своей оно практично; предполагается, что если злоупотреблять природой, она перестанет давать людям то, что им нужно для жизни (Renate, 1985, p. 8). Как представитель этой группы писателей, В. П. Астафьев продемонстрировал в своей книге «Последний поклон» все лучшие качества деревенской прозы, красочно представив природную среду и отношения человека с ней. В этой автобиографической книге он изображает картину своей родной деревни Овсянка в Красноярском крае на берегу реки Енисей. Здесь все жители деревни, включая членов его трехпоколенной семьи, прямо или косвенно зависят от природы практически во всех своих действиях. Он изображает крестьянскую жизнь, описывая сельскохозяйственную деятельность (описание работы в огороде и на полях), рыбалку на реке Енисей, а также охоту в лесу и горах. Их сопровождают соответствующие описания природы. В своей семейной саге он рассказывает историю трех поколений, где представители одного поколения один за другим покидают мир, что заставляет остальных перестраивать свои отношения, чтобы сохранить равновесие, подобно тому, как природа постепенно день ото дня теряет свое прежнее экологическое равновесие. Кроме того, Астафьев показывает, что природные ландшафты находятся на грани разрушения из-за различных видов человеческой деятельности, а также как это влияет на самого человека.

Поскольку деревенская проза естественно уделяет особое внимание природе, а также антропогенным изменениям в природе, она не только важна с точки зрения описания эволюции от сельского образа жизни к городскому с соответствующими изменениями взаимоотношения человека и природы, но и является благодарным материалом экокритического анализа.

Экокритицизм – это литературное движение, основной темой которого являются негативные последствия человеческих действий в отношении природы, и это объединяет литературный мир и научное изучение окружающей среды. Писатели-экокритики, иногда используя свое воображение,

а иногда обращаясь к своему личному опыту или отражая некоторые исторические или культурные реалии, создают литературно представленное видение жизни, объединяющее природу и человека, чтобы показать, насколько важна симметрия их отношений для экологически сбалансированной жизни на нашей земле. Поскольку природа является единственным источником всего необходимого для физического выживания (деревья, воздух, вода, почва и т. д.), а также в своих развитых формах полезна для психического здоровья, поскольку она поднимает наш дух своим спокойствием и способствует внутренней радости и покою, изучение природы – это всегда изучение человека. Об этом и говорит Грег Гаррард, утверждая, что экокритицизм – это исследование того, что такое человек (Garrad, 2004, p. 5). Сам же термин «экокритицизм» впервые введен Уильямом Рюккертом в 1978 году и определяется как применение экологии и экологических концепций к изучению литературы (Ruesckert, 1996, p. 107). Совместный критический анализ экологии и литературы впервые был представлен вниманию общественности Шерил Глотфелти и Гарольдом Фроммом в книге «Хрестоматия экокритицизма» (The Ecocriticism Reader), опубликованной в 1996 году, и Лоуренсом Бьюэллом в книге «Экологическое воображение» (The Ecological Imagination), опубликованной в 1995 году. В свою очередь Озгюн и Арагюч понимают экокритицизм предельно широко. Для них это междисциплинарная литературная критика, которая затрагивает культурные различия, ценности, проблемы здравоохранения, изменения климата, социальные и политические дискурсы, проблемы идентичности, капитализм, расизм, гендерную дискриминацию, язык, религию, технологии, а также их взаимосвязь с человеческой и нечеловеческой природой (Ozgun, Araguc, 2021).

Чтобы анализировать литературный текст с экокритической точки зрения, требуется ряд соображений, о которых говорит Донель Н. Дрессе. В частности, необходимо исследовать отношения человека и природы в их эволюции, осознавать, как экологические концепции развивались на протяжении веков вплоть до настоящего времени, когда мы говорим об экологическом кризисе (Dreese, 2002, p. 4). Ричард Керридж также предлагает аналогичную концепцию, добавляя к ней практическое измерение. Он говорит, что экокритик должен отслеживать экологические идеи и представления, где бы они ни появлялись, чтобы более четко видеть противоречия тех подходов, которые представлены в разных культурных пространствах. При этом, прежде всего, экокритицизм стремится оценивать тексты и идеи с точки зрения их согласованности и полезности в качестве ответа на экологический кризис (Kerridge, 1998).

В автобиографическом тексте «Последний поклон» Астафьев как рассказчик от первого лица в образе Вити дает честное и беспристрастное описание событий с 30-х по 90-е гг. XX века. Он описывает три поколения: поколение бабушек и дедушек, поколение родителей и свое поколение. Обширная канва этого текста включает почти 150 характеров, и все они имеют взаимозависимые отношения с природной средой.

Так же, как течение жизни трех поколений меняется со временем, меняется и природа, действия людей направлены против законов природы, хищнически эксплуатируя ее ресурсы. Иногда историческая или социальная эволюция, как эффект бабочки, вызывает негативные изменения в природе, хотя зависимость людей от природы никуда не уходит. Теперь посмотрим, как представлены названные мотивы в тексте романа.

Красота природы всегда является источником неиссякаемой жизненной силы. Ничто не может заменить природу для успокоения ума и души. Эта функция природы, которую высоко ценят экокритики, ярко отражена в книге: в раннем возрасте писатель теряет свою мать, он пытается найти покой в природе, переживая отсутствие. Чувствуя себя опустошенным, он долго сидит у реки и, наконец, успокаивается, как говорит автор в рассказе «Далекая и близкая сказка» этой книги: «Не знаю, сколько я просидел на крутом яру по-над Енисеем. Он шумел у займища, на каменных бычках. Вода, сбитая с плавного хода бычками, вязалась в узлы, грузно переваливалась возле берегов и кругами, воронками откатывалась к стрежню. Непokoйная наша река. Какие-то силы вечно тревожат ее, в вечной борьбе она сама с собой и со скалами, сдавившими ее с обеих сторон. Но эта ее беспокойность, это ее древнее буйство не возбуждали, а успокаивали меня» (Астафьев, 2003, с. 23).

Помимо Енисея, есть упоминания о других реках (Фокинская, Караулка, Манская, Гремячая, Базаиха и др.), которые связаны с жизнью сельских жителей. По их мнению, реки обладают сверхъестественной силой и могут излечивать болезни. Например, однажды главный герой Витя заболел малярией и, когда лекарства не подействовали, бабушка Катерина Петровна отвела его на реку. «Тогда бабушка увела меня вверх по Фокинской речке, до сухой росохи, нашла там толстую осину, поклонилась ей и стала молиться, а я три раза повторил заученный от нее наговор: “Осина, осина, возьми мою дрожалку – трясицу, дай мне леготу”» (Астафьев, 2003, с. 33).

Являясь жизненно важной частью природы, реки важны не только для возникновения и развития человеческой цивилизации, также они являются источником биоразнообразия, а также являлись домом для различных, часто редких видов. Как говорит автор: «Много на Мане зверя, дичи, рыбы» (Астафьев, 2003, с. 97). Жизнь людей в этой книге, их средства к существованию во многом зависят от реки. Рыбалка была важным занятием на протяжении многих поколений. Дедушка автора, Павел, является представителем первого поколения, который, как и многие другие сельчане, занимался рыбной ловлей. «Занимался дед Павел рыбалкой и охотой» (Астафьев, 2003, с. 370). Его сын Петр Павлович Астафьев тоже рыбачил. Он вместе с другими членами семьи ловили рыбу, заключив соглашение с некоторыми рыбозаводами. «Отец заключил договор с игарским рыбозаводом, забрал меня из тесной барачной комнатухи» (Астафьев, 2003, с. 384). «Напарником отца был Александр Васильевич Высотин, мужчина крупный, бывалый. С Высотиным плыло двое сыновей, парнишек крепких, небалованных, Петька и Гришка» (Астафьев, 2003, с. 385). Витя представляет третье поколение, дети этого поколения часто ходят на рыбалку вместе со взрослыми, как бы осваивая свою будущую профессию. «Рыбачить я начал рано, на пятом году. По берегу Енисея всегда лепилось полно ребятишек с удочками, и я страдал подле них, завидовал им. Иной раз мне давали подержать удочку либо поручали уцепить на прут выуженного ерша, пескаришку, поплевать на червяка, вздетого на крючок» (Астафьев, 2003, с. 266). Дети часто учатся различным техникам у тех, у кого есть опыт рыбной ловли. «Ксенофонт же научил меня рыбацкой ворожбе, колдовству, приговорам и наговорам всяким» (Астафьев, 2003, с. 268). Реки важны не только для рыболовства как средства к существованию, но и как водные пути из одного места в другое, а также, конечно, для сельского хозяйства. Так, автор рассказывает о развитии сельского хозяйства рядом с рекой: «Здесь пашни, избушки, заимки на берегу Маны, поля здесь» (Астафьев, 2003, с. 98). Таким образом, на протяжении всего текста автор изображает зависимость человека от реки – важного элемента природы, что усиливает экосоциальные перспективы данного текста. Это соответствует, согласно Микеру, определению литературной экологии, которую он определяет как изучение биологических тем и отношений, которые появляются в литературных произведениях, это одновременно попытка обнаружить, какую роль сыграла литература в экологии человеческого вида (Meeker, 1972, p. 9).

Поскольку деревья и растения очень важны для поддержания баланса и для управления наиболее важными биологическими процессами в экосистеме, они являются более исследуемыми элементами экокритического дискурса. Являясь частью природного мира, они не только обеспечивают нас кислородом, но и снижают загрязнение воздуха, обеспечивают людей пищей и кровом, повышая плодородие сельскохозяйственных угодий и увеличивают количество осадков. Поэтому естественно, что на людях лежит забота о них. Так, по словам Кристи Тиснавиджая и Гени Курниати, забота о деревьях может восприниматься как поддержание устойчивой жизни для живых и неживых существ (Tisnawijaya, Kurniati, 2021). Эта забота о поддержании стабильности очень подробно объясняется в этой книге, где показано, как люди зависят от деревьев и растений не только в плане кислорода и пищи, но и в плане здоровья. В этой книге автор показывает, как он с детства видел, что все поколения зависят от растений. Ими обеспечивается большая часть их ежедневного рациона. Вспоминая свое детство, Витя рассказывает, что они выходили на свой огород за овощами или шли в лес, где собирали ягоды: «Бабушка разбудила меня рано утром, и мы пошли на ближний увал по землянику. Огород наш упирался дальним пряслем в увал» (Астафьев, 2003, с. 29). Природа поддерживала их жизнь и здоровье. Из-за удаленности

от города и отсутствия надлежащего медицинского обслуживания единственным лекарством были натуральные растительные средства. Бабушка рассказчика имела большой опыт в лечении различных заболеваний. Всякий раз, когда кто-то в деревне по какой-то причине заболел, они приходили к Катерине Петровне, и она использовала различные травы для лечения. «Бабушка у нас многие травы и цветки целебные знает, собирает их на зиму. И знает их не только по названиям, но и по запахам, и по цвету, и какую траву от какой болезни пользуют, доктора у нас на селе нету, так ходят к бабушке лечиться от живота, от простуды, от сердца» (Астафьев, 2003, с. 52). «Болели дети, но она их травками да кореньями спасала, и ни один не помер – тоже радость» (Астафьев, 2003, с. 87). Таким образом, Астафьев, как экокритик, описывает полезные свойства трав, деревьев и растений, чтобы показать, насколько они важны для нормальной жизни человека. В дополнение к простой функции поддержания жизни, деревья и растения являются неотъемлемой частью эмоциональной жизни людей. Сам Астафьев в этом отношении не исключение. Он лично чувствует большую эмоциональную связь с природой, и изображает ее в этой книге. Связь автора с природой настолько глубока, реальна, жива и спонтанна, что такие блага природы, как дождь, деревья, птицы, плоды земли и т. д., появляются в подсознании автора во время сна. В рассказе «Деревья растут для всех» он пишет: «Я засыпал под тихий, неслышимый дождь и думал о том, что хорошо бы посадить на “моей земле” дерево. Выросло бы оно большое-пребольшое, и птичка свила бы на нем гнездо. Я закопал бы плоды шипицы под деревом» (Астафьев, 2003, с. 34). В этом сне главного героя «всемогущий» писатель Астафьев, который является экологически сознательным человеком и глубоко тронут проблемой важности экологического баланса, представляет цикл элементов (дождь – деревья – птицы – фрукты), связанных друг с другом и зависящих друг от друга. Снова и снова отмечая взаимозависимость частей природы, он пытается создать и показать важность защиты экологического баланса: «И опять я начал видеть в мечтах высокое-высокое дерево. И опять жило на этом дереве много птиц, и появлялась на нем зелененькая, а осенью желтая хвоя» (Астафьев, 2003, с. 36).

Как и другие писатели, неравнодушные к природе, Астафьев развивает свой собственный взгляд на зависимость человека и природы. Шэрон Кэмерон в своей книге «Описывая природу: Журнал Генри Торо» (*Writing Nature: Henry Thoreau's journal*) предположила, что писать о природе – значит писать о том, как разум видит природу, а иногда и о том, как разум видит самого себя (Cameron, 1985, p. 44). Это утверждение во многом справедливо и для В. П. Астафьева, потому что, когда он пишет о природе, он в первую очередь раскрывает именно свое отношение к ней. Так, он понимает, что деревья не просто важны как зеленая среда обитания, но то, что деревья становятся целым отдельным миром для множества живых существ. В рассказе «Монах в новых штанах» он говорит: «Дерево – это целый мир! В стволе его дырки, продолбленные дятлами, в каждой дырке кто-нибудь живет, трекат: то жук какой, то птичка, то ящерка, а выше – и летучие мыши. В травке, в сплетении корней позапрятаны гнезда. Мышиные, сусликовые норки уходят под дерево. Муравейник привален к стволу» (Астафьев, 2003, с. 95). Естественность этого мира превосходит любые человеческие попытки построить свой искусственный мир. В этом отношении мы можем сравнить Астафьева со знаменитой английской поэтессой Джойс Килмер, которая в своем стихотворении «Деревья» (*Tree*), говоря о деревьях, утверждает, что деревья сильнее ее поэзии и что, как Божье творение, деревья обладают определенным божественным качеством защищать других: «Я думаю, что никогда не увижу / Поэму, прекрасную как дерево <...> Дерево, которое смотрит на Бога весь день, / И поднимает свои лиственные руки для молитвы; / Дерево, которое может летом носить / Гнездо малиновки в своих волосах; <...> Поэмы создаются такими глупцами, как я, / Но только Бог может создать дерево» (Kilmer, 1914, p. 19). По аналогии с природными эконисами и человек может и должен занимать свое особое естественное место в природе.

Шерил Глоффелти в своем введении в книгу «Хрестоматия экокритицизма» говорит, что сама по себе природа – не объект экокритических исследований репрезентации. Она разбивается на отдельные темы, такие как конкретные географические регионы, реки, животные, горы, современные технологии, мусор и тело (Glottfelty, 1996, p. XXIII). «Последний поклон» очень хорошо соответствует этой

концепции Шерил Глотфелти, здесь автор дает яркое описание почти всех элементов, упомянутых Шерил Глотфелти. Особенно подробно описывает животных, тема которых реже обсуждается в эко-критических исследованиях. Удивительно, но очень впечатляюще, отдавая приоритет животным как важному элементу природы, Астафьев подчеркивает тесную связь между животными и людьми, что очень редко встречается в работах наиболее известных экокритиков.

Через разных персонажей автор выражает сочувствие к животным и серьезно относится к их эмоциям. Он рассказывает, вспоминая моменты детства и юности, связанные с разными животными. Например, в рассказе «Гуси в полынье» Витя вспоминает случай, когда семейство гусей прилетело из другого района. Пролетая над рекой, они приземлились в полынье и, к сожалению, застряли там. Витя и другие мальчики, не обращая внимания на трудности, спасают семью гусей от опасности с помощью прохожих. Можно рассматривать этот эпизод как демонстрацию зависимости животных от людей. Точно так же, как животные нуждаются в людях, чтобы выжить, люди также нуждаются в животных, чтобы выжить и поддерживать устойчивую жизнь. Эта взаимная связь обнаруживается, например, в рассказе «Ангел-хранитель», где описывается голод 1933 года. Во время голода его семья жила в нищете. Они беспокоились о том, чтобы собрать хотя бы крохи еды для членов семьи и домашнего скота. Несмотря на семейный кризис, дедушка принес домой беспомощного щенка с улицы. Глядя на щенка, бабушка Катерина говорит: «Каждой Божьей твари жить надобно» (Астафьев, 2003, с. 119). Они начали заботиться и о нем. «Ел дедушка, ела бабушка, ел я, ел лохматый щенок» (Астафьев, 2003, с. 119). В рассказе «Пеструха» отношения между людьми и животными представлены более подробно. Сюжет вращается вокруг коровы, которая телится; по этому случаю члены семьи не спят несколько ночей; праздничная обстановка в семье после рождения теленка; наречение теленка – Пеструха. Вся эта ситуация является демонстрацией человеческого сострадания к животному по принципу благоговения перед жизнью (Альберт Швейцер). В этой истории мы наблюдаем динамичные и взаимовыгодные отношения между людьми и животными, и главный герой четко указывает на эту взаимозависимость, говоря: «<...> нашей будущей корове, с которой долго нам жить, любить ее, лелеять, кормить, она за это за все будет нас поить молоком, из которого можно будет добыть масло, настоять сметану, сделать простоквашу, творог, мороженые кружки молока с лучинкой в накипелой сливками середке, продать в Красноярске городским людям и за денежки, вырученные на рынке, купить материи на рубахи и на штаны, платки, полушалки, карандаши и тетрадки, пряник конем и даже сладчайших в мире конфеток – “лампасеек”» (Астафьев, 2003, с. 315). В дополнение к этому тематическому изображению отношений между человеком и животным, структурное содержание этого текста также отражает любовь и заботу Астафьева о животных: «Зорькина песня», «Гуси в полынье», «Конь с розовой гривой», «Пеструха», «Бурундук на кресте», «Сорока» и т. д. Вот как Астафьев в этой семейной саге, наряду с отношениями между тремя поколениями, фокусируется на отношениях между людьми и животными, что также является важным аспектом экокритического направления, в котором обсуждаются отношения человека и животных.

Технологическое развитие привело к индустриализации, которая все более быстрыми темпами распространяется по всему миру. Индустриализация не обошла и Сибирь, где она оказала непосредственное негативное влияние на окружающую среду. Страшный голод 1930-х годов затронул даже самые отдаленные деревни Сибири, вроде описанной в романе Овсянки. Автор столкнулся с последствиями индустриализации в раннем детстве. В дополнение к тяжелым политическим решениям по коллективизации причиной голода стало разрушение окружающей среды, вызванное индустриализацией. Этот экологический кризис привел к засухам и сокращению продовольствия. В рассказе «Ангел-хранитель» Витя описывает страшное состояние того времени. Он говорит: «В тридцать третьем году наше село придавило голодом. Замолкли песни, заглохли свадьбы и гулянки, притихли собаки, не стало голубей. Шумные ватаги ребятишек не сыпались на санках с яра, скотина во дворах ревела под ножом, кони начали падать среди улиц. Сразу захмурили и вроде бы состарились дома. Углы у них были, как челюсти у голодных людей, сухи и костлявы» (Астафьев, 2003, с. 110). Этот кризис, приведший к голоду, полностью соответствует тому, что говорит

историк Виктор Кондрашин: «Итогом стала гибель миллионов крестьян, в основном в зерновых регионах, ставших главным источником для индустриализации» (Кондрашин, 2010, с. 6). Именно люди несут ответственность за экологическую катастрофу XX века. Они всегда считают себя выше природы и всегда пытаются контролировать ее, забывая, что отношения между людьми и природой взаимны. Постоянные усилия человека по контролю над природой оказывают негативное воздействие на окружающую среду, в результате чего мы становимся свидетелями экологического дисбаланса и в конечном итоге становимся жертвами экологической катастрофы.

Сам Астафьев, выросший в благословенной природой местности, которая впоследствии постепенно разрушалась, был очень озабочен этой проблемой. На протяжении всей своей жизни Астафьев выступал против техногенного вмешательства в природу, и к концу жизни выступил против технологической революции. Владимир Сергеевич Федоров говорит: «Астафьев, особенно в последние годы жизни, не верил в успехи научно-технической революции, не верил в прогресс» (Федоров, 2017, с. 38). Он также говорит, что Астафьев считает, что каждому человеку пора сажать, а не рубить; строить, защищать, спасать, а не говорить попусту о спасении земных ценностей (Федоров, 2017, с. 38).

Астафьев всегда старается делать работу в своей личной жизни в соответствии со своей верой. Именно поэтому ближе к концу своей жизни он покинул город и вернулся в родную деревню Овсянка под Красноярском и купил избу напротив избы своих бабушки и дедушки, где провел свое детство и юность. Но он сокрушается, отмечая, что старой красивой деревни больше нет, на нее упала тень урбанизации, и описывает это в рассказе «Вечерние раздумья»: «Леса вокруг села, на горах и даже на скалах выжжены, оподолья обрублены под жалкие дачные участки. Река обмелела, вода в ней холодная и безжизненная, по дну стелется зеленая слизь водяной чумы. Выродились ягоды и нежные цветы — от зимних туманов, наплывающих с реки, от кислотных дождей, опадающих с неба, сорок самых распространенных и нежных растений исчезло из лесу и с полян только вокруг села. Исчезли и наши чудные деревенские и лесные поляны, под корень срубаются пригородные леса — буйствует дачная стихия» (Астафьев, 2003, с. 831). Он замечает, что чужаки из разных районов поселились в этой деревне с деловыми целями, в результате чего сельскохозяйственные уголья исчезают день ото дня. Вся деревня превратилась в индустриальный ад. Он пишет: «...пашен нет, заимок тоже нет, на все село несколько десятков голов скота, но и тот пасти некому и негде — вся земля поделена и разгорожена на дачные клочки» (Астафьев, 2003, с. 832). В результате деревня столкнулась с экологическим кризисом. В 1956 году после строительства гидроэлектростанций на реке Енисей здесь развиваются различные отрасли промышленности, такие как производство электроэнергии, химическое производство, фармацевтическое производство, черная и цветная металлургия, целлюлозно-бумажная промышленность. Отходы этих заводов смертельно загрязняют окружающую среду, в результате чего, с одной стороны, уничтожается биологическое разнообразие, а с другой стороны, появляются различные заболевания у человека. Все эти разрушительные перемены причинили писателю сильную боль, и это ясно и эмоционально показано в данной книге.

Здесь мы можем связать Астафьева со знаменитым бенгальским писателем, лауреатом Нобелевской премии Рабиндранатом Тагором, который в своем экокритическом тексте «Ракта Караби» и «Муктадхара» (Rakta Karabi and Muktaadhara) осуждает зверства человека по отношению к природе и предсказывает, что однажды природа отреагирует (Mishra, 2006, p. 169). Потому что природа никогда не бывает безмолвным зрителем; как мы будем вести себя с природой, так и она будет давать нам соответствующую обратную связь. Как и Тагор, Астафьев предсказывает в этой книге, что мир столкнется с ужасным экологическим кризисом в результате человеческих злодеяний. Астафьева, который, вспоминая свое детство, прославляет природу, также можно поставить в один ряд со знаменитым английским поэтом Вордсвортом, который поднимает ту же тему в своем стихотворении «Аббатство Тинтерн» (Tintern Abbey) и представляет природу как благословение для человека.

Экокритический текст не ограничивается объяснением важности экологического баланса и последствий кризиса, вызванного любым дисбалансом в природе, а, скорее, строит суггестивный нарратив, воздействующий на эмоции читателя. Поскольку, как отмечают Эрик Джеймс и

Эрик Морел, читатели находят эмоциональную связь с экокритическими повествованиями в литературном произведении, экокритическое повествование может побудить читателей заботиться о других людях и не только людях, которые подвергаются экологической несправедливости (James, Morel, 2018, p. 359). Текст Астафьева выполняет аналогичные функции. Его текст не только помогает читателю понять и почувствовать специфику отношений между человеком и природой, но и дает представление об их ответственности за сбалансированное поддержание этих отношений.

Таким образом, в «Последнем поклоне», как экокритик, Астафьев демонстрирует разные аспекты отношений человека с миром природы, поднимает моральные проблемы ответственности перед природой, фокусируется на экологическом кризисе и пытается пробудить сознание читателя. А это как раз то, что делает настоящий преданный своему призванию экокритик. Как считает Чарльз Э. Бресслер, экокритики должны поднимать моральные вопросы, связанные с нашим отношением к природе, экокритики призывают нас участвовать в практиках, которые изменяют нашу окружающую среду и наш материальный мир, побуждая нас стать хранителями нашей планеты не только для нас самих, но и для будущих поколений (Bressler, 2011, p. 232).

Вывод

«Последний поклон» Астафьева одновременно убедителен и архетипичен с точки зрения экокритицизма. Как литературное произведение периода расцвета деревенской прозы, вместе с ностальгическими автобиографическими размышлениями о жизни Астафьева, а также видением деревенской жизни, представленной тремя поколениями, оно отвергает и критикует контролирующее и хищническое поведение человека по отношению к природе. Астафьев глубоко и многоаспектно обосновывает свою позицию по защите экологической системы. В этом смысле он экокритик в русской литературе, очень реалистично и эффективно размышляющий о природе, ее сущности и о той угрожающей ситуации, которая создана бездумным вмешательством человека, основываясь на собственном жизненном опыте. «Последний поклон» – это его экокритическая работа, в которой он показывает, как отношения между человеком и природой меняются с поколениями: для первого и второго поколений природа была неотъемлемой частью их жизни, как любой другой член семьи для семьи, но в третьем поколении, из-за промышленной революции и развития науки, их семейные отношения с природой были разрушены. В то же время он пытается пробудить дремлющее сознание людей к активной работе по сохранению природы, которая необходима для защиты самого человеческого существования.

Источники

- Астафьев В. (2003) Последний поклон: повесть в рассказах. М., Эксмо, 847 с.
- Кондрашин В. (2010) Голод 1932–1933 гг. в Российской Федерации (РСФСР). Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований, № 1, с. 6–20.
- Новожеева И. В. (2007) Концепция человека в деревенской прозе 1960–80-х гг. Известия РГПУ им. А. И. Герцена, № 31, с. 99–102.
- Райхан М. Т. (2022) «Последний поклон» В. П. Астафьева как семейная сага. Филология и человек, № 3, с. 108–122.
- Федоров В. С. (2017) Тема природы и экологии в творчестве В. Астафьева и С. Залыгина. Вестник Ульяновского государственного технического университета, № 2 (10), с. 36–42.
- Bressler C. E. (2011) *Literary Criticism: An Introduction to Theory and Practice* (5th ed.). Longman, Boston, 336 p.
- Cameron S. (1985) *Writing Nature: Henry Thoreau's Journal*. Oxford University Press, Oxford York.
- Dreese D. N. (2002) *Ecocriticism: Creating Self and Place in Environmental and American Indian Literatures*. Peter Lang, New York.
- Estok S. C. (2001) A Report Card on Ecocriticism. *AUMLA: The Journal of the Australasian Universities Language and Literature Association*, vol. 96, no. 1, pp. 220–238.
- Garrard G. (2004) *Ecocriticism*. Routledge. London and New York.
- Glotfelty C. (1996) Introduction. *The Ecocriticism Reader: Landmarks in Literary Ecology*. University of Georgia Press, Athens, 403 p.
- Hosking G. A. (1973) Russian Peasant Rediscovered: 'Village Prose' of the 1960s. *Slavic Review*, vol. 32, no. 1, pp. 705–24.
- Kerridge R. (1998) *Introduction to Writing the Environment: Ecocriticism and Literature*. ed. Richard Kerridge and Neil Sammells, London: Zed.
- James E., Morel E. (2018) Ecocriticism and Narrative Theory: An Introduction. *English Studies*, vol. 99, no. 4. pp. 355–365.
- Kilmer J. (1914) *Trees and Other Poems*. George H. Doran Company, New York, 75 p.

- Meeker J. W. (1972) *The Comedy of Survival: Studies in Literary Ecology*. Scribner's, New York.
- Mishra S. K. (2016) *Ecocriticism: A Study of Environmental Issues in Literature*. BRICS Journal of Educational Research, vol. 6, no. 4, pp. 168–170.
- Ozgun O., Ararguc M. F. (2021) An ecocritical reading of Cynan Jones's *The Long Dry*. *Journal of Narrative and Language Studies*, vol. 9, no. 18, pp. 324–338.
- Parthe K. F. (1992) *Russian village prose: The radiant pas*. Princeton University Press., 1992.
- Renate S. (1985) *Die Prosa V. G. Rasputins: Erzählverfahren und ethisch-religiöse Problematik*. Otto Sagner, Munich, pp. 142–163.
- Rueckert W. (1996) *Literature and Ecology: An Experiment in Ecocriticism*. Glotfelty and Fromm, pp. 105–123.
- Tisnawijaya C., Kurniati G. (2021) Sustaining life with trees: ecocriticism perspective in selected picture books. *Lire Journal*, vol. 5, no. 2.

References

- Astafyev V. (2003) *Pacledny Paklon: pobect b racckazakh [The Last Bow: a story in stories]*. Eksmo Pub., Moscow, 847 p. (In Russian).
- Bressler C. E. (2011) *Literary Criticism: An Introduction to Theory and Practice (5th ed.)*. Longman, Boston, 336 p.
- Cameron S. (1985) *Writing Nature: Henry Thoreau's Journal*. Oxford University Press, Oxford York.
- Dreese D. N. (2002) *Ecocriticism: Creating Self and Place in Environmental and American Indian Literatures*. Peter Lang, New York.
- Estok S. C. (2001) A Report Card on Ecocriticism. *AUMLA: The Journal of the Australasian Universities Language and Literature Association*, vol. 96, no. 1. pp. 220–238.
- Fedorov V. S. (2017) Tema prirody i ekologii v tvorchestve V. Astaf'yeva i S. Zalygina [The theme of nature and ecology in the work of V. Astafiev and S. Zalygin]. *Bulletin of the Ulyanovsk State Technical University*, no. 2 (10), pp. 36–42 (In Russian)
- Garrard G. (2004) *Ecocriticism*. Routledge. London and New York.
- Glotfelty C. (1996) *Introduction. The Ecocriticism Reader: Landmarks in Literary Ecology*. University of Georgia Press, Athens, 403 p.
- Hosking G. A. (1973) Russian Peasant Rediscovered: 'Village Prose' of the 1960s. *Slavic Review*, vol. 32, no. 1, pp. 705–24.
- James E. & Morel E. (2018) *Ecocriticism and Narrative Theory: An Introduction*. *English Studies*, vol. 99, no. 4, pp. 355–365.
- Kerridge R. (1998) *Introduction to Writing the Environment: Ecocriticism and Literature*. ed. Richard Kerridge and Neil Sammells, London: Zed.
- Kilmer J. (1914) *Trees and Other Poems*. George H. Doran Company, New York, 75 p.
- Kondrashin V. (2010) Golod 1932 – 1933 gg. v Rossiyskoy Federatsii (RSFSR) [Famine of 1932–1933 in the Russian Federation (RSFSR)]. *Journal of Russian and Eastern European Historical Research*, no. 1, pp. 6–20 (In Russian).
- Meeker J. W. (1972) *The Comedy of Survival: Studies in Literary Ecology*. Scribner's, New York.
- Mishra S. K. (2016) *Ecocriticism: A Study of Environmental Issues in Literature*. BRICS Journal of Educational Research, vol. 6, no. 4, pp. 168–170.
- Novozheyeva I. V. (2007) Kontseptsiya cheloveka v derevenskoy proze 1960-80-kh gg [The concept of man in rural prose of the 1960-80s]. *Izvestiya RSPU named after A. I. Herzen*, no. 31, pp. 99–102 (In Russian).
- Ozgun O., Ararguc M. F. (2021) An ecocritical reading of Cynan Jones's *The Long Dry*. *Journal of Narrative and Language Studies*, vol. 9, no. 18, pp. 324–338.
- Parthe K. F. (1992) *Russian village prose: The radiant pas*. Princeton University Press., 1992.
- Raykhan M. T. (2022) «Posledniy poklon» V. P. Astaf'yeva kak semeynaya saga [“The Last Bow” by V. P. Astafyev as a Family Saga]. *Philology and Man*, no. 3, pp. 108–122 (In Russian).
- Renate S. (1985) *Die Prosa V. G. Rasputins: Erzählverfahren und ethisch-religiöse Problematik*. Otto Sagner, Munich, pp. 142–163.
- Rueckert W. (1996) *Literature and Ecology: An Experiment in Ecocriticism*. Glotfelty and Fromm, pp. 105–123.
- Tisnawijaya C., Kurniati G. (2021) Sustaining life with trees: ecocriticism perspective in selected picture books. *Lire Journal*, vol. 5, no. 2.

Информация об авторе

Мд Тапу Райхан

Аспирант кафедры источниковедения литературы и древних языков. Гуманитарный институт, Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск, РФ. Доцент кафедры английского языка. Ноахалинский научно-технический университет, г. Ноахали, Бангладеш. ORCID ID: 0000-0001-9214-6338. E-mail: tapu.engdu@gmail.com

Author's information

Md Tapu Rayhan

PhD student, Department of Source Studies of Literature and Ancient Languages. Humanitarian Institute, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation. Assistant Professor, Department of English. Noakhali Science and Technology University, Noakhali, Bangladesh. ORCID ID: 0000-0001-9214-6338. E-mail: tapu.engdu@gmail.com

И. О. Приходченко^{1, 2}

✉ pisenko@mail.ru

¹Высший колледж им. Мусакхана Канапьянова Павлодарского педагогического университета, г. Павлодар, Республика Казахстан

²Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Российская Федерация

Локальный текст провинциальной литературы: к вопросу об определении понятия и истории изучения

Аннотация: Статья посвящена перспективному в исследовательском отношении литературоведческому понятию «локальный текст», которое до сих пор не имеет четкого однозначного исчерпывающего определения. С целью выявить ряд базовых черт понятия, имеющих для него универсальное значение, предпринята попытка обзора изучения локального текста в русском литературоведении XX века. Отдельное внимание уделено рассмотрению провинциального текста русской литературы в исследованиях XXI века. По результатам рассмотрения сложившихся в XX и XXI веке подходов к определению локального текста в литературе предложено авторское понимание термина. Указаны принципиальные отличия в формировании столичного и провинциального локального текста, предложены понятия очевидного и неочевидного путей их формирования. Изучение различных точек зрения на локальный текст в общем и на провинциальный текст в частности приводит к выводу, что локальный текст следует понимать как многозначный термин с как минимум тремя значениями, которые вступают в гиперо-гипонимические отношения: локальный текст как насыщенное местными чертами произведение, как парадигма подобных текстов, как семантическое поле репрезентативных для данного локуса образов и мотивов. Четкое определение понятия локального текста должно продвинуть вперед литературоведческие исследования регионального характера.

Ключевые слова: локальный текст, провинциальный текст, русская литература, образ города, образ места.

Дата поступления статьи: 11 июня 2022 г.

Для цитирования: Приходченко И. О. (2023) Локальный текст провинциальной литературы: к вопросу об определении понятия и истории изучения. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 17, № 1, с. 30–42. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.3.

Scientific article

I. O. Prihodchenko^{1, 2}

✉ pisenko@mail.ru

¹Musakhan Kanapyanov Higher College of the Pavlodar Pedagogical University, Pavlodar, Republic of Kazakhstan

²Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation

Local text of provincial literature: the question of the concept definition and the history of study

Abstract: This article is devoted to the research-promising literary concept of local text, which still does not have a clear unambiguous exhaustive definition. In order to identify a number of basic features of the concept that have universal significance for it, an attempt is made to review the study of a local text in Russian literary criticism of the XX century. Special attention is paid to the consideration of the provincial text of Russian literature in the studies of the XXI century. Based on the results of the review of the approaches to the definition of a local text in the XX and XXI centuries, the author's understanding of the term is proposed in the literature. The fundamental differences in the formation of the metropolitan and provincial local text are indicated, the concepts of obvious and non-obvious ways of their formation are proposed. The study of various points of view on the local text in general and on the provincial text in particular leads to the conclusion that the local text should be understood as a polysemous term with at least three meanings that enter into hyper-hyponymic relations: the local text as a

work saturated with local features, as a paradigm of similar texts, as a semantic field representative of a given locus of images and motifs. A clear definition of the concept of a local text should advance literary studies of a regional nature.

Keywords: local text, provincial text, Russian literature, image of the city, image of the place.

Paper submitted: June 11, 2022.

For citation: Prihodchenko I. O. (2023) Local text of provincial literature: the question of the concept definition and the history of study. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 17, no. 1, pp. 30–42. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.3.

Введение

Пространство, местность, место (одним словом, локальность) стали предметом литературоведческого интереса сравнительно поздно, лишь в XX веке. По замечанию Н. Башмакофф, «унаследованная от <...> XIX века литературоведческая традиция <...> привыкла рассматривать местность как “фон действий”, развивающихся в словесном сообщении» (Башмакофф, 2006). В исследованиях литературных произведений это приводит к тому, что «местность как антураж, как некоего рода “беспризнаковая” часть общего сюжета, воспроизводимая в первую очередь в лирических отступлениях, зачастую остается в тени анализа, направленного на действующих лиц и на динамику действия» (Башмакофф, 2006). В то же время «локус, место действия, воспроизводимое в тексте, когда оно не является маркированным, несет такую важную и необходимую информацию, которая в интерпретациях и восприятии текста зачастую проходит как бы “незамеченной” и отодвигается на задний план перцепции и анализа» (Башмакофф, 2006). Как видно, без учета специфики поэтики пространства выводы из анализа художественного текста не могут быть полными.

По мнению Н. Башмакофф, «задача поэтики пространства состоит в том, чтобы маркировать локальную специфику <...> и тем самым вовлечь место как генерирующее начало в универсальную символику культуры» (Башмакофф, 2006). Ученая считает, что в текстах некоторых писателей «место, если только выявить его специфику», естественным образом становится «смыслопорождающим началом для дальнейших прочтываний» (Башмакофф, 2006). В рамках исследований поэтики пространства важную роль в современном литературоведении играет понятие локального текста, до сих пор не имеющее однозначного общепринятого определения.

Методы

Для уяснения специфики всех сторон вышеназванного понятия необходимо обратиться к истории его изучения. Развитие понятия локального текста как такового началось в лоне семиотики, причем «город как особая семиотическая сфера уже давно обращает на себя внимание зарубежных и отечественных исследователей» (Деткова, 2009). Впрочем, исследования образа пространства в литературе (в частности, городского) и его роли в художественном произведении зародились в первой половине XX века.

Семиотику города и символику архитектуры изучали такие западные ученые, как К. Линч (Линч, 1982), К. Леви-Стросс (Леви-Стросс, 2001), Р. Барт (Барт, 2003), Ч. Дженкс (Дженкс, 1985). Ими был введен ряд понятий: образ города; текст, код, знак, синтаксис, семантика пространства архитектуры; семиотика пространства. Они же предложили определить архитектуру как пространство коммуникации, а город – как текст: «Город был определен как пространство коммуникации, состоящее из отдельных структурных элементов, подчиненных целому (ландшафту, стилю, мифологии и др.), и являющееся знаковой средой обитания человека» (Деткова, 2009). Отмечается, что «выделяют две сферы городской семиотики: город как пространство и город как имя» (Козубовская, 2011, с. 15).

Среди российских исследователей первым о семиотике города в трудах «Книга о городе», «Душа Петербурга», «Пути постижения города как социального организма. Опыт комплексного подхода» заговорил Н. П. Анциферов, анализирувавший символическое поле Санкт-Петербурга.

Изучая «душу» города, ученый предложил вариант рассмотрения пространства города (иначе – его «метафизики»), описывая городской образ понятием «гений места как архетип пространства», подверг анализу пространственные образы в творчестве репрезентативных «петербургских» авторов, в первую очередь Достоевского и Пушкина. Физиология города, анатомия города, психология города были определены как «важнейшее направление изучения городской культуры» (Деткова, 2009). Как отмечает Н. Ю. Деткова, «исследование Н. П. Анциферова является описанием в диахронном аспекте генезиса петербургских образов и мотивов в русской литературе XIX–XX веков» (Деткова, 2009).

Н. Башмакофф называет Н. П. Анциферова одним из основателей локального метода, отмечая, что «разработанный “вытесненной” в краеведение высококвалифицированной гуманитарной интеллигенцией <...> локальный метод (курсив Н. Башмакофф. – Прим. авт.) достиг глубокого профессионализма в послереволюционные годы» (Башмакофф, 2006). Говоря об исследованиях Н. П. Анциферова как о краеведческих текстах, Н. Башмакофф отмечает, что «краеведы 1920-х годов естественным путем пришли к междисциплинарному сотрудничеству и к необходимости применять опыт различных научных дисциплин при развитии локального метода» (Башмакофф, 2006), пытаясь, по словам Л. Я. Лурье и А. В. Кобак (Лурье, Кобак, 1989), «перейти от дедукции к индукции, то есть синтезировать историю России как историю отдельных местностей и групп населения» (Цит. по: Башмакофф, 2006).

М. Ю. Лотман, В. Н. Топоров, Б. А. Успенский, ярчайшие представители тартуско-московской семиотической школы, а также З. Г. Минц и Н. Е. Меднис продолжили осмысление локального текста в российском литературоведении. Согласно их взглядам, локальный текст одновременно является текстом и культуры в целом, и литературы в частности. В рамках этой статьи важно, что «данная школа своим объектом выбрала не географию или городскую архитектуру, а литературу о городе и определила наиболее значимые для семиотики города понятия: текст, символ и миф» (Деткова, 2009). Следуя за Анциферовым, они задались целью провести семиотический анализ Санкт-Петербурга, в процессе чего были раскрыты базовые критерии текста городской культуры. Н. Ю. Деткова отмечает, что «петербургский текст предстал в их трудах гипертекстом, обладающим следующими чертами: всеобъемностью (т. е. он должен быть высказываемым минимум на двух языках), гетерогенностью и сложноустроенностью, антиномичностью, пространственной зафиксированностью, он, вступая во взаимосвязи, должен порождать новые тексты культуры» (Деткова, 2009). Примечательно, что вышеназванные ученые, представившие город как текст культуры, в своих трудах указывают «на его тотальный характер» (Деткова, 2009), а именно на возможность проявляться в быту, фольклоре и искусстве (литературе, архитектуре, музыке, живописи, скульптуре и проч.).

Ю. М. Лотман среди прочих функций города особенно выделяет семиотическую, объясняя разницу между, например, лесом и городом тем, что «последний несет в себе закрепленную в социальных знаках информацию о разнообразных сторонах человеческой жизни, т. е. является текстом, как и любая производственная структура» (Лотман, 2000, с. 299). По мнению Ю. М. Лотмана, город следует воспринимать «в качестве сложного семиотического механизма, генератора культуры» (Деткова, 2009). Это объясняется тем, что, представляя собой «котел текстов и кодов, разноустроенных и гетерогенных, принадлежащих разным языкам и разным уровням, город, как и культура, – механизм, противостоящий времени» (Лотман, 2000, с. 299). Процесс текстопорождения ученый связывает с мифогенностью города: «реализуя стыковку различных национальных, социальных, стилевых кодов и текстов, город осуществляет разнообразные гибридизации, перекодировки, семиотические переводы, которые превращают его в генератор новой информации. Источником таких семиотических коллизий является не только синхронное соположение разнородных семиотических образований, но и диахрония: архитектурные сооружения, городские обряды и церемонии, самый план города, наименования улиц и тысячи других реликтов прошедших эпох выступают как кодовые программы, постоянно заново генерирующие тексты исторического прошлого. Город – механизм, постоянно заново

рождающий свое прошлое, которое получает возможность сопоставляться с настоящим как бы синхронно» (Цит. по: Козубовская, 2011, с. 16).

По Ю. М. Лотману, возможно выделить критериальный ряд, на базе которого город предстает в виде семиотического ряда (город в роли имени, город в роли пространства, город в роли времени). Продолжая речь о городе в роли пространства, ученый говорит о двух категориях городов: город концентрический и город эксцентрический. Город первой категории находится «в центре, город на горе, тяготеющий к замкнутости, выделению из окружения, которое воспринимается враждебным» (Деткова, 2009). Города второй категории мыслятся им как «расположенные на периферии культурного пространства, имеющие в основе противостояние природы и культуры, тяготеющие к разомкнутости, культурному диалогу» (Деткова, 2009).

Схожим образом раскрывает понятие локального текста В. Н. Топоров: он «под текстом города понимает все сообщения, отправляемые улицами, площадями, островами, садами, водами, памятниками, зданиями, людьми и т. д.» (Деткова, 2009). По словам ученого, локальный текст города «может быть понят как гетерогенный текст, которому приписывается некий определенный смысл и на основании которого может быть реконструирована система знаков, реализующая в тексте» (Топоров, 1995, с. 227).

Как одну из важных характеристик петербургского локального текста В. Н. Топоров выделяет «взаимоотношения между городом и текстом города, сверхсемантичность этого текста, его единообразие, наличие субстратных элементов, и основное – пространственность» (Деткова, 2009). Так, например, по мнению В. Н. Топорова, петербургский локальный текст отличается сверхсемантичностью по той причине, что «петербургский текст – понятие относительное и меняющее свой объект в зависимости от целей, которые преследуются при операционном использовании этого понятия» (Топоров, 1995, с. 227). Как отмечает Н. Ю. Деткова со ссылкой на В. Н. Топорова, говоря о субстратных элементах (топографических, климатических, пейзажно-ландшафтных, этнографически-бытовых и материально-культурных), их функция «заключается в маркировании города, выделении его из множества текстов культуры» (Деткова, 2009). Пространственность локального текста (в частности, петербургского в исследованиях В. Н. Топорова) отличается двойственностью: «это город в пространстве (география) и пространство города (архитектура)» (Деткова, 2009). В. Н. Топоров перечисляет ряд признаков, типичных для города как пространства: «театральность пространства <...>, наличие точки зрения некоторого идеального наблюдателя <...>, направленность пространства <...>, символичность пространства» (Деткова, 2009). Под театральностью пространства понимается четкое разделение на «сценическую» и «закулисную» части, оно сказывается «в постоянном осознании присутствия “зрителя”, в замещении существования “как бы существованием”» (Деткова, 2009). Наличие точки зрения некоторого идеального наблюдателя В. Н. Топоров описывает как «взгляд идущего по середине улицы пешехода» (Топоров, 1995, с. 227). Под направленностью пространства понимается, что «пространство с боков ограничено черными массами домов и высветлено с двух сторон» (Деткова, 2009). Итогом двойственного понимания пространственности текста города (его архитектуры и географии) становится их соединение в локальном тексте (а именно в литературе), «где текст отождествляется с самим городом» (Деткова, 2009).

В. Н. Топоров рассматривает локальный текст Петербурга с мифопоэтических позиций, т. к. «текст может породить миф, а миф может закрепляться в тексте или текстах» (Осипова, 2002). В процессе анализа В. Н. Топоров максимально типизирует «петербургские мифы»: «миф творения (<...> миф о возникновении города), исторические мифологизированные предания, связанные с императорами и видными историческими деятелями, эсхатологические мифы о гибели города, литературные мифы, а также “урочищные” и “культовые” мифы, привязанные к “узким” локасам города» (Деткова, 2009). В рамках нашего исследования важно замечание Н. В. Осиповой по поводу предложенной В. Н. Топоровым классификации локальных мифов, несомненно, имеющих универсальное значение: «провинциальные городские мифы, как правило, не обладают такой, как Петербург, степенью разработанности, осмысленности и сформулированности» (Осипова, 2002).

Помимо локального текста Петербурга, имеющего литературно-художественное происхождение, В. Н. Топоров пишет о «другом» петербургском тексте, в котором «сохраняется мифопоэтичность на уровне, казалось бы, бытовых текстов (истории пригородов, граффити, эпитафии на могилах и надписи на туалетах)» (Деткова, 2009) за счет того, что «наблюдается единство пространства и времени, а также включенности в это пространство жизни человека, которая неотделимо существует с пространством и проживает его во времени» (Деткова, 2009). По мнению В. Н. Топорова, городским текстом является и то, «что город говорит сам о себе – неофициально, негромко, не ради каких-либо амбиций, а просто в силу того, что город и люди города считали естественным выразить в слове свои мысли и чувства, свою память и желания, свои нужды и свои оценки. Эти тексты составляют особый круг. Они самодостаточны: их составители знают, что нужное им не может быть передоверено официальным текстам “высокой” культуры» (Топоров, 1995, с. 227).

Подводя итог обзору важных для формирования семиотической модели культуры города трудов, можно сказать, что представители тартуско-московской семиотической школы (Ю. М. Лотман, В. Н. Топоров и др.) сыграли ключевую роль в данном процессе в рамках российского литературоведения. Н. Ю. Деткова отмечает: «общим для отечественных исследователей семиотики города является мысль о том, что город рассматривается, с одной стороны, как текст, а с другой, как механизм порождения текстов» (Деткова, 2009).

Результаты

Как было сказано выше, термин «локальный текст» относительно нов в науке о литературе, в силу чего с начала 2000-х в российском литературоведении наблюдаются попытки дать ему четкое однозначное исчерпывающее определение. Так, В. В. Абашев пишет, что текст «следовало бы назвать локальным, поскольку он поставлен в соответствие локусу и формируется из его семиотических ресурсов» (Абашев, 2000). И. В. Мотеюнайте, говоря о «провинциальных текстах», совмещает понятия локального текста и топоса (Мотеюнайте, 2012).

И. С. Абрамовская определяет локальный текст как «некую совокупность следов, оставленных <...> в русской словесности» (Абрамовская, 2010). Подобное определение локального текста, с одной стороны, отличается простотой и ясностью, с другой – значительно расширяет предмет исследования, включая в него не только произведения художественной литературы, посвященные городу или связанные с ним, но и мемуары, а также фольклорное наследие. По мнению исследователя, «необходимо ввести в общий литературный контекст все доступные памятники словесности» (Абрамовская, 2010), т. к. «в этом случае со временем прояснится собственно “текст” со всеми его доминантными признаками» (Абрамовская, 2010). Ученая рассуждает о локальном тексте «как о некоем “сверхтексте”, который прошел стадии формирования и эволюции» (Абрамовская, 2010), отмечая, что «разные эпохи вписывают в него новые страницы» (Абрамовская, 2010), и подчеркивая, что «у этого “сверхтекста” есть ядро» (Абрамовская, 2010).

Исследователями поднимается проблема того «особенного, уникального, что могло бы составить» (Осипова, 2002) локальный текст, и ставится вопрос: «что понимать под локальным мифом или локальным текстом?» (Осипова, 2002) Отвечая на этот вопрос, необходимо определить, «чем в целом является то или иное место, каков миф или текст города» (Осипова, 2002), при этом «стремиться к выявлению базовых символов сознания и архетипических представлений локуса» (Осипова, 2002), т. к. «локальный текст тяготеет к мифу как некой архетипической целостности» (Осипова, 2002).

В обобщенном виде под локальным текстом также понимают систему «речевых, ментальных, визуальных стереотипов, поведенческих практик, сюжетов, устойчивых образов, связанных с каким-либо конкретным городом и актуальных для сообщества, которое идентифицирует себя с этим городом» (Степура, 2021). Это связано с тем, что «“город” – понятие родовое, обобщенное и в культуре символизированное» (Мотеюнайте, 2012).

Как видно, статус локального текста неоднозначен. Так, его называют научной категорией, указывая на три аспекта его рассмотрения. Первый аспект связан с литературоведческими

понятиями хронотопа, топоса и локуса и «поэтому может быть измерен в пространственно-временных параметрах» (Баянбаева, 2016). Второй аспект связан со структурой локального текста, т. к. он «всегда парадигма, т. е. целая вертикаль текстов, выстроенная вокруг определенной тематической оси: города, местности, края и пр.» (Баянбаева, 2016). Третий аспект связан с конкретным географическим местом, порождающим локальный текст; при таком рассмотрении «исследование локального текста способно предоставить сведения об истории, культуре, менталитете, поведенческих характеристиках людей, представляющих ту или иную местность» (Баянбаева, 2016). Локальный текст представляет собой корпус «текстов о месте», «благодаря которым само «место» наделяется рядом дополнительных характеристик» (Баянбаева, 2016). Включающий в себя информацию различного характера (мифологическую, индивидуально-авторскую, историческую, биографическую, краеведческую), образ места всегда собирателен, многочастен и всегда открыт для пополнения своего семантического поля путем добавления в корпус текстов новых произведений: пока в каком-либо месте (поселке, городе, регионе) достаточно долго непрерывно живут люди, локальный текст этого места будет постоянно пополняться.

В. В. Абашев описывает процесс зарождения локального текста следующим образом: «В стихийном и непрерывном процессе символической репрезентации места формируется более или менее стабильная сетка семантических констант. Они становятся доминирующими категориями описания места и начинают, по существу, программировать этот процесс в качестве своего рода матрицы новых репрезентаций. Таким образом формируется локальный текст культуры, определяющий наше восприятие и видение места, отношение к нему» (Абашев, 2000).

Собирательность локального текста имеет гетерогенную природу. Можно говорить, например, об историческом, фольклорном, литературном локальном тексте. В рамках данного исследования внимание сосредоточено на локальном тексте литературного происхождения. Ж. А. Баянбаева отмечает, что «творчество одного автора (даже если конкретному топосу посвящены многочисленные его произведения) формирует лишь определенный слой локального текста» (Баянбаева, 2016). Таким образом, рост литературного локального текста идет из эпохи в эпоху путем «наслаивания» новых литературных произведений на ранее созданные. Необходимо отметить, что, наряду с важностью, например, исторического и фольклорного локальных текстов, «роль художественной литературы в осмыслении локального текста основополагающая, поскольку только в художественной литературе локальные тексты достигают той высокой степени осмысленности и завершенности, которая вводит их в культуру» (Абрамовская, 2010). Кроме того, локальный текст имеет несомненную символическую ценность, «так как он – своего рода знак, манифест того или иного локуса, выполняющий функцию идентификации» (Баянбаева, 2016).

В работах, посвященных городским локальным текстам, наиболее популярными являются два подхода.

Первый подход представляет собой выявление максимально представительного ряда единичных объектов (таких как символика города, значимый для него район, важная страница истории города и т. п.), которые становятся причиной порождения произведений и знаковым предметом в данном локальном тексте. В итоге подобного подхода оказывается возможным выявить «словарь» культурной традиции данной местности и рождается мысль описать локальный текст в виде словаря-энциклопедии. Такой угол зрения на локальный текст «существенно шире <...>, так как требует привлечения фольклорных, этнографических, исторических, географических и других источников» (Баянбаева, 2016).

Второй подход представляет собой попытку обнаружения общих мотивов или идей, которые преобладают в произведениях, составляющих локальный текст места, и являются фактором формирования его специфики, за счет чего в целом становится возможным воспроизведение «образа места» как суммы образных кодов и основных характеристик его семантики.

Единство и семантическая связность – то, что в первую очередь характеризует локальный текст: «несмотря на то, что это корпус текстов, за каждым из которых стоит свой автор, такой текст имеет единое смысловое ядро, под которым подразумевается не столько объект описания,

сколько установка описания, или семантическая сверхзадача автора по отношению к дескрипции места» (Баянбаева, 2016). Согласно В. Н. Топорову, выделяют такие параметры локального текста, как кросс-темпоральность, кросс-жанровость, кросс-персональность. Ж. А. Баянбаева полагает, что «эти черты свойственны всякому локальному тексту литературы, так как образ места всегда эксплицирован в системе жанров, в смене темпоральных ритмов, в различных авторских модусах» (Баянбаева, 2016).

Рассуждая о проблематике локального текста, Н. Башмакофф задается вопросами: «как и в чем именно выражается *локальность* текста? Когда есть основание говорить о тексте собственно локальном, а когда текст лишь отражает некие черты пространства, не будучи с этим пространством органически связан? Является ли текст как таковой носителем совокупности признаков определенной локальности и тем самым становится в ряд текстов локальных, или же определение локальности дается ему извне – читателем, исследователем, желающим причислить высказывание, созданное в определенной локальности или умозрительно относящееся к ней, к категории текстов локальных?» (Башмакофф, 2006). Отвечая на поставленные вопросы, Н. Башмакофф отмечает, что «поэтику пространства следует понимать как многократное прочитывание и переосмысление текста с выявлением различных смысловых доминант, в данном случае – преимущественно связанных с местом» (Башмакофф, 2006), делая оговорку, что здесь «приходится сталкиваться с проблемой о мере соотнесенности писателя и текста» (Башмакофф, 2006).

Далее исследователь приходит к мыслям о субстанциональном и контекстуальном выражении локальности текста, где под первым понимается локальность, которая «проявляется в самом тексте и дается автором как на уровне словесного ряда (топонимика, перифрастические обозначения местности, названия и описания местных реалий – как природных, так и рукотворных – обороты речи, диалектизмы, малые фольклорные формы и т. д.), так и на уровне образного высказывания (топика, метафорика, символика, интертекстуальность)» (Башмакофф, 2006), а под вторым – локальность, которая «проявляется вне самого текста и дается воспринимающим (читателем, исследователем, критиком) как внешняя, дополнительная информация о принадлежности текста / автора к рассматриваемой локальности (по возникновению, рождению, нахождению, местожительству, временному пребыванию, пути, месту написания и т. д.)» (Башмакофф, 2006), Необходимо учитывать, что «четкое разграничение трудно провести, и локальность может проявляться в одном и том же тексте и субстанционально и контекстуально» (Башмакофф, 2006).

Другие вопросы, поставленные Н. Башмакофф в отношении локального текста, – «вопрос соотношения локального текста с локальной идентичностью, с *локальной принадлежностью* и выявлением оппозиции свой / чужой, а также с масштабом самого понятия локального (национальный, региональный, местный)» (Башмакофф, 2006).

По мнению ученой, «для того чтобы быть воспринятым как локальный, тексту недостаточно одной вещественной принадлежности к очерченному границами локусу» (Башмакофф, 2006), т. к. «именно сгущенность передачи местной атмосферы дает тексту его генерирующий остов – смысловую доминанту» (Башмакофф, 2006). Она приходит к выводу: «Учитывая всю зыбкость перечисленных параметров, наиболее просто, широко и обобщенно локальный текст можно определить лишь как некое место, ставшее объектом филологической работы и спроецированное в высказывание» (Башмакофф, 2006). По мнению Н. Башмакофф, «для рассмотрения текста как локального требуется один, но весьма объемный знаменатель: локальный текст должен *целостно отражать местную атмосферу бытия в слове*». Важный аспект локального текста – «целостное чувственно-эмоциональное восприятие окружающей реальности» (Башмакофф, 2006).

Н. Башмакофф отмечает, что «новый интерес к теме локального текста появился еще в 1980-е годы как в России, так и за ее пределами» (Башмакофф, 2006), причем «локальные и региональные исследования <...> посвящены в основном изучению <...> провинции в ее исторических, социологических, культурологических и филологических аспектах» (Башмакофф, 2006). Необходимо подчеркнуть, что «новый интерес появился не только к изучению <...> провинции

как объекта некой репрезентации, но и к изучению ее как субъекта, конструирующего и осмысляющего себя в потоке времени в своем значимом пространстве» (Башмакофф, 2006).

Важно отметить, что «в 1990-х годах в России к исследованию провинции обратились филологи» (Башмакофф, 2006). Как указывает Н. Башмакофф, «было проведено немало конференций, посвященных отдельным провинциальным местностям» (Башмакофф, 2006), в рамках которых «в поле внимания ученых оказались Елец, Казань, Саратов, Пермь, Тверь, Псков и другие провинциальные центры» (Башмакофф, 2006). Результатами работы данных конференций стали посвященные указанным регионам сборники научных статей, наиболее известным из которых стал сборник «Русская провинция: Миф. Текст. Реальность» (Белоусов, Цивьян, 2000).

В российском литературоведении на сегодняшний день имеется ряд исследований локального текста провинциального происхождения. Так, В. В. Абашев рассматривает локальный текст Перми в труде «Символы и мифы Перми. К изучению семиотических аспектов территориальной идентичности» (Абашев, 2001); Е. В. Милюкова делает то же в сочинении «Челябинск: окно в Азию или край обратной перспективы» (Милюкова, 2000), И. А. Разумова – в исследовании «...Как близко от Петербурга, но как далеко» (Петрозаводск в литературных и устных текстах XIX–XX веков)» (Разумова, 2000), А. Н. Давыдов – в труде «Архангельск: семантика городской среды в свете этнографии международного морского порта» (Давыдов, 1988). Н. В. Осипова анализирует «Вятский текст в культурном контексте» (Осипова, 2002), Ж. А. Баянбаева – «Локальный текст и его функции (на примере алма-атинского локального текста)» (Баянбаева, 2016), Н. Ю. Деткова – шадринский локальный текст в статье «Малый провинциальный город как текст культуры» (Деткова, 2009), Г. П. Козубовская – «городские» тексты прозы А. П. Чехова в монографии «Рубеж XIX–XX веков: миф и мифопоэтика» (Козубовская, 2011), И. С. Абрамовская – проблему локального текста на материале литературы о Новгороде (Абрамовская, 2010), И. В. Мотеюнайте – псковский провинциальный текст на материале мини-цикла А.Н. Яхонтова «Наши города» (Мотеюнайте, 2012).

В. В. Абашев, анализируя символы и мифы Перми, видит ценность локального текста в том, что тот «оказывается живой и действенной инстанцией, организующей отношения человека и среды его обитания. Его символические ресурсы включаются в процесс самоидентификации. Поэтому осознанное отношение к месту собственной жизни становится актуальной задачей духовного творчества» (Абашев, 2001).

Н. В. Осипова в рамках понятия локального текста на примере Вятки разграничивает столичный локальный текст и провинциальный локальный текст, подробно рассматривая природу его провинциальности, замечая по поводу понятия «провинциальный текст», что «универсальность слова “провинция”, а также длительность бытования позволили использовать его в новой исторической формуле» (Осипова, 2002). Отмечая существенную размытость понятия на сегодняшний день, исследователь придерживается его первоначального значения, а именно понимает провинциальный текст «как определенную осмысленную топонимическую данность, которую можно исследовать в рамках семиотического подхода» (Осипова, 2002). Уникальность вятского локального текста, по мнению Н. В. Осиповой, формируется в ряде культурных контекстов, как то «контекст имени, фольклора, истории (исторических преданий, праздников и ссылки) и места, включающего в себя антитезу “столица – провинция”» (Осипова, 2002). В данной антитезе столица характеризуется «кодом власти»: в иерархических, вертикальных отношениях столицы и провинции «взаимоотношения этих двух локусов всегда были центростремительными» (Осипова, 2002), и именно власть обеспечивала коммуникацию между ними. Провинция характеризуется «кодом спасения»: в переломные исторические моменты властная вертикаль слабеет, а «провинция становится зоной стабильности и для столицы выступает как место спасения, откуда черпаются материальные и человеческие ресурсы» (Осипова, 2002).

Обнаруживая на протяжении истории развития алма-атинского локального текста устойчивые архетипы описания локуса (такие как «город-сад» и «край мира»), Ж. А. Баянбаева видит необходимым разграничить понятия локального текста и сверткста (под сверткстом, по определению

Н. Е. Меднис, следует понимать «сложную систему интегрированных текстов, имеющих общую внетекстовую ориентацию, образующих незамкнутое единство, отмеченное смысловой и языковой цельностью» (Меднис, 2003), т. к. они находятся в гиперо-гипонимических отношениях: «Локальный текст <...> – один из типов сверхтекста» (Баянбаева, 2016). Объясняется это тем, что «сверхтекст максимально культуроцентричен, он может формироваться не только вокруг локуса, но и вокруг персоны <...>, темы <...>, концепта» (Баянбаева, 2016), и мы склонны согласиться с исследователем в этом.

Н. Ю. Деткова анализируя провинциальный локальный текст Шадринска, вслед за Ю. М. Лотманом, понимает под текстом «и семиотику имени, рассматривая историю названия города, всевозможные варианты трактовки и прочее; и семиотику пространства, описывая городские архитектурные и садово-парковые реалии, несущие огромное количество информации, в том числе и мифологической; и семиотику времени» (Деткова, 2009). Несмотря на широкое понимание текста города исследователь отдает предпочтение семиотическому аспекту рассмотрения города, а именно аспекту «искусственно созданного текста городом о себе самом, текста о городе глазами иногородних и поэтического текста о городе (в частности произведений шадринцев второй половины XX – начала XXI века)» (Деткова, 2009). В шадринском локальном тексте доминируют такие категории описания, как река Исеть и ее берега, мост через реку, сосны, клены, солнце, а также шум и тишина, в чем исследователь видит амбивалентность восприятия Шадринска местными авторами XX века, имея в виду в первую очередь поэтов.

Г. П. Козубовская, исследуя городские тексты в мифопоэтике А. П. Чехова, отмечает, ссылаясь на семиотико-культурологические исследования конца XX века, что «город существует в культурном поле мифов, сказаний и легенд» (Козубовская, 2011, с. 15), приводя в пример такие «градообразующие мифы», как миф о вставшем из воды городе (Петербург) и миф о провалившемся городе (Китеж), миф о наречении города именем персонажа фольклора (Варшава) и миф о небесном покровителе города (Юрий Долгорукий). Также автор размышляет о генезисе городской гендерности, связанной с легендами. Возникшие аналогично «петербургскому тексту» «городские» тексты литературы «развертываются в многообразии персональных мифов-текстов» (Козубовская, 2011, с. 15). Так, город N в рассказе А. П. Чехова «Ионыч» оказывается «городом мёртвых», а город в рассказе «Анна на шее» наделен чертами оборотня, отзеркаливающего, удваивающего атрибуты городского пространства, которыми оказываются и его жители, а также меняющего местами представителей разных социальных ролей («имущих» и «немощих»); в «Моей жизни» главный герой испытывает отвращение к городу, что «выливается в проклятие ему» (Козубовская, 2011, с. 28). С точки зрения мифопоэтики пространство провинциального города в прозе А. П. Чехова «обладает магической силой» (Козубовская, 2011, с. 28) негативного характера: спасение и счастье ждет лишь того, «кто сможет вырваться за пределы города, причем достаточно далеко» (Козубовская, 2011, с. 28).

И. С. Абрамовская, обращаясь к мемуарам, написанным на основе впечатлений от посещения известнейших мест Новгорода различными путешественниками на протяжении последних трех столетий, анализирует локальный новгородский текст, рассматривая его начиная со второй половины XVIII века «в творчестве А. П. Сумарокова, Я. Б. Княжнина, Екатерины II, А. Н. Радищева, Н. М. Карамзина» (Абрамовская, 2010) и до середины XIX века, включая предшествующую декабристскую эпоху. Как «общие места» новгородского локального текста (они же одни из наиболее устойчивых мотивов в литературе о Новгороде) ученая называет «осмысление Новгорода как места паломничества русских людей» (Абрамовская, 2010), рефлексию «по поводу утраты былого величия» (Абрамовская, 2010) города, соединение в нем образов древности и современности, а также местные предания и святые места. Для литературы декабристов «трактовка новгородской темы становится способом передачи потаенных смыслов, о которых невозможно было говорить открытым текстом» (Абрамовская, 2010): по мнению исследователя, «именно новгородская тема, ностальгически воплощенная как воспоминание о былом и не сбывшемся отразила настроение целого поколения литераторов» (Абрамовская, 2010).

И. В. Мотеюнайте, анализируя провинциальный текст Пскова и близлежащих провинциальных городов (Острова, Луги и Новоржева) на материале произведений А. Н. Яхонтова, утверждает, что названный автор «в образе русской провинции <...> акцентирует негативные черты» (Мотеюнайте, 2012), объясняя это «критическими тенденциями в литературном процессе эпохи» (Мотеюнайте, 2012), а также указывая на истоки негативной оценки уездных городов, обнаруженные исследователем в лирике Пушкина. Исследователь стремится найти в стихотворениях автора «композиционный принцип, движущий мыслью автора и организовывающий номинативные конструкции в единую систему» (Мотеюнайте, 2012), приводя в пример безглагольную лирику А. А. Фета, но находит это затруднительным, т. к. «автор игнорирует напрашивающуюся в таких случаях географическую, хронологическую или историческую логику» (Мотеюнайте, 2012). По мнению И. В. Мотеюнайте, «...представленное Яхонтовым перечисление, призванное создать исторический образ славного древнего города, остается перечнем примет различного плана» (Мотеюнайте, 2012). Это связано с тем, что «описание внешне не связанных между собой городских примет окрашено легкой авторской иронией» (Мотеюнайте, 2012). Поэт изобразил типичный провинциальный город, ничем не отличающийся от подобных населенных пунктов России XIX века, которым свойственны неблагоустроенность (либо неудачные, нелепые попытки благоустройства), склонность к сплетням, сонное оцепенение и пустота. Детали городского пейзажа и достопримечательности складываются в «общую картину обесмысливаемого людьми земного бытия» (Мотеюнайте, 2012). Цель автора, по мнению исследователя, заключается в стремлении «обозначить циклическую повторяемость провинциальной жизни, ее своеобразную “дурную бесконечность”» (Мотеюнайте, 2012), от которой он отстраняется, что указывает на сатирический подтекст стихотворения.

Выводы

Мы приходим к выводу, что локальный текст можно понимать как минимум в трех значениях: как отдельно взятый текст, как парадигму текстов, как смысловое поле образов и мотивов.

Во-первых, допустимо мыслить локальный текст как отдельное произведение, емко отображающее место в его типичных чертах. Ряд подобных произведений формирует, как было сказано выше, «культурный слой» локального текста определенной эпохи.

Во-вторых, допустимо мыслить локальный текст как исторически складывающуюся открытую для пополнения парадигму текстов различной жанровой природы, обобщенно репрезентирующих некоторое место (страну, город, регион) в наборе устойчивых образов и мотивов, которые можно обозначить как репрезентативные константы описания места. Данная парадигма может быть рассмотрена в разрезе исторических периодов. При подобном рассмотрении литературный локальный текст каждой отдельно взятой эпохи будет являться «культурным слоем» в общем литературном локальном тексте. С одной стороны, каждый «слой» связан с другими «слоями» рядом констант в образах и мотивах в изображении места, с другой стороны, обнаруживает индивидуальные, не встречающиеся в других «слоях» образы и мотивы репрезентации, маркирующие эпоху. При подобном подходе литературный локальный текст возможно представить в виде списка художественных произведений.

Во-третьих, допустимо мыслить локальный текст исключительно как смысловое поле образов и мотивов, представительных для определенного локуса. Подобное поле, имеющее центр (смысловое ядро, являющее себя из текста в текст) и периферию (локальные образы и мотивы, свойственные произведениям отдельных авторов), потенциально открыто для пополнения, т. е. способно эволюционировать. При подобном подходе литературный локальный текст возможно представить в виде семантического поля.

Провинциальный текст как вариант локального текста нуждается в уточнении набора отличительных признаков, среди которых противопоставленность столичному тексту – важный, но не единственный критерий.

В частности, видится невозможным согласиться в полной мере с приведенным выше утверждением В. В. Абашева о программировании процесса символической репрезентации места и определяющей роли его восприятия и отношения к нему, т. к. подобный подход к определению локального текста не имеет универсального характера: локальный текст, формирующий восприятие читателя и его видение места, а также отношение к данному пространству, свойственен городам с богатой, хорошо прослеживающейся из эпохи в эпоху литературной традицией, как правило, насчитывающей не одно столетие; обычно это крупные и / или старые города, в первую очередь столичные. Провинциальные города далеко не всегда отличаются такими характеристиками локального текста, т. к. в силу относительно бедной литературной традиции и, как следствие, нередко слабой или вовсе отсутствующей преемственности между местными авторами разных эпох литературные тексты не «перекликаются» очевидно; авторы, вторя друг другу в главных городских образах и мотивах, будто бы открывают их заново, повторяя друг друга, хоть и не зная об этом.

Таким образом, можно говорить о двух вариантах пути зарождения провинциального локального текста: очевидном, основанном на преемственности в рамках местной литературной традиции, и неочевидном, в котором формирование ядра локального текста литературы происходит путем накопления типичных повторяющихся образов и мотивов в произведениях местных авторов, «изолированных» друг от друга в рамках эпохи / поколения. Вероятно, возможно совмещение очевидного и неочевидного вариантов.

В отношении столиц выделение очевидного и неочевидного пути формирования локального текста видится не актуальным: «столичные» литературные произведения, в том числе с ярко выраженной локальностью, созданные выдающимися авторами, обычно становятся общенациональным культурным достоянием, потому очевидно широко известны и априори оказываются включенными в литературную традицию.

Несомненно, локальный текст (как столичный, так и провинциальный) формируется в первую очередь в произведениях виднейших, известнейших авторов. «Однако принципиально важно учитывать не только выдающиеся произведения словесности, но и произведения «не-гениев», как называл второстепенных писателей В. Г. Белинский» (Абрамовская, 2010). Анализ текстов подобных авторов, помимо придания литературоведческим исследованиям научной новизны, даст более полное и широкое представление об истории русской литературы и, возможно, явится одним из путей выхода из затянувшегося методологического кризиса современного гуманитарного знания.

Источники

- Абашев В. В. (2000) Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь, Изд-во Пермского университета, 404 с. URL: <https://clck.ru/33kZub>.
- Абашев В. В. (2001) Символы и мифы Перми. К изучению семиотических аспектов территориальной идентичности. URL: <https://clck.ru/33kZrQ>.
- Абрамовская И. С. (2010) Проблема «локального текста» в русской литературе XIX века (на материале Новгородского текста). Записки Филиала РГГУ в г. Великий Новгород. Вып. 8. Историко-культурный и экономический потенциал России: наследие и современность: материалы международной научно-практической конференции. С. 218–225.
- Барт Р. (2003) Система Моды. Статьи по семиотике культуры. М., Издательство им. Сабашниковых, 512 с.
- Башмакофф Н. (2006) Локальный текст, голос памяти и поэтика пространства. В кн. Зорин А. Л. История и повествование. М., Новое литературное обозрение. URL: <https://culture.wikireading.ru/45347>.
- Баянбаева Ж. А. (2016) Локальный текст и его функции (на примере алма-Атинского локального текста). Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика, № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lokalnyy-tekst-i-ego-funktsii-na-primere-alma-atinskogo-lokalnogo-teksta>.
- Давыдов А. Н. (1988) Архангельск: семантика городской среды в свете этнографии международного морского порта. В кн. Культура русского севера. Л., Наука. Ленинградское отделение, 220 с. С. 86–99.
- Деткова Н. Ю. (2009) Малый провинциальный город как текст культуры. Вестник ЧелГУ, № 18. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/malyu-provintsialnyy-gorod-kak-tekst-kultury>.

- Дженкс Ч. (1985) Язык архитектуры постмодернизма. М., Стройиздат, 136 с.
- Козубовская Г. П. (2011) Рубеж XIX–XX веков: миф и мифопоэтика. Барнаул, АлтГПА, 318 с.
- Леви-Строс К. (2001) Структурная антропология. Пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. М., Изд-во Эксмо-Пресс, 512 с.
- Линч К. (1982) Образ города. М., Стройиздат, 328 с.
- Лотман Ю. М. (2000) Семиосфера. СПб, Искусство–СПБ, 704 с.
- Лурье Л. Я., Кобак А. В. (1989) Заметки о смысле петербургского краеведения. Анциферовские чтения. Материалы и тезисы конференции (20–22 декабря 1989 г.). Л., С. 72–79.
- Меднис Н. Е. (2003) Сверхтексты в русской литературе. URL: <http://rassvet.websib.ru/chapter.htm?no=35>.
- Милюкова Е. В. (2000) Челябинск: окно в Азию или край обратной перспективы. В кн.: Русская провинция: миф – текст – реальность. М.–СПб., 491 с. С. 347–361.
- Мотеюнайте И. В. (2012) Псков и другие: мини-цикл А. Н. Яхонтова «Наши города». Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pskov-i-drugie-mini-tsikl-a-n-yahontova-nashi-goroda>.
- Осипова Н. В. (2002) Вятский провинциальный текст в культурном контексте. Биноколь, № 16. URL: <http://www.studnauka.narod.ru/nvo.html>.
- Разумова И. А. (2000) «...Как близко от Петербурга, но как далеко». Русская провинция: миф – текст – реальность. М. СПб., 491 с. С. 324–334.
- Степура Н. В. (2021) Локальные тексты русской литературы. Гипертекст и метатекст. URL: https://spravochnick.ru/literatura/lokalnye_teksty_russkoy_literatury_gipertekst_i_metatekst/.
- Топоров В. Н. (1995) Петербургские тексты и Петербургские мифы. В кн. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М., Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 624 с.

References

- Abashev V. V. (2000) Perm' kak tekst. Perm' v russkoy kul'ture i literature XX veka [Perm as a text. Perm in Russian culture and literature of the XX century]. Perm, Perm university publishing house, 404 p. Available at: <https://clck.ru/33kZub> (In Russian).
- Abashev V. V. (2001) Simvoly i mify Permi. K izucheniyu semioticheskikh aspektov territorial'noy identichnosti [Symbols and myths of Perm. To the study of semiotic aspects of territorial identity]. Available at: <https://clck.ru/33kZrQ> (In Russian).
- Abramovskaya I. S. (2010) Problema "lokal'nogo teksta" v russkoy literature XIX veka (na materiale Novgorodskogo teksta) [The problem of "local text" in the Russian literature of the XIX century (based on the Novgorod text)]. Notes of the Branch of the RSUH in Veliky Novgorod. Issue 8. Historical, cultural and economic potential of Russia: heritage and modernity: materials of the International scientific and practical conference. pp. 218–225 (In Russian).
- Bart R. (2003) Sistema Mody. Stat'i po semiotike kul'turyFashion System [Articles on the semiotics of culture]. Moscow, Sabashnikov Publ. House, 512 p. (In Russian).
- Bashmakoff N. (2006) Lokal'nyy tekst, golos pamyati i poetika prostranstva [Local text, the voice of memory and the poetics of space. In: Zorin A. L. [Istoriya i povestvovaniye] History and narration. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye. Available at: <https://culture.wikireading.ru/45347> (In Russian).
- Bayanbayeva Zh. A. (2016) Lokal'nyy tekst i yego funktsii (na primere Alma-Atinskogo lokal'nogo teksta) [Local text and its functions (on the example of the Alma-Ata local text)]. RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism, no. 2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/lokalnyy-tekst-i-ego-funktsii-na-primere-alma-atinskogo-lokalnogo-teksta> (In Russian).
- Davydov A. N. (1988) Arkhangel'sk: semantika gorodskoy sredy v svete etnografii mezhdunarodnogo morskogo porta [Arkhangelsk: semantics of the urban environment in the light of the ethnography of the international seaport]. In: [Kul'tura russkogo severa] Culture of the Russian North. Leningrad, Nauka. Leningrad branch, 220 p., pp. 86–99 (In Russian).
- Detkova N. Yu. (2009) Malyy provintsial'nyy gorod kak tekst kul'tury [Small provincial town as a cultural text]. Bulletin of Chelyabinsk State University, no. 18. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/malyy-provintsialnyy-gorod-kak-tekst-kul'tury> (In Russian).
- Jencks Ch. (1985) Yazyk arkhitektury postmodernizma [The language of architecture of postmodernism]. Moscow, Stroyizdat Publ., 136 p. (In Russian).
- Kozubovskaya G. P. (2011) Rubezh XIX–XX vekov: mif i mifopoetika [The turn of the XIX–XX centuries: myth and mythopoetics]. Barnaul, AltSPA Publ., 318 p. (In Russian).
- Levi-Strauss K. (2001) Strukturnaya antropologiya [Structural anthropology]. Moscow, Eksmo-Press Publ. House, 512 p. (In Russian).
- Lotman Yu. M. (2000) Semiosfera [Semiosphere]. St. Petersburg, Iskustvo–SPB Publ., 704 p. (In Russian).
- Lurie L. Ya., Kobak A. V. (1989) Zametki o smysle peterburgskogo krayevedeniya [Notes on the meaning of St. Petersburg local history]. Antsiferovskiy chteniya [Anciferov's readings]. Materials and abstracts of the conference (December 20–22, 1989). Leningrad, pp. 72–79 (In Russian).
- Lynch K. (1982) Obraz goroda [The image of the city]. Moscow, Stroyizdat Publ., 328 p. (In Russian).

- Mednis N.E. (2003) Sverkh teksty v russkoy literature [Supertexts in Russian literature]. Available at: <http://rassvet.websib.ru/chapter.htm?no=35> (In Russian).
- Milyukova E.V. (2000) Chelyabinsk: okno v Aziyu ili kray obratnoy perspektivy [Chelyabinsk: a window to Asia or the edge of the reverse perspective]. In: Russkaya provintsiya: mif – tekst – real'nost' [Russian province: Myth – text – reality]. Moscow-St. Petersburg, 491 p., pp. 347–361 (In Russian).
- Moteyunaite I. V. (2012) Pskov i drugiye: mini-tsikl A. N. Yakhontova "Nashi goroda" [Pskov and others: mini-cycle of A. N. Yakhontov "Our cities"]. Bulletin of Pskov State University. Series: Social and Humanitarian Sciences, no. 1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/pskov-i-drugie-mini-tsikl-a-n-yahontova-nashi-goroda> (In Russian).
- Osipova, N. V. (2002) Vyatskiy provintsial'nyy tekst v kul'turnom kontekste [Vyatka provincial text in a cultural context]. Binokl' – Binoculars, no. 16. Available at: <http://www.studnauka.narod.ru/nvo.html> (In Russian).
- Razumova I. A. (2000) "...Kak blizko ot Peterburga, no kak daleko" ["... How close to St. Petersburg, but how far away"]. In: Russkaya provintsiya: mif – tekst – real'nost' [Russian Province: Myth – text – reality]. Moscow-St. Petersburg, 491 p., pp. 324–334 (In Russian).
- Stepura N. V. (2021) Lokal'nyye teksty russkoy literatury. Gipertekst i metatekst [Local texts of Russian literature. Hypertext and metatext]. Available at: https://spravochnick.ru/literatura/lokalnye_teksty_russkoy_literatury_gipertekst_i_metatekst/ (In Russian).
- Toporov V. N. (1995) Peterburgskiy teksty i Peterburgskiyemy mify [Petersburg texts and Petersburg myths]. In: Mif. Ritual. Simvol. Obraz. Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo [Myth. The ritual. Symbol. Image. Research in the field of mythopoetic]. Moscow, Progress – Culture Publishing Group, 624 p. (In Russian).

Информация об авторе

Приходченко Илья Олегович

Преподаватель спецдисциплин, магистр гуманитарных наук. Высший колледж им. Мухаммада Канаянова Павлодарского педагогического университета, г. Павлодар, Республика Казахстан.
Аспирант. Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, РФ. ORCID ID: 0000-0003-1800-8812.
E-mail: pisosenko@mail.ru

Author's information

Ilya O. Prikhodchenko

Teacher of special disciplines, Master of Humanities. Musakhan Kanapyanov Higher College of the Pavlodar Pedagogical University, Pavlodar, Republic of Kazakhstan.
Postgraduate student. Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation.
ORCID ID: 0000-0003-1800-8812.
E-mail: pisosenko@mail.ru

УДК 811.161.1

DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.4

Научная статья

Т. П. Рогожникова¹

✉ pmtr@mail.ru

¹Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Российская Федерация

Язык сибирского учетного делопроизводства рубежа XVII–XVIII веков

Аннотация: Статья посвящена терминам сибирского налогообложения Петровской эпохи. Материалом послужил исторический документ, отразивший результаты государственной учетной деятельности в пределах одного сибирского уезда. Доказана значимость языка дозорных книг в системе нормативно-правового языка рубежа XVII–XVIII вв. Продемонстрирована уникальность «Дозорной книги Тарского уезда 1701 года» как источника для реконструкции фискальной терминологической системы. Выявлен круг терминов, обозначающих подворный прямой налог с коренных жителей Сибири и с пришлого населения. В результате комплексного анализ лексики показан системный характер лексико-семантических связей внутри данной лексической группы, основанный на родо-видовых отношениях. Дана словообразовательная и грамматическая характеристика номинаций. Обсуждается проблема вариативности терминологических номинаций в пределах дозорной книги в сравнении с сибирскими документами других жанров. Выявлена зависимость структуры наименования от его терминологической функции в структуре и системе текста. Установлено, что количественный состав компонентов в терминологических номинациях передает градацию их семантики от хронологически исходных типов налога до видовых характеристик. Указаны актуальные для сибирского обложения термины, дифференцирующие налоги по характеру владений и имущества.

Ключевые слова: Петровская эпоха, дозорная книга, термины налогообложения.

Для цитирования: Рогожникова Т. П. (2023) Язык сибирского учетного делопроизводства рубежа XVII–XVIII веков. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 17, № 1, с. 43–50. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.4.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-42054 «Статика перемен как тренд развития окраин Российской империи в Петровскую эпоху (на примере Тарского Прииртышья)»).

Scientific article

Т. П. Rogozhnikova¹

✉ pmtr@mail.ru

¹Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation

The language of Siberian accounting office work at the turn of the 17th–18th centuries

Abstract: The article is devoted to the terms of the Siberian taxation of the Peter the Great era. The material was a historical document reflecting the results of state accounting activities within one Siberian district. The significance of the language of patrol books in the system of legal language at the turn of the 17th–18th centuries is proved. The uniqueness of the “Patrol Book of the Tara County of 1701” as a source for the reconstruction of the fiscal terminological system is demonstrated. A circle of terms denoting a household direct tax from the indigenous inhabitants of Siberia and from the newcomer population is revealed. As a result of a comprehensive analysis of vocabulary, the systemic nature of lexical and semantic relationships within a given lexical group, based on genus-species relations, is shown. The word-formation and grammatical characteristics of the nominations are given. The problem of variability of terminological nominations within the patrol book in comparison with Siberian documents of other genres is discussed. The dependence of the name structure on its terminological function in the structure and system of the text is revealed. It has been established that the quantitative composition of the components in terminological nominations conveys the gradation of their semantics from chronologically initial types of tax to specific characteristics. The terms relevant for the Siberian taxation, differentiating taxes according to the nature of possessions and property, are indicated.

© Т. П. Рогожникова, 2023

Keywords: Peter the Great era, patrol book, terms of taxation.

For citation: Rogozhnikova T. P. (2023) The language of Siberian accounting office work at the turn of the 17th–18th centuries. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 17, no. 1, pp. 43–50. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.4.

Funding: The study was financially supported by the Russian Foundation for Basic Research (project No. 20-09-42054 “Static of Changes as a Trend in the Development of the Outskirts of the Russian Empire in the Peter the Great era(on the example of the Tara Irtysh region)”).

Введение

Настоящее исследование выполнено в рамках междисциплинарного (историко-филологического) научного проекта, направленного на выявление особенностей формирования в Петровскую эпоху российских имперских структур на окраинных территориях с учетом этнических, социально-экономических и языковых особенностей населения Тарского Прииртышья и введение в научный оборот региональных полнотекстовых памятников Петровской эпохи (издание документов с описанием Тарского уезда, сопровождающееся научно-справочными материалами). Участие лингвистов в проекте реализовано в текстологическом и лексикографическом аспектах: осуществлена выработка принципов издания печатной версии текстов, подготовка сопроводительного аппарата издания – словариков, комментариев, указателей.

Вместе с тем для отечественной филологической науки актуальной и важной является поддержка и дальнейшее развитие лингвистической диахронической регионалистики как научной парадигмы со специфическим комплексом методов, методик и аспектов, в рамках которой лингвистами получены масштабные результаты теоретического и практического характера. Особенно ценным в этом направлении является опыт лингвистического изучения поздних скорописных источников региональной деловой письменности XVII–XVIII вв. (Волков, 2006; Выхрыстюк, 2013; Городилова, 2003; Майоров, 2006; Никитин, 2004; и др.). Богатый материал региональных источников документной природы неисчерпаем для дальнейшего расширения и систематизации представлений о формировании российской государственности, каждый этап которого, как правило, порождал специфический тип документа с характерным для него формуляром и его вербальным наполнением. Так, обострившиеся проблемы в части пополнения государственной казны, связанные с необходимостью совершенствования системы налогообложения, привели к созданию в начале XVII в. особого института дозора и связанного с ним финансового документа регистрационно-экономического характера – дозорной книги. Основной задачей составителей данного документа являлась фиксация состояния налогов и повинностей населения, реальных и потенциальных лиц для налогообложения (Пирогова, 2012, с. 91). В исторических исследованиях констатируется специфика сибирских дозоров, вызванная ролью Зауралья в пополнении государственной казны (Вилков, 1975, с. 4–13). На этих территориях государство стремилось распространить налогообложение на все новые социальные группы, что сказалось на объеме текста сибирских дозорных книг и их содержательном наполнении (характер и состав податных статей).

Источником материала в настоящей работе является один из таких документов – созданная в Сибирском приказе «Дозорная книга Тарского уезда 1701 года» (далее – Дозорная книга). Уже при первом приближении к оригиналу становится очевидным разнообразие языкового материала, выходящего далеко за рамки сухой фиксации тягловых объектов и соответствующего объектам описания сугубо канцелярского оформления документа: значительный по объему памятник содержит богатейший словарный материал для дальнейшей разработки вопросов ономастики, диалектологии, антропонимики, диахронической социолингвистики и др.

Фискальная направленность Дозорной книги как государственного документа определила характер объекта настоящего исследования: оно посвящено выявлению, описанию и систематизации лексики со значением ‘налог, повинность’, или – в современной правовой системе координат – лексики со значением ‘прямой налог’ (налог на доход и собственность, в отличие от косвенного – налога на потребление и обращение). При этом система сбора налога в рассматриваемый период сибирской истории характеризуется историками как подворный (Козлов, Дмитриева, 2001, с. 5).

Научная новизна работы заключается в расширении источниковой базы диахронической документной лингвистики, в ней определен и уточнен терминологический аппарат налогообложения применительно к Сибири рубежа XVII–XVIII вв.

Методы

С конца XIX в. дозорные книги были выделены из общего массива писцовых книг и стали объектом исторических штудий. В них указаны причины и время проведения дозоров, механизмы составления дозоров и принципы работы дозорщиков, особенности дозорных книг по сравнению с писцовыми (основная задача дозора – фиксация состояния тягла, реальных и потенциальных лиц для налогообложения, отсюда усиленная детализация описания тягловых дворов и их обитателей) (см. обзор работ: Тимохина, 2004). Позднее дозорные книги рассматривались как источник для реконструкции пространственного освоения Зауралья в XVII веке и миграций населения с Русского Севера в указанный регион в рамках государственной колонизационной политики (Щербич, 2010), для изучения социальной дифференциации российского общества в XVII в. (Черненко и др., 2012).

В научный оборот «Дозорная книга Тарского уезда 1701 года» впервые введена омскими учеными-историками: в ряде публикаций дана источниковедческая характеристика памятника (первоначально архивного скорописного документа на 425 листах), описаны особенности исторического контекста создания. В частности, указано на особую роль рубежа XVII–XVIII вв. для хозяйственного освоения Сибири, вошедшей в состав Российского государства, роль дозорных документов в оформлении земельных владений и их границ, двора, тягла, земельных споров и их разрешения, регистрации жителей, включая коренной состав и пришлых – русских, обустроившихся на новых землях. «Главным поводом для проведения дозора 1701 г. на Таре было стремление к пополнению государевой казны посредством увеличения налогов с местного населения» (Бережнова и др., 2013, с. 111). Выявлена композиция Дозорной книги: преамбула, позволяющая определить специфику деятельности дозорщика, его задачи, предписанные царским наказом, раскрытие мотивов дозора; четыре тематические части (описание по географическому принципу города Тары, русских слобод и деревень, владений Спасского монастыря и татарских населенных пунктов, характеристика жителей с указанием их имущества и податей, фиксация налоговых «прибавлений» и вновь наложенных платежей и повинностей) (Бережнова, Кабакова, Корусенко, 2014, с. 67). Текст Дозорной книги в целом охарактеризован как чрезвычайно значимый для исследования государственной политики рассматриваемого периода.

В отечественной историко-лингвистической традиции интерес к дозорным книгам проявился в русле общей активизации исследований языка документов XVII–XVIII вв., и этот интерес можно охарактеризовать как опосредованный: дозорные книги рассматривались, как правило, в составе писцовых книг. В совокупности с другими деловыми документами регистрирующего типа книги привлекались для изучения происхождения тех или иных топонимов (Усков, 2009), первоначального состояния сибирской топонимической системы (Городилова, 2019), жанрово-стилистического своеобразия исторических учетных документов одного региона (Выхрыстюк, 2013). В качестве объекта исследования указанные источники подробно рассматриваются в цикле специальных работ А. В. Пироговой (Пирогова, 2011; Пирогова, 2012; и др.), посвященных жанрово-стилистическим особенностям дозорных книг европейской части Московского государства (первая половина XVII в.) (Пирогова, 2011). Относительно исторической лексикологии основное внимание автора преимущественно сосредоточено на подробном анализе ономастического (Пирогова, 2012).

В рамках статьи базовым исследовательским инструментарием является системно-структурный анализ лексической группы терминов налогообложения: выявляется лексико-семантическая иерархия внутри терминологической группы, проводится этимологический, семантический, словообразовательный анализ лексем, выявляются парадигматические и синтагматические связи членов лексической группы, формулируется терминологическое значение слов и словосочетаний.

Терминологическое значение уточняется с привлечением историко-энциклопедических данных¹. В качестве принципиально важных для работы методов исследования также применены ономазиологический (анализ семантики языковых единиц с учетом меняющейся системы подъязыка налогообложения), семасиологический (анализ семантики слов-терминов с учетом развивающейся лексико-семантической системы языка), историко-стилистический (слова-термины и терминологические выражения в составе формул как признаки стандартного приказного языка рассматриваемого периода).

Результаты

В основе лексико-семантической системы налоговых терминов в составе Дозорной книги лежат родо-видовые отношения, отражающие иерархическую организацию членов означенной терминологической группы. Родовым при этом, как показывает анализ лексикографических, энциклопедических дефиниций и контекстной семантики лексической группы, является наименование *тягло*. Лексема-гипероним служит для обозначения государственных налогов и повинностей и подробно охарактеризована в публикации, выполненной в рамках проекта (Рогожникова, 2020а). На основе комплексного анализа (этимологического, лексико-семантического, словообразовательного, лексико-грамматического, контекстного с применением справочно-энциклопедических данных) описана структура лексического значения, парадигматические и синтагматические связи термина. В результате анализа сформулировано терминологическое значение лексемы *тягло* – ‘система государственных подворных налогов как результат обложения пашенного (*десятинная пашня*) и обложения оброчного (*хлебной и денежной оброк*) имущих сословий и способных к несению государственных повинностей хозяев; система, перестающая работать при фиксированном государством (результат «дозора») переходе хозяина в неимущие сословия или при утрате способности к несению повинностей’ (Там же, с. 89). «Специфика исходной лексической и словообразовательной семантики слова *тягло* объясняет его долгую жизнь в русской терминологической системе Московского государства (заменяется термином *подать* в 1722 году, но исчезает из употребления после 1861 г.)» (Там же, с. 90).

Видовыми по отношению к слову *тягло* в тексте Дозорной книги являются терминологические наименования *оброкъ* и *десятинная пашня*, обозначающие оброчное и пашенное обложение тяглом. Оба термина сопровождаются в тексте Дозорной книги атрибутом *Великого Государя*, означая ‘государственный, казенный’. «Государева десятинная пашня» – ‘государственная натуральная повинность, вид пашенного обложения, казенная пашня для содержания государственного аппарата, фиксированная доля государственной пашни (*десятинная*) относительно собственной (*собинная*)’ – возникает в XVI веке (Козлов и др., с. 38). Размер казенной пашни «соотносился с объемом пашни в собственном крестьянском хозяйстве как 1:4 или 1:6. Десятинная пашня имела «плантационный характер, т. е. располагалась в одном месте в виде «“присевка” к индивидуальной пашне» (ИЭС, т. 1, с. 424). Следовательно, применительно к сибирской действительности семантика определения *десятинная* производна от единицы измерения площади пашни – существительного *десятина* (около 1 га) – и доли от *десятины* (четь ‘четвертая часть’), а не от *десятина* в исходном значении (‘десятая часть дохода’): *Пашут Великого Государя десятинной пашни четь десятины в поле, а в дву по тому ж. А собинной у них пахоты десятина в поле, а в дву по тому ж. И сверхъ указу в пахоте их лишка нет* [л. 365]²; *Пашет Великого Государя десятинной пашни четь десятины в поле, а в дву по тому ж. А собинной пашни не пашет. Кормитца работою* [л. 236].

¹ Лексикографические и историко-энциклопедические источники, привлеченные к исследованию: ИЭС – Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. / гл. ред. В. А. Ламин. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009; Словарь XVIII – Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984–1991. Вып. 1–6; Санкт-Петербург: Наука. С.-Петербург. отд-ние, 1992. Вып. 7; СРНДР – Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в. / Сост. Л.Г. Панин. Новосибирск: Наука. Сиб. Отд-ние, 1991. 181 с.; ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / АН СССР; Ин-т рус. языка им. В. В. Виноградова. Вып. 1–19. Москв: Наука, 1974 – 1992; Рос. акад. наук, Ин-т рус. языка им. В. В. Виноградова. Вып. 20. – Москва: Наука, 1992

² Здесь и далее в примерах словоупотребления в квадратных скобках указывается страница следующего издания: Дозорная книга Тарского уезда 1701 года: в 3 т. Т. 1: Дозорная книга Тарского уезда 1701 года [текст] / отв. ред. Н. А. Томилов; подгот. К изданию М. Л. Бережнова, Н. В. Кабакова, С. Н. Корусенко, Т. П. Рогожникова, М.В. Хоменко. Омск: Издательский дом «Наука», 2021. 656 с.

Обложение оброчное выражено в Дозорной книге термином оброкъ, обозначающим 'налог, взимающийся в государственную казну с недвижимости, ремесел, различных видов работ' (Словарь XVIII, вып. 16, с. 77). Этимологически существительное оброк представляет собой бессуффиксальное существительное, производное от *obrekt'i с характерным для этого типа имен чередованием гласных в корне – вокализмом в ступени *о. Семантика слова *obrokъ исходно связана с этимологией 'то, что оговорено, обусловлено', позже дополняется семей 'налог, доля, определяемый законом или договором', затем семей 'плата за службу, натуральная плата, определенное количество натуральных продуктов, по закону отдаваемых власти' (ЭССЯ, т. 29, с. 98–101). Совокупность выявленных нами контекстных значений всех случаев употребления лексемы в исследуемом источнике дает основание для уточнения значения термина. Для сибирской системы налогообложения рассматриваемого периода оброк – 'вид тягла, государственные натуральные и денежные сборы за год с тяглого населения'. Показательно, что данный термин, в отличие от слова *тягло*, изолированно от терминологических сочетаний встречается в единичных примерах: *владеет по купчей ясаших татар Аялынской волости деревни Буяновы <...> А оброку не платит* [л. 54]. В подавляющем же большинстве случаев терминологическая система Дозорной книги дифференцирует оброк в разновидностях – натуральной и денежной, эксплицированной в атрибутивных сочетаниях с отыменными прилагательными *денежной* и *хлебной*. Описание обложения денежным оброком сопровождается точным указанием суммы в денежном эквиваленте того времени: *Платит за тое лавку Великого Государя денежного оброку шесть алтын четыре деньги. И на него, Якушка, прибавлено Великого Государя денежного оброку к прежнему вновь десять денег. Всего платитъ восемь алтын две денги* [л. 207].

Статьи Дозорной книги включают также перечни объектов оброчного обложения: *за пахоты и за сенные покосы; за владение ясаших люде и пашенных земель, и санных покосов и иных угодей; на кожевенные их промыслы; за ту кузницу; на мельницу; за рыбную ловлю, за неводы и бредники; за те лавки; и с котельного промыслу.*

Натуральный оброк (*хлебной*) в свою очередь представлен в Дозорной книге двумя подвидами – податным (*хлеб выдельной*) и оброчным (*хлеб отсыпной*). Разновидности выражены атрибутивными сочетаниями, прилагательные в этом случае являются производными от глаголов *выделять* и *отсыпать*. Первый вид означает 'тяговая часть урожая, результат определения пропорции государственного тягла от полученного урожая'. *Выдельной* – 'связанный с выделом в пользу казны', от *выделять* – 'определять часть, пропорцию государственного натурального тягла от полученного урожая' (Словарь XVIII, вып. 4, с. 212). Анализ контекстов употребления термина позволяет заключить, что этот вид оброка платили имевшие прибыль с пахотных земель служилые люди, отставные служилые, дети служилых людей. В зависимости от дохода и социальной принадлежности налог варьировался от десятой части урожая (служилые люди) до пятой (отставные служилые и дети служилых людей) (Рогожникова, 2020б). Таким образом, подвид «хлебный оброк» подразделяется на разновидности, выраженные составными субстантивно-атрибутивными номинациями *выдельной хлеб десятой сноп* и *выдельной хлеб пятой сноп*: *а с пахоты платит он, Матюшка, выдельной хлеб десятой сноп* (о сыне конного казака – Т. Р.) [л. 55]; *а с пахоты платитъ в казну Великого Государя выдельной хлеб пятой сноп* (о стрелецком сыне – Т. Р.) [л. 232].

Специфика терминологической системы исследуемого источника заключается в отсутствии в тексте вариантов для рассмотренных наименований атрибутивных сочетаний десятинной и пятинной хлеб. Известно, что подобные термины характерны для терминологии документных текстов других сибирских регионов, современных исследуемому памятнику, ср.: *Построены на горе над озером две житницы государские, где сыплют государской выдельной десятинной и пятинной хлеб* [СРНДР, 1991, с. 26]. Сочетание *пятинной хлеб* встречается в единичных случаях – исключительно в преамбуле, вне подворных статей: *в казну Великого Государя пятинного хлеба бывает в зборе малое число* [ДК, л. 2 об.].

Вместе с тем следует отметить вариативность в обозначении данного подвида оброка (*выдельной хлеб* / компрессивное наименование *выдел*), детерминированную синтагматически.

Атрибутивное сочетание употребляется в констатирующей части в позитивной глагольной конструкции (*платит выдельной хлеб*), отглагольное существительное – в составе констатирующей негативной конструкции (*выделу не платит*) либо в составе предписания (*И по указу Великого Государя платить ему, Афоньке, за пахоту его вместо выделу в казну Великого Государя отсыпным хлебом четь ржи, овса то ж*) [л. 147].

Терминологическое сочетание *отсыпной хлеб* обозначало фиксированный натуральный налог, более прогрессивный в сравнении с *выдельным*, оброк, 'выдаваемый путем отсыпки; плата, выдаваемая зерном вне зависимости от урожая' (Словарь XVIII, вып. 18, с. 110): *И по указу Великого Государя платить ему, Ивашке, з детьми за пахоту ево вместо выделу в казну Великого Государя отсыпным хлебом четь ржи, овса то ж* [л. 169]. Семантическая детализация разновидности «отсыпной хлеб» дана синтагматически – по видам злаков (аналогично детализации денежного оброка в денежном эквиваленте): *четь ржи, овса то ж*.

Особую терминологическую подгруппу образуют термины с семантикой 'подворный натуральный налог с коренных народов Сибири'. Речь идет о *ясаке*. Согласно историко-энциклопедическому толкованию, *ясак* (тюрк.) – первоначально подушной натуральный налог, взимаемый с коренного населения Сибири, с 1679 года переведенный на подворный принцип; вносился продуктами хозяйства и промыслов, являлся личным доходом царя, сбором ведал Сибирский приказ (до 1733 г.) [ИЭС, т. 2, с. 419]. В тексте Дозорной книги термин встречается в преамбуле и специальной части, содержащей описание дворов коренного населения (преимущественно татарского). Лексико-семантическая дифференциация ясачного налога в тексте отсутствует, поскольку для семантики наименования *ясак* здесь характерна полисемантичность: *ясак* как то, что двор платит в казну (продукты, пушнина и пр.), и *ясак* как состояние налогоплательщика. Разные значения эксплицированы синтагматически: первое – в форме винительного падежа в сочетании с глаголом *платить* (*и по скольку четь, и кто имяны платят денежного оброку, а ясашные татаровя ясаку* [л. 2 об.]), второе – в предложном падеже в конструкции с эллипсисом глагола (*У него брат Илчимет, в ясаке ж* [л. 415]). При этом во всех частях книги употреблены терминологические сочетания с дериватом *ясашный* для обозначения объекта обложения (*ясашные земли, сенные покосы, ясашные промыслы*), плательщиков *ясака* – мужчин от 18 до 50 лет за исключением больных и увечных (*ясашные люди, ясашные татаровя и казанцы*): *за владение ясашных земель и сенных покосов вновь наложены десятинной пашни и денежного оброку* [л. 2]; *и они владеют на прокормление рыбными ловлями, речками и озерами для ясашного промыслу* [л. 347]; *служилые и захребетники ясашные татаровя и казанцы* [л. 348 об.]; *князец ясашных татар* Итбок Кокшаняков [л. 382].

Выводы

В ходе исследования «Дозорной книги Тарского уезда 1701 года» выявлен круг терминов, обозначающих подворный прямой налог с коренных жителей Сибири и пришлого населения. Лингвистический анализ лексики в сочетании с привлечением историко-энциклопедических данных позволяет констатировать системный характер лексико-семантических связей внутри данной лексической группы. Номинация терминов разнообразна в грамматико-синтаксическом плане: одиночные существительные (*тягло, оброк, ясак*), атрибутивные сочетания (*десятинная пашня, денежной оброк, хлебной оброк, выдельной хлеб, отсыпной хлеб*), составные субстантивно-атрибутивные сочетания (*выдельной хлеб пятой сноп, выдельной хлеб десятой сноп*). Количественный состав компонентов в терминологических номинациях передает градацию их семантики по линии «род – вид» – от хронологически исходных типов налога до видовых характеристик, актуальных для сибирского обложения рассматриваемого периода (дифференциация по характеру владений и имущества, а также по юридически оформленным отношениям владельца и государства).

В рамках предпринятого исследования продемонстрирована уникальность Дозорной книги как источника для реконструкции фискальной терминологической системы, являющейся частью российского нормативно-правового государственного языка рубежа XVII–XVIII вв., и как богатейшего материала для дальнейших лингвистических разысканий.

Источники

- Бережнова М. Л., Кабакова Н. В., Корусенко С. Н. (2013) Дозорная книга Тарского уезда 1701 г. как источник по этнографии народов Тарского Прииртышья. Вестник археологии, антропологии и этнографии, № 4, с. 111–116.
- Бережнова М. Л., Кабакова Н. В., Корусенко С. Н. (2014) Дозорная книга Тарского уезда 1701 г.: к вопросу о причинах составления и содержании. Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки, № 1, с. 62–69.
- Вилков О. Н. (1975) Тобольские дозорные, переписные и окладные книги XVII. В кн.: Археология и источниковедение Сибири. Новосибирск, изд. Наука, вып. 1, с. 4–13.
- Волков С. С. (2006) Стилевые средства деловой письменности XVII в.: На материале челобитных. СПб., изд-во С.-Петербург. ун-та, 342 с.
- Выхрыстюк М. С. (2013) Деловая письменность XVII–XVIII вв. г. Тобольска: лексико-грамматический аспект: монография. Тобольск, Тобольская государственная социально-гуманитарная академия им. Д.И. Менделеева, 328 с.
- Городилова Л. М. (2003) Деловая письменность Приенисейской Сибири XVII в. как источник региональной исторической лексикографии: монография. Хабаровск, Хабаровский государственный педагогический университет, 261 с.
- Городилова Л. М. (2019) Экстралингвистические условия формирования русского топонимикона Приенисейской Сибири (на материале памятников деловой письменности XVII века). Научный диалог, № 5, с. 25–45. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-5-25-45.
- Козлов С. А., Дмитриева З. В. (2001) Налоги в России до XIX в.: курс лекций и материалы для семинарских занятий. Изд. второе, испр. и доп. СПб., Историческая иллюстрация, 286 с.
- Майоров А. П. (2006) Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века. М., Азбуковник, 263 с.
- Никитин О. В. (2004) Деловая письменность в истории русского языка (XI–XVIII вв.): Лингвистические очерки: монография. М., Наука, 266 с.
- Пирогова А. В. (2011) Структура и формуляр дозорных книг Московского государства XVII века. Вестник Университета Российской академии образования, № 5, с. 148–151.
- Пирогова А. В. (2012) Топонимическое пространство дозорных книг городов Московского государства первой трети XVII в. Мир науки, культуры, образования, № 4 (35), с. 91–93.
- Рогожникова Т. П. (2020a) Дозорная книга Тарского уезда 1701 г. как источник исторической лексикологии: тягло. Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования, № 3 (28), с. 89–92.
- Рогожникова Т. П. (2020b) Термины налогообложения в тексте «Дозорной книги Тарского уезда 1701 года». Омские научные чтения. Сборник статей Четвертой Всероссийской научной конференции. Омск, Издательство Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, с. 975–979.
- Тимохина Е. А. (2004) Изучение дозорных книг первой половины XVII века в отечественной историографии. В кн.: Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., Российская академия наук, Институт российской истории, с. 307–335.
- Усков И. Ю. (2009) Историография проблемы происхождения топонима «Кемерово». Известия Алтайского государственного университета, № 4-2, с. 243–248.
- Черненко Д. А. (2012) Информационный потенциал Дозорных книг конца XVI – начала XVII вв. для изучения нижегородского дворянства. Вестник Новосибирского государственного технического университета им. Р. Е. Алексеева, № 1, с. 72–78.
- Щербич С. Н. (2010) Население вотчин Тобольского архиерейского дома по переписным книгам XVII в. Вестник археологии, антропологии и этнографии, № 2, с. 137–141.

References

- Berezhnova M. L., Kabakova N. V., Korusenko S. N. (2013) Dozornaya kniga Tarskogo uezda 1701g. kak istochnik po ehtnografii narodov Tarskogo-Priirtyshya [Patrol book of the Tara district of 1701 as a source on the ethnography of the peoples of the Tara Irtysh region]. Vestnik arheologii, antropologii i ehtnografii – Bulletin of archeology anthropology and ethnography, no. 4, pp. 111–116 (In Russian).
- Berezhnova M. L., Kabakova N. V., Korusenko S. N. (2014) Dozornaya kniga Tarskogo uezda 1701 g: k voprosu o prichinah sostavleniya soderzhanii [Patrol book of the Tara district of 1701: on the question of the reasons for compilation and content]. Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki – Bulletin of Omsk University. Series: Historical Sciences, no. 1, pp. 62–69 (In Russian).
- Vilkov O. N. (1975) Tobolskie dozornye, perepisnye i okladnye knigi-XVII veka [Tobolsk patrol, census and salary books of the 17th century]. V kn.: Arheografiya i istochnikovedenie Sibiri [In the book: Archaeography and Source of Siberia]. Science Publ., Novosibirsk, no. 1, pp. 4–13 (In Russian).
- Volkov S. S. (2006) Stilevye sredstva delovoj pismennosti XVII v.: na material chelobitnyh [Style means of business writing of the XVII century: on the material of petitions]. St. Petersburg University Publ., St. Petersburg, 342 p. (In Russian).
- Vyhrystyuk M.S. (2013) Delovaya pismennost XVII–XVIII vv. G. Tobolska: leksiko-grammaticheskij aspekt: monografiya [Business writing of the XVII–XVIII centuries of Tobolsk: Lexico-grammatical aspect: monograph]. Mendeleev Tobolsk State Social and Humanitarian Academy Publ., Tobolsk, 328 p. (In Russian).

- Gorodilova L.M. (2003) Delovaya pismennost prienisejskoj Sibiri XVII v. kak istochni regionalnoj istoricheskoj leksikografii: monografiya [Business writing of the Yenisei Siberia of the 17th century as a source of regional historical lexicography: monograph]. Khabarovsk State Pedagogical University Publ., 261 p. (In Russian).
- Gorodilova L. M. (2019) Ekhstralingvisticheskie usloviya formirovaniya-russkogo toponimikona prienisejskoj sibiri na material pamyatnikov delovoj-pismennosti XVII veka [Extralinguistic conditions for the formation of Russian toponymicon of Prienisei Siberia (based on the material of monuments of business writing of the 17th century)]. Nauchnyj dialog – Scientific dialogue, no. 5, pp. 25-45. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-5-25-45 (In Russian).
- Kozlov S. A., Dmitrieva Z. V. (2001) Nalogi v Rossii do XIX v.: kurs lekcij i materialy dlya seminarских zanyatij. Izd. vtoroe, ispr i dop. [Taxes in Russia until the 19th century: a course of lectures and materials for seminars. Ed. second, rev. and additional]. Historical illustration Publ., St. Petersburg, 286 p. (In Russian).
- Majorov A. P. (2006) Ocherki leksiki regionalnoj delovoj pismennosti XVIII veka [Essays on the vocabulary of regional business writing of the 18th century]. Publ. Azbukovnik, Moscow, 263 p.
- Nikitin O. V. (2004) Delovaya pismennost v istorii russkogo yazyka XI-XVIII vv.: lingvisticheskie ocherki: monografiya [Business writing in the history of the Russian language (XI-XVIII centuries): linguistic essays: monograph]. Science Publ., Moscow, 266 p. (In Russian).
- Pirogova A. V. (2011) Struktura i formulyar dozornyh knig Moskovskogo gosudarstva XVII veka [Structure and formulary of patrol books of the Moscow state of the 17th century]. Vestnik Universiteta Rossijskoj akademii obrazovaniya – Bulletin of the University of the Russian Academy of Education, no. 5, pp. 148-151 (In Russian).
- Pirogova A. V. (2012) Toponimicheskoe prostranstvo dozornyh knig gorodov moskovskogo gosudarstva pervoj treti XVII v. [Toponymic space of patrol books of the cities of the Moscow State in the first third of the 17th century]. Mir nauki, kultury, obrazovaniya – The world of science, culture, education, no. 4 (35), pp. 91-93 (In Russian).
- Rogozhnikova T. P. (2020a) Dozornaya kniga Tarskogo uezda 1701g. kak istochnik istoricheskoj leksikologii: tyaglo [Patrol book of the Tara district of 1701 as a source of historical lexicology: тягло]. Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta: gumanitarnye issledovaniya – Bulletin of the Omsk State Pedagogical University. Humanities Studies, no. 3 (28), c. 89-92 (In Russian).
- Rogozhnikova T. P. (2020b) Terminy nalogooblozheniya v tekste Dozornoj knigi Tarskogo uezda 1701 goda [Terms of taxation in the text of the Patrol book of the Tara district of 1701]. Omskie nauchnye chteniya sbornik statej Chetvertoj Vserossijskoj nauchnoj konferencii [Omsk scientific readings. Collection of articles of the Fourth All-Russian Scientific Conference]. Dostoevsky Omsk State University Publ., Omsk, pp. 975-979 (In Russian).
- Timohina E. A. (2004) Izuchenie dozornyh knig pervoj poloviny XVII veka v otechestvennoj istoriografii [The study of patrol books of the first half of the 17th century in Russian historiography]. V kn.: Issledovaniya po istochnikovedeniyu istorii Rossii (do 1917 g.) [In the book: Studies on the source study of the history of Russia (until 1917)]. Russian Academy of Sciences, Institute of Russian History Publ., Moscow, pp. 307-335 (In Russian).
- Uskov I. Yu. (2009) Istoriografiya problem proiskhozhdeniya toponima “Kemerovo” [Historiography of the problem of the origin of the toponym “Kemerovo”]. Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta – Izvestia Altai state university, no. 4-2, pp. 243-248 (In Russian).
- Chernenko D. A. (2012) Informacionnyj potencial dozornyh knig konca XVI – nachala XVII vv. dlya izucheniya nizhegorodskogo dvoryanstva [The information potential of the patrol books of the late 16th – early 17th centuries. for the study of the Nizhny Novgorod nobility]. Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta im. R. E. Alekseeva – Bulletin of Novosibirsk state technical university named after R. E. Alekseev, no. 1, pp. 72-78 (In Russian).
- Shcherbich S. N. (2010) Naselenie votchin Tobolskogo arhierejskogo doma po perepisnym knigam XVII v. [The population of the estates of the Tobolsk Bishop's House according to the census books of the 17th century]. Vestnik arheologii, antropologii i ehtnografii – Bulletin of archeology, anthropology and ethnography, no. 2, pp. 137-141 (In Russian).

Информация об авторе

Рогожникова Татьяна Павловна

Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, литературы и документных коммуникаций. Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.
ORCID ID: 0000-0002-4821-8987.
E-mail: pmtr@mail.ru

Autor's information

Tatyana P. Rogozhnikova

Dr. (Philology), Professor, Department of the Russian Language, Literature and Documentary Communications, Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation.
ORCID ID: 0000-0002-4821-8987.
E-mail: pmtr@mail.ru

Е. С. Радионцева¹

✉ rakaty@yandex.ru

¹Омский государственный технический университет, г. Омск, Российская Федерация

Телепередачи о моде всегда в моде: форматобразующее ядро телевизионных fashion-программ

Аннотация: Статья посвящена выявлению форматобразующих признаков fashion-программ – «Модный приговор» (Первый канал) и «Рогов в деле» (СТС). Сегодня на разных телеканалах выходит в эфир достаточно много проектов, схожих по целому ряду признаков: функциям, предмету, методам отображения. Автор полагает, что наличие дублирующих друг друга телепроектов со временем приводит к формированию конкурентных преимуществ в контент-стратегии, укреплению позиции проекта в общественном мнении или же, наоборот, к его закрытию в связи с падением рейтинга. Анализ форматобразующих признаков двух шоу о моде показывает, что проекты о моде, несмотря на очевидные сходства в предмете отображения, функциях и методах подачи информации, базируются на разной форматобразующей основе. Именно это позволяет им успешно сосуществовать. Анализ эмпирической базы основан на методике применения основных составляющих, значимых для понимания и функционирования современного телевизионного контента, составляющих суть форматобразующих признаков современной телевизионной программы – это жанровые особенности, явление артизации, ценностные компоненты, принцип сериальности, образы ведущего и телезрителя. Анализ обозначенных выше особенностей позволяет выявить специфику форматобразующих признаков шоу о моде и увидеть уникальность каждого проекта.

Ключевые слова: Модный приговор, Рогов в деле, формат, форматобразующие признаки телепередач, fashion-программы, телевидение.

Дата поступления статьи: 26 августа 2022 г.

Для цитирования: Радионцева Е. С. (2023) Телепередачи о моде всегда в моде: форматобразующее ядро телевизионных fashion-программ. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 17, № 1, с. 51–59. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.5.

Scientific article

E. S. Radiontseva¹

✉ rakaty@yandex.ru

¹Omsk State Technical University, Omsk, Russian Federation

TV shows about fashion are always in fashion: the format-forming core of television fashion shows

Abstract: The article is devoted to identify the format-shaping features of fashion programs on domestic television – “Fashion verdict” (Channel One) and “Rogov in Deed” (STS). Today, on different TV channels in different thematic segments, a lot of projects are aired being similar in a number of ways: functions, subject and display methods. The author believes that the presence of overlapping TV projects over time leads to the formation of competitive advantages in the content strategy and the strengthening of the position of the project in public opinion. An analysis of the format-forming features of two fashion shows reveals that the projects, despite the obvious similarities in the subject of display, functions and methods of presenting information, are based on a different format-forming basis. This is what allows them to co-exist successfully. The analysis of the empirical base is built on the application of the main components being significant for the understanding and functioning of modern television content and that makes up the essence of the format-shaping features of a modern television program - these are genre features, the phenomenon of artization, value components, the principle of seriality, images of the presenter and viewer. The

© Е. С. Радионцева, 2023

analysis of the abovementioned features allows identifying the specifics of the format-shaping features of a fashion show and seeing the uniqueness of each project.

Keywords: Fashionable sentence, Rogov in action, format, format-forming features of television programs, fashion programs, television.

Paper submitted: August 26, 2022.

For citation: Radiontseva E. S. (2023) TV shows about fashion are always in fashion: the format-forming core of television fashion shows. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 17, no. 1, pp. 51–59. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.5.

Введение

Fashion-журналистика – яркое и самобытное направление в типологической системе СМИ. Оно сформировалось в XVIII веке и сразу стало востребованным у аудитории. Интерес потребителей способствовал активному развитию журналистики о моде. Дальнейший путь ее формирования связан с тематической дифференциацией и проникновением во все виды и каналы СМИ. Активное внедрение fashion-тематики в разные типологические сегменты привело к появлению близких по форматообразующим признакам проектов.

Сегодня эта тенденция – существование концептуально похожих телепередач – высвечивается во многих тематических направлениях. Мир «модной» журналистики был представлен близкими по формату проектами «Снимите это немедленно!» (СТС) и «Модный приговор» (Первый канал). Автомобильная тематика схожих телепередач транслируется в программах «Главная дорога» (НТВ) и «Первая передача» (НТВ). Криминальная тема прослеживается в «близких» проектах «Следствие вели...» (НТВ) и «Легенды советского сыска» (Звезда) и т. д.

Путь развития проектов-близнецов в сфере медиа – любопытный предмет для наблюдения и анализа. Закономерным и логичным представляется развитие проектов в направлении дифференциации. Именно это позволяет сформировать его уникальное концептуальное своеобразие. Параллельное существование «близнецов» на протяжении длительного времени практически невозможно: рано или поздно намечается лидер, который оттачивает свои концептуальные преимущества. В дальнейшем это приводит либо к закрытию одного из проектов, либо к новому концептуальному витку развития проекта.

Объектом нашего исследования были выбраны две близкие по форматообразующим признакам программы – «Модный приговор» (Первый канал) и «Рогов в деле» (СТС). Задача исследования – выявить концептуальное своеобразие программ и показать, что наличие уникального форматообразующего ядра позволяет даже близким по теме, функциям и предмету отображения телепроектам существовать успешно, в то время как форматообразующая «дублированность» телепередач приводит к снижению интереса одного из проектов. Именно это показано в публикации «Эмоциональные и эстетические ценности как основа популярности ТВ-программ: опыт сопоставительного анализа» на примере криминальных программ, когда концептуальное дублирование привело к снижению интереса к одной из телепередач и ее закрытию (Радионцева, 2022).

Гипотеза исследования заключается в том, что обе программы имеют собственное уникальное форматообразующее ядро, которое позволяет им – при всей видимой «схожести» – быть принципиально разными и неповторимыми. Это приводит к появлению на телевидении программ концептуально близких, однако при этом со своей уникальной концепцией, а значит, и неповторимой аудиторией.

Так, сегодня у программы «Модный приговор» (напомним, что в 2022 году ей исполнилось 15 лет) на основных площадках social media сосредоточено более 1 млн подписчиков, у программы «Рогов в деле» за чуть более чем 2-летнюю историю – почти 300 тысяч подписчиков (см. табл. 1). Динамика популярности, измеряемая в приросте аудитории, на социальных площадках у телепередач несопоставима. Таблица свидетельствует, что у каждой программы есть своя целевая аудитория, у которой программа вызывает интерес.

Подписчики в основных social media телепрограмм (дата обращения к ресурсам – 20.07.2022)

Subscribers in the main social media of TV programs (date of access to resources – 07/20/2022)

Телепрограмма	Instagram*, чел.	«В Контакте», чел.	YouTube, чел.
«Модный приговор»	406 000	606 590	726 (до 10 000 просмотров 1 передачи)
«Рогов в деле»	207 000 (@Рогов 24)	75 623	148 000

* Тверской суд Москвы 21 марта 2022 г. признал Instagram (Meta) экстремистской организацией и запретил ее деятельность в России, продукты Instagram и Facebook также запрещены на территории РФ.

Надо отметить, что сегодня телевидение переживает не лучшие свои времена, стремительно теряя былое влияние. Это прослеживается в снижении интереса аудитории, болезненных экономических и финансовых вопросах, которые все чаще тревожат отрасль. Об этом пишут в своих исследованиях Д. С. Мартьянов и Н. С. Подлеская в публикации «Конвергенция телевидения и Интернета в России: политический аспект» (Мартьянов, Подлеская, 2020), В. Л. Скобелев в материале «Современное состояние и развитие телепотребления в России» (Скобелев, 2019), Н. М. Розанова и А. В. Юшин в статье «Конкуренция в телевизионной отрасли: мировой опыт и российские реалии» (Розанова, Юшин, 2016). «Сегодня телевидению необходимо активно развиваться, чтобы не потерять доминирующее положение, которое оно заняло в середине XX века», – говорит А. А. Хлызова (Хлызова, 2016, с. 1114).

Ноты пессимизма в научных исследованиях относительно развития телеиндустрии перемежаются с оптимистичной позицией. В большинстве своем они связаны с перспективами развития альтернативных площадок и форм телевидения. Именно об этом говорит И. И. Шепелев (Шепелев, 2019), Н. А. Морщагина и Е. Б. Помогайбина (Морщагина, Помогайбина, 2020), А. Д. Евменов и И. Ю. Благова (Евменов, Благова, 2020), С. И. Шин (Shin, 2020) и мн. др.

Осмыслением тенденций в телевизионном мире сегодня занимаются разные исследователи (Белоусова, 2011; Вечканова, 2021; Дерягин, 2020; Евменов, 2020; Качкаева, 2010; Караева, 2020; Манскова, 2021; Морщагина, Помогайбина, 2020; Розанова, Юшин, 2016; Aldeman, 2021; Shaw, 2021), вскрывая проблемы и противоречия телевизионной отрасли и показывая перспективы ее развития. В целом же пока телевидение – один из наиболее устойчивых сегментов на рынке СМИ.

Методы

Сущность понятия «формат» в отечественной науке о журналистике активно обсуждалась в 2010-х годах на страницах научного журнала «Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика». По этому поводу в издании № 6 (2010) развернулась дискуссия, в которой приняла участие научная школа исследователей журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова. Понятие «формат» рассматривалось с разных позиций – теории журналистики и СМИ, языковых аспектов, относительно системы теле- и радиовещания, экономики СМИ. Спустя два года, опираясь на эти исследования, а также на другие научные труды, в журнале «Медиаальманах» вышла публикация, которая подвела итог развернувшейся дискуссии. В статье «Современное состояние теоретических представлений о формате СМИ» С. Степанян выделила основные теоретические подходы, определяющие содержание понятия «формат» в сфере СМИ. Она представила пять основных позиций и выделила технологический, психологический, феноменологический, содержательный и индустриальный подходы к понятию «формат»: «Многообразие подходов к интерпретации понятия “формат” в СМИ подразумевает несколько уровней анализа информации и методов работы с ней. Нам представляется важным учесть все наработки исследователей и, исходя из них, попытаться дать наиболее полное его определение: формат СМИ – стандарты организации информационного потока по заранее заданным критериям, которые оптимизируют

процесс серийного выпуска контента на определенной медийной платформе для целевой аудитории» (Степанян, 2012, с. 10).

Комплексным и системным представляется подход к понятию «формат» телевизионных программ Н. А. Захарченко (Захарченко, 2019). В своей работе «Современная телевизионная программа» она говорит о шести основных составляющих формата современной TV-программы. Основные особенности функционирования современного телевизионного контента она связывает с жанровыми метаморфозами, явлением артизации, ценностными ориентирами программы, принципом сериальности, образом ведущего и образом телезрителя. Именно эти особенности мы попытаемся осмыслить в ходе анализа программ «Модный приговор» и «Рогов в деле».

Результаты

Форматообразующие признаки телепрограмм «Модный приговор» и «Рогов в деле».

Жанровая специфика программ

Программа «Модный приговор» появилась на Первом канале в 2007 году. Через нейминг проект заявил о своей жанровой специфике, построенной на диффузии несочетаемых на первый взгляд основ: fashion-тематики и судебного заседания – все это в форме ток-шоу. За годы выхода программы формат практически не изменился. Героями телепередачи становятся женщины и мужчины, которых друзья или родственники обвиняют в отсутствии стиля. Суд идет в лице обвинителя Эвелины Хромченко, защитника (в разное время эту роль выполняли разные личности) и судьи Александра Васильева (на протяжении последних лет именно он выполняет эту роль). Жанр «Модного приговора» – шоу о моде и стиле или «модное шоу» – определяется исследователями однозначно (Степанян, 2012, с. 19).

Следует сказать, что Первый канал признается лидером на медийном рынке России по степени многочисленности, разнообразия, инвариантности развлекательных программ, к числу которых принадлежит и «Модный приговор». Только среди ток-шоу на Первом канале можно встретить огромное количество его разных инвариантных форм: романтическое шоу («Давай поженимся!»), интеллектуальное шоу («Умники и умницы»), кулинарное шоу («Смак»), судебное шоу («Федеральный судья»), музыкальное шоу («Достояние республики») и т. д. Представленный перечень не носит исчерпывающего характера, поскольку в ретроспективе можно найти и другие примеры разных видов ток-шоу. Телеканал «СТС», на котором выходила программа «Рогов в деле», тоже богат на разные жанровые формы ток-шоу и смело идет на эксперименты, внедряет новации. Это и интеллектуальное шоу «Самый умный», и шоу о моде «Снимите это немедленно!», и другие. Часть из них уже перестала выходить в эфир, часть продолжает интриговать телезрителей.

Представленные выше примеры показывают, что традиционная система телевизионных жанров в современных условиях оказалась не совсем жизнеспособной, отчасти невостребованной даже профессионалами. Пришло понимание, что самые интересные формы следует искать на стыке разных жанров. Иногда это приводит к тому, что конкретному жанру соответствует узкий, крайне ограниченный круг программ, а иногда только один проект. Так, «Модный приговор» – это единственное в своем роде ток-шоу в виде судебного заседания о стиле и моде.

Жанр программы «Рогов в деле», которая начала выходить в эфир на телеканале СТС в 2019 году, – мэйквер-шоу, или ток-шоу о преобразении героини. Ведущий Александр Рогов подбирает участницам яркие образы и в процессе преобразования помогает решить сложные жизненные ситуации – от ремонта жилья до консультации у семейного психолога или курсов по вождению. Жанровая концепция проекта читается через наименование: makeover дословно переводится как «косметика», «преображение». При этом ведущий не останавливается на визуальном преобразении – его задача трансформировать и внутренний мир, дать толчок к изменению. Именно поэтому ведущему помогают специалисты других сфер: дизайнеры интерьеров, пластические хирурги, косметологи, психологи и т. д.

В силу того, что задача телепроектов связана с преобразованием, сюжеты программ близки – это путь к преобразению. Продолжительность программ позволяет погрузить телезрителя в

проблему, показать процесс трансформации, подвести итог: 65 минут – продолжительность программы «Модный приговор», 48 минут – «Рогов в деле».

Таким образом, жанровое ядро – шоу – сближает программы, а сюжетное воплощение и сценическая интерпретация делают их отличными, непохожими друг на друга, выявляя уникальные жанровые разновидности проектов.

Артизация fashion-программ

Понятие «артизация» восходит к французскому art («искусство») и на современном этапе применительно к проектам телеиндустрии трактуется предельно широко. Традиционно под артизацией понимают наиболее зрелую форму массовой культуры, проявляющуюся в театрализации событий политической, общественной, культурной жизни и сопровождающуюся облечением тех или иных предметов, явлений жизни в зрелищные формы (Эстетика, 1989, с. 19). Функция этого явления – через зрелищные, игровые приемы преобразить реалии жизни в привлекательные и запоминающиеся, увести человека в мир благополучия, красоты, гармонии. Артизация создает иллюзорную картину мира. Театрализация действительности как творческий процесс становится здесь отличительной чертой.

Программа «Модный приговор» построена на активном внедрении в проект элементов артизации. Зрителя будто погружают в сюрреалистический мир. Этому способствуют яркие новые декорации, разработанные, кстати, к юбилею ведущего Александра Васильева, а именно: цвета, фактуры материалов, композиция. Надо отметить, что последняя смена интерьера – уже четвертая на пути в мир театральной фантазмагии «Модного приговора». Яркие декорации, четкие роли участников и героев, музыкальное сопровождение словно подчеркивают бутафорский характер шоу, делая его характерным и выразительным. При этом зрительный зал всегда полон, всегда аншлаги. В основе судебного шоу о моде – имитация спектакля, пересматривая который открываешь для себя что-то новое, неизведанное. Он погружает в особую атмосферу – красоты, эстетики, гармонии. Психологическая атмосфера этого действия настолько комфортна, что хочется разделять ее с создателями программы снова и снова. В этом – один из секретов популярности программы.

Телепередача «Рогов в деле» на первый взгляд далека от артизации. Не случайно она позиционирует себя как «реальное ТВ». Здесь прослеживается другая тенденция – показать жизнь такой, какова она есть, без прикрас. Программа насыщена элементами реальности – бабушки на лавочках у подъездов, читающие газеты (!); естественный беспорядок в помещении; красные от слез глаза героинь. Камера следует за героем в то жизненное пространство, которое осваивается в процессе преобразования героини. Однако тенденция на естественность – это тоже тенденция артизации, столь же актуальная и востребованная, как сценическое искусство. Она была взята на вооружение креативными директорами модных домов, чтобы сблизить моду с массовым потребителем, показать, как можно ее вписать в реальные образы. В последнее время в мире fashion она приобрела необычайную актуальность. Тренд мира моды использует и Александр Рогов. Добиться реальной картинки иногда значительно сложнее, чем создать бутафорию и сюрреалистический концепт.

Таким образом, можно констатировать, что явление артизации сегодня активно используется миром телевизионной fashion-индустрии, но преломляется по-разному. Без формирования своей, особой для каждой программы «реальности» невозможно погрузить в сюжет, а значит, нельзя добиться и эмоционального вовлечения телезрителя.

Ценности и принцип сериальности контента

Ценностные ориентиры, транслируемые сегодня СМИ и, если посмотреть шире, медиа в целом, оказывают на человека больше влияния, чем все традиционные институты – семья, школа, искусство, религия. Не случайно исследователи говорят о трансформации homo sapiens в media sapiens. Ученые тревожатся по поводу того, что нравственные категории добра, справедливости, чести, достоинства отходят на задний план, уступая место эпатажу, развлечению, сенсации.

Картина мира, создаваемая телевидением, базируется на виртуальных принципах, которые оказываются весьма жизнеспособны и влиятельны.

Развлекательная функция, которая лежит в основе fashion-программ, реализуется через целый спектр ценностных мотивов. В целом телепередачи о моде – это ценности красоты, эстетики, гармонии. Идеальный визуальный образ тесно связан с одеждой, поскольку она способна преобразить пропорции, приблизить к совершенству. Костюм создает визуальную оболочку, воспринимаемую социумом в соответствии с нормативными требованиями, предъявляемыми культурой. Часто через визуальный образ человек стремится подкорректировать текст, передаваемый знаками тела.

Вместе с позитивными ценностями телепередачи о моде транслируют и ценности сомнительные с точки зрения традиционных общественных основ. В «Модном приговоре» они прослеживаются в зачине программы, когда родственники или друзья обвиняемого обращаются к модным экспертам за помощью. Показывается, что визуальный образ, а значит и ценности человека, оказываются для близких людей неприемлемыми. Телепрограмма показывает, что допустимо общественное осуждение визуального имиджа. Уровень этого осуждения настолько высок, что позволяет вывести его в публичную плоскость. Безусловно, границы моральных норм сегодня размыты. Нередко можно услышать осуждение внешнего вида и не заметить ужасного проступка. Можно ли считать ли такой подход нормальным? Вопрос остается открытым.

В программе «Рогов в деле» псевдоценностная позиция общественного осуждения не представлена. Здесь сами героини осознают свои визуальные несовершенства и просят у ведущего помощи в преображении. Давайте задумаемся, что скрывается за этой просьбой, какие ценности она транслирует. Нас, телезрителей, будто призывают критически относиться к своему внешнему образу, занижая свою самооценку, сомневаясь в себе. Это приводит к формированию неполноценной, неуверенной в себе личности.

Дальнейший путь преображения транслирует ценности эстетического плана. На их фиксацию приходится большая часть эфирного времени. Однако даже небольшой фрагмент телепередачи в самом начале способствует формированию неуверенности в себе, закладывает сомнения в близких, формирует отсутствие опоры в лице родных людей, заставляет сомневаться в себе и окружающих.

Безусловно, подобное начало – важный элемент в сюжетной игре программы, построенной на конфликте, который дает импульс и формирует динамику телепередачи. Получается, что традиционные ценности нивелируются в угоду рейтингу и частоте просмотров.

Более того, программы, построенные по принципу сериальности – а fashion-программы строятся именно по такому принципу, – фиксируют те элементы псевдоценностей, о которых говорилось выше, формируют медиазависимость потребителя. Стоит отметить, что *media sapiens* неравнодушен к сериалам – будь то детектив или криминальные многосерийные полотна, мелодраматический сюжет. Примета нашего времени – любовь и почитание сериальных проектов как в собственно сериалах, так и в телепродукции. Таким образом происходит закрепление ценностей.

Образ ведущего и образ телезрителя

Не секрет, что успех телевизионного проекта во многом зависит от ведущего. В медиaproстранстве современности личность ведущего сопоставима с актерской популярностью, влияющей на успех спектакля.

В программе «Модный приговор» роли ведущих четко дифференцированы: судья, защитник, обвинитель. В настоящий момент судья – Александр Васильев, защитник – Надежда Бабкина, обвинитель – Эвелина Хромченко. Четкое следование роли позволяет менять ведущих без внесения концептуальных изменений в проект. Именно поэтому, например, ведущими-судьями в разное время были Вячеслав Зайцев, Валентин Юдашкин, Денис Симачев, Дмитрий Харатьян, Алексей Ягудин, Николай Цискаридзе, Дмитрий Дибров, Валдис Пельш. Часть из них выступала

в роли ведущих всего один раз. Постоянные ведущие – эксперты в мире fashion, авторитет и известность которых не вызывают сомнений. Телезрителям интересно посмотреть, как личность ведущего преломляется в обозначенной роли, чем они ее обогащают и насыщают, насколько успешно справляются с ней в целом.

Совсем иные качества высвечивает ведущий программы «Рогов в деле». Представление ведущего, взаимодействие и общение с героями показывают, что для ведущего программа – это система самопрезентации. Ведущий – главный ее герой, чуткий и внимательный к людям, яркий собеседник, авторитетный эксперт. Он сочетает разные функции, создавая неповторимый динамичный образ. Зачастую его мнение, советы, реплики значительно интереснее, чем наблюдение за процессом преображения героини. Однако именно в этом и кроется недостаток телепередачи – ведущий становится незаменимым эпицентром сюжета. Его уход делает невозможным продолжение программы.

Таким образом, мы видим, что личность ведущего – это не просто определенная роль, это залог продолжительности жизни программы. Это центр притяжения аудитории и фокус ее внимания.

Форматообразующие особенности программ притягивают разную аудиторию и делают проект популярным у разных сегментов телезрителей (табл.).

Аудитория телепередач рассредоточена между разными социальными платформами. Учитывая разный возраст программ, можно сказать, что аудитория проекта «Рогов в деле» динамичнее, моложе, мобильнее; она охотнее объединяется в сообщества, пристально следя за своим кумиром. У каждой программы сформировался пул своих лояльных зрителей, которые любят программу и разделяют с ней ценности.

Выводы

Сравнительный анализ форматообразующих признаков близких на первый взгляд fashion-программ – «Модный приговор» (Первый канал) и «Рогов в деле» (СТС) – показал, что при всех сходствах у каждой программы есть свое форматообразующее ядро – концептуальный центр телепередачи. Оно основано на сочетании целого ряда параметров, наиболее значимыми из которых являются жанровые формы, сочетаемые с приемом артизации, образ ведущего/ведущих и ценностные ориентиры, транслируемые телепередачей. Вокруг форматообразующего ядра выстраиваются концептуальные доминанты, позволяющие телепрограмме быть отличной от всякой другой, близкой по теме, предмету и методам отображения. Индивидуальные особенности программы считываются телезрителями интуитивно и притягивают ту аудиторию, которая готова разделить с программой ее ценности и видение мира. Программы «Модный приговор» и «Рогов в деле» не являются дублерами с точки зрения форматообразующих признаков, а значит, можно утверждать, что подобные проекты имеют возможность жить и развиваться на отечественном телевидении в параллели.

Источники

- Белюсова М. Н. (2011) Современное состояние и тенденции развития жанров тележурналистики. Вестник РУДН. Серия «Литературоведение. Журналистика», № 1, с. 73–81.
- Вечканова М. С. (2021) Визуализация и интерактивность как тенденции современной социальной журналистики. Челябинский гуманитарий, № 2 (55), с. 43–49.
- Дерягин А. Ю. (2020) Современное состояние и тенденция развития жанров телевизионной журналистики. Вестник Российско-Армянского (Славянского) университета: гуманитарные и общественные науки, № 1 (34), с. 116–121.
- Евменов А. Д., Благова И. Ю. (2020) Российский рынок цифрового аудиовизуального контента: анализ и прогноз развития. Петербургский экономический журнал, № 2, с. 6–15.
- Захарченко Н. А. (2019) Современная телевизионная программа. Самара, 88 с.
- Караева А. М. (2020) Обобщенный образ ведущего информационных телепрограмм (на материале исследования телеканала ННТ). Вопросы устойчивого развития общества, № 7, с. 276–282.
- Качкаева А. Г. (2010) Жанры и форматы современного телевидения. Последствия трансформации. Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика, № 6, с. 42–51.
- Манскова Е. А. (2021) Проблемы трансформации медиастратегий российских региональных телекомпаний в условиях кризиса традиционных СМИ. Филология и человек, № 4, с. 140–147.

- Мартыанов Д. С., Подлесская Н. С. (2020) Конвергенция телевидения и интернета в России: политический аспект. Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС, том 16, № 1, с. 58–77.
- Морщагина Н. А., Помогайбина Е. Б. (2020) Особенности функционирования и перспективы отечественного телевидения в условиях активного развития Интернет-ресурсов. Петербургский экономический журнал, № 2, с. 69–81.
- Радионцева Е. С. (2022) Эмоциональные и эстетические ценности как основа популярности ТВ-программ: опыт сопоставительного анализа. Научный диалог, том 11, № 3, с. 247–263.
- Розанова Н. М., Юшин А. В. (2016) Конкуренция в телевизионной отрасли: мировой опыт и российские реалии. ЭКО, № 6, с. 168–181.
- Скобелев В. Л. (2019) Современное состояние и развитие телепотребления в России. Петербургский экономический журнал, № 1, с. 25–33.
- Степанян С. (2012) Современное состояние теоретических представлений о формате СМИ. Медиа-альманах, № 3 (50), с. 6–11.
- Хлызова А. А. (2016) Телевидение в условиях конвергенции СМИ на современном этапе. Ученые записки Казанского университета. Серия гуманитарные науки, т. 158, книга 4, с. 1108–1122.
- Шепелев И. И. (2019) Перспективы развития современного телевидения. Academy, № 6 (45), с. 42–43.
- Эстетика: Словарь (1989). Под общ. ред. А. А. Беляева [и другие]. М., Политиздат, 446 с.
- Aldeman D. (2021) Introduction – New Perspectives on new television. Canadian Review of American Studies, vol. 51, iss. 3.
- Shaw C. (2021) Introduction : Television and nostalgia now. The Journal of Popular Television, Vol. 9, Iss. 3 (1), pp. 287–291.
- Shin S. I. (2020) Exploring a mobile phone user's attitude toward watching TV content on a mobile phone – uses and gratifications perspective. Information Technology & People, vol. 34, iss. 2.

References

- Aldeman D. (2021) Introduction – New Perspectives on new television. Canadian Review of American Studies, vol. 51, Iss. 3.
- Belousova M. N. (2011) Sovremennoye sostoyaniye i tendentsii razvitiya zhanrov telezhurnalistiki [Current state and trends in the development of television journalism genres]. RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism, no. 1, pp. 73–81 (In Russian).
- Deryagin A. Yu. (2020) Sovremennoye sostoyaniye i tendentsiya razvitiya zhanrov televizionnoy zhurnalistiki [The current state and development trend of the genres of television journalism]. Vestnik Rossiysko-Armyanskogo (Slavyanskogo) universiteta: gumanitarnyye i obshchestvennyye nauki – Bulletin of the Russian-Armenian (Slavonic) University: Humanities and Social Sciences, no. 1 (34), pp. 116–121 (In Russian).
- Estetika: Slovar' [Aesthetics: Dictionary] Under the general. ed. A. A. Belyaeva [and others]. Moscow, Publ. Politizdat, 1989. 446 p.
- Evmenov A. D., Blagova I. Yu. (2020) Rossiyskiy rynek tsifrovogo audiovizual'nogo kontenta: analiz i prognoz razvitiya [Russian digital audio-visual content market: analysis and forecast of development]. Peterburgskiy ekonomicheskiy zhurnal – Petersburg Economic Journal, no. 2, pp. 6–15 (In Russian).
- Kachkaeva A. G. (2010) Zhanry i formaty sovremennogo televideniya. Posledstviya transformatsii [Genres and formats of modern television. Consequences of transformation]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika, no. 6, pp. 42–51 (In Russian).
- Karaeva A. M. (2020) Obobshchennyi obraz vedushchego informatsionnykh teleprogramm (na materiale issledovaniya telekanala NNT) [A generalized image of the presenter of informational television programs (based on the study of the NNT channel)]. Issues of sustainable development of society, no. 7, p. 276–282.
- Khlyzova A. A. (2016) elevideniye v usloviyakh konvergensii SMI na sovremennom etape. Uchenyye zapiski Kazanskogo universiteta [Television in the conditions of media convergence at the present stage]. Scientific notes of Kazan University. Humanities Series, vol. 158, Book 4, pp. 1108–1122 (In Russian).
- Manskova E.A. (2021) Problemy transformatsii mediastrategiy rossiyskikh regional'nykh telekompaniy v usloviyakh krizisa traditsionnykh SMI [Problems of transformation of media strategies of Russian regional TV companies in the context of the crisis of traditional media]. Filologiya i chelovek – Philology and Man, no. 4, pp. 140–147 (In Russian).
- Martyanov D. S., Podlesskaya N. S. (2020) Konvergensiya televideniya i interneta v Rossii: politicheskiy aspekt [Convergence of television and the Internet in Russia: a political aspect]. Political expertise: POLITEX, vol. 16, no. 1, pp. 58–77 (In Russian).
- Morshchagina N. A., Pomogaibina E. B. (2020) Osobennosti funktsionirovaniya i perspektivy otechestvennogo televideniya v usloviyakh aktivnogo razvitiya Internet-resursov [Features of the functioning and prospects of domestic television in the context of the active development of Internet resources]. Petersburg Economic Journal, no. 2, pp. 69–81 (In Russian).
- Radiontseva E. S. (2022) Emotsional'nyye i esteticheskiye tsennosti kak osnova populyarnosti TV-programm: opyt sopostavitel'nogo analiza [Emotional and Aesthetic Values as Basis for Popularity of TV Programs: Contrastive-Comparative Experience]. Nauchnyi dialog, vol. 11, no. 3, pp. 247–263 (In Russian).

- Rozanova N. M., Yushin A. V. (2016) Konkurenciya v televizionnoy otrasli: mirovoy opyt i rossiyskiye realii [Competition in the television industry: global experience and Russian realities]. ECO Journal, no. 6, pp. 168–181 (In Russian).
- Shaw C. (2021) Introduction : Television and nostalgia now. The Journal of Popular Television, vol. 9, Iss. 3 (1), pp. 287–291.
- Shepelev I. I. (2019) Perspektivy razvitiya sovremennogo televideniya [Prospects for the development of modern television]. Academy, no. 6 (45), pp. 42–43 (In Russian).
- Shin S. I. (2020) Exploring a mobile phone user's attitude toward watching TV content on a mobile phone – uses and gratifications perspective. Information Technology & People, vol. 34, Iss. 2.
- Skobelev V. L. (2019) Sovremennoye sostoyaniye i razvitiye telepotrebleniya v Rossii [Current state and development of television consumption in Russia]. Petersburg Economic Journal, no. 1, pp. 25–33 (In Russian).
- Stepanyan S. (2012) Sovremennoye sostoyaniye teoreticheskikh predstavleniy o formate SMI [The current state of theoretical ideas about the media format]. MediaAlmanah Journal, no. 3 (50), pp. 6–11 (In Russian).
- Vechkanova M. S. (2021) Vizualizatsiya i interaktivnost' kak tendentsii sovremennoy sotsial'noy zhurnalistiki [Visualization and interactivity as trends in modern social journalism]. Chelyabinskij Gumanitarij, no. 2 (55), pp. 43–49 (In Russian).
- Zakharchenko N. A. (2019) Sovremennaya televizionnaya programma [Modern television program]. Samara, 88 p.

Информация об авторе

Радионцева Екатерина Сергеевна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры истории, философии и социальных коммуникаций. Омский государственный технический университет, г. Омск, РФ.
ORCID iD: 0000-0002-2248-198X.
E-mail: rakaty@yandex.ru

Author's information

Ekaterina S. Radiontseva

Cand. Sc. (Philol.), Associate Professor of the Department of History, Philosophy and Social Communications. Omsk State Technical University, Omsk, Russian Federation.
ORCID iD: 0000-0002-2248-198X.
E-mail: rakaty@yandex.ru

К 210-летию со дня рождения И. А. Гончарова

УДК 82-3

DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.6

Научная статья

Е. А. Акелькина¹

✉ fmdostocentr@yandex.ru

¹Омская гуманитарная академия, г. Омск, Российская Федерация

Художественно-критическая статья И. А. Гончарова «Картина г. Крамского “Христос в пустыне”»

Аннотация: В работе анализируется одна из немногих художественно-критических статей И. А. Гончарова «Картина г. Крамского “Христос в пустыне”». Этот важный этап формирования художественной критики в России содержит мысли автора о жанрах Священной истории, о художественности и реализме. Также статья интересна скрытой полемикой с Ф. М. Достоевским о принципах оценки картин по Священной истории.

Ключевые слова: И. А. Гончаров, И. Н. Крамской, Ф. М. Достоевский, исторический жанр, Священная история, реализм.

Дата поступления статьи: 10 января 2023 г.

Для цитирования: Акелькина Е. А. (2023) Художественно-критическая статья И. А. Гончарова «Картина г. Крамского “Христос в пустыне”». Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 17, № 1, с. 60–64. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.6.

Scientific article

Е. А. Akel'kina¹

✉ fmdostocentr@yandex.ru

¹Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russian Federation

I. A. Goncharov's art-critical article “Kramskoy's painting “Christ in the Desert”

Abstract: The paper analyzes one of the few art-critical articles by I. A. Goncharov “The painting of G. Kramskoy “Christ in the Desert”. This important stage in the formation of art criticism in Russia contains the author's thoughts about the genres of Sacred History, about artistry and realism. The article is also interesting in the hidden controversy with F. M. Dostoevsky about the principles of evaluating paintings on Sacred history.

Keywords: I. A. Goncharov, I. N. Kramskoy, F. M. Dostoevsky, historical genre, Sacred history, realism.

Paper submitted: January 10, 2023.

For citation: Akel'kina E. A. (2023) I. A. Goncharov's art-critical article “Kramskoy's painting “Christ in the Desert”. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 17, no. 1, pp. 60–64. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.6.

Введение

Статья И. А. Гончарова «Картина г. Крамского “Христос в пустыне”» была написана в 1874 году в период открытия третьей выставки передвижников. Однако меньше трети объема статьи посвящено картине И. Н. Крамского, которая стала только поводом для высказывания общеэстетических взглядов писателя о природе искусства живописи, о художественной правде

и о том, что такое реализм. Начиная статью с замечания о неудачном размещении картины Крамского «в глубине залы, в углу», автор делает вывод о том, что эта «картина и по сюжету и по исполнению должна иметь важное значение в современном искусстве» (Гончаров, 1952, т. 8, с. 220). И далее восемь страниц из десяти посвящены анализу, обзору, полемике о картинах современников и предшественниках Крамского «с изображением лиц и событий священного писания». И только две страницы собственно упомянутой в названии картине художника.

Актуальность

И. А. Гончаров активно включается в споры о жанрах Священной истории и их роли в русской живописи, о скептицизме и неверии, будто бы о разъедающих эстетические начала художников, лишаящих изображение религиозных сюжетов «их священного характера» (Гончаров, 1952, т. 8, с. 220). Неслучайно Гончаров обращается к судьбе картин исторического жанра. Совсем недавно в 1875 году в газете «Гражданин» в рубрике под названием «Дневник писателя» Ф. М. Достоевский в разделе «По поводу выставки» с резкой критикой отозвался о картине Н. Н. Ге «Тайная вечеря». Гончаров нигде не называет Достоевского, с которым в оценке этой работы был солидарен В. А. Стасов, однако он явно осведомлен о характере их отзывов и полемизирует с ними.

Стоит напомнить: в конце 1840-х годов в доме академика живописи Николая Аполлоновича Майкова знакомятся молодой Достоевский и домашний учитель сыновей хозяина дома Гончаров. Ф. М. Достоевскому и И. А. Гончарову кружок Майковых помог сформировать высокое отношение к искусству живописи и к особой миссии художника-творца. Здесь общение по поводу живописи способствовало формированию художественного вкуса Ф. М. Достоевского и И. А. Гончарова. Эти два писателя были единственными, кто получил систематическое образование по истории искусства: Ф. М. Достоевский в военно-инженерном училище изучал историю изобразительного искусства и архитектуры, а И. А. Гончаров этот же курс слушал в Московском университете. Будущих писателей привлекали картины великих мастеров прошлого – Рафаэля, Тициана, Корреджо, Рембрандта, Г. Рени, Г. Гольбейна. В этих предпочтениях Гончарова и Достоевского явно отразился вкус главы кружка академика живописи Николая Аполлоновича Майкова. Разумеется, на использование картин – цитат этих художников как способа философского обобщения в произведениях Ф. М. Достоевского и И. А. Гончарова повлияла и мода эпохи. Семейный кружок Майкова запомнился молодым писателям атмосферой любви, дружбы, понимания, здесь формировались их представления о критериях художественности и своеобразии живописи.

Почти на двадцать лет судьба разведет старых приятелей, но в 1874 году вновь пересекутся их литературные пути. И. А. Гончаров войдет в редакционный комитет благотворительного сборника «Складчина» (в помощь голодающим), в который Достоевский представит для участия очерк-эссе «Маленькие картинки в дороге». В феврале этого года развернется интереснейшая переписка редактора с автором. Как прежде, они будут вести в ней диалог о типичности при изображении характеров, о художественной правде, о реализме. Это название «Маленькие картинки» впервые появилось у Достоевского в рубрике «Гражданина» за 1873 год, озаглавленной «Дневник писателя», в ней будет напечатана и художественно-критическая статья «По поводу выставки». Статью, несомненно, читал И. А. Гончаров, и в ближайшие месяцы (март-апрель) он пишет статью о картине И. А. Крамского, в которой, не называя имени оппонента, полемизирует с Достоевским. «Многие по этой только причине (обвинение в безверии) отказались признать за картинами Н. Ге из священного писания их несомненно художественные достоинства. Из уважения к искусству мы не решились бы никогда посягнуть на такое капитальное обвинение», – начинает этот спор И. А. Гончаров (Гончаров, 1952, т. 8, с. 220–221).

Далее писатель поясняет: что хотел бы приложить к изображениям Ге «начала разумной художественной критики» и «уйти от условных приемов» исторической школы и внести свою долю реализма в сюжет, то есть «...в чувственные проявления её в символах лиц, (исторических) событий, быта, то есть того, что может быть только доступно пластическому искусству, к чему уже были попытки и у старых мастеров» (Там же, с. 221).

Здесь речь идет об отрицательной оценке Достоевским картины Н. Н. Ге «Тайная вечеря», в которой не передан «смысл этого исторического события». По мнению Достоевского, мало передать лицо или бытовую сторону события, если не постигнут смысл и масштаб происходящего. От этой смеси исторической и текущей действительности (бытовой) происходит «ложь пуще всякой, вышла фальшь... и вовсе не реализм» (Достоевский, 1980, т. 21, с. 76). И. А. Гончаров берет под защиту Н. Ге, утверждая: «Художественная правда есть прямая цель искусства, как правда историческая есть цель историка археологии. <...> Живопись ограничена временем – она воплощает один момент лица, чувства, страсти, события или просто неподвижное состояние физической природы, как, например, в пейзаже. У картины нет прошлого, нет и будущего, рама её может быть обширна, почти безгранична, но время сосредоточено на одной избранной точке» (Гончаров, 1952, т. 8, с. 221-222). Он словно противопоставляет пластическое видимое и смысловое, духовное, как бы отвечая этой фразой на вопрос Достоевского «где же и причем тут последовавшие восемнадцать веков христианства?» (Достоевский, 1980, т. 21, с. 76), а точнее, игнорируя иное понимание смысла события Священной истории. И. А. Гончаров видит в картине Ге только психологический контраст в сюжете противостояния Христа и Иуды как обычных людей, считая, что «никакая кисть не изобразит всего Христа, как богочеловека, божественность которого доступна только нашему понятию и чувству веры – истекающим не из вещественного его образа, а из целой жизни и учения» (Гончаров, 1952, т. 8, с. 222). Иначе говоря, Гончаров утверждает, что живописи доступно только видимое, внешнее, а не сущностное, невольно подозревая зрителей в неспособности вникнуть во внутренний смысл события. Далее Гончаров вспоминает «Тайную вечерю» Леонардо да Винчи, работы П. Веронезе, Рафаэля, Гвидо Рени, Тициана. Во всех этих произведениях старых мастеров он видит лишь воплощение гармонии грации, идеального начала, только намек на божественную природу Христа с помощью фантазии художника, которую отрицает Ренан. Упоминание Э. Ренана многое проясняет во взглядах Гончарова, как и этого философа-позитивиста, отрицавшего метафизический план бытия и приписывавшего идеалистическому началу огромный творческий потенциал. Считая главным в живописи остановку на какой-нибудь минуте, особо выразительной для правдивого изображения внешнего облика персонажей, И. А. Гончаров видит только этот результат в картинах старых мастеров. У Гвидо Рени доминантой становится «самоотречение, покорность судьбе» в облике Христа, а в картине Тициана «Динарий кесаря» писатель замечает «на прекрасном, исхудалом бледном лице – пронизательный, тонкий взгляд лукавого иудея – и вместе теплится кротостью и благостью, свойственной натуре этого лица» (Гончаров, 1952, т. 8, с. 229). Таким образом, писатель несколько снижает облик Богочеловека, делает его более земным и бытовым «в фантазии художника». Тогда как Достоевский в статье «По поводу выставки» не конкретизирует в этой же картине Тициана зрительское восприятие Христа, говоря обобщенно «то лицо» и тогда «многое бы стало понятно, не признавая в работе Н. Ге реализма. Только в финале И. А. Гончаров пытается описать своеобразие подхода И. А. Крамского к образу Спасителя: «Г. Крамской избрал не момент, а целый период – пост, молитву и пребывание в пустыне <...> Это состояние. На всей картине лежит будто тень и с этой тенью сливается фигура Христа, с первого раза, в нескольких шагах, мало заметная, едва отличающаяся от камней, от тона воздуха и фона дали» (Гончаров, 1952, т. 8, с. 229). По мнению автора, взгляд Христа, погружившись в перспективу пустыни, становится живее и пристальнее. И «чем более вы вглядываетесь, тем глубже картина втягивает вас в себя. Художник глубоко уводит вас в свою творческую бездну». Автор отмечает в облике человекобога «выстрадавшее, омывшее слезами и муками грехи мира – но добывшее себе силу на подвиг» (Там же).

То есть Гончаров утверждает субъективность фантазии художника, без которой нет искусства и даже реализм невозможен. Автор надеется, что зрители «вправе очень многого ожидать от Крамского после этой картины». Но сам художник оценивает свою работу намного скромнее, считая, что замысел не удалось художественно осуществить. Он пишет о работе над этой картиной: «Сколько раз я плакал перед этой фигурой! Ну и что же после этого? Разве можно это написать? И Вы спрашиваете себя, и справедливо спрашиваете: могу ли я написать Христа?»

Нет, дорогой мой, не могу и не мог написать, а все-таки писал, пока его другие не увидели, – словом, совершил, быть может, профанацию, но не мог не писать. Должен был написать. Уж как хотите, не мог я обойтись без этого. Я могу сказать, что писал его слезами и кровью» (Переписка И. Н. Крамского, 1954, т. 2, с. 90–91).

Крамской с художественной требовательностью и честностью осознает, что вместо «Мирового человека», он пишет собственное индивидуальное представление о Христе, частное, эмпирическое и придуманное. Он страдает от этого понижения уровня всеобщности героя, от понижения масштаба образа. Совершенно справедливо анализирует эту картину Крамского современный искусствовед: «Казалось бы, многое удалось художнику. Картина аскетически выразительна: линия низкого горизонта и одинокая фигура образуют на плоскости форму креста... Христос воспринимается как живое изваяние среди мертвых скал; тем самым изображение реализует словесную метафору: “окаменел в раздумье”. Выразителен весь силуэт, и лицо с глубоко запавшими глазницами и сплетенные кисти рук... что-то смущает в картине, что-то не дает видеть её как завершенное в себе целое. Излишняя сухость и дробность пейзажа, где каждому осколку камня уделено едва ли не столько же внимания, сколько и лицу Христа ... в живописно-пластическом смысле пространство картины вообще не структурировано, а совершенно однородно; это как бы кадр натурального мотива, комбинация “фигура + фон”, воспринимается фрагментом пейзажа с моделью “изображающей” Христа, словно часть целого, в момент его развертывания» (Даниэль, 1994, с. 32–33).

Результаты

Философ И. А. Ильин определяет основы христианской культуры, выделяя ее следующие черты: 1. Дух христианства есть дух овнутрения. «Царство Божие внутри вас есть» (Лк. 17:20–21). Нравственное состояние не по его материальным последствиям и не по внешней пользе, но по внутреннему состоянию души и сердца человека, его переживающего.

2. Дух христианства есть дух любви. «Бог есть любовь» (1 Ин. 4:7–8).

3. Дух христианства есть дух созерцания: он учит нас смотреть в «чувственно невидимое».

4. Дух христианства есть дух живого творческого содержания, а не формы, не отвлеченных мерил и не «ветхой буквы» (Рим. 7:6). «В христианстве закон не отменяется, но наполняется живым и глубоким содержанием духа, так что форма перестает быть формой, а становится живым способом содержательной жизни, добродетелью, искусством, знанием, правотою, всею полнотою и богатством культурного бытия» (Ильин, 1990, с. 20–25).

У Крамского часто, увы, замыслы не находят адекватного живописного воплощения; его литературные сюжеты всегда превосходят своими художественными достоинствами сами композиции. Почему И. А. Гончаров достаточно высоко оценил не вполне художественно осуществленную картину Крамского?

Почему уважение к лидеру и идеологу передвижников помешало ему увидеть сухой эмпиризм библейского сюжета картины «Христос в пустыне»? Гончарова – изобразителя быта по преимуществу подвело требование точности и правдивости изображения. Скрытая полемика с Достоевским обнаружила во многом устаревшее понимание реализма как внешней характеристики героев. То, что И. А. Гончаров на десятилетие старше Ф. М. Достоевского, и то, что они творят в разных культурных возрастах, определило совпадение автора статьи с бытовиками-передвижниками. Достоевский, инициатор культуры модерна, выдвигает иные, более современные художественные задачи и принципы. Он справедливо видит необходимость для художников и писателей воссоздания невидимого, сущностного, что позже осуществит М. Врубель, М. Нестеров, И. Левитан, В. Ван Гог, В. Гаршин, В. Короленко, А. Чехов и многие авторы XX века. Недаром Ф. М. Достоевский был уверен, что художник «должен смотреть глазами телесными и сверх того, глазами души, или оком духовным» (Достоевский, 1973, с. 133). Именно Достоевский в своей философской прозе и критике разработает принципы культурного синтеза и символического обобщения.

Источники

- Гончаров И. А. (1952) Собрание сочинений. В 8 т. Том 8. Критические статьи и заметки. Избранные письма. М., Правда, 543 с.
- Даниэль С. М. (1994) Библейские сюжеты. Альбом. СПб., Художник России, 207 с.
- Достоевский Ф. М. (1973) Об искусстве. М., Искусство, 631 с.
- Достоевский Ф. М. (1980) Полное собрание сочинений. В 30 т. Т. 21. Дневник писателя 1873. Статьи и заметки 1873–1878. М., Наука, 554 с.
- Ильин И. А. (1990) Основы христианской культуры. Мюнхен, Изд. Обители Преп. Иова Почаевского, 51 с.
- Переписка И. Н. Крамского (1954) Т. 2. Переписка с художниками: Ф. А. Васильевым, И. Е. Репиным, В. Д. Поленовым и К. А. Савицким. М., Искусство, 668 с.

References

- Goncharov I. A. (1952) Sobraniye sochineniy [Collected works]. In 8 volumes. Volume 8. Kriticheskiye stat'i i zametki. Izbrannyye pis'ma [Critical articles and notes. Selected letters]. Moscow, Pravda Publ., 543 p. (In Russian).
- Daniel' S. M. (1994) Bibleyskiye syuzhety. Al'bom [Biblical stories. Album]. Saint Petersburg, Khudozhnik Rossii Publ., 207 p. (In Russian).
- Dostoevsky F. M. (1973) Ob iskusstve [About art]. Moscow, Iskusstvo Publ., 631 p. (In Russian).
- Dostoevsky F. M. (1980) Polnoye sobraniye sochineniy [Complete Works]. In 30 vols. Vol. 21. Dnevnik pisatelya 1873. Stat'i i zametki 1873–1878 [Writer's diary 1873. Articles and notes 1873–1878]. Moscow, Nauka Publ., 554 p. (In Russian).
- Ilyin I. A. (1990) Osnovy khristianskoy kul'tury [Fundamentals of Christian culture]. Munich, Izd. Obiteli Prap. Iova Pochayevskogo, 51 p. (In Russian).
- Perepiska I. N. Kramskogo [Correspondence of I. N. Kramskoy] (1954) T. 2. Perepiska s khudozhnikami: F. A. Vasil'yevym, I. Ye. Repinym, V. D. Polenovym i K. A. Savitskim [Vol. 2. Correspondence with artists: F. A. Vasiliev, I. E. Repin, V. D. Polenov and K. A. Savitsky]. Moscow, Iskusstvo Publ., 668 p. (In Russian).

Информация об авторе

Акелькина Елена Алексеевна

Доктор филологических наук, профессор.
Омская гуманитарная академия, г. Омск, РФ.
E-mail: fmdostocentr@yandex.ru

Autor's information

Elena A. Akelkina

Dr. Sc. (Philol.), Professor. Omsk Humanitarian
Academy, Omsk, Russian Federation.
E-mail: fmdostocentr@yandex.ru

УДК 82-3

DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.7

Научная статья

Е. В. Киричук¹

✉ kirichuk@bk.ru

¹Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Российская Федерация

Роман И. А. Гончарова «Обломов» в книжной традиции

Аннотация: В статье рассматривается взаимосвязь образной системы романа И. А. Гончарова «Обломов» и работ художников-иллюстраторов. Традиция оформления книги в живописных образах прослеживается начиная с XIX и до XX века. Иллюстрации к роману отражают также изменения в критическом осмыслении произведения И. А. Гончарова. Бытование романа «Обломов» в книжно-иллюстративной культуре является интереснейшим феноменом, благодаря разнообразию стиля и техники, выбора графического или цветового решения иллюстраций разными художниками. Кроме того, выявлено стремление художника-иллюстратора не только отразить содержательный план романа, но и создать обобщенный символический образ главного героя – Обломова. Такой подход демонстрирует приемы оригинальной, свободной интерпретации одного из ярких литературных персонажей.

Ключевые слова: роман, русская литература, Гончаров, Обломов, иллюстрация, книжная культура.

Дата поступления статьи: 9 декабря 2022 г.

Для цитирования: Киричук Е. В. (2023) Роман И. А. Гончарова «Обломов» в книжной традиции. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 17, № 1, с. 65–75. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.7.

Scientific article

E. V. Kirichuk¹

✉ kirichuk@bk.ru

¹Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation

“Oblomov” novel by I. A. Goncharov in the bookish tradition

Abstract: The article examines the relationship between the figurative system of I.A. Goncharov’s novel Oblomov and the works of illustrators. The tradition of decorating the book with picturesque images can be traced from the XIX to the XX century. Illustrations for the novel also reflect changes in the critical understanding of the I. A. Goncharov’s work. The existence of the novel “Oblomov” in the book-illustrative culture is an interesting phenomenon, due to the variety of style and technique, the choice of graphic or color scheme of illustrations by different artists. In addition, the article reveals the illustrator’s ambition not only to reflect the meaningful outline of the novel, but also to create a generalized symbolic image of the main character i. e. Oblomov. This approach demonstrates the techniques of the ingenious, free interpretation of one of the bright literary characters.

Keywords: novel, Russian literature, Goncharov, Oblomov, illustration, book culture.

Paper submitted: December 9, 2022.

For citation: Kirichuk E. V. (2023) “Oblomov” novel by I. A. Goncharov in the bookish tradition. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 17, no. 1, pp. 65–75. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.7.

Введение

Книга в истории русской литературы всегда занимала особое место как объект искусства, артефакт, отражающий содержание культуры своей эпохи, ее духовные приоритеты. В работах современных российских исследователей отмечается связь творчества И. А. Гончарова с такой культурой, «пушкинской», которой он отдавал предпочтение, которую старался развивать в своих книгах. «Представляется целесообразным говорить об относительности той или иной литературной системы, включенной И. А. Гончаровым в художественную ткань своих произведений:

автор как не отдает предпочтения ни одной из них, так и не полемизирует с ними. Происходит своеобразная авторская игра различными жанрами, стилями, книжными традициями, в особенности в ранних произведениях И. А. Гончарова, когда он ищет свой индивидуальный писательский стиль, формируется его художественная манера» (Багаутдинова, 2021).

Произведения И. А. Гончарова являются для читателя привлекательными не только благодаря предметам, которые он избирает, но и из-за глубокой духовной наполненности любого образа – портрета героя, пейзажа, обрисовки вещного мира. «Еще современная И. Гончарову критика, отмечая мастерство писателя, писала о живописности как об одной из важнейших черт его стилевой манеры» (Уртминцева, 2006). Но писатель выстраивает более широкое понимание своего представления о действительности. Эти качества проявляются в его самых известных прозаических вещах, например в путевом дневнике «Фрегат Паллада»: «Перед нами не просто взгляд культурного человека, выстраивающего ассоциативные ряды, скрепляющие пейзаж с произведениями искусства прошлого или сакральными событиями. Подобный приём характеризует многие книги о путешествиях. Автору важно подчеркнуть само свойство человеческого сознания: закреплять связь конкретного предмета с культурной традицией, символизировать вещи, места, события. Повествователь не объясняет этого свойства (“почему-то называются”), оставляя возможные объяснения читателю, но описание дано как фиксация качества сознания, что сближает повествование с философской прозой» (Коптева, 2018). Философская характеристика может быть распространена на всю прозу И. А. Гончарова, которая представляет интерес как для читателя XIX века, так и для нашего современника. Объектом исследования в этой статье станет один из «культовых» героев писателя. Илья Ильич Обломов привлёк внимание не только читателя, но и художника-иллюстратора, стал предметом дискуссий и противоречивых оценок.

Методы

Решая задачу отбора художественно-иллюстративного материала, мы использовали метод интермедиального анализа, сочетающего исследование соответствия замысла писателя и его «прочтения» иллюстратором текста. «В узком смысле интермедиальность – это особый тип внутритекстовых взаимосвязей в художественном произведении, основанный на взаимодействии художественных кодов разных видов искусств. В более широком смысле интермедиальность – это создание целостного полихудожественного пространства в системе культуры (или создание художественного “метаязыка” культуры). И, наконец, интермедиальность – это специфическая форма диалога культур, осуществляемая посредством взаимодействия художественных референций» (Тишунина, 2001, с. 153). Работа отечественных и даже зарубежных иллюстраторов романа И. А. Гончарова «Обломов», надо согласиться с исследователем, создает поликодовый, оригинальный «метаязык», которым художник объясняет свое восприятие и предлагает его читателю. Отмеченная выше художественная особенность текста И. А. Гончарова, которая выражается в создании живописного эффекта, очевидно, оказывает влияние на его иллюстраторов, и пластические образы, предложенные ими, раскрывают глубокие смысловые пласты прозы писателя.

Термин «интермедиальность» как инвариант аналитического прочтения русской прозы применяли, например, к осмыслению прозы В. Ф. Одоевского исследователи А. А. Хаминова (Хаминова, 2011), Н. Н. Зильберман (Хаминова, Зильберман, 2014), И. А. Качков (Качков, 2021), а ввел его в терминологический ряд австрийский ученый О. Ханзен-Леве (2016).

Необходимость погрузиться в историю изданий романа «Обломов» определила работу с биографическим и историко-культурным методами.

Результаты

Роман И. А. Гончарова «Обломов» в осмыслении художников-иллюстраторов отражает интереснейшую эволюцию восприятия этого литературного произведения. Гончаров пишет его с радостным чувством возвращения к любимому литературному труду после путешествия на фрегате «Паллада» и издания путевых очерков.

Илья Ильич Обломов – литературный герой, никого из своих читателей не оставлявший равнодушным на протяжении уже почти ста пятидесяти лет.

Осмысление романа в современной Гончарову критике, иллюстративном ряду дополнилось в XX столетии экранизациями, среди которых самым популярным стал фильм Н. С. Михалкова. Роль Обломова сыграл в этом фильме О. Табаков после обращения к прозе Гончарова в «Обыкновенной истории».

Роман «Обломов» стал поводом для литературной полемики, хотя ведущие критики и писатели того времени отзывались о нем с восторгом. А. В. Дружинин даже писал, что всякий, кто умеет читать, этот роман прочел!

Надо заметить, что издательская практика романа была сложной и длительной. Произведение выходило в печать по частям в первых четырех номерах журнала «Отечественные записки». Перерывы в издании Дружинин считает невыгодными для читателя, который не имеет возможности воспринять роман как целостное творение.

«Наперекор всем препятствиям “Обломов” победоносно захватил собою все страсти, все внимание, все помыслы читателей. В каких-то пароксизмах наслаждения все грамотные люди прочли “Обломова”. Толпы людей, как будто чего-то ждавших, шумно кинулись к “Обломову”. Без всякого преувеличения можно сказать, что в настоящую минуту во всей России нет ни одного малейшего, безудного, заштатнейшего города, где бы не читали “Обломова”, не хвалили “Обломова”, не спорили об “Обломове”. Почти в одно время с романом г. Гончарова в Англии появился “Адам Бид”, роман Эллиота, человека тоже высоко талантливого, энергического и предназначенного на великую роль в литературе, да сверх всего человека совсем нового. “Адам Бид” имел огромный успех, но сравните этот спокойный, магистральный успех с восторгами, произведенными “Обломовым”, и вы не пожалеете о доле русских писателей. Даже в материальных выгодах успеха г. Гончаров чуть ли не опередил счастливого англичанина. Если все это значит “отодвигать искусство на задний план” – то дай Бог, чтобы русское искусство и русские поэты подолее оставались на таком для них выгодном заднем плане!» (Дружинин, 2022).

Общая художественная практика иллюстраторов «Обломова» заключалась в том, чтобы создать целостный образ в восприятии романа читателем. Часто в ходе этой работы художник останавливался на выборе языка литографии или графики. Роман состоял из четырех частей, каждая из которых не имела авторского заголовка, но означала новый этап в жизни главного героя. Многие иллюстраторы использовали вставку, называемую «шмуцтитлом». «Шмуцтитул (нем. Schmutztitel) – специальная страница, предваряющая раздел книги. Как правило, шмуцтитул содержит краткое название этой части или главы, эпиграф и т. д. Обычно располагается на правой печатной полосе с пустым оборотом. По исполнению шмуцтитул может быть наборным, рисованным, комбинированным, декоративным, сюжетно-иллюстративным – в зависимости от типа издания. При экономном оформлении издания шмуцтитул заменяется шапкой. Шапка – заголовок, помещённый в самом верху начальной полосы книги или её части, главы и отделённый от последующего текста крупным пробелом. В книги часто добавляют шмуцтитул или вынос для удобства навигации по частям и разделам. Взгляд читателя при беглом просмотре фиксирует такие страницы и тем самым привлекает внимание. При издании книги на шмуц стараются вынести ударные, смысловые цитаты или фразы. В старопечатных книгах шмуцтитлом называли страницу, размещенную перед титульным листом для защиты последнего от грязи и порчи. Отсюда происходит название шмуцтитла: «Schmutz» по-немецки означает «грязь» (Словарь, 1983, с. 144).

В шмуцтитлах А. М. Гайденкова к изданию романа 1947 года мы видим такую технику, демонстрирующую тематические оппозиции пространства текста, возвышенный или прагматичный рисунок действительности (рис. 1).

В целом такая стилистика прослеживается и в более поздних иллюстрациях М. Я. Гафта (1956) и С. Михайленко (1993) (рис. 2 и 3).

Рис. 1. А. М. Гайденков. Илл. (шмуцтителы к 1–4 частям). Гончаров И. А. Обломов. М. : ОГИЗ Гослитиздат, 1947

Fig. 1. A. M. Gaidenkov, ill. (short titles for parts 1–4). Goncharov I. A. Oblomov. Moscow: OGIZ Goslitizdat, 1947

Рис. 2. М. Я. Гафт. Илл. (шмуцтителы к 1–4 частям). Гончаров И. А. Обломов. Иркутск : Иркутское книжное издательство, 1956

Fig. 2. M. Ya. Gaft, ill. (short titles for parts 1–4). Goncharov I. A. Oblomov. Irkutsk: Irkutsk book publishing house, 1956

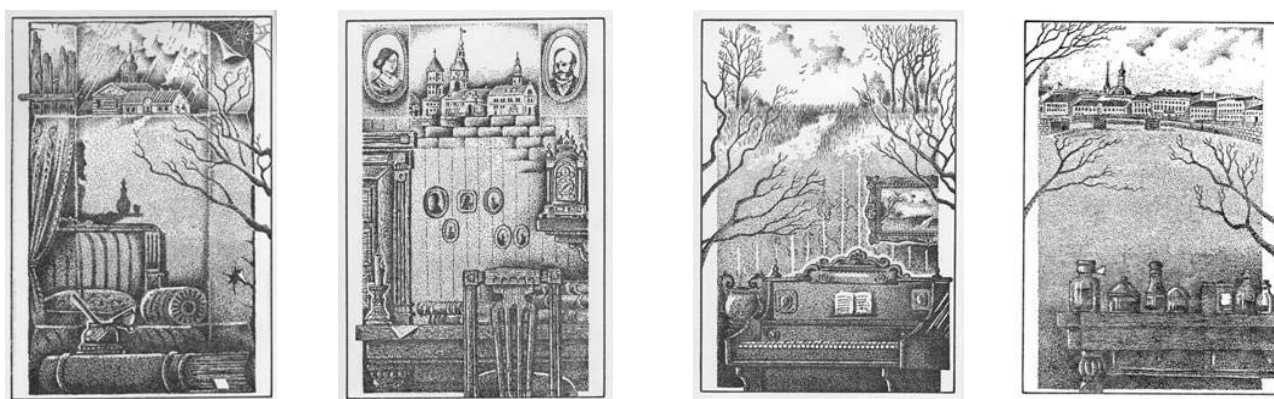

Рис. 3. Г. С. Михайленко. Илл. (шмуцтителы к 1–4 частям). Гончаров И. А. Обломов. СПб. : Худож. лит. : Санкт-Петербург. отд-ние, 1993

Fig. 3. G. S. Mikhailenko, ill. (short titles for parts 1–4). Goncharov I. A. Oblomov. St. Petersburg : Khudozh. lit.: St. Petersburg. department, 1993

В иллюстративном ряду Г. Новожилова (1969) и Н. Поплавской (1979) читатель замечает уже интерес художника к образам героев романа (рис. 4 и 5).

Рис. 4. Г. Новожилов. Илл. (шмуцтитуты к 1–4 частям). Гончаров И. А. Обломов. М. : Московский рабочий, 1969

Fig. 4. G. Novozhilov, ill. (short titles for parts 1–4). Goncharov I. A. Oblomov. Moscow : Moskovskiy rabochiy, 1969

Рис. 5. Н. Н. Поплавская. Илл. (шмуцтитуты к 1–4 частям). Гончаров И. А. Обломов. Минск : Беларусь, 1979

Fig. 5. N. N. Poplavskaya, ill. (short titles for parts to 1–4). Goncharov I. A. Oblomov. Minsk: Belarus, 1979

Действительно, роман «Обломов» был читаемым и любимым произведением у современников. Неудивительно, что герои И. А. Гончарова также заинтересовали иллюстраторов, ведь писатель создал не просто характеры, но особый текст, о котором В. Г. Белинский говорил, что читать его легко, как будто видишь все, что описывает автор. Эта особенность его стиля связана, по мнению критика, с эстетикой рисования: «Г. Гончаров рисует свои фигуры, характеры, сцены прежде всего для того, чтобы удовлетворить своей потребности и насладиться своею способностью рисовать; говорить и судить и извлекать из них нравственные следствия ему надо предоставить своим читателям. <...> Главная сила таланта г. Гончарова – всегда в изящности и тонкости кисти, верности рисунка; он неожиданно впадает в поэзию даже в изображении мелких и посторонних обстоятельств, как, например, в поэтическом описании процесса горения в камине сочинений молодого Адуева» (Белинский, 2022). Эти слова написаны о романе «Обыкновенная история», который Белинский успел прочитать, но характеристика талантливого рассказчика не утрачена и в последующих частях трилогии Гончарова – романах «Обломов» и «Обрыв».

Иллюстрации любого романа – это всегда глубокая, целостная работа художника, которому необходимо не только прочесть произведение, но и увидеть его особенную неповторимую эстетическую доминанту. «У меня есть (или была) своя нива, свой грунт, как есть своя родина, свой родной воздух, друзья и недруги, свой мир наблюдений, впечатлений и воспоминаний – и я писал только то, что переживал, что мыслил, чувствовал, что любил, что близко видел и знал – словом, писал и свою жизнь, и то, что к ней прирастало», – писал И. А. Гончаров (Гончаров, 1955).

По отношению к этой особенности романа И. А. Гончарова работа по поиску такой «почвы» велась множеством иллюстраторов на протяжении не только XIX, но и XX века.

Рис. 6. К. Тихомиров (грав. на дер. К. Ольшевский. Илл. к роману «Обломов». Живописное обозрение, 1883)

Fig. 6. K. Tikhomirov (engraving on the village of K. Olshevsky. Illustrations for the novel Oblomov. Picturesque Review, 1883)

«Никто не знал и не видел этой внутренней жизни Ильи Ильича: все думали, что Обломов так себе, только лежит да кушает на здоровье и что больше от него нечего ждать; что едва ли у него вяжутся мысли в голове. Так о нем и толковали везде, где его знали» (Гончаров, 1989, с. 65–66) – эту характеристику воплотил К. Тихомиров в издании романа «Обломов» в журнале «Живописное обозрение» в 1883 году (рис. 6). «Живописное обозрение» – еженедельный журнал, он выходил в Санкт-Петербурге в 1872–1905 годах, издателями были А. К. Шеллер-Михайлов и И. Н. Потапенко. В 90-е годы беллетристический отдел журнала стал основным. Здесь печатались

Н. С. Лесков, Я. П. Полонский, К. Д. Бальмонт, публиковались переводы произведений иностранных писателей. С 1882 года ежемесячное литературное приложение журнала печаталось отдельными книгами, содержащими одно большое произведение.

Важной частью романа, его образной структуры стала глава, посвященная сну Обломова, благодаря своей лирической интонации и образу Обломова-ребенка, настолько непохожего на лежащего Илью Ильича, этот фрагмент текста привлекал внимание иллюстраторов чаще всего.

Так, В. А. Табурин, иллюстрируя роман, акцентирует внимание читателя на сне Обломова, создавая образ вполне «современного» для 1898 года мальчика (рис. 7).

Рис. 7. В. А. Табурин. Автотипия с рисунков. Нива, 1898, № 45

Fig. 7. V. A. Taburin. Autotype from drawings. Niva, 1898, no. 45

Тема сна Обломова, который переносится вместе с читателем в беззаботное детство, вызвала глубокий интерес у иллюстраторов разных исторических эпох. Лирическое настроение автора пытались передать и понять в художественных образах русская художница, силуэтист Е. М. Бем (1843–1914). Так, ее картина напоминает рисунок по трафарету, снимающий всякую однозначность образа Обломова-ребенка (рис. 8).

М. Я. Чемберс-Билибина (1874–1962) в иллюстрации к роману «Обломов» (1908) также повторяет сюжет о бегстве Илюши от спящей няньки в сад, где он получает полную свободу (рис. 9).

Главный герой романа – Илья Ильич Обломов, с которым читатель встречается на первых же страницах произведения, привлекает художников не менее, чем образ ребенка.

Обломов как характер и Обломов как образ, собирающий в себе национальное и символическое начало, лучше всего виден на примере иллюстративного ряда.

Необходимо отметить: как в книжном бытовании, так и в аспекте читательского интереса существовал период охлаждения к книге И. А. Гончарова и образу его героя. В последние годы жизни И. А. Гончаров отошел от широкого круга литературного общения, не общался

**Рис. 8. Е. М. Бем. Сон Обломова
(бумага, тушь, перо)**

**Fig. 8. E. M. Bem. Oblomov's dream
(paper, ink, pen)**

**Рис. 9. М. Я. Чемберс-Билибина
(бум., накл. на картон, тушь, перо).
Литературный музей ИРЛИ РАН**

**Fig. 9. M. Ya. Chambers-Bilibina (paper,
overlay on cardboard, ink, pen). Literary
Museum of IRLI RAS**

с теми, с кем когда-то был близок, но портреты позднего периода изображают перед нами человека с удивительно спокойным, умиротворенным лицом. Покой, как внешняя черта, заставляет вспомнить его героя, оставившего после себя только светлую печаль и чувство непогасшей любви.

Но, как многих героев своего времени, его забыли на несколько десятков лет и вспомнили к столетию, в 1912 году. Тогда об И. А. Гончарове заговорили как о русском художнике слова, создавшем великие произведения, И. Ф. Анненский, В. Г. Короленко, Д. С. Мережковский.

«У большей части крупных поэтов есть такие типы-ключи: они выясняют нам многое в мировоззрении автора... У Гоголя таким типом-ключом был Чичиков, у Достоевского – Раскольников и Иван Карамазов, у Толстого – Левин, у Тургенева – Рудин и Павел Кирсанов. Тут дело не в автобиографических элементах, конечно, а в интенсивности душевной работы, отразившейся в данном образе. У Гончарова был один такой тип – Обломов. ...В Обломове поэт открыл нам свою связь с родиной и со вчерашним днем, здесь и грезы будущего, и горечь самосознания, и радость бытия, и поэзия, и проза жизни; здесь душа Гончарова в ее личных, национальных и мировых элементах» (Анненский, 2022).

Анненский не зря называет Гончарова поэтом – его герой создан как образ лирический, что последовательно отразили работы различных иллюстраторов.

Выбор стилистики исполнения иллюстраций всегда начинался с создания портретного образа Обломова. Как мы убедимся, его портреты будут очень различаться по характерным чертам и внешним изобразительным приемам. В трех работах 70–80-х годов XX века можно заметить значительные отличия. Первый портрет – работы Н. В. Щеглова (рис. 10), второй – Н. Горбунова (рис. 11), третий – Ю. С. Гершковича (рис. 12).

Это портреты героя, мы настаиваем именно на этом определении, хотя словесный образ один, а визуальных несколько десятков. Портрет должен нести черты достоверности персонажа, быть похожим на оригинал, но в нашем случае портрет отражает точку зрения смотрящего, художника. Подобно идеальному живописцу из романа О. Уайльда «Портрет Дориана Грея», Бэзилу Холлуорду, об этих портретах их творцы могут сказать: «Я вложил в него слишком много самого себя» (Уайльд, 1961, с. 32). Общая черта этих «Обломовых» – отсутствие карикатурности, критического отношения к герою автора его портрета. Здесь изображен наслаждающийся, а не праздный и страдающий человек. Он погружен в глубокую задумчивость, это не витающий

в облаках лентяй, а мыслитель. Такой герой скрывается от внешнего мира, ему он предпочитает пространство своей личности.

Рис. 10. Иллюстрация Н. Щеглова¹
Fig. 10. Illustration by N. Shcheglov

Рис. 11. Иллюстрация Н. Горбунова²
Fig. 11. Illustration by N. Gorbunov

Рис. 12. Иллюстрация
Ю. Гершковича³
Fig. 12. Illustration
by Yu. Gershkovich

В портретных образах Обломова, созданных Н. В. Щегловым и Ю. С. Гершковичем, мы видим человека со сложной психологией, обремененного непростым раздумьем, его безмятежность только кажущаяся, на самом деле наш Илья Ильич – таинственный персонаж, он в преддверии какой-то истины, открывающейся не каждому.

Николай Валерианович Щеглов (1934) родился в семье художника, окончил Суриковский институт. Н. В. Щеглов много работает в технике литографии, офорта, темперной и масляной живописи. Занимается он и книжной иллюстрацией. В числе его работ иллюстрации к романам «Обломов», «Будденброки».

Юрий Соломонович Гершкович (1938 – 2013) – художник, книжный график, также является выпускником МГАХИ им. В. И. Сурикова. Юрий Гершкович создал иллюстрации к произведениям Боккаччо, У. Шекспира, В. Скотта, Р.-Л. Стивенсона, П. Мериме, А. Мюссе, Э. Золя, Стендаля, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, И. А. Гончарова и многих других. Творческое наследие Ю. С. Гершковича насчитывает около 250 работ по иллюстрации различных книг.

Художник Н. Горбунов в своих работах как будто признается в любви к герою И. А. Гончарова. Николай Павлович Горбунов (1936 – 1996) родился в Перми, известен как график, художник книги. С 1974 года работал старшим художественным редактором Пермского книжного издательства. Кроме книг, изданных в пермских издательствах, Н. П. Горбунов оформил книги для издательств Владивостока, Свердловска, Иркутска, Тулы, Саратова, Иванова, Хабаровска, Челябинска, Кемерово, Петропавловска-Камчатского.

Его Илья Обломов – человек «мягкий», в котором кротость и задумчивость сочетаются с красотой. Этот персонаж тоже лишен телесной полноты, он легок, даже воздушен и привлекает внимание читателя, контрастируя с общей отрицательной характеристикой персонажа, сформированной литературной критикой века XIX и, отчасти, согласного с ней автора романа.

Вспомним работы иллюстраторов этого периода. Обломов в изображении художника К. Тихомирова (1883) – привычный читателю образ лентяя-мыслителя, чьим любимым занятием стало «лежание».

Обломов-дитя в иллюстрации В. А. Табурина (1898) к публикации в журнале «Нива» к «Сну Обломова» совершенно реален, а вот окружающий ландшафт с заросшими садами, полуразрушенной избой воплощает сновидческую трактовку эпизода.

Другой «Сон» (автор Е. Бем) представлен на рисунке, сделанном тушью и пером, и являет совсем иное пространство, подчеркивающее ирреальность Обломовки и превра-

¹В кн.: Гончаров И. Обломов. М.: Художественная литература, 1973. 494 с. (Серия: Библиотека всемирной литературы)

²В кн.: Гончаров И. А. Обломов: Роман в 4 частях. Пермь: Кн. изд-во, 1984. 470 с.

³В кн.: Гончаров И. А. Обломов. М.: Художественная литература, 1982. 480 с. (Серия: Библиотека классики. Русская литература)

Рис. 13. Г. Новожилов. Обложка к изданию романа «Обломов»

Fig. 13. G. Novozhilov. Cover for the publication of the novel "Oblomov"

Рис. 14. Гончаров И. Обломов, илл. Пьер Эстоппе

Fig. 14. Goncharov I. Oblomov, ill. Estoppey, Pierre

щающее самого Обломова в воспоминание, память о далеком прошлом, где изгладились подробности, детали, вспоминается только общий абрис происходящего. Та же картина в исполнении М. Я. Чемберс-Билибиной, наоборот, полна деталей быта, костюма, придает образу ребенка индивидуальные черты, сближается со словесным образом.

Тема сна как реальности, в которой живет Обломов, разрабатывается в художественных работах иллюстраторов второй половины XX века и от образа ребенка переносится на образ самого взрослого Обломова.

Идею воздушности, приоритета воображения, сна над реальностью создают, отталкиваясь от темы сна, художники 60–70-х годов. Так, ее продолжает Г. Новожилов (Гончаров, 1969). Геннадий Дмитриевич Новожилов (1936 – 2007) – российский художник-иллюстратор, кинематографист, аниматор, писатель, журналист. Работал аниматором рисованных фильмов на киностудиях «Союзмультфильм», «Грузия-фильм». Он был первым иллюстратором романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и первым советским иллюстратором сатирического романа В. Войновича «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина». Особенно интересна обложка романа Гончарова в его исполнении: над старым домом вьется стая птиц, выстраиваясь в виде буквы «О». Сам рисунок также представляет собой вытянутую конструкцию, как будто стремящуюся к разрыву с почвой, на которой стоит (рис. 13).

Французский художник Пьер Эстоппе (1911 – 2007) (Gontcharov, 1969) также обратился к изображению Обломова как воздушного персонажа, образа человека, погруженного в мечты, и самого, превращенного в почти бесплотный образ. В такой же технике туши и пера он выполнил и портрет самого И. А. Гончарова в иллюстрациях к переводу на французский романа писателя.

Художественное разнообразие трактовок образа Обломова, созданного И. А. Гончаровым в одноименном романе, возможно, не исчерпано полностью, для живописца, обращающегося к этой теме, есть еще варианты воплощения идеи писателя. Настолько широкое воплощение, казалось бы, обыкновенного персонажа в визуальном искусстве, конечно, опирается на возможности текста, заложенные самим автором.

Выводы

И. А. Гончаров создал удивительный литературный образ, в котором сочетаются различные смысловые пласты. Обломов ставит проблему деятельности и лени (Обломов и Штольц); мечты и жизни (Обломов и Ольга); патриархального, идиллического и современного, городского (Петербург и Обломовка) и так далее... Поэтому любой интерпретатор – художник, критик или читатель – придаст этому образу те черты, которые окажутся ближе его мировидению, его восприятию момента.

Судя по выбору иллюстраторов и в XIX веке, и в XX, самый распространенный образ Ильи Обломова – образ в статике, иначе – «человек лежащий». Иллюстраторы XIX века воспринимают это положение как отрицание действия, но художники XX века видят в этом состоянии способность к отстраненной созерцательности, перестают считать мечтательность болезнью и раскрывают ее преимущества в пластических образах как способа чтения скрытой душевной жизни героя.

Источники

- Анненский И. Ф. (2022) Гончаров и его Обломов. Lib.Ru/Классика: Анненский Иннокентий Федорович: Собрание сочинений. URL: http://az.lib.ru/a/annenskij_i_f/text_0420.shtml.
- Багаутдинова Г. Г. (2021) Поэтика заглавия в нероманной прозе И. А. Гончарова. Научный диалог, № 5, с. 169–182.
- Белинский В. Г. (2022) Взгляд на русскую литературу 1847 года. Lib.Ru/Классика: Белинский Виссарион Григорьевич: Собрание сочинений. URL: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_1847.shtml.
- Гончаров И. (1973) Обломов. М.: Художественная литература, Серия: Библиотека всемирной литературы, 494 с.
- Гончаров И. А. (1955) Лучше поздно, чем никогда. Фундаментальная электронная библиотека Русская литература и фольклор. URL: <http://feb-web.ru/feb/gonchar/texts/gso/g8/g8-064-.htm?cmd=p>.
- Гончаров И. А. (1989) Обломов. М., Издательство «Правда», 512 с.
- Гончаров И. А. (1982) Обломов. М., Художественная литература. Серия: Библиотека классики. Русская литература, 480 с.
- Гончаров И. А. (1984) Обломов: Роман в 4 частях. Пермь, Кн. изд-во, 470 с.
- Гончаров И. А. (1969) Обломов. М., Художественная литература, 475 с.
- Дружинин А. В. (2022) «Обломов». Роман И. А. Гончарова. Два тома. Спб., 1859. Lib.Ru/Классика: Дружинин Александр Васильевич: Собрание сочинений. URL: http://az.lib.ru/d/druzhinin_a_w/text_0070.shtml.
- Качков И. А. (2021) Поэтика романа В. Ф. Одоевского «Русские ночи»: интермедиаальный аспект. Проблемы исторической поэтики, т. 19, № 4, с. 305–319.
- Коптева Э. И. (2018) Живописный контекст в поэтике книги И. А. Гончарова «Фрегат Паллада». Наука о человеке: гуманитарные исследования, № 31, с. 56–66.
- Словарь издательских терминов (1983) Составители: Ф. С. Сонкина, А. К. Бадигин, Н. И. Волкова, В. П. Смирнова; под ред. А. Э. Мильчина. М., Книга, 207 с.
- Тишунина Н. В. (2001) Методология интермедиаального анализа в свете междисциплинарных исследований. Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века, вып. 12, с. 149–154.
- Уайльд О. (1961) Избранные произведения в двух томах. Т. 1. М., Художественная литература, 380 с.
- Уртминцева М. Г. (2006) Портретная живопись в романе И. А. Гончарова «Обломов». Литература в школе, № 2, с. 19–22.
- Хамина А. А. (2011) Роман В.Ф. Одоевского «Русские ночи» в аспекте интермедиаального анализа. Вестник Томского государственного университета, № 343, с. 23–26.
- Хамина А. А., Зильберман Н. Н. (2014) Теория интермедиаальности в контексте современной гуманитарной науки. Вестник Томского государственного университета, № 389, с. 38–45.
- Ханзен-Леве О. А. (2016) Интермедиаальность в русской культуре: От символизма к авангарду. М., РГГУ, 450 с.
- Gontcharov J. (1969) Oblomov. Edited by Editio-service S. A. Genève, Paris, Les éditeurs français réunis, Le cercle du bibliophile, 470 p.

References

- Annenskii I. F. (2022) Goncharov i ego Oblomov [Goncharov and his Oblomov]. Lib.Ru/Klassika: Annenskii Innokentii Fedorovitch: Sobraniye sochinenii [Annensky Innokenty Fedorovich: Collected Works]. Available at: http://az.lib.ru/a/annenskij_i_f/text_0420.shtml (In Russian).
- Bagautdinova G. G. (2021) Poetika zaglavija v neromannoï prose I.A. Goncharova [Poetics of the title in the non-novel prose of I. A. Goncharov]. Nauchnij dialog – Scientific dialogue, no. 5, pp. 169–182 (In Russian).
- Belinskii V. G. (2022) Vzglad na russkuiu literaturu 1847 goda [A look at Russian literature in 1847]. Lib. Ru/Klassika: Belinskii Vissarion Grigorievich: Sobraniye sochinenii [Belinsky Vissarion Grigoryevich: Collected Works]. Available at: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_1847.shtml (In Russian).
- Druzhinin A. V. (2022) “Oblomov”. Roman I. A. Goncharova. Dva toma. Spb., 1859 [“Oblomov”. A novel by I. A. Goncharov. Two volumes. SPb., 1859]. Lib.Ru/Klassika: Druzhinin Aleksandr Vasil’evich: Sobraniye sochineniy [Alexander Vasilievich Druzhinin: Collected Works]. Available at: http://az.lib.ru/d/druzhinin_a_w/text_0070.shtml (In Russian).
- Gontcharov J. (1969) Oblomov. Edited by Editio-service S. A. Genève, Paris, Les éditeurs français réunis, Le cercle du bibliophile, 470 p.: ill. Estoppey, Pierre (In French).
- Goncharov I. A. (1973) Oblomov. Moscow, Hudojestvennaia literatura publ. Series: Library of World Literature, 494 p. (In Russian).
- Goncharov I. A. (1955) Luchshe pozdno chem nikogda [Better late than never]. Fundamentalnaja elektronnaja biblioteka Russkaja literatura i folklor [Fundamental electronic library Russian literature and folklore]. Available at: <http://feb-web.ru/feb/gonchar/texts/gso/g8/g8-064-.htm?cmd=p> (In Russian).
- Goncharov I. A. (1989) Oblomov. Moscow, Pravdapubl, 512 p. (In Russian).
- Goncharov I. A. (1982) Oblomov. Moscow, Hudojestvennaia literatura publ., Series: Library of Classics. Russian Literature, 480 p. (In Russian).
- Goncharov I. A. (1984) Oblomov : Roman v 4 chastjach [Oblomov: A novel in 4 parts]. Perm: Book publishing house, 470 p. (In Russian).

- Goncharov I. A. (1969) *Oblomov*. Moscow, Hudojestvennaia literatura publ., 475 p. (In Russian).
- Hanzen-Lewe O. A. (2016) *Intermedialnost v pusskoi kulture: Ot simbolisma k avangardu* [Intermediality in Russian culture: From symbolism to avant-garde]. Moscow, RGGU publ., 450 p. (In Russian).
- Kachkov I.A. (2021) *Poetika romana V. F. Odoevskogo "Russkie nochi": intermedialnii aspect* [Poetics of V. F. Odoevsky's novel "Russian Nights": an intermedial aspect]. *The problems of historical poetics*, vol. 19, no. 4, pp. 305–319 (In Russian).
- Khaminova A. A. (2011) *Roman V. F. Odoevskogo "Russkie nochi" v aspekte intermedialnogo analiza* [Roman V. F. Odoevsky "Russian Nights" in the aspect of intermedial analysis]. *Tomsk State University Journal*, no. 343, pp. 23–26 (In Russian).
- Khaminova A. A., Zilbermann N. N. (2014) *Teoria intermedialnosti v kontekste sovremennoi humsnitarnoi nauki* [Intermediality theory in the context of modern humanities]. *Tomsk State University Journal*, no. 389, pp. 38–45 (In Russian).
- Kopteva E.I. (2018) *Jivopisniy kontekst v poetike knigi I. A. Goncharova "Fregat Pallada"* [Picturesque context in poetics books by I. A. Goncharov "Pallada Frigate"]. *The Science of Person:Humanitarian Researches*, no. 31, pp. 56–66 (In Russian).
- Slovar izdatelskikh terminov* (1983) [Dictionary of publishing terms]. Compiled by: F. S. Sonkina, A. K. Badigin, N. I. Volkova, V. P. Smirnova; Ed. A. E. Milchin. Moscow, Kniga publ., 207 p.
- Tischunina N. V. (2001) *Metodologia intermedialnogo analiza v svete mejdisziplinarnih issledovanii* [Methodology of Intermedial analysis in the light of interdisciplinary research]. *Methodology of humanitarian knowledge in the perspective of the XXI century*, issue 12, pp. 149–154 (In Russian).
- Urtmintseva M. G. (2006) *Portretnaia jivopis v romane I. A. Goncharova "Oblomov"* [Portrait painting in the novel *Oblomov* by I. A. Goncharov]. *Literature at school*, no. 2, pp. 19–22 (In Russian).
- Wilde O. (1961) *Izbrannie proizvedenia v dvuh tomah. T. 1.* [Selected works in two volumes. Vol. 1.]. Moscow, Hudojestvennaia literatura publ, 380 p. (In Russian).

Информация об авторе

Киричук Елена Владиленовна

Доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русского языка, литературы
и документных коммуникаций. Омский
государственный университет
им. Ф. М. Достоевского. ORCID ID: 0000-0003-
2907-5439. E-mail: kirichuk@bk.ru

Autor's information

Elena V. Kirichuk

Dr. Sc. (Philol.), Associate Professor, Professor of
the Department of Russian Language, Literature
and Document Communications. Dostoevsky Omsk
State University, Omsk, Russian Federation.
ORCID ID: 0000-0003-2907-5439.
E-mail: kirichuk@bk.ru

УДК 82

DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.8
Научная статья

А. В. Коровин¹

✉ avkorovin2002@mail.ru

¹Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Необыкновенная история, начавшаяся в Омске: И. А. Гончаров и русско-датские литературные контакты

Аннотация: В статье рассматривается история начала литературной деятельности П. Г. Ганзена – датчанина, приехавшего в Омск и ставшего самым значительным переводчиком скандинавской литературы на русский язык. Первым опубликованным переводом Ганзена стала «Обыкновенная история» И. А. Гончарова. Гончаров и Ганзен состояли в переписке, которая продолжалась два года; и по сей день она остается одним из значимых источников для изучения русско-датских литературных связей в конце XIX века. Видимо, именно Ганзен в своих письмах к Гончарову впервые в русском культурном контексте упоминает имя датского философа С. Киркегора, стоявшего у истоков экзистенциализма. Несмотря на то, что Гончаров не был знаком с датской литературой, в его романах можно усмотреть определенные типологические схождения с сочинениями Киркегора. Очевидно, что Гончаров приближается к экзистенциальной проблематике в своем творчестве, что становится подтверждением наличия общих тенденций в европейской литературе того времени и сходных путей интеллектуальных исканий. Представляется, что именно экзистенциальную составляющую и уловил в сочинениях Гончарова Ганзен, который был увлечен идеями Киркегора с юности.

Ключевые слова: Гончаров, Ганзен, Киркегор, датская литература, экзистенциальный, перевод.

Дата поступления статьи: 23 октября 2022 г.

Для цитирования: Коровин А. В. (2023) Необыкновенная история, начавшаяся в Омске: И. А. Гончаров и русско-датские литературные контакты. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 17, № 1, с. 76–84. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.8.

Scientific article

A. V. Korovin¹

✉ avkorovin2002@mail.ru

¹A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

An Unusual Story Started in Omsk: Ivan Goncharov and Russian-Danish Literary Contacts

Abstract: The article deals with the initial story of Peter Hansen's literary activity, a Dane who came to Omsk and became the most significant translator of Scandinavian literature into Russian. The first published Hansen's book was his translation of "The Same Old Story" by Ivan Goncharov. Goncharov and Hansen were in correspondence during two years; and now these letters remain one of the significant sources of information about Russian-Danish literary relations in the end of the 19th century. Apparently, in his letters to Goncharov Hansen mentioned for the very first time in the Russian cultural context the name of the Danish philosopher Søren Kierkegaard, who stood at the origins of existentialism. As a fact, Goncharov was not familiar with Danish literature, but there are certain typological similarities with Kierkegaard's ideas in his novels. It looks like Goncharov was approaching existential issues in his writings, and it becomes a confirmation of general trends in European literature of that time and similar paths of intellectual search. Hansen was fascinated by Kierkegaard's ideas from his youth, and it seems that he sensed an existential content in Goncharov's novels.

Keywords: Goncharov, Hansen, Kierkegaard, Danish literature, existential, translation.

Paper submitted: October 23, 2022.

For citation: Korovin A. V. (2023) An Unusual Story Started in Omsk: Ivan Goncharov and Russian-Danish Literary Contacts. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 17, no. 1, pp. 76–84. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.8.

© А. В. Коровин, 2023

Введение

Так случилось, что именно городу Омску суждено было сыграть весьма важную роль в развитии русско-датских культурных контактов, что, увы, каким-то непостижимым образом оказалось вне поля зрения омских исследователей, хотя материала для подобных изысканий история Омска может предоставить немало. Датский историк Х. Готтлиб писал: «На рубеже XIX–XX веков Россия, особенно Сибирь, во влиятельных датских экономических кругах воспринималась как “новая Америка”. Колоссальная духовная энергия, сконцентрированная в русской литературе XIX века, просочилась и в нашу культуру, нарисовав новую и более ясную картину российского общества и русской души» (Готтлиб, 1996, с. 8). Не только Дания открывала себе Россию, куда устремилось множество датчан, но произошел настоящий взрыв интереса к литературе и культуре Скандинавии, наблюдавшийся в России на рубеже столетий, который во многом связан с подвижнической переводческой деятельностью Петра Годфридовича Ганзена, чья литературная карьера началась именно в Омске, где он провел в общей сложности около семи лет. Одним из значимых событий его жизни становится переписка Ганзена и И. А. Гончарова, которая сильно повлияла на становление первого как переводчика и литературного деятеля. В свою очередь в Гончарове Ганзен видел самого значительного русского писателя того времени, произведения которого были созвучны его эстетическим и этическим идеалам.

Результаты

История начинается в 1871 году, когда в Омск приезжает молодой датчанин Петер Эмануэль Хансен (Peter Emanuel Hansen, 1846 – 1930), заняв место служащего в местном представительстве «Большого Северного телеграфного общества» (Det Store Nordiske Telegraf-Selskab); и следующие десять лет он проводит в Сибири, где и обращается к литературной деятельности и начинает именоваться на русский манер Петром Годфридовичом Ганзеном. Именно под этим именем он прославился как самый известный переводчик скандинавских авторов на русский язык, познакомивший русского читателя с произведениями Л. Хольберга, Х. К. Андерсена, С. Киркегора, Г. Брандеса, Х. Ибсена, Б. Бьернсона, К. Гамсуна, Ю. Ли, А. Стриндберга, К. Микаэлис и др. Многие переводы он осуществил вместе с женой Анной Васильевной Ганзен. Уже в советские времена ленинградское издание «Красная газета» в 1928 году писала: «Имя Ганзена широко известно читательской России, и можно сказать без преувеличения, что он был тем первым, который широко ознакомил русских с датской и скандинавской литературами и, наоборот, – Данию с русской» (Красная газета, 1928).

Будущий переводчик еще в ранней юности проявил большой интерес к литературе и искусству, и по примеру Х. К. Андерсена он пробует себя в театре, начав актерскую карьеру, но потеря голоса заставила его резко изменить свою жизнь и искать счастья вдали от родины. Л. Ю. Брауде отмечала: «Еще в реальном училище, называвшемся “Школа гражданских добродетелей”, он под влиянием известного преподавателя санскрита и литератора Мартина Хаммерика увлекался литературой, в частности, поэзией; философией и историей искусств, серьезно изучал английский язык. Его кумирами были Шекспир, Лессинг и датский философ Сёрен Кьеркегор» (Брауде, 1994, с. 45).

Жизнь в русской провинции не была богата событиями, поэтому Ганзен, овладев русским языком в какой-то мере, начал изучать русскую литературу, о которой он и стремился рассказать датчанам: в 1874 году в журнале *Nær og Fjern* («Близкое и далекое») выходит его статья о Тургенева, за которой последовали и другие публикации о русской литературе и русских писателях. Б. С. Жаров писал: «В долгие холодные сибирские вечера Ганзен (будем теперь называть его так) старательно учил русский язык. Делал записи, переводил разные тексты, отрывки из литературных произведений. Однажды он прочитал роман И. А. Гончарова “Обыкновенная история”. Роман ему очень понравился, и Ганзен стал переводить его на датский язык для себя. Окончив перевод, он решил ознакомить датских издателей с романом. Роман был немедленно напечатан и мало того – имел бешеный успех в Дании. Для датских читателей в тот момент книги такого

рода были очень нужны, хотя другой роман Гончарова – «Обломов», переведённый на датский гораздо позже, – не пользовался успехом» (Жаров, 2004, с. 6). Сам же Ганзен позднее признался: «... я приехал сюда, не зная и десяти слов по-русски, да и те не мог хорошо выговорить. В первый год моего пребывания в Омске я поэтому порядочно скучал, но как только мне удалось выучиться настолько по Русски, что я мог вести разговор на этом языке, то я скоро почувствовал большое облегчение»¹ (Гончаров, 1961, с. 45).

После выхода в 1877 году в Копенгагене по-датски «Обыкновенной истории», что стало первым опытом перевода Ганзеном русского романа на родной язык, завязалась переписка между И. А. Гончаровым и П. Г. Ганзеном, которая продолжалась полтора года. Впервые в полном объеме она была опубликована только в 1961 году, сразу вызвав огромный интерес литературоведов и историков, поскольку является весьма значимым источником для изучения русско-датских литературных контактов в конце XIX века. Ганзен направил в начале 1878 года Гончарову экземпляр датского перевода «Обыкновенной истории», на что Гончаров сразу откликнулся: «Буду беречь его как дорогой подарок, между своими книгами и сожалею, что не в состоянии читать себя самого на Вашем языке. Но судя по той тонкой степени знания русского языка, которую Вы обнаруживаете в письме ко мне, я уверен, что мой оригинал и передан Вами на Ваш родной язык, как никто другой не передал бы его на другие языки» (Гончаров, 1961, с. 49).

Перевод этого романа сделал имя Гончарова широко известным в Дании, поставив его в один ряд с Иваном Тургеневым. Сам Ганзен позднее писал: «Всего мною получено было за это время от Гончарова 9 писем, представляющих собою столь значительный литературный интерес, что я, публикуя их лишь теперь, предвижу упреки мне за то, что давно не поделился их содержанием с читателями и поклонниками писателя. Удерживало меня от этого, главным образом, высказанное Гончаровым перед смертью нежелание, чтобы его частная переписка стала достоянием печати» (Гончаров, 1961, с. 41).

Экземпляр датского издания «Обыкновенной истории» также был преподнесен великой княгине Марии Федоровне, супруге будущего императора Александра III – дочери датского короля Кристиана IX. Но появление книги в России не обошлось и без курьезов, о чем Ганзен и сообщает в письме Гончарову. Поскольку роман был издан на датском довольно спешно, то издатель снабдил его неким анонимным предисловием, которое переводчика сильно возмутило: «...во первых Тургенев, а не Вы назван «главной звездой» новой школы, образовавшейся под знаменем Белинского, а во вторых прибавлен весьма неудобный отзыв о положении в России при появлении Обыкн. Истории» (Гончаров, 1961, с. 43). Последнее, видимо, Ганзена даже напугало, поэтому он вырезал это предисловие из всех присланных ему экземпляров, и в таком виде представил книгу Н. Г. Казнакову, бывшему тогда западно-сибирским генерал-губернатором; к ней прилагался перевод этого предисловия с заверениями, что сам Ганзен к нему отношения не имеет: «Неверность выражения взглядов легко объясняется тем, что за границей мало знакомы с русской литературой и русской жизнью» (Гончаров, 1961, с. 43).

Русская литература в Европе в конце XIX века приобрела огромную популярность, в это же время и скандинавская литература преодолевает свою провинциальность, занимая одно из ведущих мест в мировом культурном процессе: Ибсен и Стриндберг наряду с Толстым и Достоевским становятся властителями дум интеллектуалов по всему миру. Американский литературовед А. Густафсон отмечал: «Я думаю, что скандинавская драма и роман наряду с русскими произведениями, возможно, стали тем единственным и наиболее значимым фактором, оказавшим непосредственное и самое существенное влияние на большинство явлений современной литературы, особенно – на современную драму и современный роман» (Gustafson, 1940, p. 3). Американский исследователь очень точно заметил сходство русской и скандинавской литературы, поскольку на определенном этапе своего развития они невероятно сблизились в плане осмысления наиболее существенных социальных и онтологических вопросов, занимавших умы европейцев, тем самым оказавшись наиболее востребованными и популярными. Действительно, если отвлечься от непосредственного взаимовлияния, которое очевидно и является предметом исследования

¹ В переписке Гончарова и Ганзена сохранена пунктуация и орфография подлинника.

литературоведов, как отечественных, так и скандинавских, просматривается необозримая перспектива типологических схождений, которые невозможно объяснить взаимным воздействием, и что заслуживает дополнительного исследования.

Эта эстетически и духовная близость была однозначно воспринята читателем, поэтому на рубеже веков русская литература очень активно переводилась и читалась в Скандинавских странах, а в скандинавская – в России. В этом процессе взаимного культурного обогащения П. Г. и А. В. Ганзен сыграли ключевую роль. Их переводы на русский язык скандинавской классики стали колоссальным событием для русской культуры, о чем свидетельствует та рефлексия, которая наблюдается в русской литературе вплоть до наших дней. Ганзены заставили говорить скандинавских авторов по-русски не только в плане языка, но и передав духовную составляющую литературы, созвучную чаяниям читателей. Это стало возможным только благодаря той высокой степени слияния со стихией русского языка и культуры, которую демонстрирует П. Г. Ганзен, начавший свой путь блистательного переводчика в Омске. Уже Гончаров отметил: «... я приятно изумлен скорым и совершенным усвоением Вами чужого языка, из которого Вы за семь лет не знали ни одного слова! Теперь Вы пишете на нем, как мы Русские, и успели уже перевести так много с датского языка!» (Гончаров, 1961, с. 49).

Гончаров в свою очередь оказал определенное влияние на формирование того корпуса текстов, которые должны быть переведены в первую очередь на датский, по его мнению, и тем самым представлять русскую литературу. В своих письмах он дает Ганзену советы, какие русские произведения лучше избрать для переводов, и центральное место тут занимает А. К. Толстой с его историческими драмами «Смерть Ивана Грозного» и «Царь Фёдор Иоаннович», а также сочинения Льва Толстого, при этом Гончаров ставит Толстого значительно выше себя: «Вы прекрасно делаете, знакомя датскую публику с сочинениями графа Льва Толстого: они более меня, или кого-нибудь другого, достойны предстать перед европейскими литературами, и особенно – Война и мир» (Гончаров, 1961, с. 78).

Гончаров оказывает содействие Ганзену и с его переводами на русский язык современных скандинавских авторов. Так, он пересылает его переводы драм Х. Ибсена «Союз молодежи» и «Столпы общества» редактору «Вестника Европы» Михаилу Матвеевичу Стасюлевичу, который, правда, дал не очень лестный отзыв: «Это видно, прибавил он, что пьесы написаны талантливым пером, но слишком заметно также, что перевод сделан иностранцем, от чего страдает и сам оригинал» (Гончаров, 1961, с. 68). Ганзен совершенствовал свое мастерство, и в конечном итоге в историю мировой литературы он вошел именно как переводчик со скандинавских языков на русский, а не переводчик русской литературы на датский. Переписка с Гончаровым совершенно определенно помогла Ганзену понять, каким путем двигаться дальше. Он писал Гончарову: «Лучше ли стал понимать Русский или хуже по Датски, но читаю однако каждую русскую книгу как датскую и при этом люблюсь такими местами например у Вас или у Графа Толстого, которые иногда ускользают от других, русских читателей. Может быть для переводов с русского на датский следует жить в Дании, а для обратных переводов с Датского на Русский в России?» (Гончаров, 1961, с. 93). Ганзен делает свой выбор – строит успешную карьеру чиновника и неустанно переводит, конец чему, увы, кладут октябрьские события 1917 года. Уже очень пожилой Петер Хансен, оставив семью, возвращается на родину.

Казалось бы, Гончарова с датской культурой связывает только фигура Ганзена, поскольку русский писатель был совершенно незнаком с датской литературой, о чем сам свидетельствует: «Благодарю Вас, Петр Эммануилович, за доставление мне Ваших статей о Гольберге и Мольтке, и ту, и другую – я прочитал с большим удовольствием. Особенно о Гольберге, которого я знаю только по имени» (Гончаров, 1961, с. 104). Подобное признание представляется весьма странным, поскольку Людвиг Хольберга (Ludvig Holberg, 1684–1754) знали в России прекрасно, а его пьесы оказали значительное влияние на русскую комедию. М. Люстров отмечает: «В России второй половины XVIII в. сочинения Хольберга хорошо известны читающей публике, одного их упоминания оказывается достаточно, чтобы аудитория поняла, какое произведение и какого автора

имеется в виду» (Люстров, 2021, с. 14). Подобная неосведомленность Гончарова, видимо, объясняется полным отсутствием интереса к Скандинавии в целом, что тем не менее не ставит под сомнение его начитанность и образованность, поскольку пик интереса к скандинавской литературе в России приходится на время, когда он отошел от литературной деятельности.

В этом контексте особый интерес представляет вопрос о возможных типологических сходениях между сочинениями Гончарова и датского философа Сёрена Киркегора¹ (Søren Kierkegaard, 1813–1855), хотя очевидного влияния последний на русского писателя оказать не мог. Заниматься изучением подобной темы – это весьма увлекательно, поэтому иногда возникают и неожиданные сюжеты, образчиком чего становится статья С. К. Казаковой «Таинственная Корделия: о ком грезил Илья Обломов?». Автор статьи выстраивает весьма причудливую систему доказательств того, что на роман Гончарова «Обломов» мог оказать влияние трактат Киркегора «Или – Или» (Enten – Eller, 1843). Основанием для подобных умозаключений становится совпадение имени героини включенного в трактат романа «Дневник оболыстителя» (Forførerens Dagbog) – Корделии и имени, которым награждает Ольгу Ильинскую Обломов во второй части романа Гончарова. Увы, вся выстроенная автором статьи доказательная парадигма не выдерживает никакой критики², но сама постановка вопроса представляется вполне правомерной, поскольку определенные параллели между сочинениями датского мыслителя и романами Гончарова провести все-таки возможно, на что не мог не обратить внимания Ганзен.

Отечественные исследователи неоднократно отмечали определенную близость сочинений русских писателей и философских исканий Киркегора. Суть этой близости хорошо сформулировал В. В. Библихин в статье «Кьеркегор и Гоголь»: «Речь идет не о “заимствованиях” и “влияниях”, которых в данном случае не надо даже искать: их просто не было и не могло быть между копенгагенским отшельником и поэтом русской тройки. Связь здесь другая – таинственная связь духовного мира, замеченная, между прочим, Карлом Ясперсом в его мысли об “осевом времени”. Как тогда, так снова и снова единая молния ищет пробиться сквозь тело человечества» (Библихин, 1994, с. 82).

На очевидную схожесть между мировоззрениями Киркегора и Достоевского первым указал русский философ Л. Шестов, выступивший с докладом «Киркегард и Достоевский», прочитанным в религиозно-философской Академии в Париже 5 мая 1935 года. Шестов делает акцент на близости понимания датским философом и русским писателем библейских концептов, конкретно – первородного греха. «И тут он до такой степени приближается к Достоевскому, что можно, не боясь упрека в преувеличении, назвать Достоевского двойником Киркегарда. Не только идеи, но и метод разыскания истины у них совершенно одинаковы и в равной мере не похожи на то, что составляет содержание умозрительной философии» (Шестов).

Киркегор, взращенный на почве романтической философии и преодолевший ее, фактически создал философскую антропологию, ввел в философский дискурс понятие «экзистенция», тем самым ответив на насущное требование эпохи осмыслить моральные вопросы, связанные с бытием отдельного человека, которые с особой остротой встали перед европейскими интеллектуалами десятилетия спустя, что и нашло свое отражение в литературе далеко за пределами Скандинавии, в том числе и в русской, несмотря на огромную разницу в социально-политическом состоянии общества, духовной и интеллектуальной атмосферы в России и Дании. «Киркегор борется против духовного и нравственного опустошения людей, против потери личностью своего я, против разлада человека с самим собой, против всеобщей отчужденности», – отмечал К. Долгов (Долгов, 1990, с. 24).

Никаких свидетельств о том, что имя Киркегора звучало в России до 1878 года (времени начала переписки Ганзена и Гончарова) нет, да и в Европе оно стало широко известно только в 1879 году после выхода на немецком языке книги датского критика Георга Брандеса (Georg

¹ Используется транслитерация фамилии Kierkegaard, соответствующая академическим принципам передачи датских имен на русском языке.

² Подробнее об этом см. Коровин А. В. И. Гончаров и П. Ганзен: датский вектор в творчестве русского писателя // И. А. Гончаров и русская и национальные литературы. Материалы международной научно-практической конференции 28–30 сентября 2022. Сост. М. Д. Амирханян. Ереван : Мекнарк, 2022. С. 219–228

Brandes, 1842–1927) «Сёрен Киркегор – литературный портрет» (Sören Kierkegaard – ein literarisches Charakterbild), которая вызвала большой общественный резонанс. Первый перевод трактата «Или – или» на немецкий язык был издан в Лейпциге теологами О. Глайсом и А. Михельсенем лишь в 1885 году (Entweder-oder : Ein Lebensfragment). На русском языке часть этого трактата под названием «Наслаждение и долг» в переводе Ганзена публикуется в 1894 году.

Между тем имя Брандеса, в отличие от имени Киркегора, было очень хорошо знакомо русскому читателю. Его литературоведческие и критические труды были весьма популярны, сам он посетил Россию в 1887 году и прочитал лекции в Москве и Петербурге. Д. Шарпыкин отмечал: «Сочинения Брандеса в России имели успех исключительный, больший, чем в любой другой стране, включая Германию, и более постоянный, чем на родине критика» (Шарпыкин, 1980, с. 185). С уверенностью можно утверждать, что интерес к творчеству Киркегора в России пробуждается только после прочитанных Брандесом лекций, где он неоднократно упоминает его имя и ссылается на его сочинения (Вестник Европы, 1887, с. 755–760).

Но само имя Киркегора в русском культурном контексте, вероятнее всего, возникает впервые в письме Ганзена к Гончарову от 18 июня 1878 года: «Есть датский писатель (Sören Kierkegaard), который говорит гораздо более красноречиво и убедительно, переводя Вам разные места из его сочинения, я верно мог бы убедить Вас! Вот был Dialektiker! “Сам черт его не переспорит!” – говорили о нем, а Вы бы его полюбили!» (Гончаров, 1961, с. 73). В письме от 19 ноября 1878 года опять упоминается Киркегор: «Уже один из семи мудрецов указал на то, что при олимпийских играх соревнователями выступали знатоки искусства, а судьями – незнатоки. Эти слова взяты из сочинения S Kierkegaard’a, автор этот который отлично умел поставить себя в отношении критики. Он обыкновенно уже в предисловии к своим сочинениям просил критика оставить их в покое, ибо они сами должны были говорить за себя; в случае надобности он сам принял на себя дальнейшее объяснение» (Гончаров, 1961, с. 91). Ганзен с юности был хорошо знаком с философией Киркегора, которая была для него весьма привлекательной, не удивительно, что он стремится поведать русским о своем выдающемся соотечественнике, сочинения которого в тот момент практически не были известны вне Скандинавии.

Первый крупный русский писатель, с которым Ганзен вступил в переписку, был Гончаров, именно ему он пишет о Киркегоре. Было ли это лишь стремлением популяризировать имя датского мыслителя или это было продиктовано тем, что Ганзен уловил в русской литературе в целом и в романах Гончарова в частности некие тенденции, роднившие ее с идеями Киркегора? Ганзен свидетельствует: «Но один мой знакомый дал мне на пробу прочесть “Грозу” Островского, и я прочел ее с большим интересом, затрудняясь только в понимании некоторых выражений купеческого разговора. Вслед за тем я читал “Преступление и наказание”, что придало мне еще больше смелости, и наконец в 1874 г. я достал книгу, которую мне все рекомендовали, а именно “Обыкновенную историю”. Впечатление было до того отрадное, что я чуть-чуть не приступил тотчас же к переводу. Я встретил в “Обыкновенной истории” столько знакомого, старого, пережитого мною в юности, что сейчас почувствовал живейшую симпатию к ее автору. Вслед за тем прочитав “Обломова”, я еще больше увлекся и с жадностью занялся литературой, имеющей таких представителей» (Гончаров, 1961, с. 47).

Не подлежит сомнению, что Гончаров не мог быть знаком с сочинениями Киркегора и даже слышать о них, но в его романах наблюдается очевидное приближение к экзистенциальной проблематике, характерной для творчества датского мыслителя, стоявшего у истоков экзистенциальной философии. Центральное место у Киркегора занимает идея эволюции человеческой души, проходящей три стадии: эстетическую, этическую и религиозную. Создается впечатление, что в романной трилогии Гончарова Ганзен уловил нечто схожее с размышлениями датского философа, хотя нигде об этом прямо и не говорит, только в письме Гончарову от 10 августа 1878 года пытается дать свою интерпретацию его персонажей: «Я в трех типах: Александре Федоровиче, Обломове и Райском вижу типы не только трех разных периодов русского общества, но вместе с тем и изображение человека вообще на трех разных ступенях жизни. Каждый из нас блуждал,

вспыхивал – потухал и рвался, стремясь к идеалу, и потому не у меня одного из иностранцев отозвалось и отзовется блуждание Александра, потухание Обломова и порывы Райского, но как все эти типы плоды богатой человеческой души, глубоко понимающие поэзию жизни и готовые выразить эту поэзию, как редко удалось смертному, то они всегда и везде будут отзываться в каждой душе, доступной подобной поэзии» (Гончаров, 1961, с. 85). Тут просматривается аллюзия, хотя и не явная, к трактату Киркегора «Стадии на жизненном пути» (Stadier paa Livets Vei, 1845).

Очевидно, что Гончаров не понял, что подразумевал его корреспондент, поэтому в ответном письме от 30 августа не соглашается с его суждениями: «Что касается Ваших отзывов о трех моих героях, то позвольте сделать в них такое изменение: взять блуждание от Адуева и приписать его Райскому, а порывы Райского перенести на Адуева. Этот последний именно выражает собой юношеские порывы, составляющие обыкновенную историю всех молодых людей, и потом превращается в тип положительного человека (дядя), как бывает с большинством. У немцев – бурши и филистеры. Тогда как в Райском выражаются блуждание русских интеллигентных людей (40-х – 50-х годов), не знающих, куда за отсутствием серьезных интересов, и самой почвы для них, куда девать свои силы. У них является только сознание потребности дела. Реформы привели дело – и разбудили общество от обломовского сна» (Гончаров, 1961, с. 87-88). Для русского писателя было важно создать картину современной действительности, что вполне укладывается в рамки доминирующего тогда в литературе реализма, а экзистенциальная формула, предложенная Ганзеном, представляется Гончарову слишком абстрактной, да и устаревшей, поскольку отсылает к романтическому мировосприятию, к которому восходит киркегоровская философия, правда, открывшая двери в новую философскую реальность. В то же время Е. В. Киричук отмечает: «И. А. Гончаров, на наш взгляд, поставил слишком раннюю для своего времени проблему – о загадке природы человека» (Киричук, 2022, с. 192). Нам представляется, что эта как раз одна из экзистенциальных проблем, возникающих и у Киркегора, не была отрефлексирована русским писателем, но уловлена Ганзеном.

Видимо, Ганзену представлялась, что романная трилогия Гончарова является центральными текстами современной русской литературы, не только в силу их актуальности, но и в силу вневременности поднимаемых в них моральных и философских вопросов. Его горячим желанием было перевести «Обломова» и «Обрыв», но Гончаров фактически отговаривает его от этого: «Что касается переводов “Обломова” и “Обрыва”, то я все-таки стою на том, что переводить эти старые романы не стоит труда, что это могло бы быть сделано с успехом лет 20 или 10 тому назад, когда они появились и произвели благоприятное впечатление на русскую публику. Теперь же они состарились вместе с веком, и уступают место более свежим и сильным дарованиям!» (Гончаров, 1961, с. 104-105). В результате переводы романов «Обломов» и «Обрыв» вышли на датском уже только в XX веке, так и не вызвав у датского читателя серьезного отклика.

Выводы

История П. Г. Ганзена как переводчика, начавшаяся в Омске, имела продолжение уже в Петербурге, куда он переезжает из Сибири. Вклад Ганзена в процесс взаимообогащения датской и русской культур поистине огромен, и не подлежит переоценке. Переписка с Гончаровым, несомненно, помогла Ганзену определиться со своим местом в русской культуре и дала импульсы для его профессионального роста. Несмотря на то, что он переключился на переводы скандинавской классики на русский язык, трилогия Гончарова была именно тем, что он хотел подарить датским читателям, усматривая в ней что-то созвучное датской культуре, но, увы, не осуществил задуманного. Думается, что подробный анализ произведений Гончарова на предмет наличия экзистенциальной проблематики и типологических сходжений с сочинениями Киркегора (в том числе в решении этических проблем в религиозном ключе) – это вопрос будущего. Для этого есть все основания: так, В. И. Мельник указывает на Гончарова как романиста, «исповедавшего христианский идеал в религии и романтический идеализм как этический постулат» (Мельник, 2014, с. 140), что, конечно, верно лишь отчасти, поскольку весьма ограничивает горизонты

смыслов, заложенных в произведениях Гончарова, но дает повод для рассуждения и сопоставления этики Гончарова и Кьеркегора. Остается только выразить надежду на то, что подобные исследования будут проводиться, поскольку русская литература второй половины XIX века совершенно очевидным образом поднимает те же вопросы, затрагивает те же темы, что и литература скандинавская.

Источники

- Бибихин В. В. (1994) Кьеркегор и Гоголь. Мир Кьеркегора. Ред. А. Фришман. М., Ad Marginem, с. 82–90.
- Брандес Г. (2002) Русские впечатления. М., ОГИ, 488 с.
- Брауде Л. Ю. (1994) Мирное завоевание. Скандинавская литература в России. Детская литература, № 2, с. 45–50.
- Вестник Европы (1887), кн.10.
- Гончаров И. А. (1961) Переписка И. А. Гончарова с П. Г. Ганзенем. 1878–1885. Предисл. и коммент. М. П. Ганзен-Кожевниковой. Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения. Ред. М. П. Алексеев. Т. 6. М.–Л., АН СССР, с. 37–105.
- Готтлиб Х. (1996) Предисловие. Дания и Россия – 500 лет. М., Международные отношения, с. 7–9.
- Долгов К. М. (1990) От Кьеркегора до Камю. М., Искусство, 399 с.
- Жаров Б. С. (2004) Переводчики Ганзены. Автобус: Петербургский детский исторический журнал, № 2, с. 6–8.
- Казакова С. К. (2019) Таинственная Корделия: о ком грезил Илья Обломов? Вопросы литературы, № 3, с. 161–182.
- Киричук Е.В. (2022) Сон и реальность в романе И.А. Гончарова «Обломов». И.А. Гончаров и русская и национальные литературы. Материалы международной научно-практической конференции 28–30 сентября 2022. Сост. М. Д. Амирханян. Ереван: Мекнарк, с. 188–193.
- Кьеркегор С. (1894) Наслаждение и долг. СПб., М. М. Ледерле и К°, 415 с.
- Коровин А. В. (2022) И. Гончаров и П. Ганзен: датский вектор в творчестве русского писателя. И. А. Гончаров и русская и национальные литературы. Материалы международной научно-практической конференции 28–30 сентября 2022. Сост. М. Д. Амирханян. Ереван, Мекнарк, с. 219–228.
- Красная газета (1928) № 61, 2 марта.
- Люстров М. Ю. (2021) Людвиг Хольберг и русского-скандинавские литературные связи в XVIII веке. М., ИМЛИ РАН, 272 с.
- Мельник В. И. (2014) «Драгоценные тайны и таинства человеческой души...» (И. А. Гончаров в этических спорах своей эпохи). Вестник славянских культур, № 3 (33), с. 139–147.
- Шарыпкин Д. М. (1980) Творчество Георга Брандеса по русским источникам и материалам. Русские источники для истории зарубежных литератур. Сборник исследований и материалов. Л., Наука, с. 184–232.
- Шестов Л. Киркегард и Достоевский. URL: <https://filosoff.org/shestov/tvorchestvo/kirkegard-i-dostoevskij/>
- Brandes G. M. C. (1879) Sören Kierkegaard: Ein literarisches Charakterbild. J. A. Barth. Leipzig, 263 s.
- Gustafson A. (1940) Six Scandinavian Novelists. Princeton University Press, Princeton, 369 p.
- Kierkegaard S. (1849) Enten – Eller. Et Livs Fragmet. Utgivet af Viktor Eremita. C. A. Reitzel, Kjöbenhavn, 471 p.
- Kierkegaard S. (1845) Stadier paa Livets Vei. C. A. Reitzel. Kjöbenhavn, 383 p.

References

- Bibikhin V.V. (1994) Kierkegaard i Gogol [Kierkegaard and Gogol]. The World of Kierkegaard. Ed. A. Frishman. Moscow, Ad Marginem, pp. 82–90 (In Russian).
- Brandes G. (2002) Russkii vpechatlenia [Russian Impressions]. Moscow, OGI Publ., 488 p. (In Russian).
- Brandes G. M. C. (1879) Sören Kierkegaard: Ein literarisches Charakterbild. J. A. Barth. Leipzig, 263 p.
- Braude L. Yu. (1994) Mirnoie zavoievanie. Skandinavskaa literatura v Rossii [Peaceful conquest. Scandinavian literature in Russia]. Detskaia literatura, no. 2, pp. 45–50 (In Russian).
- Goncharov I. A. (1961) Perepiska I. A. Goncharova s P. G. Ganzenom. Predislovie i kommentarii M. P. Ganzen-Kozhevnikovoi [I. A. Goncharov and P. G. Hansen correspondence. 1878–1885. Ed. and comment. M. P. Ganzen-Kozhevnikova]. Literaturnyi arkiv. Materialy po istorii literatury i obshchestvennogo dvizhenia. Ed. M. P. Alekseev. Academy of Sciences of USSR Publ., Moscow–Leningrad, pp. 37–105 (In Russian).
- Gottlib H. (1996) Predislovie [Introduction]. Denmark and Russia – 500 years. Moscow, Mezhdynardnyie otnosheniia, pp. 7–9 (In Russian).
- Gustafson A. (1940) Six Scandinavian Novelists. Princeton University Press, Princeton, 369 p.
- Dolgov K. M. (1990) Ot Kierkegarda do Camus [From Kierkegaard to Camus]. Moscow, Iskuststvo, 399 p. (In Russian).
- Kazakova S. K. (2019) Tainsvennaia Kordelia: o kom grezil Iliia Oblomov [Miracle Cordelia: who is a dream of Iliia Oblomov?]. Voprosy literatury, no. 3, pp. 161–182 (In Russian).

- Kirichuk E. V. (2022) Son I realnost' v romane I. A. Goncharova "Oblomov" [Dream and reality in I. A. Goncharov's novel Oblomov]. I. A. Goncharov i russkaya i natsional'nyye literatury [I. A. Goncharov and Russian and National literature]. Collected papers of the International conference Sept. 28-30 2022. Ed. M.D. Amirkhanian. Meknark, Erevan, pp. 188-193 (In Russian).
- Kierkegaard S. (1894) Naslazhdenie i dolg [Pleasure and Duty]. St. Peterburg-Moscow, M. M. Lederle and K^o, 415 p. (In Russian).
- Kierkegaard S. (1849) Enten – Eller. Et Livs Fragmet. Utgivet af Viktor Eremita. C. A. Reitzel, Kjöbenhavn, 471 p.
- Kierkegaard S. (1845) Stadier paa Livets Vei. C. A. Reitzel. Kjöbenhavn, 383 p.
- Korovin A. V. (2022) I. Goncharov i P. Ganzen: datskii vector v tvorchestve russkogo pisatel'ia [I. Goncharov and P. Hansen: Danish trace in the Russian author's works]. I. A. Goncharov i russkaya i natsional'nyye literatury [I. A. Goncharov and Russian and National literature]. Collected papers of the International conference Sept. 28-30 2022. Ed. M. D. Amirkhanian. Meknark, Erevan, pp. 219-228 (In Russian).
- Krasnaia gazeta (1928), no. 61, March 2 (In Russian).
- Liustrov M. Yu. (2021) Ludvig Holberg i russko-skandinavskii literaturnye svyazi [Ludvig Holberg and Russian-Scandinavian Literary Contacts]. Moscow, IMLI Russian Academy of Science, 272 p. (In Russian).
- Mel'nik V. I. (2014) "Dragocennyye tainy i tainstva chelovecheskoi dushi (I. A. Goncharov v eticheskikh sporakh epokhi ["Precious secrets and mysteries of the human soul..."] (I. A. Goncharov in the ethical disputes of his epoch). Vestnik slavianskikh kul'tur – Bulletin of Slavic Cultures, no. (33), pp. 139-147 (In Russian).
- Sharypkin D. M. (1980) Tvorchestvo Georga Brandesa po russkim istochnikam i materialam [Georg Brandes' works in Russian sources and materials]. Russian sources for the history of foreign literatures. Collected papers. Leningrad, Nauka Publ., pp. 184-232 (In Russian).
- Shestov L. Kierkegaard i Dostoievski [Kierkegaard and Dostoevsky]. Available at: <https://filosoff.org/shestov/tvorchestvo/kirkegaard-i-dostoevskij/> (In Russian).
- Vestnik Evropy (1887), vol. 10 (In Russian).
- Zharov B. S. (2004) Perevodchiki Ganzen [Translators the Hansens]. Avtobus: Peterburgskii detskii istoricheskii zhurnal, no. 2, pp. 6-8 (In Russian).

Информация об авторе

Коровин Андрей Викторович

Кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник. Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, г. Москва, РФ.
ORCID ID: 0000-0003-1432-448X.
E-mail: avkorovin2002@mail.ru

Autor's information

Andrey V. Korovin

PhD in Philology, Associate Professor, Senior Researcher. A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.
ORCID ID: 0000-0003-1432-448X.
E-mail: avkorovin2002@mail.ru

М. Г. Меркулова¹

✉ MerkulovaMG@mgpu.ru

¹Московский городской педагогический университет, г. Москва, Российская Федерация

Англия и англичане в цикле путевых очерков И. А. Гончарова «Фрегат “Паллада”»

Аннотация: В статье рассматривается своеобразие творческой рецепции И. А. Гончаровым Англии и англичан на материале цикла путевых очерков, который стал итогом кругосветного плавания писателя – переводчика департамента внешней торговли Министерства финансов – в качестве секретаря вице-адмирала Ефимия Путятина с октября 1852 по август 1854 года на военном фрегате «Паллада». Автор статьи сосредоточивает внимание на имагологических рецептивных стратегиях И. А. Гончарова в представлении образа «чужого». Под имагологическими рецептивными стратегиями предлагается понимать доминанты восприятия и творческого воплощения писателем образа «другого» («чужого»), которые реализованы им в поэтике художественного произведения. Результатом исследования становится общий вывод автора статьи о специфике имагологической рецепции И. А. Гончаровым Англии и англичан, заключенной в триаде имаготемы «жизнь-торговля», имагеми «англичанин-машина» и имаготипа «купец».

Ключевые слова: имагологические рецептивные стратегии, имаготема, имагема, имаготип, Англия, англичане, И. А. Гончаров, Фрегат Паллада.

Дата поступления статьи: 28 декабря 2022 г.

Для цитирования: Меркулова М. Г. (2023) Англия и англичане в цикле путевых очерков И. А. Гончарова «Фрегат “Паллада”». Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 17, № 1, с. 85–91. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.9.

Scientific article

M. G. Merkulova¹

✉ MerkulovaMG@mgpu.ru

¹Moscow City University, Moscow, Russian Federation

England and the Englishmen in the cycle of travel essays “Frigate Pallada” by I. A. Goncharov

Abstract: The article discusses the originality of I. A. Goncharov's creative reception of England and the Englishmen on the material of a cycle of travel essays, which was the result of the writer's circumnavigation as an interpreter of the Foreign Trade Department of the Ministry of Finance also being the secretary of Vice Admiral Yefimiy Putyatin from October 1852 to August 1854 on the military frigate Pallada. The author of the article focuses on the imagological receptive strategies of I. A. Goncharov in the representation of the image of the “stranger”. Under the imagological receptive strategies, it is proposed to understand the dominants of perception and creative embodiment of the image of the “other” (“stranger”) by the writer; the dominants were realized by him in the poetics of a work of art. The result of the study is the general conclusion of the author of the article about the specifics of imagological reception I. A. Goncharov of England and the Englishmen, concluded in the triad of the imagotheme “life-trade”, the imagome “Englishman-machine” and the imagotype “merchant”.

Keywords: imagological receptive strategies, imagotheme, imagome, imagotype, England, Englishmen, I. A. Goncharov, Frigate Pallada.

Paper submitted: December 28, 2022.

For citation: Merkulova M. G. (2023) England and the Englishmen in the cycle of travel essays “Frigate Pallada” by I. A. Goncharov. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 17, no. 1, pp. 85–91. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.9.

© М. Г. Меркулова, 2023

Введение

В цикле путевых очерков «Фрегат “Паллада”» И. А. Гончаров обратился к проблеме образа «чужого». Представляя Англию и англичан, писатель использовал ряд интересных рецептивных повествовательных стратегий, исследование которых является целью данной статьи. Под *имагологическими рецептивными стратегиями* автора мы предлагаем понимать доминанты восприятия и творческого воплощения писателем образа «другого» («чужого»), которые реализованы им в поэтике художественного произведения.

Первый очерк «Фрегата “Паллада”» был опубликован вскоре после возвращения И. А. Гончарова из кругосветного путешествия в 1855 году в журнале «Отечественные записки». В 1858 году «Фрегат “Паллада”» вышел отдельной книгой.

В своем предисловии к третьему отдельному изданию (январь 1879 г.) И. А. Гончаров обосновал выбранный им жанр путевого очерка как «летучие наблюдения и заметки, сцены, пейзажи» (Гончаров, 1952, с. 6). Назвав произведение «дневником своих воспоминаний», автор подчеркнул, что эпистолярная форма отражала реальный характер существования его писем к друзьям. В очерке И. А. Гончаров обращает свои письма как к конкретным адресатам, так и к собирательному образу друга-адресата, с которым ассоциирует себя читатель. Среди конкретных адресатов можно выделить поэта В. Г. Бенедиктова. Письмом к В. Г. Бенедиктову открывается третья часть «Плавание в Атлантических тропиках» первого тома очерков. Свое письмо И. А. Гончаров начинает с упоминания «поэтического и дружеского напутствия» поэта (Гончаров, 1952, с. 107), имея в виду послание «И. А. Гончарову», написанное перед отплытием «Паллады». Стихотворное послание В. Г. Бенедиктова впервые было опубликовано в 1856 году и содержало в том числе следующие строки:

Лети! И что внушит тебе природа
Тех чудных стран, – на пользу и добро,
Пусть передаст, в честь русского народа,
Нам твой рассказ и славное перо! (Гончаров, 1953, с. 466)

Формированию особой доверительной атмосферы между автором и читателем способствует также сам образ автора-адресанта, вдумчиво изучающего нравы и описывающего чужую жизнь, когда впечатления «сами собирались в душу» и «хотелось побродить не между мумиями, а среди живых людей» (Гончаров, 1952, с. 46). С другой стороны, к середине XIX века эпистолярная форма путевых очерков была органична для русской литературы, являясь частью богатой национальной жанровой традиции (Н. М. Карамзин «Письма русского путешественника», Д. И. Фонвизин «Письма из Франции», П. В. Анненков «Парижские письма», А. И. Герцен «Письма из Франции и Италии») (Панцеров, 2004, с. 7).

Методы

В исследовании использованы методы рецептивной эстетики и компаративный (имагология). Позиционируя имагологию как актуальное направление компаративистики, ученые научной школы «Проблемы современного зарубежного литературоведения» Московского городского педагогического университета, на базе которого была выполнена данная работа, обращаются к исследованию разных аспектов имагологии: диалога и полилога языков и культур (Взаимодействие языков и культур: от диалога к полилогу, 2021), национальной идентичности в контексте инаковости (Викулова, Кулагина 2013; Викулова и др., 2020), проблеме национального характера и национальных стереотипов (Афанасьева и др., 2019; Баранова, Чупрына, 2015), кросс-культурных литературных коммуникаций «Россия» – «Англия» и авторских рецептивных стратегий (Меркулова, 2017; 2020; Меркулова, Баранова, 2019).

Отечественные авторы современных имагологических исследований обращают внимание на следующие характеристики данного метода: междисциплинарность, составляющую основу метода бинарную оппозицию «свое» – «чужое», трансформацию стереотипов рецепции образа «другого»,

категории «ментальный образ», «имаготип», «имагема», «имаготема», «имагопоэтика» (Козлова, 2015; Папилова, 2011; Поляков, 2013; Рябчикова, 2018; Трыков, 2015). Таким образом, художественный текст предстает в качестве «многоуровневого объекта имагологического исследования» (Папилова, 2011, с. 37). В контексте изучения имагологических рецептивных стратегий автора мы детализировали введенные зарубежными теоретиками понятия «имаготип» (Fischer, 1979), «имагема», «имаготема» (Mouga, 1999). Под «имаготипом» мы будем понимать лишенный индивидуальности обобщенный образ «другого» («чужого») в представлении автора, под «имагемой» – стереотипный и амбивалентный (построенный на бинарной оппозиции «свой» – «чужой») национальный образ, под «имаготемой» – доминанту изображения автором круга жизненных явлений, в целом уклада жизни «чужого». Для характеристики своеобразия художественного представления и воплощения писателем в произведении образов национальной культуры или национального характера мы оперируем термином «автообраз», перспективы изучения которого отметил в своей работе «Имагология: история и метод» профессор Амстердамского университета Й. Леерссен (Imagology, 2007).

Результаты

Оригинальную стилистику произведения и английскую доминанту «чужой физиономии» автор демонстрирует с начальных предложений первой главы «От Кронштадта до мыса Лизарда»: «Меня удивляет, как могли вы не получить моего первого письма из Англии, от 2/14 ноября 1852 года, и второго из Гон-Конга, именно из мест, где об участии письма заботятся, как о судьбе новорожденного младенца. В Англии и ее колониях письмо есть заветный предмет, который проходит чрез тысячи рук, по железным и другим дорогам, по океанам, из полушария в полушарие, и находит неминуемо того, к кому послано, если только он жив, и так же неминуемо возвращается, откуда послано, если он умер или сам воротился туда же» (Гончаров, 1952, с. 11) и далее: «Везде и всюду этот образ английского купца носится над стихиями, над трудом человека, торжествует над природой!» (Гончаров, 1952, с. 20). Так рецептивная стратегия письма и преобладающий образ купца связаны в сознании автора с английским национальным характером. С точки зрения современной терминологии лишенный индивидуальных черт в авторском описании образ купца можно рассматривать в качестве имаготипа.

Отказавшись от традиционного описания путешественником достопримечательностей во время своего двухмесячного пребывания в Англии, И. А. Гончаров, обращаясь к адресату, пишет: «Удовольствуйтесь беглыми заметками, не о стране, не о силах и богатстве ее; не о жителях, не о их нравах, а о том только, что мелькнуло у меня в глазах» (Гончаров, 1952, с. 39). Поэтому сначала носящие характер «мельканий» отдельные наблюдения над Англией и англичанами были сделаны автором по поводу его собственных впечатлений от английской погоды и пейзажа (сплин), процессии похорон Веллингтона («Лондон запер лавки – сомнения нет: он очень печален» (Гончаров, 1952, с. 45), встречи двух англичан на перекрестке лондонских улиц («эту важность до комизма на лице, выражение глубокого уважения к самому себе, некоторого презрения, или по крайней мере холодности к *другому* (курсив наш. – М. М.), но благоговения к толпе, то есть к обществу» (Гончаров, 1952, с. 46), посещения таверны («опрятность доведена до роскоши: она превышает необходимость. Особенно в белье...» (Гончаров, 1952, с. 51) или осмотра достопримечательностей («Такой пристальной внимательности, почти до страдания, нигде не встретишь» (Гончаров, 1952, с. 51). Примечательно, что в контексте этих «беглых заметок» появляется оценочная категория «другой», понимаемая как образ «не-Я» представителя одной национальности или общей этнической группы.

Подробнее И. А. Гончаров описывает Англию и англичан, когда изучает «физиономию Лондона»: имагологическую повествовательную стратегию «мелькания» сменяют вдумчивое наблюдение и анализ. Под «физиономией» автор понимает внешний и внутренний облик города. В творческой рецепции «физиономии Лондона» И. А. Гончаров выделяет и развивает имаготему «жизнь-торговля». Замечая отсутствие в городе «бурного брожения» жизни, автор сравнивает Лондон с живым существом, которое «кажется, сдерживает свое дыхание и биение пульса. Нет ни напрасного крика, ни лишнего движения, а уж о пении, о прыжке, о шалости и между детьми

мало слышно. Кажется, все рассчитано, взвешено и оценено, как будто и с голоса, и с мимики берут тоже пошлину, как с окон, с колесных шин» (Гончаров, 1952, с. 53-54).

Практичность, взвешенность, дисциплинированность англичан для автора соседствуют с их традицией напиваться за обедом. Эта бытовая деталь снижает кажущийся поначалу совершенным образ англичанина, лишая его идеализации. И. А. Гончарову импонирует внешняя опрятность англичан («большая часть одеты со вкусом и нарядно; остальные чисто, все причесаны, приглажены и особенно обриты. Наш друг Я[зыков] непременно сказал бы: здесь каждый Бритт» (Гончаров, 1952, с. 54), однако приписываемый Языкову оригинальный каламбур «обрит – Бритт» делает портрет англичанина ироничным и смешным так же, как и упомянутое автором особое уважение англичан к общественным приличиям, доходящее до скуки («уважение к общему спокойствию, безопасности, устранение всех неприятностей и неудобств – простирается даже до некоторой скуки» (Гончаров, 1952, с. 54)). Изображение отмеченных качеств объединяет особая рецептивная стратегия автора, создающая эффект оксюморона: сочетание в портрете, быте, характере англичан во многом взаимоисключающих черт. И. А. Гончаров предлагает своему читателю задуматься над репутацией «умного, делового, религиозного, нравственного и свободного народа», у которого «филантропия возведена в степень общественной обязанности, а от бедности гибнут не только отдельные лица, семейства, но целые страны под английским управлением» (Гончаров, 1952, с. 57).

Особо автор выделяет образ англичанки, леди, для которой «красота – капитал» (Гончаров, 1952, с. 58). «Кажется, – замечает И. А. Гончаров, – женщины в Англии – единственный предмет, который пощадило практическое направление. Они властвуют здесь и, если и бывают предметом спекуляций, как, например, мистрис Домби, то не более, как в других местах. Перед ними курится постоянный фимиам на домашнем алтаре, у которого англичанин, избегав утром город, переделав все дела, складывает, с макинтошем и зонтиком, и свою практичность. Там гаснет огонь машины и зажигается другой, огонь очага или камина...» (Гончаров, 1952, с. 58). Метафора англичанин-«машина», своеобразная имагема английского национального характера, как и литературные аллюзии, в том числе к произведениям английской литературы (например, роману Ч. Диккенса «Домби и сын»), являются устойчивыми для имагологической рецепции автора.

В имагологической рецепции национального характера значимой стратегией И. А. Гончарова также оказывается сравнение англичан с представителями других народов и национальностей. Доминирует архетипическая бинарная оппозиция «свой» – «чужой». В сравнительном контексте автор особо выделяет образы русского барина и «новейшего англичанина». Перед читателем сначала проходит типичный распорядок дня «новейшего англичанина», начиная с подъема по будильнику и отхода «машины» ко сну после того, как будильник заведен. Англичанин деятелен, энергичен, любит комфорт, использует для своего удобства последние достижения техники. Затем сквозь облако английского тумана постепенно проступает перед читателем образ спящего русского барина. Само повествование о барине неторопливо и размеренно, предельно детализировано, в барине читатель легко узнает Обломова «среди этой деятельной лени и ленивой деятельности» (Гончаров, 1952, с. 70), слуги-«живой машины», разговоров с приказчиком и вереницы гостей, которые «живут в людях», губернской благотворительности и т. д. В свою очередь, автор, увлекшись развернутым описанием, спохватывается и констатирует: «Увижу новое, чужое (здесь и далее курсив наш. – М. М.) и сейчас в уме прикину на свой аршин. Я ведь уж сказал вам, что искомый результат путешествия – это параллель между чужим и своим. Мы так глубоко вросли корнями у себя дома, что, куда и как надолго бы я ни заехал, я всюду унесу почву родной Обломовки на ногах, и никакие океаны не смоют ее!» (Гончаров, 1952, с. 73).

«Разумная толпа» англичан, их подавление уклонения от прямой цели, специальность, лишенная своих лучей добродетель противопоставлены автором «невозделанной природе» и ее детям, свободе, универсальности знаний, естественности чувств на Родине.

В оппозиции «свой» – «чужой» отдельно обращает на себя внимание выделенный нами текст оценочных категорий. «Свое» для И. А. Гончарова – дом, патриархальный уклад жизни русского помещика и автообраз Обломовки («почва родной Обломовки»), «чужое» – новое, вне дома.

Сравнительный контекст «англичане – голландцы» исторически обусловлен утратой голландцами своей власти в странах-колониях, которые посещает путешествующий автор. Поэтому в первую очередь этот контекст представлен описанием гостиниц и домов. Например, при изображении гостиниц африканских городов на мысе Доброй Надежды И. А. Гончаров заключает: «У англичан везде виден комфорт или претензия на него, у голландцев – патриархальность <...> По состоянию одних этих гостиниц безошибочно можете заключить, что голландцы падают, а англичане возвышаются в здешней стороне. У первых все смотрит скучно, запущенно; у последних весело, ново и свежо» (Гончаров, 1952, с. 141).

Одновременно автор знакомит читателя с историей и географией колониальной политики Англии. Так, при посещении Гон-Конга возникает сравнительный контекст «англичане – китайцы»: «Китайцам, конечно, не грезилось, когда они, в 1842 году, по нанкинскому трактату, уступали англичанам этот бесплодный камень, вместо цветущего острова Чусана, во что превратят камень рыжие варвары» (Гончаров, 1952, с. 299). И хотя ранее живший в Китае пассажир фрегата «Паллада» отец Аввакум сравнил англичан с китайцами «по мелочной, микроскопической деятельности, по стремлению к торгашеству» (Гончаров, 1952, с. 52), теперь в описываемом автором городе Виктории китайцы служат англичанам, находятся под их присмотром. Это касается и охраны колониальных территорий английскими офицерами. Будучи приглашенным в казармы, автор отмечает роскошь «офицерско-семейного образа жизни»: серебро, тончайшее белье, каменный балкон с бамбуковыми креслами для отдыха. По словам автора, словно Робинзоны, англичане заселяют даже необитаемые острова.

Сравнительный контекст «англичане – китайцы» И. А. Гончаров значительно распространяет при изображении прибытия фрегата в Шанхай во втором томе очерков путешествия. Тонкий аромат китайского цветочного чая пекое автор противопоставляет английскому грубому черному чаю, далее обобщенно заявляя, что «англичане в деле гастрономии – не авторитет» (Гончаров, 1953, с. 106).

Особо И. А. Гончаров подчеркивает, что обращение англичан с китайцами и другими «подвластными им народами, не то чтоб было жестоко, а повелительно, грубо или холодно-презрительно, так что смотреть больно. Они не признают эти народы за людей, а за какой-то рабочий скот, который они, пожалуй, не бьют, даже холят, то есть хорошо кормят, исправно и щедро платят им, но не скрывают презрения к ним. <...> Не знаю, кто из них кого мог бы цивилизовать: не китайцы ли англичан, своею вежливостью, кротостью да и умением торговать тоже» (Гончаров, 1953, с. 125-126). В подтверждение сказанному писатель приводит пример бесцеремонного обращения молодого английского морского офицера Стокса с китайцем на улице, когда китаец не уступил ему дорогу и офицер за косу оттащил его в сторону. Или, наоборот, неприятие (и даже побои) ликейцами английского миссионера Беттельгейма, который прожил на островах восемь лет, но так и не заслужил доверие жителей. Не случайно автору «стало подозрительно это поголовное порицание бедных ликейцев» (Гончаров, 1953, с. 206) миссионером, в то время как сам И. А. Гончаров чувствовал себя странствующим Улиссом, которого гостеприимно встречали жители островов. Показательны также яркие примеры автора, свидетельствующие о меркантильности англичан: продажа опиума («опиумные войны») и оружия для убийства своих же соотечественников («кафрские войны»). И. А. Гончаров метко характеризует англичан как «скотолобивый народ» и «торговая нация».

Не менее интересен сравнительный контекст «англичане – американцы», возникающий в попутных замечаниях автора при изображении его визитов в Шанхае к американскому консулу г. Каннингаму. Обычно приветствовал консул автора естественно, «очень ласково, непохоже на английскую встречу» (Гончаров, 1953, с. 110), а во время торжественного приема И. А. Гончаров делает вывод: «говорят, молятся, едят одинаково и одинаково ненавидят друг друга!» (Гончаров, 1953, с. 133).

Выводы

В итоге образы Англии и английского национального характера предстают перед читателем во всей цельности как «физиономия» страны и народа благодаря следующим *имагологическим рецептивным стратегиям* автора: «мельканию» городских картин, отдельным наблюдениям над качествами харак-

тера англичан, отражению этих качеств в быту, национальных традициях, языке, сравнению с качествами характера людей других национальностей на основе бинарной оппозиции «свой» – «чужой» (прежде всего русские, китайцы, голландцы), выделению отдельных групп англичан по признакам пола (англичанки), профессии (главенствующий образ купца, военные офицеры, матросы), аллюзиям к авторам и произведениям русской и английской литературы. Имагологическая рецепция Англии и англичан в цикле путевых очерков И. А. Гончарова «Фрегат «Паллада»» представлена триадой в составе имаготемы «жизнь-торговля», имагеми «англичанин-машина» и имаготипа «купец».

Источники

- Афанасьева О. В., Баранова К. М., Машошина В. С., Чупрына О. Г. (2019) Американская культурно-языковая картина мира XIX века: время, свобода, судьба, одиночество, достоинство. М., изд-во Диона, 112 с.
- Баранова К. М., Чупрына О. Г. (2015) Диахронический взгляд на константы в американской языковой картине мира. Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика, № 6, с. 8–15.
- Взаимодействие языков и культур: от диалога к полилогу (2021). М., изд-во ВКН, 328 с.
- Викулова Л. Г., Кулагина О. А. (2013) Национальная идентичность в контексте инаковости: языковая репрезентация оппозиции «свои» – «чужие» во французской литературе XX века (на материале сборника эссе Ф. Мориака «Чёрная тетрадь»). Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование, № 2 (12), с. 33–42.
- Викулова Л. Г., Серебренникова Е. Ф., Вострикова О. В., Герасимова С. А. (2020) Лексемы *identité* / идентичность как элементы универсумов человека и языка: этносемиотрический и аксиологический аспекты. Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Гуманитарные науки, № 2, вып. 831, с. 30–42.
- Гончаров И. А. (1952) Фрегат «Паллада». Собрание сочинений в 8 т. Т. 2. М., Художественная литература, 327 с.
- Гончаров И. А. (1953) Фрегат «Паллада». Собрание сочинений в 8 т. Т. 3. М., Художественная литература, 478 с.
- Козлова А. А. (2015) Имагологический метод в исследованиях культуры. URL: <https://observatoria.rsl.ru>
- Меркулова М. Г. (2020) Пятиактная драма как идея-маркер шекспировских аллюзий в поэзии Б. Пастернака. Б. Л. Пастернак: русская и национальные литературы. Материалы международной научно-практической конференции. Ереван, изд-во Ереванского государственного лингвистического университета им. В. Я. Брюсова, с. 190–200.
- Меркулова М. Г. (2017) Система аллюзий и реминисценций на жизнь и творчество русских писателей. Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 2: Искусствоведение. Филологические науки, № 3, с. 96–101.
- Меркулова М. Г., Баранова К. М. (2019) Образы Москвы и Санкт-Петербурга в драматической трилогии Т. Стоппарда «Берег Утопии». II Всемирный конгресс в реальном и виртуальном режиме «Восток-Запад: пересечения культур». Япония, изд-во ун-та Киото, с. 133–139.
- Павловская А. В. Национальный характер англичан. URL: http://www.national-mentalities.ru/west/osobennosti_anglijskogo_nacionalnogo_haraktera_a_v_pavlovskaya/
- Панцеров К. А. (2004) Путевой очерк: эволюция и художественно-публицистические особенности жанра. Автореф. дис. ... канд. филол. наук по специальности 10.01.10 – Журналистика. Санкт-Петербург, 21 с.
- Папилова Е. В. (2011) Имагология как гуманитарная дисциплина. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imagologiya-kak-gumanitarnaya-distiplina/viewer>
- Поляков О. Ю., Полякова О. А. (2013) Имагология: теоретико-методологические основы. Киров, Радуга-ПРЕСС, 162 с.
- Рябчикова Е. Е. (2018) Имагология как раздел литературоведческой компаративистики. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imagologiya-kak-razdel-literaturovedcheskoy-komparativistiki/viewer>
- Трыков В. П. (2015) Имагология и имагопоэтика. Знание. Понимание. Умение, № 3, с. 120–129.
- Fischer M. (1979) *Komparatistische Imagologie. Fur eine interdisziplinare Erforschung national-imagotyper Systeme. Zeitschrift fur Sozialpsychologie*, no. 3.
- Imagology. The Cultural construction and literary representation of national characters (2007) A critical survey. Ed. M. Beller and J. Leerssen. Amsterdam, pp. 26–30.
- Moura J.-M. (1999) *L'imagologie littéraire: tendances actuelles. Perspectives comparatistes*. P., ed. J. Bessiere & D.-H. Pageaux, pp. 181–191.

References

- Afanas'eva O. V., Baranova K. M., Mashoshina V. S., Chupryna O. G. (2019) *Amerikanskaya kul'turno-yazykovaya kartina mira XIX veka: vremya, svoboda, sud'ba, odinochestvo, dostoinstvo* [American cultural and linguistic picture of the world of the 19th century: time, freedom, fate, loneliness, dignity]. Moscow, Diona Publ., 112 p. (In Russian).

- Baranova K. M., Chupryna O. G. (2015) Diahronicheskiy vzglyad na konstanty v amerikanskoj yazykovoj kartine mira [A diachronic view of the constants in the American language picture of the world]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika – Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Linguistics, vol. 6, pp. 8–15 (In Russian).
- Fischer M. (1979) Komparatistische Imagologie. Fur eine interdisziplinare Erforschung national-imagotyper Systeme. Zeitschrift fur Sozialpsychologie, no. 3.
- Goncharov I. A. (1952) Fregat “Pallada”. Sobranie sochinenij v 8 t. [Frigate “Pallada”. Collected works in 8 vols]. Vol. 2. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 327 p. (In Russian).
- Goncharov I. A. (1953) Fregat “Pallada”. Sobranie sochinenij v 8 t. [Frigate “Pallada”. Collected works in 8 vols]. Vol. 3. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 478 p. (In Russian).
- Imagology. The Cultural construction and literary representation of national characters. (2007) A critical survey. Ed. M. Beller and J. Leerssen. Amsterdam, p. 26–30.
- Kozlova A. A. (2015) Imagologicheskiy metod v issledovaniyah kul'tury [Imagological method in cultural studies]. Available at: <https://observatoria.rsl.ru> (In Russian).
- Merkulova M. G. (2020) Pyatiaktnaya drama kak ideya-marker shekspirovskih allyuzij v poezii B. Pasternaka. B. L. Pasternak: russkaya i nacional'nye literatury [Five-act drama as an idea-marker of Shakespearean allusions in the poetry of B. Pasternak. B. L. Pasternak: Russian and national literatures]. Materials of the international scientific-practical conference. Yerevan, V.Ya. Bryusov Yerevan State Linguistic University Publ., pp. 190–200 (In Russian).
- Merkulova M. G. (2017) Sistema allyuzij i reminiscencij na zhizn' i tvorchestvo russkih pisatelej [A system of allusions and reminiscences to the life and work of Russian writers]. Vestnik of St. Petersburg State University of Technology and Design. Series 2: Art history. Philological science, vol. 3, pp. 96–101 (In Russian).
- Merkulova M. G., Baranova K. M. (2019) Obrazy Moskvy i Sankt-Peterburga v dramaticheskoy trilogii T. Stopparda “Bereg Utopii” [Images of Moscow and St. Petersburg in T. Stoppard’s dramatic trilogy “Coast of Utopia”]. II World Congress in real and virtual mode “East-West: intersection of cultures”. University of Kyoto Publ., Japan, pp. 133–139 (In Russian).
- Moura J.-M. (1999) L’imagologie littéraire: tendances actuelles. Perspectives comparatistes. P., ed. J. Bessière & D.-H. Pageaux, p. 181–191.
- Pavlovskaya A. V. Nacional'nyj harakter anglichan [The national character of the English]. Available at: http://www.national-mentalities.ru/west/osobennosti_anglijskogo_nacionalnogo_haraktera_a_v_pavlovskaya/ (In Russian).
- Pancerev K. A. (2004) Putevoj ocherk: evolyuciya i hudozhestvenno-publicisticheskie osobennosti zhanra [Travel essay: evolution and artistic and journalistic features of the genre]. Abstract dis. for the academic PhD degree in Philology. Sciences, specialty 10.01.10 – Journalism. St. Petersburg, 21 p.
- Papilova E. V. (2011) Imagologiya kak gumanitarnaya disciplina [Imagology as a humanitarian discipline]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imagologiya-kak-gumanitarnaya-distsiplina/viewer> (In Russian).
- Polyakov O. Yu., Polyakova O. A. (2013) Imagologiya: teoretiko-metodologicheskie osnovy [Imagology: theoretical and methodological foundations]. Kirov, Raduga-PRESS Publ., 162 p.
- Ryabchikova E. E. (2018) Imagologiya kak razdel literaturovedcheskoj komparativistiki [Imagology as a section of literary comparative studies]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/imagologiya-kak-razdel-literaturovedcheskoj-komparativistiki/viewer> (In Russian).
- Trykov V. P. (2015) Imagologiya i imagopoetika [Imagology and Imagopoetics]. Znanie. Ponimanie. Umenie (“Knowledge. Understanding. Skill”), vol. 3, pp. 120–129 (In Russian).
- Vikulova L. G., Kulagina O. A. (2013) Nacional'naya identichnost' v kontekste inakovosti: yazykovaya reprezentaciya oppozicii “svoi” – “chuzhie” vo francuzskoj literature XX veka (na material sbornika esse F. Moriaka “Chyornaya tetrad'”) [National Identity in the Context of Otherness: Linguistic Representation of the Opposition “Own” – “Them” in French Literature of the 20th Century (Based on F. Mauriac’s Collection of Essays “The Black Notebook”)] MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education, vol. 2 (12), pp. 33–42 (In Russian).
- Vikulova L. G., Serebrennikova E. F., Vostrikova O. V., Gerasimova S. A. (2020) Leksemy identit'e / identichnost' kak element universumov cheloveka i yazyka: etnosemiometricheskij i aksiologicheskij aspekty [Lexemes identit'e / identity as elements of human and language universes: ethnosemiometric and axiological aspects]. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, vol. 2 (831), pp. 30–42 (In Russian).
- Vzaimodejstvie yazykov i kul'tur: ot dialoga k polilogu (2021) [Interaction of languages and cultures: from dialogue to polylogue]. Moscow, VKN Publ., 328 p. (In Russian).

Информация об авторе

Меркулова Майя Геннадиевна

Доктор филологических наук, доцент.
Московский городской педагогический университет, г. Москва, РФ.
ORCID ID: 0000-0002-0054-5647.
E-mail: MerkulovaMG@mgpu.ru

Autor's information

Mayya G. Merkulova

Dr. Sc. (Philol.), Associate Professor. Moscow City University, Moscow, Russian Federation.
ORCID ID: 0000-0002-0054-5647.
E-mail: MerkulovaMG@mgpu.ru

Ф. В. Шелухин¹

✉ sheluhin.hamir98@yandex.ru

¹Нижневартковский государственный университет, г. Нижневартковск, Российская Федерация

Интерпретация художественного текста в кино: роман И. А. Гончарова «Обломов» и фильм Н. Михалкова «Несколько дней из жизни И. И. Обломова»

Аннотация. В статье исследуется киноэкранизация как специальная форма художественного текста. В рамках исследования рассматриваются понятие киноэкранизации, ее классификации и особенности видов, «сильные» и «слабые» стороны данного формата. Также характеризуются возникающие при переносе литературных произведений на киноэкран проблемы, вокруг которых и по сей день не прекращаются дискуссии. Изучение обозначенных вопросов производится не только в теории, но и на практике, что представлено в виде сопоставления романа И. А. Гончарова «Обломов» (1847–1859) и фильма Н. С. Михалкова «Несколько дней из жизни И. И. Обломова» (1979). Помимо выявления различий оригинального романа и фильма, выражающихся в отклонении от следования литературному тексту, изменении отдельных сцен, добавленных и убранных эпизодах и изменении образов персонажей книжного первоисточника, определяется творческая задача, поставленная кинематографистами. Основными методами исследования являются анализ научной литературы и сравнительный анализ. В результате проведенного сравнительно-сопоставительного анализа делается вывод, содержащий в себе ответы на вопросы: к какому из видов экранизаций относится данный фильм, в чем это выражается, а также выявляются причины, приведшие к данному результату.

Ключевые слова: Гончаров, Михалков, Обломов, Несколько дней из жизни И. И. Обломова, киноэкранизация, прямая экранизация, по мотивам, общая киноадаптация.

Дата поступления статьи: 5 декабря 2022 г.

Для цитирования: Шелухин Ф. В. (2023) Интерпретация художественного текста в кино: роман И. Гончарова «Обломов» и фильм Н. Михалкова «Несколько дней из жизни И. И. Обломова». Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 17, № 1, с. 92–99. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.10.

Scientific article

F. V. Shelukhin¹

✉ sheluhin.hamir98@yandex.ru

¹Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russian Federation

Interpretation of a literary text in cinema: I. A. Goncharov's novel "Oblomov" and N. Mikhalkov's film "A few days from the life of I. I. Oblomov"

Abstract: The article explores film adaptation as a special form of literary text. The study examines the concept of film adaptation, its classification and features of types, "strengths" and "weaknesses" of this format. It also characterizes the problems that arise when transferring literary works to the cinema screen, around which discussions do not stop to this day. The study of the identified issues is carried out not only in theory, but also in practice, which is presented in the form of a comparison of the novel by I. A. Goncharov "Oblomov" (1847–1859) and the film by N. S. Mikhalkov "A few days from the life of I. I. Oblomov" (1979). In addition to identifying the differences between the original novel and the film, expressed in deviation from following the literary text, changing individual scenes, added and removed episodes, and changing the images of the characters in the book source, the creative task set by the filmmakers is determined. The main research

methods are the analysis of scientific literature and comparative analysis. As a result of the comparative and comparative analysis, a conclusion is made that contains answers to the questions: which type of film adaptation this film belongs to, what it is expressed in, and the reasons that led to this result are identified.

Keywords: Goncharov, Mikhalkov, Oblomov, A few days from the life of I. I. Oblomov, film screening, direct screening, based on motives, general film adaptation.

Paper submitted: December 5, 2022.

For citation: F. V. Shelukhin (2023) Interpretation of a literary text in cinema: I. Goncharov's novel "Oblomov" and N. Mikhalkov's film "A few days from the life of I. I. Oblomov". Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 17, no. 1, pp. 92–99. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.10.

Введение

Понятия «интерпретация» и «адаптация» возникают, когда речь заходит о переводе литературных произведений на язык смежных с литературой искусств (живописи, музыки, театра, кинематографа). В данном случае, речь пойдет о синтезе литературы и кино – экранизации (киноадаптации).

Результат взаимодействия кино и литературы стал предметом вечных споров о критериях адекватности исходного текста и его киноадаптации. В 1930-х гг. литературный критик В. Гоффеншефер писал: «Кино – самый капризный читатель и самый коварный интерпретатор художественной литературы <...> Ответственность слагается из ответственности творца, по-своему воплощающего литературное произведение в конкретные образы, и из ответственности критика, разъясняющего и интерпретирующего это произведение. Эта ответственность слагается прямо пропорционально и роли кино как одного из наиболее мощных орудий воздействия на человеческое сознание» (Гоффеншефер, 1934, с. 159–160).

Взаимосвязь и взаимозависимость литературы и кино отмечена не в одном труде по теории кино. Советский прозаик, сценарист, литературовед и критик Ю. Н. Тынянов писал по этому поводу: «Кино может давать аналогию литературного стиля в своем плане» (Тынянов, 1977, с. 324).

Венгерский сценарист и теоретик кино Б. Балаш говорил о все большей отдаленности одного вида искусства от другого: «Кино развивается в сторону “освобождения” от литературности и поэтому должно опираться на оригинальные сюжеты, так как “принцип искусства сценариста – это непосредственное чувственное восприятие”. <...> Развитие этого искусства заключается в том, чтобы извлечь как можно больше внутреннего и интеллектуального на поверхности формы» (Балаш, 1968, с. 285).

Французский кинокритик, историк и теоретик кино А. Базен писал: «Игра смыслов между оригиналом и фильмом по нему значительно обогащает текст экранизации» и «хорошая экранизация должна суметь воспроизвести суть и буквы, и духа первоисточника» (Базен, 1972, с. 122, 137).

Киновед Н. С. Горницкая писала о главенствующей роли литературы в симбиозе двух видов искусства «обращение к литературе имеет первостепенное значение уже непосредственно для искусства кино – развитие и совершенствование его художественного метода и принципов» (Горницкая, 1967).

Советский кинодраматург и киновед И. Маневич писал об удобстве кино для литературы: «Такая форма киноискусства, в которой автор экранизации, не выходя из рамок литературного оригинала, воссоздает его на экране специфическими средствами киноискусства, стремясь как можно глубже и поэтичнее передать пафос оригинала, его художественную сущность» (Маневич, 1966, с. 53).

Также на стыке веков имели место споры и дискуссии об особенностях соотношений кино и литературы, не прекращающиеся до сих пор. К. Ю. Игнатов предлагал уравновесить экранизацию и литературный текст: «...оптимальной принято считать такую экранизацию, в которой целью кинематографистов становится создание экранного эквивалента литературного произведения» (Игнатов, 2007, с. 3).

Использование литературного произведения как основы для сценария киноадаптации не только облегчает задачу кинематографистам, но и выступает гарантией успеха производимой экранизации. Советский и российский философ и культуролог М. С. Каган писал: «распространенная практика инсценирования повестей и экранизации пьес и романов приводит к эстетически полноценным результатам только тогда, когда является не “переводом” с одного художественного языка на другой, а созданием новых и самостоятельных художественных произведений по мотивам оригинала; даже перевод стихотворения с одного национального языка на другой есть, в сущности, создание другого произведения искусства “по мотивам исходного”, ибо художественное содержание стиха неотделимо от звучания воплощающей его национально-своеобразной речи, не говоря уже об особенностях ее ассоциативных смыслов и идиоматики» (Каган, 2003, с. 51–52).

С точки зрения методологии интерпретация литературного произведения и его киноадаптация как текст культуры убедительна в том плане, в котором ее предлагал рассматривать французский философ П. Рикер: «С одной стороны, интерпретация включает в себя традицию: мы интерпретируем не вообще, а делаем это для того, чтобы прояснить, продолжить и таким образом жизненно утвердить традицию, какой мы принадлежим. С другой стороны, интерпретация сама совершается во времени, в настоящем, отличном от времени традиции; и то, и другое время принадлежат друг другу, они взаимосвязаны» (Рикер, 2002, с. 19).

В первой части исследования будут рассмотрены само понятие «экранизация», классификация подобных адаптаций, проблемы, с которыми сталкиваются кинематографисты при их создании. Во второй части статьи будет рассмотрен конкретный пример киноинтерпретации – кинофильм Н. С. Михалкова «Несколько дней из жизни И. И. Обломова», а именно: творческая задача кинематографистов, изменения, коснувшиеся образов персонажей, различия между оригинальным романом и кинофильмом.

Методы

Для подробного рассмотрения киноэкранизации как специальной формы художественного текста был применен анализ научной литературы по теме исследования. Методом сравнительного анализа были сопоставлены оригинальный литературный текст (роман И. А. Гончарова «Обломов») и киноадаптация (фильм Н. С. Михалкова «Несколько дней из жизни И. И. Обломова»).

Результаты

Прежде чем говорить о классификации экранизаций и проблемах, связанных с переносом художественных произведений на киноленту, нужно понять, как правильно трактовать само понятие.

Большой энциклопедический словарь трактует «экранизацию» следующим образом: «Интерпретация средствами кинопроизведений другого вида искусства (прозы, драматургии, поэзии, песен, оперных и балетных либретто» (Большой энциклопедический словарь, 2002).

Довольно простое определение дает словарь иностранных слов: «Создание кино- или телефильма на основе литературного произведения» (Словарь иностранных слов, 2006).

Схожее определение можно увидеть в толковом словаре Д. Н. Ушакова: «Приспособление чего-нибудь для показывания в кинематографе, на экране» (Толковый словарь русского языка, 1940).

В том же лаконичном ключе данный термин трактуется в толковом словаре С. И. Ожегова: «Взятие произведения (преимущественно литературного) в основу создания кинофильма» (Ожегов, 1989, с. 739).

Наиболее удачная расшифровка понятия «экранизация» представлена в Большом энциклопедическом словаре. Исходя из нее, главное в экранизации – передать темы и идеи литературного произведения через приемы киноязыка, имеющие огромное различие с литературными.

Прежде чем говорить о переносе романа И. А. Гончарова «Обломов» на язык кино, необходимо выделить типы киноэкранизаций и их особенности. Приведем классификацию Г. А. Поличко (Цит. по: Дмитрук, 2019, с. 97), согласно которой киноэкранизации делятся на три типа:

1. Прямая экранизация. Данный тип ставит своей целью повторить книгу (в отдельных случаях встречается повторение практически буква в букву), бережно перенося первоисточник в формат кинофильма или сериала. В большинстве случаев экранизации такого типа используют именно сериальный формат. Примеры: «Война и мир» С. Бондарчука, «Собачье сердце» В. Бортко.

2. По мотивам. Экранизации подобного типа ставят перед собой задачу представить известное произведение под иным углом зрения. По данному пути экранизации идут в тех случаях, когда исходный материал невозможно перенести на киноэкран в первоизданном виде по тем или иным причинам. Например, из-за объема исходного материала в соотношении с хронометражом или акцента в произведении на вещах, которые невозможно показать без переработки в события или диалоги. Подобные экранизации не следуют исходному материалу буква в букву, но при этом ставят цель сохранить главные темы и идеи произведения, добавляя какие-то вещи «от себя». И именно такие экранизации главенствуют в кинематографе среди других типов. Именно к этому типу относится и экранизация, о которой пойдет речь. Схожие примеры: «Мой ласковый и нежный зверь» Э. Лотяну, «Жестокий романс» Э. Рязанова.

3. Общая киноадаптация. В этом варианте кинематографисты ставят задачу создать на основе литературного произведения самостоятельное произведение, не только взаимосвязанное с оригиналом, но и дополняющее его какими-то новыми элементами. При данном подходе целью является не передать как можно точнее книгу, а создать на ее материале новое, самобытное произведение, которое, тем не менее, явно взаимосвязано с первоисточником и дополняет его. Примеры: «Солярис» и «Сталкер» А. Тарковского.

Когда кинематограф находился в начале своего развития, в плоскости киноэкранизаций преобладал первый тип, т. е. «прямая экранизация», где первоисточник бережно переносился в киноформат. Но со временем главенствующая позиция перешла к фильмам, относящимся к типу «по мотивам». Результат такого подхода был разный: исходный материал как упрощался, так и усложнялся.

Преобразование произведений художественной литературы в кинокартины – палка о двух концах, поскольку результат зрительского восприятия может быть строго противоположный: или зрители после знакомства с экранизацией, заинтересовавшись, прочтут оригинальное произведение, или же после экранизации потенциальные читатели к книге не притронутся.

Вокруг данного дуализма восприятия киноэкранизаций споры не прекращаются и по сей день. Исходя из данных споров, можно сделать вывод о том, какой эффект должна оказывать на зрителя действительно удачная экранизация: тех, кто читал оригинал, – обогатить с точки зрения эстетики, а у тех, кто с исходным материалом не знаком, – вызвать интерес, пробудить желание прочитать книгу, чтобы лучше осмыслить показанное в экранизации.

Но у киноэкранизации как специальной формы художественного текста есть и весомые проблемы.

Первая из них связана с вопросом: «А нужна ли экранизация конкретному произведению? А если и нужна, то возможно ли перенести произведение в первоизданном виде?». Советский актер, режиссер театра и кино И. Ильинский говорил, «что далеко не всякое произведение следует читать с эстрады: есть произведения, которые просто не терпят никакого звукового вмешательства, они должны читаться глазом» (Усов, 1995, с. 5).

О необходимости как можно более точного переложения книги на экран писал уже цитируемый ранее И. М. Маневич: «Тайна искусства художественного чтения – в прикосновении человеческого голоса к литературному тексту, в озвучении письменной речи, которую мы воспринимаем глазами. Но кинематограф, как один из видов искусства, способен выразить реальный мир не в статистических, а в живых, динамико-пластических, зрительных и слышимых образах» (Маневич, 1966, с. 235). Маневич говорил о том, что переложение идей, смыслов и эмоциональной

выразительности литературы на киноязык есть отдельное искусство, зависящее от точности экранного воплощения, которое сочетает в себе такие составляющие, как актерская игра, сценарная подача, последовательность сцен. Все это объединяется в единое целое с подачи режиссера, который направляет деятельность кинематографистов на достижение конечного результата – «к прояснению правды жизненных явлений».

Вторая проблема: фильм – это собственное видение книги одним или несколькими людьми (сценарист, режиссер, продюсер). И различие видений кинематографистов и зрителей как раз и является камнем преткновения. Также роль играет и разница в восприятии книги и фильма как ее интерпретации. Если при чтении литературного произведения читающий сам делает выводы насчет героев и их характеров, составляет логические цепочки, то при просмотре экранизации он просто выступает оценщиком работы кинематографистов, так как теряется свобода восприятия, которую дает книга, и воспринимаются готовые идеи, образы, темы. И здесь может возникнуть проблема: несовпадение идеи, заложенной в произведение автором, взглядов читателя и интерпретации кинематографистов, что может вызвать, в свою очередь, отторжение экранизации, разочарование в ней. Другими словами, «чем выше близость, тем лучше отзывы» (Лиходкина, 2017, с. 129)

Третья проблема (главная при создании экранизации): отбор материала для сценария, заключающаяся в том, что исходный материал может быть или в несколько раз больше объема сценария или, наоборот, меньше. Параллельно нужно соблюсти два условия:

1. Близость к оригинальному произведению, при этом не поверхностная копия, а точное следование темам и идеям оригинала;

2. Сосредоточение сценария на персонажах, способствующих развитию конфликта.

Четких критериев удачной киноэкранизации нет до сих пор, а подходы к попытке их определить разнились между собой: академическая наука основывалась на интуитивных ощущениях, а исследователи применяли понятия «целостность» и «уместность» (Бахтуева, 2017, с. 131)

То, что экранизация романа И. А. Гончарова относится к типу «по мотивам», можно понять уже по той задаче, которую поставили перед собой кинематографисты. Создавать дословную экранизацию романа «Обломов» режиссер Н. Михалков и сценарист А. Адабашьян не планировали. Это авторская версия, в которой нарушается привычное толкование литературного произведения. Нарушение это заключается в том, что в фильме тема «обломовщины» практически не затрагивается, а уступает место более актуальной на то время проблеме. Михалков уточняет, какой именно, в книге «Территория моей любви»: «Есть ли смысл сегодня возвращаться к разговору об “обломовщине”, которая давно и справедливо осуждена, и все, что можно сказать о ней, уже сказано? Потому-то нам хотелось подойти к существу романа с несколько иной стороны, повести разговор не об опасности “обломовщины”, а об опасности, если можно так выразиться, “штольцевщины”, о прагматизме, вытесняющем, пожирающем в человеческой душе духовность» (Михалков, 2015).

Но, несмотря на обозначенную выше задачу, авторы не сильно вдаются в социальный аспект конфликта оригинального романа, переводя последний в плоскость человеческих взаимоотношений, а именно в категории любви и дружбы. Расхожесть мировоззрений Обломова и Штольца не мешает им ценить друг друга. В фильме они просто старые друзья.

Помимо основного конфликта, изменению подверглись и образы персонажей. Как было обозначено, обличению подверглась не «обломовщина», а «штольцевщина», что привело образ Штольца, созданный Ю. Богатыревым, к легкой карикатурности. Актер иронизирует над типом мужчины, который рьяно заботится о своем здоровье и внешности, но не прочь присоединиться к ночной трапезе Обломова (в романе этой сцены не было). Также Михалков дает зрителям понять, что и в Штольце есть черты Ильи Ильича, что демонстрируется в сцене с пирогом, который Обломов дает Штольцу на прощание.

Изменился образ верного слуги Обломова – Захара (А. Попов). Если в оригинале он был слугой, «соблюдающим» своего барина, т. к. тот давал ему возможность «жить за свой счет» (Русская классика в советском кино, 2018, с. 153), то в фильме Захар действительно предан Илье Ильичу.

Также значительно отличается от своего книжного образа Ольга Ильинская (Е. Соловей). Она не чуткий и мудрый друг, как в оригинале, а «пленительная русалка, зовущая и сама готовая окунуться в пучину любви» (Русская классика в советском кино, 2018, с. 153). Ни единого намека на нежность не проскальзывает с ее стороны.

Обломов же (О. Табаков) показан добрым, романтичным и немного наивным. Видно, что сценарист и режиссер полностью на его стороне. Он тяготеет своим состоянием, но не привык над собой работать. В картине огромное количество сцен из детства Обломова. Лежит ли Илья Ильич на диване или же куда-то едет, подталкиваемый к деятельному образу жизни Штольцем, все это время он в мечтах возвращается в детство. Эти сцены введены в фильм не для того, чтобы показать, откуда у Обломова появились его пагубные черты. Это тоска Обломова по утраченному спокойствию, поскольку в детстве он не был бездельником.

Если говорить о жанровой направленности фильма, то в каждой серии свой жанр: первая серия – бытовая трагикомедия, вторая – мелодрама, которая образовывается из-за появления в ней любовного треугольника. Штольц влюбляется в Ольгу, и Обломов влюбляется в нее, но по-своему – робко, по-юношески, страдая от неразделенности чувств. Штольц ездит по Европе, постоянно приглашая к себе Илью, а тот отдыхает на даче у Ольги, изучает книги, оставленные ему Штольцем (Штольц также велел Ольге приглядывать за Ильей). Когда Ольга признается Обломову в любви, тот сбегает. Может показаться, что он испугался ответственности, но это не так. В Обломове сохранилась детская нравственная чистота, которую постановщик считает одним из выдающихся достоинств русского человека, даже если она кажется немного комичной.

Помимо измененных образов персонажей и смещения сюжетных акцентов, подтверждением того, что Михалков не стремился создать точную экранизацию романа Гончарова «Обломов», являются добавленные в фильм сцены, отсутствующие в оригинале, а также сокращенные или измененные в угоду сценарию некоторые диалоги и сцены. Приведем некоторые различия первоисточника и киноэкранизации.

Если роман начинался с того, что «Илья Ильич проснулся, против обыкновения, очень рано, часов в восемь» (Гончаров, 2017, с. 30), то фильм начинается следующим образом: просыпающийся счастливый ребенок, выбегающий в светлый, полный любви мир Обломовки. Противоположность детству – мир взрослого Обломова, спящего в Петербурге, представляющий из себя темное и замкнутое пространство.

Отношения Обломова с Ольгой Ильинской Михалков показывает, значительно отступая от повествования романа. Эпизод знакомства Обломова с Ольгой в фильме несколько комичен. Подчеркнуты неуклюжесть героя, его нервозность. Михалков, объединяя два эпизода романа (первая встреча и пение Ольги) в один, так и не дает зрителю услышать пения, игравшего немаловажную роль в раскрытии образа Обломова. В романе исполнение *Casta diva* производит сильное впечатление на героя. Все, что так ценил Илья Ильич в этой небольшой оперной арии, удалось воплотить Ольге – значит, все это есть и в ней самой. Не просто так Обломов боялся, что Ольга споет неудачно, поскольку он уже испытывал к ней сильное чувство. А читатель понимает, что Обломов никогда не будет делать того, чего потом стыдился бы, того, что не соответствовало его представлениям о правде и смысле.

Подробно рассказывая читателю о том, что творилось в душе его героя, Гончаров раскрывает страстность Ильи Ильича. Детально показывая жизнь Обломова и Ольги летом на даче, писатель рассказывает читателю, как неравномерно развиваются чувства героев. В фильме Михалкова, по сути, нет истории любви: есть несколько дней из жизни Обломова, в которые не может поместиться история неожиданно проснувшейся и вновь засыпающей души человека. Отказ режиссера от сюжета Гончарова лишил Обломова способности тонко чувствовать искусство, поэзию, страсть, а зрителя – готовности разделить чувства героя к Ольге. В итоге в фильме лишь три

сцены, в которых персонажи действительно вместе: первая – на скамейке, вторая – свидание после того, как к Ольге посватался старый барон (данные сцены придуманы кинематографистами: в оригинальном произведении нет их аналогов, а мотива сватовства барона и вовсе нет), а третья – объяснение, вызванное письмом Обломова. Зритель ничего не узнает о внутреннем состоянии Ильи Ильича, а видит только внешние проявления его чувств.

Из фильма исчезли и некоторые персонажи: знакомый Обломова Михай Тарантьев, Агафья Пшеницына, ее брат Иван Мухояров. Четвертая часть романа Гончарова выпала из фильма, от нее осталось лишь краткое изложение, прочитанное за кадром актером А. Ромашиным: Ольга выйдет замуж за Штольца, Обломов женится на вдове Агафье Матвеевне Пшеницыной, у них родится сын Андрей. Спустя несколько лет Илья Ильич умрет, а маленького Андрея возьмут на воспитание Штольцы. Но финал фильма отличается от концовки романа.

Дача Штольцев. Ольга занята рукоделием, Андрей Иванович разбирает бумаги. Далее следует семейный разговор на разные темы: о здоровье детей, о письмах подруги, на которые не отвечает Ольга. Между фразами паузы. Тишина прерывается радостным криком: «Маменька приехала!», и по полю бежит маленький Андрей Обломов. Финальная сцена отзеркаливает начальную, завершая повествование путем кольцевой композиции.

Выводы

Из всего сказанного выше можно сделать четкий вывод, почему данная экранизация относится к типу «по мотивам». Собственно, это можно понять на уровне творческой задачи, а еще одна подсказка скрыта в названии – «Несколько дней из жизни И. И. Обломова», то есть авторы не пытались дословно следовать оригиналу, а стремились создать самостоятельное произведение. Если говорить более предметно, то в фильме смещены акценты, по сравнению с оригинальным романом (обличения «обломовщины» как такового нет), изменены характеры персонажей, а некоторые из них вовсе отсутствуют, поскольку не играют роли в замысле кинематографистов.

Источники

- Базен А. (1972) Что такое кино? / пер. В. Божовича и И. Эпштейн. М., 383 с.
- Балаш Б. (1968) Кино: становление и сущность нового искусства / пер. с нем. М. П. Брандес. М., 328 с.
- Бахтуева Е. С. (2017) Оценка качества интерсемиотического перевода литературного произведения на язык кино Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация, № 1, с. 130–136.
- Большой энциклопедический словарь (2002). СПб., Большая Российская энциклопедия : Норинт, 1456 с.
- Горницкая Н. С. (1967) Интерпретация пушкинской прозы в киноискусстве. Пушкин: Исследования и материалы. Л., Наука. Т. 5. Пушкин и русская культура, 393 с.
- Гоффеншефер В. (1934) Реставраторство или творчество. Литературный критик, № 4, с. 159–169.
- Гончаров И. А. (2017) Обломов: роман. СПб., Азбука, Азбука-Аттикус, 640 с.
- Дмитрук Д. И. (2019) Текст и экранизации: варианты их соотношения (на материале романа Т. Мэлори «Смерть Артура» и его киноадаптаций) Знак: проблемное поле медиаобразования, № 1 (31), с. 96–101.
- Игнатов К. Ю. (2007) От текста романа к кинотексту: языковые трансформации и авторский стиль (на англоязычном материале): 10 02 04 автореф. дис. ... канд. филол. наук; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Москва, 2007. 26 с.
- Каган М. С. (2003) Культура как специфическое системное образование В кн: Введение в историю мировой культуры. Кн. 1. СПб., 366 с.
- Лиходкина И. А. (2017) Отражение литературных образов в кинематографе или особенности интерсемиотического перевода. Филологические науки. Вопросы теории и практики, № 3 (69): в 3-х ч. Ч. 3. С. 128–130.
- Маневич И. М (1966). Кино и литература. М., Искусство, 240 с.
- Михалков Н. С. (2015) Территория моей любви. М., Эксмо, 416 с.
- Ожегов С. И. (1989) Словарь русского языка. М., Русский язык, 750 с.
- Рикер П. (2002) Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике / пер. с фр. и вступит. ст. И. Вдовиной. М., 372 с.
- Русская классика в советском кино (2018), сост. М. В. Жданова. М., Белый город, 224 с.
- Словарь иностранных слов: Более 4500 слов и выражений (2006), сост. Н. Г. Комлев. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/foreign-words-komlev/index.htm>

- Толковый словарь русского языка (1940) В 4 т., т. 4, под ред. Д. Н. Ушакова. М., Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1502 с.
- Тынянов Ю. Н. (1977). Поэтика. История литературы. Кино. М., 574 с.
- Усов Ю. Н. (1995) В мире экранных искусств. М., 224 с.

References

- Bakhtueva E. S. (2017) Ocenka kachestva intersemioticheskogo perevoda literaturnogo proizvedeniya na yazyk kino [Evaluation of the quality of intersemiotic translation of a literary work into the language of cinema]. Moscow State university bulletin. Series 19. Linguistics and intercultural communication, no. 1, pp. 130–136 (In Russian).
- Balash B. (1968) Kino: stanovlenie i sushchnost' novogo iskusstva [Cinema: the formation and essence of new art]. Tran. from Germ. by M. P. Brandes. Moscow, 328 p. (In Russian).
- Bazin A. (1972) Chto takoe kino? [What is cinema?]. Tran. from the French by V. Bozhovich and I. Epstein. Moscow, 383 p. (In Russian).
- Bol'shoj enciklopedicheskiy slovar' [Big Encyclopedic dictionary] (2000) St. Petersburg, Publ. Big russian encyclopedia, 1456 p. (In Russian).
- Dmitruk D. I. (2019) Tekst i ekranizacii: varianty ih sootnosheniya (na materiale romana T. Melori «Smert' Artura» i ego kinoadaptacij) [Text and film adaptations: variants of their relationship (based on the material of T. Malory's novel "The Death of Arthur" and his film adaptations)]. Sign: the problem field of media education, no. 1 (31), pp. 96–101 (In Russian).
- Goffenschefer V. (1934) Restavratsiya ili tvorchestvo [Restoration or creativity]. Literaturnyj kritik – Literary critic, Moscow, no. 4. pp. 159–169 (In Russian).
- Goncharov I. A. (2017) Oblomov: roman [Oblomov]. St. Petersburg, Publ. Azbuka, 640 p. (In Russian).
- Gornitskaya N. S. (1967) Interpretaciya pushkinskoj prozy v kinoiskusstve [Interpretation of Pushkin's prose in cinematography] Pushkin: Research and materials. Leningrad Science. Vol. 5. Pushkin and Russian culture 393 p. (In Russian).
- Ignatov K. Yu. (2007) Ot teksta romana k kinotekstu: yazykovye transformacii i avtorskiy stil' (na angloyazychnom materiale) [From the text of the novel to the film text: linguistic transformations and the author's style (based on English-language material)]: abstr. dis. ... candidate of Philol; Lomonosov Moscow State University. Moscow, 2007. 26 p. (In Russian).
- Kagan M. S. (2003) Kul'tura kak specificheskoe sistemnoe obrazovanie [Culture as a specific system education] In: Vvedenie v istoriyu mirovoj kul'tury [Introduction to the history of world culture]. Book 1. St. Petersburg, 366 p. (In Russian).
- Likhodkina I. A. (2017) Otrazhenie literaturnykh obrazov v kinematografe ili osobennosti intersemioticheskogo perevoda. [Reflection of literary images in cinema or features of intersemiotic translation]. Philology, Theory & Practice, no. 3(69): in 3 vol., pp. 128–130 (In Russian).
- Manevich I. M. (1966). Kino i literatura [Cinema and literature]. Iskusstvo, Moscow, 240 p. (In Russian).
- Mikhalkov N. S. (2015) Territoriya moej lyubvi [The territory of my love]. Moscow, Publ. Exsmo, 416 p. (In Russian)
- Ozhegov S. I. (1989) Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of the Russian language]. Russian language, Moscow, 750 p. (In Russian).
- Riker P. (2002) Konflikt interpretacij: Oчерки o germenevtike [Conflict of interpretations: Essays on hermeneutics]. Tran. from fr. and will enter. V. I. Vdovina. Moscow, 372 p. (In Russian).
- Russkaya klassika v sovetskom kino [Russian classics in Soviet cinema] (2018), comp. M. V. Zhdanova. Moscow, Publ. White City, 224 p. (In Russian).
- Slovar' inostrannykh slov: Bolee 4500 slov i vyrazhenij [Dictionary of foreign words: More than 4500 words and expressions] (2006), comp. N. G. Komlev. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/foreign-words-komlev/index.htm> (In Russian).
- Tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language] (1940), edited by D. N. Ushakov. In 4 vol., Vol. 4. Moscow, 1502 p. (In Russian).
- Тынянов Ю. Н. (1977). Поэтика. История литературы. Кино [Poetics. The history of literature]. Cinema. Moscow, 574 p. (In Russian)
- Усов Ю. Н. (1995) В мире экранных искусств [In the world of screen arts]. Moscow, 224 p. (In Russian)

Информация об авторе

Шелухин Федор Владимирович

Аспирант кафедры филологии,
лингводидактики и перевода.
Нижевартовский государственный
университет, г. Нижневартовск, РФ.
ORCID ID: 0000-0003-1834-6707.
E-mail: sheluhin.hamir98@yandex.ru

Author's information

Fedor V. Shelukhin

Postgraduate student, Department of Philology,
Linguistics and Translation. Nizhnevartovsk State
University, Nizhnevartovsk, Russian Federation.
ORCID ID: 0000-0003-1834-6707.
E-mail: sheluhin.hamir98@yandex.ru

Н. С. Веремчук¹✉, Ю. И. Привалова¹

✉ n-veremchuk@rambler.ru

¹Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет (СибАДИ), г. Омск, Российская Федерация

Формирование цифровых компетенций обучающихся технических вузов с использованием имитационного моделирования в учебном процессе

Аннотация: Развитие инженерного образования в России сегодня тесно связано с развитием цифровых компетенций и повышением цифровой грамотности как основных индикаторов знаний и умений выпускника технического вуза. Этот тренд позволяет использовать цифровые инструменты и технологии в профессиональной деятельности с целью повышения результативности. В статье описывается использование в учебном процессе методов имитационного моделирования для изучения функционирования сложных систем. Рассматривается процесс разработки и исследования имитационной модели производственного цеха машиностроительного предприятия. Акцент сделан на современные требования в системе обслуживания производственного цеха машиностроительного предприятия. В процессе выполнения использовались современные технологии и ресурсы, а именно агентное и дискретно-событийное моделирование в программной среде AnyLogic PLE. Целью исследования была разработка имитационной модели, изучение ее работы и выдача рекомендаций, направленных на увеличение производительности. В работе показано, как имитационный подход применяется в учебном процессе для анализа и прогнозирования поведения сложных систем. В результате обучение становится более удобным, наглядным, информативным за счет применения инструментов программной среды AnyLogic и возможности наблюдения за поведением системы в режиме реального времени. Все это ускоряет освоение студентами образовательных дисциплин и позволяет подготавливать специалистов с профессиональными и цифровыми компетенциями в области анализа, прогнозирования и оптимизации работы сложных систем из различных областей деятельности.

Ключевые слова: цифровые компетенции, учебный процесс, имитационное моделирование, среда AnyLogic PLE.

Дата поступления статьи: 31 мая 2022 г.

Для цитирования: Веремчук Н. С., Привалова Ю. И. (2023) Формирование цифровых компетенций обучающихся технических вузов с использованием имитационного моделирования в учебном процессе. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 17, № 1, с. 100–106. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.11.

Scientific article

N. S. Veremchuk¹✉, Yu. I. Privalova¹

✉ n-veremchuk@rambler.ru

¹The Siberian State Automobile and Highway University, Omsk, Russian Federation

Formation of digital competencies of students of technical universities using simulation modeling in the educational process

Abstract: The development of engineering education in Russia today is closely linked with the development of digital competencies and the improvement of digital literacy as the main indicators of knowledge and skills of a graduate of a technical university. This trend allows the use of digital tools and technologies in professional activities in order to improve performance. The article describes the use of simulation modeling methods in the educational process to study the functioning of complex systems. The process of development and research of the simulation model of the production shop of a machine-building enterprise is considered. The emphasis is placed on modern requirements in the maintenance system

of the production shop of a machine-building enterprise. In the process of implementation, modern technologies and resources were used, namely, agent-based and discrete-event modeling in the AnyLogic PLE software environment. The aim of the study was to develop a simulation model, study its functioning and issue recommendations aimed at increasing the productivity of workers. The paper shows how the simulation approach is used in the educational process when analyzing and predicting the behavior of complex systems. This leads to the fact that training becomes more convenient, visual, and informative due to the use of AnyLogic software environment tools and the ability to monitor the behavior of the system in real time. All this accelerates the development of educational disciplines by students and allows to train specialists with professional and digital competencies in the field of analysis, forecasting and optimization of complex systems in various fields.

Keywords: digital competencies, educational process, simulation modeling, AnyLogic PLE environment.

Paper submitted: May 31, 2022.

For citation: Veremchuk N. S., Privalova Yu. I. (2023) Formation of digital competencies of students of technical universities using simulation modeling in the educational process. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 17, no. 1, pp. 100–106. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.11.

Введение

Цифровая трансформация технического вуза в настоящее время необходима и тесно связана с общемировыми процессами глобального развития общества в условиях пандемии, цифровизации экономики, стремительного развития информационных технологий и средств коммуникаций (Бодрякова и др., 2020; Боев, 2021). В условиях роста негативных явлений особое значение приобретает подготовка специалистов, в том числе инженеров транспортно-промышленного комплекса, для обеспечения устойчивого развития экономики. Как следствие, у многих работодателей формируется запрос на наличие цифровых компетенций выпускников технических вузов, а у преподавателей высших учебных заведений – на цифровую трансформацию учебного процесса и образовательных программ (Веремчук, 2021; Привалова, 2021). Следует отметить, что традиционная модель образования, направленная в большей степени на получение знаний, к сожалению, утратила актуальность. Высшему образованию необходимо изменение основных трендов и пересмотр существующих методик, подходов и моделей обучения, направленных на формирование цифровых навыков, способствующих конкурентоспособности на рынке труда для будущих выпускников технических вузов (Привалова, 2021).

Процесс подготовки специалистов и инженеров транспортно-промышленного комплекса включает изучение производственных процессов, которые состоят из технологических, вспомогательных и обслуживающих этапов. На каждом этапе, как показывает практика, используются методы математического моделирования. Процессы, связанные с математическим моделированием, определяются на стадии технической подготовки производства и требуют от специалистов глубоких знаний в области прикладной математики и исследования операций. Многочисленные детали, высокая сложность технологических процессов, широкий спектр используемого оборудования обычно определяют необходимость применения математического моделирования как средства повышения эффективности производственных процессов.

Одним из видов математического моделирования, который позволяет упростить трудоемкость изучения технологического производственного процесса, является применение имитационного подхода (Кузьмин, 2020; Щербаков и др., 2017; Beklaryan et al., 2019; Makarov et al., 2019). К имитационному моделированию производственных процессов прибегают тогда, когда:

1) построение реальной физической модели объекта для проведения эксперимента дорого или невозможно;

2) построение аналитической математической модели невозможно, так как в системе есть время, причинно-следственные связи, последствия, нелинейности, стохастические (случайные) переменные, для которых необходимо симитировать поведение системы во времени.

В статье описывается использование в учебном процессе методов имитационного моделирования для изучения функционирования сложных систем. Рассматривается процесс разработки и исследования имитационной модели производственного цеха машиностроительного предпри-

ятия. В процессе выполнения использовалось агентное и дискретно-событийное моделирование в программной среде AnyLogic PLE. Целью исследования была разработка имитационной модели, изучение ее функционирования и выдача рекомендаций, направленных на увеличение производительности труда работников. Показано, как имитационный подход применяется в учебном процессе при анализе и прогнозировании поведения сложных систем, в результате чего формируются цифровые компетенции обучающихся технических вузов.

Методы

В учебном процессе, с целью изучения подходов, связанных с имитационным моделированием, предлагается разработка имитационной модели участка производственного цеха машиностроительного предприятия. Перед обучающимися поставлена цель создания имитационной модели и проведения вычислительного эксперимента. Процесс построения имитационной модели включает следующие основные этапы: содержательную постановку задачи, концептуальную модель системы, разработку и программную реализацию, проведение экспериментов, формулировку выводов, прогнозов, принятие решения в зависимости от цели исследования (Боев, 2021; Веремчук, 2021а; 2021б).

Агентное, дискретно-событийное моделирование, системная динамика применяются при построении имитационных моделей (Веремчук, 2021а; 2021б; Кузьмин, 2020; Макаров и др., 2022; Масюк и др., 2020). При этом, если требуется получить сведения о функционировании системы во времени, то применяют агентно-ориентированное моделирование. Как правило, под агентом понимают элемент, который взаимодействует по определенным правилам в рассматриваемой системе. В случаях, когда моделируются процессы обработки заявок на обслуживание, используется дискретно-событийная методология. С применением этого подхода имитируются процессы поступления заявок в систему, отправка их на обслуживание, сами процессы обслуживания и участие в других процессах системы. Когда требуется изучить влияние различных характеристик системы между собой, применяется системная динамика. С помощью такого подхода исследуется поведение системы во времени.

Опишем логику моделируемых процессов в заводском цехе. В цех осуществляется доставка заготовок с помощью транспортных средств. Заготовки транспортируются в поддонах и разгружаются на стеллажи погрузчиками. В цехе установлены станки, на которых осуществляется сборка готовой продукции. По мере необходимости заготовки со стеллажей погрузчиками доставляются к станкам для обработки.

В процессе создания модели использовался программный продукт для образовательных целей – AnyLogic PLE (Боев, 2021; Веремчук, 2021а; 2021б). При разработке модели заводского цеха применена дискретно-событийная методология, поскольку в модели имитируются заявки и процессы их обслуживания. Кроме того, в AnyLogic для этого разработана специальная библиотека моделирования процессов. С ее применением моделируются бизнес-процессы в различных областях деятельности человека (Масюк и др., 2020). Процессы представляются в виде последовательности операций, каждая из которых имитируется отдельными блоками из указанной библиотеки. Примерами моделируемых процессов могут быть последовательности операций, очереди, задержки на обслуживание, захват ресурсов, их освобождение и т. д. При создании модели в AnyLogic поддерживается визуализация любого бизнес-процесса (Боев, 2021).

Для реализации модели заводского цеха кроме библиотеки моделирования процессов применялась также библиотека дорожного движения (Веремчук, 2021а). С применением элементов этой библиотеки можно моделировать транспортные потоки, дорожную сеть и другие составляющие с учетом соблюдения правил дорожного движения. Участники дорожного движения представляются агентами, для которых задаются параметры и правила поведения. Агентами могут быть люди, автомобили, города, животные, товары и многое другое. В одной модели можно реализовывать несколько типов агентов. Агенты взаимодействуют друг с другом. При этом происходит переход технической системы из одного состояния в другое, меняются события, диаграммы состояний, статистика.

Применение встроенных библиотек, эффектов анимации, графических объектов, удобной и простой среды AnyLogic PLE для реализации поведения рассматриваемой системы во времени позволяет лучше усваивать материал обучающимися, а также проверять результаты моделирования в режиме реального времени. В результате исследования поведения системы с применением имитационного подхода процесс принятия решений становится более наглядным, информативным и разумным.

При создании имитационной модели производственного цеха использовалась библиотека моделирования процессов. Построенная диаграмма представлена на рис. 1. Основные блоки диаграммы следующие: создание поддонов с заготовками – sourcePallets; перемещение поддонов в заданные ячейки стеллажа – storeRawMaterial; пребывание поддонов – rawMaterialInStorage; захват ресурсов – seizeCNC; извлечение поддона – pickRawMaterial; обработка заготовок – processing; ресурсы – releaseCNC; конечная точка – sink.

Рис. 1. Модель производственного цеха

Fig. 1. Model of the production workshop

Для описания логики движения грузовика, доставляющего в цех поддоны с заготовками, в модель добавлена еще одна диаграмма, построенная с использованием библиотеки моделирования процессов (рис. 2). Блок Agent предназначен для создания агентов – грузовиков. Основные блоки в этой диаграмме следующие: создание грузовика – sourceDeliveryTruck; перемещение грузовика к въезду в цех – drivingToDock; перемещение агентов в узел сети – unloading; отъезд грузовика – drivingToExit; удаление грузовика из модели – sink1 (рис. 2).

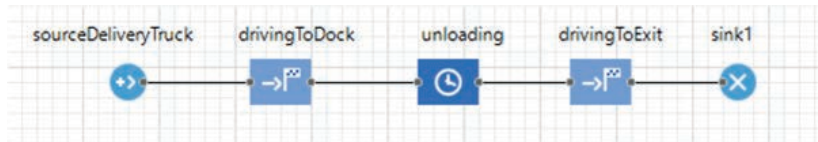

Рис. 2. Диаграмма движения грузовика

Fig. 2. Truck movement diagram

Имитационная модель производственного цеха представлена на рис. 3. В модель добавлен рисунок со схемой цеха. Также выделены пути движения грузовиков и автомобилей сотрудников. Указаны перемещения погрузчиков с поддонами, зоны расположения стеллажа и станков в цехе. Для возможности наблюдений в режиме 3D установлены элементы камера и 3D-окно.

Результаты

По результатам моделирования наблюдается работа систем в производственном цехе. Возле производственного цеха добавлена парковка, которая в модели реализуется с применением блоков дорожной библиотеки (рис. 4). Парковка предназначена для транспорта сотрудников цеха. Диаграмма процесса движения автомобилей сотрудников представлена на рис. 5.

Результат запуска модели представлен на рис. 6.

Работа модели в режиме 3D представлена на рис. 7.

В режиме реального времени можно отследить процессы доставки поддонов с заготовками грузовиком, разгрузки поддонов на стеллаж, доставку заготовок к станкам с ЧПУ для обработки. Изменяя значения параметров у блоков диаграмм, можно имитировать различные режимы работы цеха и прогнозировать его функциональность в моделируемых условиях. Все это позволяет принимать решения по улучшению работы заводского цеха.

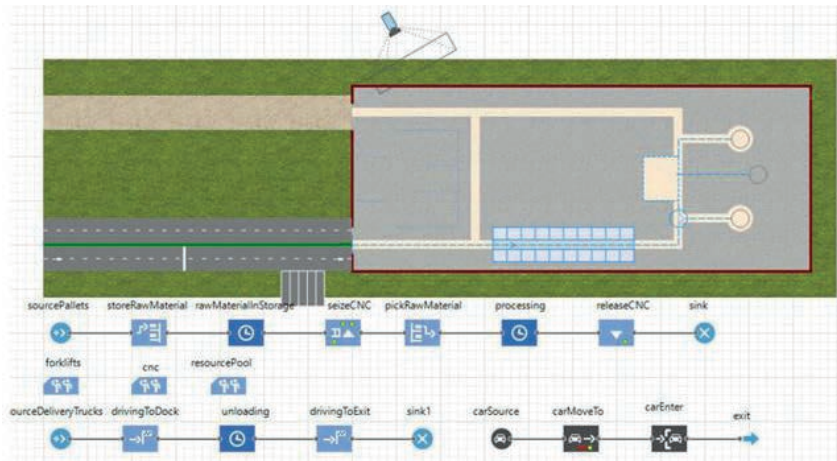

Рис. 3. Имитационная модель производственного цеха
Fig. 3. Simulation model of the production shop

Рис. 4. Зона парковки в модели
Fig. 4. Parking area in the model

Рис. 5. Диаграмма процесса движения автомобилей сотрудников
Fig. 5. Diagram of the employee car movement process

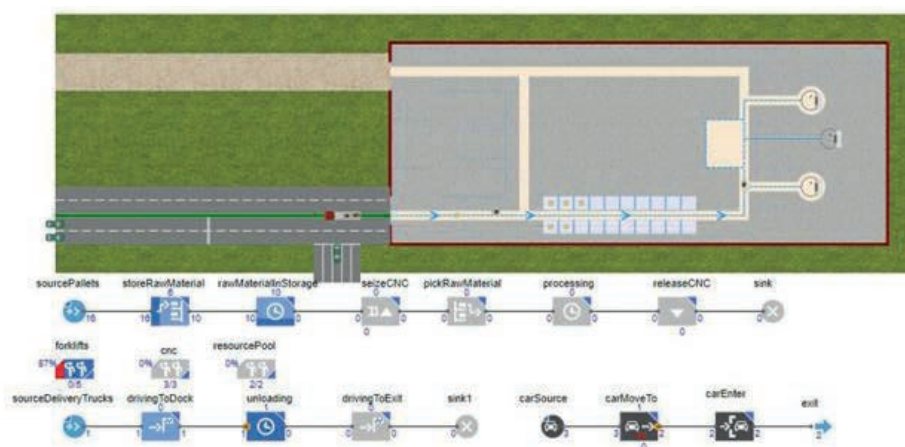

Рис. 6. Результат запуска модели
Fig. 6. The result of running the model

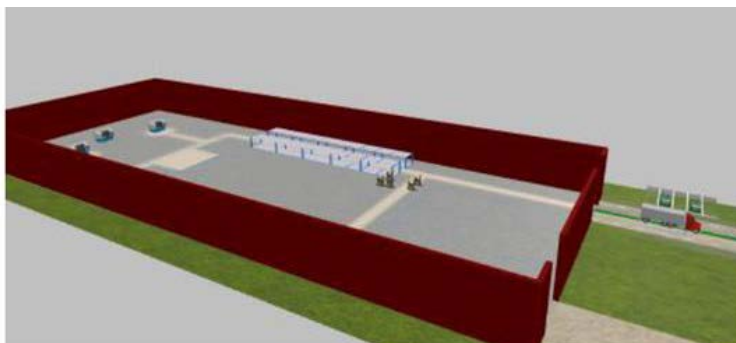

Рис. 7. Результат запуска модели в режиме 3D

Fig. 7. The result of running the model in 3D mode

Выводы

Применение в учебном процессе имитационного подхода при анализе и прогнозировании поведения сложных систем приводит к тому, что обучение становится более удобным, наглядным, информативным за счет применения инструментов программной среды AnyLogic и возможности наблюдения за поведением системы в режиме реального времени. Все это ускоряет освоение студентами образовательных дисциплин и позволяет подготавливать специалистов с профессиональными и цифровыми компетенциями в области анализа, прогнозирования и оптимизации работы сложных систем различных областей. В ходе разработки имитационной модели у студентов приобретаются знания, умения и навыки по изучению поведения сложных систем.

Рассмотренный процесс построения имитационной модели производственного цеха в среде AnyLogic PLE с применением дискретно-событийной методологии, с использованием библиотек моделирования процессов и дорожного движения, может быть применен в рамках освоения учебных дисциплин основных образовательных программ бакалавриата и магистратуры при формировании профессиональных и цифровых компетенций обучающихся технических вузов.

Источники

- Бодрякова Л. Н., Мухаметдинова С. Х., Петухов М. В. (2020) Применение функционально ориентированного моделирования для анализа эффективности бизнес-процессов (на примере изготовления швейных изделий). Наука о человеке: гуманитарные исследования, т. 14, № 3, с. 174–181.
- Боев В. Д. (2021) Компьютерное моделирование в среде AnyLogic. М., Юрайт. 298 с.
- Веремчук Н. С. (2021а) Об имитационном моделировании элементов дорожной сети. Перспективы науки, № 12, с. 38–41.
- Веремчук Н. С. (2021б) О разработке имитационной модели доставки груза. Перспективы науки, № 11, с. 41–45.
- Кузьмин П. И., Мищенко И. К., Ощепков М. Е. (2020) Использование имитационного моделирования для повышения эффективности швейного производства. Известия АлтГУ. Математика и механика, № 1 (111), с. 105–110.
- Макаров В. Л., Бахтизин А. Р., Бекларян Г. Л., Акопов А. С., Ровенская Е. А., Стрелковский Н. В. (2022) Агентное моделирование социально-экономических последствий миграции при государственном регулировании занятости. Экономика и математические методы, т. 58, № 1, с. 113–130.
- Масюк Н. Н., Куликова О. М., Усачева Е. В. (2020) Применение имитационного моделирования и агентного подхода при решении задач планирования и оптимизации в здравоохранении РФ. Наука о человеке: гуманитарные исследования, т. 14, № 3, с. 198–207.
- Привалова Ю. И. (2021) Цифровая грамотность и цифровые компетенции как основа подготовки специалиста технического вуза. Архитектурно-строительный и дорожно-транспортный комплексы: проблемы, перспективы, инновации. Сборник материалов VI Международной научно-практической конференции. Омск, с. 488–491.
- Щербаков С. М., Теплякова Е. Д., Румянцев С. А., Василенок А. В. (2017) Имитационное моделирование в задачах управления медицинской организацией амбулаторного типа. Социальные аспекты здоровья населения, № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imitatsionnoe-modelirovanie-v-zadachah-upravleniya-meditsinskoy-organizatsiey-ambulatornogo-tipa>.
- Beklaryan L., Khachatryan N., Akopov A. (2019) Model for organization cargo transportation at resource restrictions. International Journal of Applied Mathematics, vol. 32, no. 4, pp. 627–640.
- Makarov V. L., Bakhtizin A. R., Beklaryan G. L. (2019) Developing digital twins for production enterprises. Business Informatics, vol. 14, no. 1, pp. 7–16.

References

- Beklaryan L., Khachatryan N., Akopov A. (2019) Model for organization cargo transportation at resource restrictions. *International Journal of Applied Mathematics*, vol. 32, no. 4, pp. 627–640.
- Bodryakova L. N., Mukhametdinova S. Kh., Petukhov M. V. (2020) Primenenie funktsional'no orientirovannogo modelirovaniya dlya analiza effektivnosti biznes-processov (na primere izgotovleniya shvejnyh izdelij) [Function-specific simulation in analysis of business processes efficiency (on the example of ready-made garments production)]. *The Science of Person: Humanitarian Researches*, vol. 14, no. 3, pp. 174–181. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.3.21 (In Russian).
- Boev V. D. (2021) Komp'yuternoe modelirovanie v srede AnyLogic [Computer simulation in the AnyLogic environment]. Moscow, YurajtPubl., 298 p. (In Russian).
- Kuzmin P. I., Mishchenko I. K., Oshchepkov M. E. (2020) Ispol'zovanie imitacionnogo modelirovaniya dlya povysheniya effektivnosti shvejnogo proizvodstva [The use of simulation to improve the efficiency of clothing production]. *Izvestiya of Altai State University. Mathematics and Mechanics*, no. 1 (111), pp. 105–110 (In Russian).
- Makarov V. L., Bakhtizin A. R., Beklaryan G. L., Akopov A. S., Rovenskaya E. A., Strelkovskiy N. V. (2022) Agentnoe modelirovanie social'no-ekonomicheskikh posledstviy migratsii pri gosudarstvennom regulirovanii zanyatosti [Agent-based modeling of socio-economic consequences of migration under state regulation of employment]. *Economics and Mathematical Methods*, vol. 58, no. 1, pp. 113–130 (In Russian).
- Makarov V.L., Bakhtizin A.R., Beklaryan G.L. (2019) Developing digital twins for production enterprises. *Business Informatics*, vol. 14, no. 1, pp. 7–16.
- Masyuk N. N., Kulikova O. M., Usacheva E. V. (2020). Primenenie imitacionnogo modelirovaniya i agentnogo podhoda pri reshenii zadach planirovaniya i optimizatsii v zdavoohranenii RF [Application of simulation modeling and agent approach in solving planning and optimization problems in healthcare of the Russian Federation]. *The Science of Person: Humanitarian Researches*, vol. 14, no. 3, pp. 198–207. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.3.24 (In Russian).
- Privalova Yu. I. (2021) Cifrovaya gramotnost' i cifrovye kompetencii kak osnova podgotovki specialista tekhnicheskogo vuza [Digital literacy and digital competencies as the basis for training a specialist at a technical university]. *Architectural and construction and road transport complexes: problems, prospects, innovations. Collection of materials of the VI International Scientific and Practical Conference*. Omsk, pp. 488–491 (In Russian).
- Shcherbakov S. M., Teplyakova E. D., Rumyantsev S. A., Vasilenok A. V. (2017) Imitatsionnoe modelirovanie v zadachakh upravleniya meditsinskoy organizatsiyei ambulatornogo tipa [Simulation modeling in the problems of managing an outpatient medical organization]. *Social aspects of public health*, no. 4. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/imitatsionnoe-modelirovanie-v-zadachah-upravleniya-meditsinskoy-organizatsiyei-ambulatornogo-tipa> (In Russian).
- Veremchuk N. S. (2021a) Ob imitacionnom modelirovanii elementov dorozhnoy seti [On simulation modeling of road network elements]. *Science Prospects*, no. 12, p. 38–41 (In Russian).
- Veremchuk N. S. (2021b) O razrabotke imitacionnoy modeli dostavki gruzha [On the development of a simulation model for cargo delivery]. *Science Prospects*, no. 11, pp. 41–45 (In Russian).

Информация об авторах

Веремчук Наталья Сергеевна

Кандидат физико-математических наук, доцент кафедры прикладной информатики. Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет (СибАДИ), г. Омск, РФ.
ORCID ID: 0000-0002-2709-9755.
E-mail: n-veremchuk@rambler.ru

Привалова Юлия Ивановна

Кандидат технических наук, доцент, зав. кафедрой физики и математики. Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет (СибАДИ), г. Омск, РФ.
ORCID ID: 0000-0003-1425-3079.
E-mail: yuliya.privalova.77@list.ru

Autor's information

Natalya S. Veremchuk

Cand. Sc. (Physic. and Mathemat.), Associate Professor, Department of Applied Informatics. The Siberian State Automobile and Highway University, Omsk, Russian Federation.
ORCID ID: 0000-0002-2709-9755.
E-mail: n-veremchuk@rambler.ru

Yulia I. Privalova

Cand. Sc. (Engineering), Associate Professor, Head of Physics and Mathematics Department. The Siberian State Automobile and Highway University, Omsk, Russian Federation.
ORCID ID: 0000-0003-1425-3079.
E-mail: yuliya.privalova.77@list.ru

УДК 378.1

DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.12

Научная статья

Л. М. Мануйлова¹, А. С. Максимов² ✉

✉ an-maksimov@bk.ru

¹Омский государственный педагогический университет, г. Омск, Российская Федерация²Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Омск, Российская Федерация

Использование возможностей цифровой образовательной среды для формирования профессионально-правовой компетенции будущего социального педагога

Аннотация: В исследовании рассматривается проблема повышения успешности формирования профессионально-правовой компетенции будущего социального педагога. Цель статьи – изучение возможностей использования цифровой образовательной среды для формирования профессионально-правовой компетенции будущего социального педагога в условиях дистанционного обучения. Исследование основывается на контекстном, средовом и компетентностном подходах. Материалом исследования стали результаты диагностического изучения сформированности профессионально-правовой компетенции студентов, анализ тенденций развития практики использования средств цифровой образовательной среды при организации дистанционного обучения. Авторами проанализировано понятие «профессионально-правовая компетенция социального педагога», раскрыты дидактические свойства средств цифровой образовательной среды. Предложено учебно-методическое сопровождение процесса формирования профессионально-правовой компетенции будущего социального педагога в условиях дистанционного обучения. Показано, что использование возможностей цифровой образовательной среды современного вуза позволяет в условиях дистанционного обучения организовать практико-ориентированную деятельность, помочь студенту осознать себя субъектом правоотношений в системе образования, активно включиться в эти отношения и овладеть ценностно-смысловым компонентом работы по защите прав ребенка.

Ключевые слова: цифровая образовательная среда, профессионально-правовая компетенция, социальный педагог, образовательный процесс вуза, дистанционное обучение.

Дата поступления статьи: 25 апреля 2022 г.

Для цитирования: Мануйлова Л. М., Максимов А. С. (2023) Использование возможностей цифровой образовательной среды для формирования профессионально-правовой компетенции будущего социального педагога. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 17, № 1, с. 107–115. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.12.

Scientific article

L. M. Manuylova¹, A. S. Maksimov² ✉

✉ an-maksimov@bk.ru

¹Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russian Federation²Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk, Russian Federation

Use of the digital educational environment possibilities to form the professional and legal competence of a future social pedagogue

Abstract: The study examines the problem of increasing the success of the formation of professional and legal competence of the future social pedagogue. The purpose of the article is to study the possibilities of using the digital educational environment to form the professional and legal competence of the future social pedagogue in the conditions of distance learning. The research is based on contextual, environmental and competence-based approaches. The research materials are based on the results of a diagnostic study of the formation of professional and legal competence of students, analysis of trends in the development of the practice of using digital educational environment in the organization of distance learning. The authors analyzed the concept of professional and legal competence of a social pedagogue, and revealed the

didactic properties of the digital educational environment. The educational and methodological support of the process of formation of professional and legal competence of the future social pedagogue in the conditions of distance learning is proposed. It is shown that using the capabilities of the digital educational environment of a modern university in the conditions of distance learning makes it possible to organize practice-oriented activities, to help a student to realize himself as a subject of legal relations in the education system, to be actively engaged in these relations and to master the value-semantic component of the work in order to protect the rights of the child.

Keywords: digital educational environment, professional and legal competence, social pedagogue, educational process of the university, distance learning.

Paper submitted: April 25, 2022.

For citation: Manuylova L. M., Maksimov A. S. (2023) Use of the digital educational environment possibilities to form the professional and legal competence of a future social pedagogue. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 17, no. 1, pp. 107–115. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.12.

Введение

Владение правовыми основами профессиональной деятельности закреплено в Федеральном государственном образовательном стандарте в качестве одной из общепрофессиональных компетенций будущих социальных педагогов. Права ребенка и их защита входят в систему профессиональных ценностей социального педагога. Согласно профессиональному стандарту, специалист в данной области деятельности должен осуществлять социально-правовую защиту обучающихся (содействие реализации правовых гарантий детей); социально-правовую помощь обучающимся и их семьям, педагогам (консультативно-правовая помощь семьям в области семейного, гражданского законодательства; правовое информирование, посреднические услуги в социально-правовых вопросах); правовое воспитание и обучение школьников.

Современная геополитическая ситуация повышает роль профессионально-правовой компетенции в становлении социального педагога, поднимает значимость его правовых знаний и позиции, необходимых при осуществлении активного педагогического воздействия на процесс развития и саморазвития социально-ценностных качеств личности обучающегося. Наличие сформированной компетенции выступает условием эффективной социально-педагогической деятельности с учетом всех правовых реалий, обуславливающих охрану прав, правовое воспитание и обучение ребенка.

Актуальность избранной проблемы обусловлена значимостью поиска путей совершенствования процесса формирования профессионально-правовой компетенции будущих социальных педагогов. Его целью стало изучение возможностей использования цифровой образовательной среды для формирования профессионально-правовой компетенции будущего социального педагога в условиях дистанционного обучения.

Методы

Исследование выполнено на основе контекстного, компетентностного и средового подходов. Согласно контекстному подходу, в организации образовательного процесса вуза используемые формы и методы учебной деятельности студентов воспроизводят способы решения конкретных профессиональных задач. Компетентностный подход, обеспечивающий ценностно-результативную направленность профессионального образования, ориентирует его на совершенствование форм подготовки специалиста, готового к эффективному выполнению своих профессиональных функций. Средовой подход, который Т. В. Менг называет важнейшим условием трансформации образовательного процесса высшей школы в обществе перемен, направляет на «создание новых образовательных сред», которые отражают «изменяющийся характер отношения человека с социальной, природной и информационной средой» (Менг, 2008, с. 71).

Особенности опосредованного (осуществляемого на расстоянии) педагогического взаимодействия со студентами в условиях дистанционного обучения, масштабная цифровая трансформация в образовании требуют изменения подходов к формированию у обучающихся профессиональных

компетенций, обоснования выбора современных технологий обучения; формирования у студентов опыта использования средств цифровой образовательной среды в решении профессиональных задач. При дистанционном обучении как новом, активно внедряемом способе получения профессиональной подготовки, предполагающем большой объем самостоятельной работы студентов, к традиционным педагогическим инструментам, применяемым в образовательной практике, добавляются средства интернет-технологий, важную роль начинает играть цифровая образовательная среда вуза. Эти новации касаются и подготовки специалистов в области социально-педагогической деятельности.

Знания о защите прав различных категорий обучающихся (находящихся в трудной жизненной ситуации, социально опасном положении, сирот и лишенных родительского попечения и др.) студенты получают при освоении различных дисциплин, среди которых есть две, непосредственно ориентированные на формирование профессионально-правовой компетенции: «Основы социальных и государственных гарантий образования детей», «Технология социально-правовой защиты обучающихся», а также более десяти дисциплин, на которых конкретизируется применение правовых знаний при работе в образовательной и социальной сфере. Эти учебные дисциплины отличаются большим нормативным контентом в сочетании с технологической составляющей, раскрывающей условия эффективности действий социального педагога в правовом поле. Данный контент определяется содержанием профессионально-правовой компетенции, поэтому обратимся к ее определениям.

А. В. Коротун, рассматривающая понятие «правовая компетенция», трактует его как интегральное свойство личности, представленное совокупностью компетенций в правовой области знаний, а также профессионально-личностным потенциалом специалиста, отражающими готовность и способность личности эффективно применять систему правовых знаний и умений в осуществлении социально-правовой деятельности (Коротун, 2014). В то же время А. В. Коротун, как и Т. И. Шамова (Шамова и др., 2006), подчеркивают, что это не только способность специалиста ориентироваться в реальной ситуации с позиции законодательства, но и проявленная на практике готовность решать проблемы правового содержания, реализовывать потенциал своего опыта для успешной продуктивной деятельности в профессиональной и социальной сфере при осознании социальной значимости и личной ответственности за результаты этой деятельности (оценочно-ценностная рефлексия).

В нашем исследовании профессионально-правовую компетенцию будущего социального педагога мы будем понимать как готовность осуществлять педагогическую деятельность на основе сформированных теоретических и практических знаний о правах ребенка и способах их защиты, способность формировать положительный социально-правовой опыт у обучающихся, а также у родителей и педагогов в вопросах воспитания и обучения детей, ценностного отношения к законам и правам ребенка.

Основания говорить о значимости сформированной профессионально-правовой компетенции у специалиста в области социально-педагогической деятельности дает и понимание того, что он осуществляет свою профессиональную деятельность в рамках актуального правового поля, существующего в обществе, государстве.

Используемое нами определение компетентности как способности и готовности специалиста решать поставленные задачи различного уровня сближает эту категорию с понятием «функциональная грамотность», вопросы развития которой у будущих специалистов сейчас активно обсуждаются в педагогической периодике. Показательной в этом смысле можно считать, например, трактовку Л. П. Юздовой, А. А. Милютиной, К. А. Звягиным (Юздова и др., 2021) функциональной грамотности как способности к компетентному действию по решению профессиональных задач. Владение правовой грамотностью позволит будущим специалистам избежать значительного количества ошибок в дальнейшей профессиональной деятельности, «организовать свою работу в четком соответствии с нормами действующего права» (Цомаева, 2019, с. 282).

Дистанционный характер заочной формы обучения с его сокращением непосредственного взаимодействия студентов с преподавателем и большим объемом их самостоятельной работы

предполагает поиски современных способов организации этой работы для эффективного развития профессиональных компетенций будущего специалиста. В нашем случае решать эту задачу целесообразно с учетом актуального уровня развития профессионально-правовой компетенции студентов-заочников в начале третьего и четвертого курсов обучения, на которые приходится основное число дисциплин, содержание которых отражает действия социального педагога в области социально-правовых отношений.

Респондентами в проведенном нами исследовании стали 36 студентов-бакалавров, обучающихся заочно по профилю «Психология и социальная педагогика» на факультете психологии и педагогики Омского государственного педагогического университета. Содержание кейса, предложенного студентам, включало в себя 2 блока заданий: а) вопросы на выявление знаний правовых категорий, знаний в области социально-правовой защиты детства, нормативно-законодательных документов (с выбором одного или нескольких ответов из числа предложенных); б) социально-педагогическую задачу с правовым содержанием. Таким образом, кейс был ориентирован на оценку информированности студентов в области защиты прав ребенка и их готовности выбирать и осуществлять тот или иной вариант профессиональных действий по защите прав несовершеннолетнего в заданной ситуации. Заметим, что в качестве задач студентам были предложены реальные ситуации совершения несовершеннолетними административных или уголовных правонарушений из практики правоохранительных органов г. Омска.

Результаты решения кейса выявили в среднем недостаточный уровень сформированности профессионально-правовой компетенции у будущих социальных педагогов. Всего 36,1 % опрошенных студентов дали правильные, полные ответы более чем на половину вопросов, остальные ответы были признаны частично верными (проявлялось фрагментарное знание). Ответы 41,7 % респондентов в основном были частично верными. 22,2 % студентов смогли правильно ответить только на третью часть вопросов, остальные ответы оказались частично верными. Правильный выбор действий в социально-педагогической ситуации с правовым содержанием смогли сделать 41,7 % обучающихся; их решение сопровождалось пояснениями своего выбора. Остальными студентами либо было указано только решение (без объяснения выбора действий), либо в указанных действиях или комментариях были допущены неточности.

Полученная информация в определенной степени может быть объяснена тем, что лишь 40 % студентов-заочников из числа опрошенных работают в сфере образования или в социальной сфере и обладают необходимым опытом. Выявилась необходимость повышения эффективности формирования профессионально-правовой компетенции обучающихся, развития их правовой грамотности.

Перспективным направлением нашего исследования стало использование возможностей цифровой образовательной среды. Применение ее программных и технических средств, дистанционных технологий обеспечивает доступ к образовательным услугам и сервисам в электронном виде (Бороненко, 2021).

Результаты

Дистанционное обучение студентов меняет приоритетность способов получения студентами учебной информации, поэтому требует значительной переработки учебно-методического и информационного обеспечения преподавания учебных дисциплин, в частности, в плане организации практических занятий, контроля и самостоятельной работы студентов, приобретающей особое значение. Однако в своей результативной части такая деятельность должна не усложнять, а дополнять работу преподавателя, и в дальнейшем способствовать повышению качества профессиональной подготовки.

Как известно, развитию цифровой образовательной среды вузов, внедрению современных цифровых технологий в реализацию основных профессиональных образовательных программ способствовали разработка и принятие «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»¹, федерального проекта «Цифровая образовательная

¹ О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41919>

среда», который предполагает «внедрение целевой модели цифровой образовательной среды по всей стране»¹. Подчеркнем, что в ОмГПУ еще с 2003 года применяются технологии видеоконференцсвязи, действует образовательный портал – электронный образовательный ресурс, выполняющий функции цифровой образовательной среды, что позволило накопить определенный опыт учебно-методического и организационного обеспечения дистанционного обучения студентов.

Ситуация пандемии, обусловившая переход на дистанционный формат обучения студентов-заочников, закономерно привела к повышению уровня владения студентами цифровыми сервисами, ресурсами и инструментами, применяемыми в цифровой образовательной среде. При обращении к ним студент сталкивается с привычными для него функциями и базовыми навыками пользователя информационными ресурсами, хорошо знакомыми «цифровому» поколению. В то же время работа на портале предусматривает наличие у студентов умений создавать цифровой контент профессионального содержания; умения отбирать, анализировать и структурировать информацию; умения использовать цифровые инструменты, готовые программные продукты для выполнения заданий (Табачук, 2019). В свою очередь, использование средств цифровой образовательной среды актуализирует дальнейшее развитие информационной грамотности студентов за счет совершенствования умения поиска в Глобальной сети и систематизации информации, в нашем случае правового содержания, в том числе в целях профессионального развития.

Отметим дидактические свойства средств цифровой образовательной среды, которые значимы для решения поставленных нами задач: это их мультимедийность (комплексное задействование различных каналов восприятия информации) и гипертекстовость (предоставление возможности свободного перемещения по тексту, использование перекрестных ссылок, справочный характер информации и т. д.) (Блинов и др., 2019). Вариативность ресурсов цифровой образовательной среды дает возможность индивидуализации образовательной траектории студента, выбирающего формы освоения учебного материала, создает основу для формирования цифрового образовательного следа каждого обучающегося (Кузьминов и др., 2018).

Сильной стороной цифровой образовательной среды вуза является возможность насыщения ее пространства образовательными ресурсами, что обеспечивает их необходимость и достаточность, облегчает передачу и доступ пользователей к образовательным ресурсам. Через создаваемые электронные учебники или учебные пособия научная информация может быстрее дойти до студента, быстрее обновиться с учетом изменения требований стандарта или выбора образовательной технологии.

Стоит еще заметить, что в условиях дистанционного обучения роль преподавателя качественно меняется, в его функционал добавляется осуществление навигации в образовательном процессе. Значительно отличается от привычной и его методическая работа, ведь преподаватель должен находиться в курсе новых образовательных ресурсов. Его методическая работа в новых условиях опирается на умения создавать электронный материал с помощью различных сервисов, редакторов и средств обработки информации. Эти умения можно получить и совершенствовать через курсы и вебинары, организуемые вузом для своих преподавателей и которыми сейчас богаты сетевые ресурсы. Повышается и учебная нагрузка преподавателя, ведь чтобы обойти такое слабое место контроля, как проверка авторства выполнения задания именно студентом, к примеру, тематика предлагаемых преподавателем заданий не должна повторяться. Переход на лекции-визуализации требует переработки их содержания и изменения формы представления учебного материала, например с помощью инфографики.

В решении проблемы использования возможностей цифровой образовательной среды в процессе формирования профессионально-правовой компетенции у студентов-заочников, будущих социальных педагогов мы опирались на уже накопленный опыт в данном направлении, полученные положительные результаты.

С учетом дистанционного характера обучения студентов-заочников, использования возможностей учебных практик, организуемых вузом, в качестве критериев, с помощью которых можно оценить уровень сформированности профессионально-правовой компетенции будущих

¹ Национальный проект «Образование». URL: <https://edu.gov.ru/national-project/>

социальных педагогов, нами были выбраны: 1) знание нормативно-правовых актов, регламентирующих образовательную деятельность в Российской Федерации, законодательства о правах ребенка; 2) владение действиями по соблюдению правовых норм в условиях реальных педагогических ситуаций; 3) рефлексия своих действий в отношении уровня развития своей профессионально-правовой компетенции.

Признавая неразрывность формирования знаний и опирающихся на них действий, того, что функциональная грамотность, «профессиональные компетентности и универсальное мышление, позволяющее в дальнейшем достигнуть успеха в профессиональной деятельности» (Антонова и др., 2019, с. 17), формируются исключительно в практической деятельности, для организации учебной деятельности студентов-заочников и особенно их самостоятельной работы нами используются практико-ориентированные формы работы.

Программное обеспечение BigBlueButton позволяет придать организуемым формам взаимодействия со студентами интерактивный характер, обеспечивает на практических занятиях многосубъектность взаимодействия, активность большого числа обучающихся, оперативную обратную связь между студентами и преподавателем.

Хорошо зарекомендовал себя такой метод работы на практических занятиях, как решение ситуационных задач совместно с преподавателем и самостоятельно.

Решение типовых ситуаций правового содержания из профессиональной деятельности социального педагога совместно с преподавателем способствует осмыслению моделей поведения специалиста и алгоритмизации путей решения ситуаций, делает более эффективной выработку навыков применения полученных социально-правовых знаний для решения практических задач.

Для самостоятельного решения студентам предлагаются задания-кейсы с правовым содержанием. Нами разработан комплекс кейсов, включающих 2–3 ситуации различного содержания: ситуации с открытым решением; ситуации с предложенным решением, правильность которого нужно оценить; ситуации с несколькими вариантами решения, по каждому из которых нужно объяснить положительные и отрицательные последствия; видеосюжеты с набором вопросов. Такая компоновка учебных заданий, с одной стороны, требует от студента умения работать с нормативно-правовой информацией, с другой стороны, делает учебные задания предметом активных мыслительных действий по разрешению различного рода интеллектуальных затруднений, развивает критическое мышление будущего специалиста, столь необходимое особенно при выборе действий в правовом поле при работе с трудными детьми и их родителями. Ситуации взяты из реального опыта работы социальных педагогов г. Омска или демонстрируют типичные ситуации, с которыми сталкиваются эти специалисты.

Анализ ситуаций различного вида предполагает, тем не менее, выявление специфических сторон разрешения правовых ситуаций для разработки и обсуждения алгоритма действий. Для облегчения осознания алгоритма студентам предлагается для сравнения внести данные по решению ситуаций в таблицу, в которой выделяются инвариантная часть (существующие нормативные требования) и вариативная – способы применения этих требований.

Одной из проблем дистанционного обучения стало усиление дифференциации знаний по отдельным учебным дисциплинам, ограничение контакта студентов с преподавателями, например, ограничение возможности оперативно получить консультацию у нескольких преподавателей по определенному комплексу вопросов в период сессии. В некоторой степени разрешить эту проблему позволяет модульный принцип построения современных основных профессиональных образовательных программ. Профессионально-правовая компетенция продолжает формироваться в ходе освоения различных технологий социально-педагогической деятельности, помогая студентам четче увидеть закономерности и единство технологических подходов к выстраиванию конкретного направления правового воспитания несовершеннолетних или защиты прав определенной категории детей.

Поэтому, разрабатывая задания, мы опирались на принцип интеграции содержания учебных дисциплин, включенных в различные модули, практики, и научно-исследовательской деятельности

через использование в качестве примеров реальных ситуаций, которые разрешали студенты во время практики и выполнения педагогического эксперимента в рамках курсовых работ.

При организации самостоятельной работы мы предполагаем использование следующих форм и методов:

1. Просмотр документальных фильмов («Дом» (о подростковой преступности), «Мама, я убью тебя» (о сиротстве и жизни в детском доме), «Дом Ленинградского» (о безнадзорных детях), «О любви» (о детях в условиях инклюзивного обучения), «Государственные дети» (о детях, попавших в трудную жизненную ситуацию), видеосюжетов, с помощью которого создается понимание сложных жизненных ситуаций и организуется наблюдение студентов за деятельностью социального педагога в правовых ситуациях. Дальнейшее обсуждение на практических занятиях направлено на сравнение решения социально-правовых проблем, раскрытого в сюжете фильма, с предлагаемым студентами. В результате активизируется профессиональное самоопределение студентов через сравнение действий специалистов со своими ожиданиями и возможностями.

В Интернете можно найти много видеoinформации, в которой реалистично воссоздаются или демонстрируются реальные ситуации из жизни, наблюдая и обсуждая которые, студенты могут учиться применять получаемые знания.

2. Понимание логики структурирования подобных материалов и достаточная простота их создания (в форме обычной или постановочной видеосъемки, а также путем использования бесплатных сервисов, например таких, как Learningapps.org) делают доступным для студентов такой метод, как скрайбинг. Метод скрайбинга, ставший популярным в последние годы, представляет собой создание блок-схемы (скрайбинг-фасилитация) или видеороликов (видеоскрайбинг), т. е. визуального ряда с озвученным текстом, раскрывающим ключевые моменты изучаемого материала (Ковалёва, 2018). Одной из форм такой работы может быть создание роликов-рекомендаций по проведению родительских собраний по правовым аспектам воспитания подростков.

Студентами осваивается учебный материал при выполнении действий различного формата, таких как составление плана и общего вида создаваемого продукта, выбор опорных сигналов, работа с информацией (ее подбор, структурирование и систематизация) при создании видеоряда и аудиоряда.

3. Анализ нормативно-правовой базы, регламентирующей деятельность социального педагога. Интернет позволяет предложить необходимый объем документов для анализа по заданному образцу. Особо можно выделить задание по составлению некоторых документов, которые оформляет социальный педагог или специалист по работе с семьей (например, документы Совета по профилактике правонарушений и безнадзорности среди несовершеннолетних; документация по защите прав ребенка в правоохранительных и судебных органах и др.).

4. Создание электронной брошюры по вопросам социально-правовой защиты отдельной категории несовершеннолетних, которая должна отражать актуальность проблемы, содержать соответствующую статистику по Российской Федерации и региону, раскрывать характеристику избранной категории детей (социальные проблемы детей и их причины), формы и методы социально-правовой защиты и помощи, осуществляемой специалистами, рекомендации родителям. Анализ подготовленных брошюр можно будет проводить в дальнейшем на практических занятиях, а сами брошюры могут войти в методический фонд преподавателя.

Разноплановость и разноуровневость заданий служит целям адаптации учебного материала к потребностям и возможностям конкретного студента, уровню его знаний и опыту владения информационно-коммуникационными технологиями.

Определенное преимущество дает отсроченность форм промежуточной аттестации от дистанционных учебных занятий. Длительность периода подготовки к зачету (экзамену) позволит студентам выбирать из предложенных оптимальную форму заданий для самостоятельной работы и темп освоения учебного материала; самостоятельно контролировать и корректировать свою учебную деятельность. За выполнение заданий повышенного уровня трудности студентам начисляются премиальные баллы.

Практики различных видов, начиная с ознакомительной, как один из базовых компонентов профессиональной подготовки будущего специалиста, тоже имеют интересующий нас потенциал, так как в их задачи также входит формирование профессионально-правовой компетенции. Это важно, ведь именно практическая деятельность в условиях дистанционного обучения позволяет студенту в полной мере осознать себя субъектом правоотношений в системе образования, активно включиться в эти отношения и овладеть ценностно-смысловым компонентом работы по защите прав ребенка.

Отчетная документация по практикам, размещаемая студентами на портале, позволяет оценить их профессионально-правовую компетенцию в динамике, если в программах практик имеется правовой компонент. Среди предложенных нами заданий на практику: анализ опыта социально-педагогической помощи обучающимся, нуждающимся в социальной защите, и их семьям; составление индивидуальной программы работы с обучающимся, находящимся в трудной жизненной ситуации или социально опасном положении, с учетом характера и объема той правовой помощи, в которой ребенок нуждается; разработка и проведение беседы с родителями обучающихся, направленной на развитие их правовой компетентности (по плану работы социального педагога или по собственному выбору); мероприятия по правовому просвещению обучающихся (интерактивного характера), разрабатываемые и проводимые совместно с детьми, социально-педагогические проекты правовой направленности и др.

Отчет в электронной форме по таким видам работы дает возможность достаточно легко проверить сформированность профессионально-правовой компетенции студентов по избранным нами критериям. Кроме того, рефлексия студента по поводу своих действий и уровня развития этой компетенции проверяется через аналитический отчет по практике, куда внесен специальный вопрос.

Выводы

Таким образом, использование возможностей цифровой образовательной среды позволяет увидеть новые пути формирования профессионально-правовой компетенции студентов-заочников, будущих социальных педагогов, с точки зрения организации данного процесса, выбора форм и методов обучения. Сильной стороной использования возможностей цифровой среды является овладение студентами умениями самоорганизации своей учебной деятельности, в том числе через развитие информационной компетенции. Активное обращение к средствам цифровой образовательной среды вуза, в свою очередь, способствует ее постоянному обновлению и обогащению.

Источники

- Антонова Н. А., Шефер О. Р., Лебедева Т. Н. (2019) Готовность учителей к организации формирования читательской грамотности. Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, № 7, с. 7–23.
- Бороненко Т. А. (2021) Цифровая образовательная среда школы как основа формирования цифровой грамотности школьников. Электронный научно-метод. журнал «Педагогика информатики», № 1. URL: http://pcs.bsu.by/2021_1/2ru.pdf.
- Ковалёва Т. М. (2018) Личностно-ресурсное картирование как средство работы тьютора и не только... Коллективная монография. Т. М. Ковалёва, Т. А. Климова, Л. И. Лазарева, Т. М. Митрошина, М. В. Тюмина. М., Ресурс, 100 с.
- Коротун А. В. (2014) Правовая компетенция социального педагога: теория и практика формирования в вузе. Монография. Екатеринбург, Изд. дом «Ажур», 212 с.
- Кузьминов Я., Фруммин И., Овчарова Л. (2018) Двенадцать решений для нового образования: доклад Центра стратегических разработок и ВШЭ. М., Национальный исследов. ун-т «Высшая школа экономики», 106 с.
- Менг Т. В. (2008) Средовый подход к организации образовательного процесса в современном вузе. Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, № 10 (52), с. 70–72.
- Проект дидактической концепции цифрового профессионального образования и обучения (2019) В. И. Блинов, М. В. Дулинов, Е. Ю. Есенина, И. С. Сергеев. М., Перо, 72 с.
- Табачук Н. П. (2019) Информационная компетенция личности студента как социокультурный феномен цифрового общества. Монография. Хабаровск, Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 180 с.
- Цомаева З. Т. (2019) Особенности формирования правовой грамотности у студентов педагогических образовательных учреждений. Вопросы педагогики, № 12-1, с. 278–283.
- Шамова Т. И., Худин А. Н., Анненкова Н. В., Поздняков А. В. (2006) Формирование нормативно-правовой компетентности педагогических кадров. М., Педагогическое общество России, 96 с.

Юздова Л. П., Милютин А. А., Звягин К. А. (2021) Формирование функциональной грамотности у студентов педагогического вуза. Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, № 2 (162), с. 186–201.

References

- Antonova N. A., Schaefer O. R., Lebedeva T. N. (2019) Gotovnost' uchiteley k organizatsii formirovaniya chitatel'skoy gramotnosti [Readiness of teachers to organize the formation of reader literacy]. The Herald of South-Ural state Humanities-Pedagogical University, no. 7, pp. 7–23 (In Russian).
- Boronenko T. A. (2021) Tsifrovaya obrazovatel'naya sreda shkoly kak osnova formirovaniya tsifrovoy gramotnosti shkol'nikov [The digital educational environment of the school as the basis for the formation of digital literacy of schoolchildren]. Electronic scientific and methodological journal "Pedagogy of Computer Science", no. 1. Available at: http://pcs.bsu.by/2021_1/2ru.pdf (In Russian).
- Korotun A. V. (2014) Pravovaya kompetentsiya sotsial'nogo pedagoga: teoriya i praktika formirovaniya v vuze [Legal competence of a social pedagogue: theory and practice of formation in higher education]. Monografiya. Yekaterinburg, Azhur Publ. house, 212 p. (In Russian).
- Kovalova T. M. (2018) Lichnostno-resursnoye kartirovaniye kak sredstvo raboty t'yutora i ne tol'ko... [Personal resource mapping as a means of tutor's work and not only...]. Collective monograph. T. M. Kovalova, T. A. Klimova, L. I. Lazareva, T. M. Mitroshina, M. V. Tyumina. Moscow, Resurs Publ., 100 p. (In Russian).
- Kuz'minov Ya., Frumin I., Ovcharova L. (2018) Dvenadtsat' resheniy dlya novogo obrazovaniya: doklad Tsentra strategicheskikh razrabotok i VSHE [Twelve Solutions for New Education: Report of the Center for Strategic Research and the HSE]. Moscow, National Research University "Higher School of Economics", 106 p. (In Russian).
- Meng T. V. (2008) Sredovyy podkhod k organizatsii obrazovatel'nogo protsessa v sovremennom vuze [Environmental approach to the organization of the educational process in a modern university]. Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences, no. 10 (52), pp. 70–72 (In Russian).
- Proyekt didakticheskoy kontseptsii tsifrovogo professional'nogo obrazovaniya i obucheniya [The project of the didactic concept of digital professional education and training] (2019) V. I. Blinov, M. V. Dulinov, Ye. Yu. Yesenina, I. S. Sergeev. Moscow, Pero Publ., 72 p. (In Russian).
- Shamova T. I., Khudin A. N., Annenkova N. V., Pozdnyakov A. V. (2006) Formirovaniye normativno-pravovoy kompetentnosti pedagogicheskikh kadrov [Formation of normative and legal competence of pedagogical personnel]. Moscow, Pedagogical Society of Russia Publ. house, 96 p. (In Russian).
- Tabachuk N. P. (2019) Informatsionnaya kompetentsiya lichnosti studenta kak sotsiokul'turnyy fenomen tsifrovogo obshchestva [Information competence of a student's personality as a socio-cultural phenomenon of digital society]. Monograph. Khabarovsk, Publishing House of the Pacific State University, 180 p. (In Russian).
- Tsomayeva Z. T. (2019) Osobennosti formirovaniya pravovoy gramotnosti u studentov pedagogicheskikh obrazovatel'nykh uchrezhdeniy [Features of the formation of legal literacy among students of pedagogical educational institutions]. Voprosy pedagogiki – Questions of Pedagogy, no. 12-1, pp. 278–283 (In Russian).
- Yuzdova L. P., Milyutina A. A., Zvyagin K. A. (2021) Formirovaniye funktsional'noy gramotnosti u studentov pedagogicheskogo vuza [Formation of functional literacy among students of a pedagogical university]. The Herald of South-Ural state Humanities-Pedagogical University, no. 2 (162), pp. 186–201 (In Russian).

Информация об авторах

Мануйлова Лидия Михайловна

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной педагогики и социальной работы. Омский государственный педагогический университет, г. Омск, РФ.
ORCID ID: 0000-0002-1893-929X.
E-mail: manuylova_lm@mail.ru

Максимов Андрей Сергеевич

Кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры криминологии и профилактики преступлений. Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Омск, РФ.
ORCID ID: 0000-0002-8503-5610.
E-mail: an-maksimov@bk.ru

Autor's information

Lidiya M. Manuylova

Cand. Sc. (Pedagogy), Associate Professor, Department of Social Pedagogy and Social Work. Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russian Federation.
ORCID ID: 0000-0002-1893-929X.
E-mail: manuylova_lm@mail.ru

Andrey S. Maksimov

Cand. Sc. (Pedagogy), Senior Lecturer, Department of Criminology and Crime Prevention. Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk, Russian Federation.
ORCID ID: 0000-0002-8503-5610.
E-mail: an-maksimov@bk.ru

Н. А. Моисеева¹, Т. А. Полякова² ✉, Т. А. Ширшова³

✉ ta_polyakova@mail.ru

¹Омский государственный технический университет, г. Омск, Российская Федерация

²Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет (СибАДИ), г. Омск, Российская Федерация

³Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Российская Федерация

Значимость цифровых сервисов в решении задач информационно-математического моделирования для будущих инженеров

Аннотация: Глобальная цифровизация затронула практически все векторы развития современного информационного общества и, как следствие этого, появилась необходимость в трансформации существующих традиционных технологий обучения. Наряду с этим возникла потребность в специалистах инженерно-технического профиля, обладающих развитыми цифровыми компетенциями, которые позволяют им эффективно осуществлять профессиональную деятельность в условиях цифровой экономики и четвертой промышленной революции (или Industry 4.0.). На развитие цифровых компетенций инженера должны быть ориентированы соответствующие методы и средства подготовки будущих кадров соответствующего профиля. В этой связи целью настоящей работы является выявление возможностей цифровых сервисов с точки зрения их включения в процесс современной информационно-математической подготовки будущих инженеров в условиях реализации межпредметной интеграции дисциплин «Математика» и «Информатика». Теоретическую базу данного исследования составили научные положения и выводы, представленные в трудах отечественных и зарубежных ученых, занимавшихся вопросами и проблемами цифровизации образования, его интеграции, а также проблемой осуществления межпредметных связей в преподавании математики и информатики. Проведенный анализ позволил обозначить цифровые сервисы в качестве одного из инновационных средств решения задач информационно-математического моделирования, используемых в преподавании цикла информационно-математических дисциплин студентам инженерных специальностей вузов с целью развития их цифровых компетенций. Приведены примеры применения функционала цифровых сервисов для решения интегрированных учебных заданий, используемых при подготовке студентов инженерно-технических вузов.

Ключевые слова: цифровизация образования, информационно-математическое моделирование, информационно-коммуникационные технологии, цифровые сервисы.

Дата поступления статьи: 5 июня 2022 г.

Для цитирования: Моисеева Н. А., Полякова Т. А., Ширшова Т. А. (2023) Значимость цифровых сервисов в решении задач информационно-математического моделирования для будущих инженеров. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 17, № 1, с. 116–128. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.13.

Scientific article

N. A. Moiseeva¹, T. A. Polyakova² ✉, T. A. Shirshova³

✉ ta_polyakova@mail.ru

¹Omsk State Technical University, Omsk, Russian Federation

²The Siberian State Automobile and Highway University, Omsk, Russian Federation

³Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation

The digital services significance to solve tasks of information and mathematical modeling for future engineers

Abstract: Global Digitalization has affected almost all vectors of development of the modern information society and, as a result, there is a need to transform existing traditional learning technologies. Along with this, there is a need for engineering specialists with developed Digital competencies that allow them to effectively carry out their professional

activities in the digital Economy and the fourth industrial revolution (or Industry 4.0.). Appropriate methods and means of training future personnel of the relevant profile should be focused on the development of digital competencies of an engineer. In this regard, the purpose of this work is to identify the possibilities of digital services in terms of their inclusion in the process of modern information and mathematical training of future engineers in the context of the implementation of interdisciplinary integration of the disciplines of Mathematics and Computer Science. The theoretical basis of this study are the scientific provisions and conclusions presented in the researches of domestic and foreign scientists who dealt with the issues and problems of digitalization of education, its integration, as well as the problem of implementing interdisciplinary connections in the teaching of Mathematics and Computer Science. The analysis is made it possible to designate digital services as one of the innovative means of solving problems of information and mathematical modeling used in teaching a cycle of information and mathematical disciplines to students of engineering specialties of universities in order to develop their digital competencies. There are given some examples of using of the functionality of digital services for solving integrated educational tasks which are used in the preparation of students of engineering universities.

Keywords: digitalization of education, information and mathematical modeling, information and communication technologies, digital services.

Paper submitted: June 5, 2022.

For citation: Moiseeva N. A., Polyakova T. A., Shirshova T. A. (2023) The digital services significance to solve tasks of information and mathematical modeling for future engineers. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 17, no. 1, pp. 116–128. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.13.

Введение

Влияние цифровизации на все сферы жизни человека и общества не могло не отразиться и на национальной системе образования, которая в первую очередь ответственна за подготовку специалистов, востребованных в реалиях четвертой промышленной революции (или Industry 4.0.) и цифровой экономики. Трансформация образовательных технологий связана с их оснащением цифровыми технологиями, на основе которых происходит перестройка и обогащение ранее существующих методов и средств обучения. Во многом возросли требования к уровню и качеству математической подготовки выпускников школ и вузов, а также к их подготовке в области информатики и современных информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Как следствие этого – усиление взаимной интеграции информационно-математической подготовки специалистов разного профиля, в том числе инженерно-технического. В большей степени подобные процессы межпредметной интеграции коснулись пересмотра подходов к обучению будущих кадров для инженерной отрасли, что не случайно, поскольку деятельность инженера направлена на полный цикл проектирования, разработки и совершенствования технических средств для различных направлений промышленного производства, претерпевающих в настоящее время существенную модернизацию и эволюцию под влиянием инновационных методов и средств цифровизации (Dalinger, Moiseeva, Polyakova, 2020).

Задачи, которые предстоит решать современному инженеру в своей профессиональной деятельности, требуют от него развитых цифровых компетенций, позволяющих осуществлять свою деятельность с применением новых программных средств, цифровых устройств и цифровых сервисов. Именно на развитие этих умений и навыков должна быть направлена система подготовки студентов инженерно-технического профиля в вузах. Помимо усиления цифровизации образования, усиливается и практико-ориентированный подход к обучению, проявляющийся в межпредметной интеграции дисциплин, приоритетных для того или иного направления подготовки. Все эти процессы направлены на модернизацию существующих и на разработку новых технологий обучения, которые ориентированы на формирование и развитие цифровых компетенций будущих специалистов инженерно-технического профиля (Моисеева, Полякова, 2021). В связи с чем цель настоящей работы заключается в анализе и обосновании эффективности изучения функциональных возможностей цифровых сервисов и последующего их использования в качестве одного из средств обучения, с точки зрения их применения к решению интегрированных учебных задач (ИУЗ) по математике и информатике в контексте осуществления информационно-математической подготовки будущих специалистов инженерного профиля в техническом вузе.

Методы

В основе исследования лежат общенаучные методы, к которым относятся анализ научно-методической и периодической литературы по проблеме исследования. Результаты научной статьи сформулированы с опорой на исследования современных тенденций развития инженерного, математического и информационного образования, изложенных в работах по теории и методологии педагогической интеграции, методологии математики и информатики. Результаты и выводы, полученные в процессе подготовки настоящей научной работы основаны на личностно- и практико-ориентированном, междисциплинарном и контекстно-компетентностном подходах к обучению студентов инженерно-технического профиля.

В работе С. В. Барабановой (с соавт.) приводится подробный анализ тезисов конференций различного уровня (международных и всероссийских), посвященных вопросам влияния процессов цифровизации на современное инженерное образование (Барабанова, Кайбияйнен, Крайсман, 2019). Как отмечает коллектив авторов, основная проблематика вопросов, рассматриваемых в рамках конференций, связана в первую очередь с «новыми интерактивными образовательными технологиями, развитием онлайн, цифрового и электронного обучения, визуализацией и геймификацией образования, развитием у будущих инженеров академических и прикладных компетенций, внедрением новых сред обучения и т. д.» (Там же, с. 94). В. А. Климов (с соавт.), говоря о влиянии цифровизации на систему профессионального образования, отмечает особые преимущества «включения цифровых технологий в экосистему университетов» и приводит в качестве примера «план развития образовательной, научной и экспертной деятельности транспортных вузов в рамках формирования в Российской Федерации цифровой экономики» (Климов, Заречкин, Куприяновский, 2019, с. 468). Особое место в работе авторов занимает вопрос формирования цифровых компетенций. Согласно плану, изложенному А. А. Климовым (с соавт.), «добровольный характер ведения и наполнения реестра цифровых компетенций предполагает проведение среди студентов транспортных вузов, в том числе с использованием социальных сетей, PR-кампании о важности формирования персональной цифровой траектории» (Там же, с. 473).

Понимание цифровых компетенций в качестве термина, объясняющего способности человека «к использованию информационных технологий в определенном контексте», отражено в статье К. Рицца (Rizza, 2014). Объективную потребность в развитии цифровых компетенций А. Скв связывает напрямую с интенсивным применением и эволюцией цифровых технологий в практической деятельности (Skov, 2016).

При работе над тем или иным проектом технического характера от современного инженера требуется быстрое овладение новыми программными средствами, оперативность решения поставленных перед ним задач, сокращение рутинных операций и т. д. Особенно остро это проявляется в настоящее время, в условиях той скорости, в которой происходит развитие технического цифрового оборудования и программного обеспечения. Е. А. Рождественская и Т. Е. Болдовская, говоря о важности применения медиаресурсов в процессе обучения математике, отмечают не только их образовательную функцию, но и делают акцент на воспитании интереса и повышении мотивации студентов к изучению предмета, а также обогащению педагогического опыта самого преподавателя (Рождественская, Болдовская, 2019, с. 268). В то же время, по словам Е. А. Рождественской, массовые открытые онлайн-курсы (МООК), используемые в качестве дополнения к средствам организации обучения в очном формате, «являются источником инновационных форм для теории и методики обучения, а также одним из инструментов для повышения качества образования» (Рождественская, 2019, с. 260). По мнению Т. Н. Шалкиной, отбор содержания и выбор цифровых инструментов и сервисов для обучения должен основываться на принципах «педагогического дизайна и идеи смешанного обучения (Blended Learning)» (Шалкина, 2021). Автором статьи разработаны критерии выбора соответствующих цифровых ресурсов и сформирована модель «среды обучения информатике» на их основе (Шалкина, 2021).

Широко в научной литературе обсуждаются и вопросы междисциплинарной интеграции. Г. Д. Анисимова и С. И. Евсеева отводят важную роль в организации образовательного процесса

комплексному подходу к преподаванию математики, информатики и электротехники в техническом вузе, который подразумевает использование «информационно-развивающих, проблемно ориентированных и личностно-ориентированных технологий обучения», и способствующему «непрерывному процессу обучения в вузе, а также формированию у студентов профессиональных компетенций» (Анисимова, Евсеева, 2020, с. 156).

И. М. Осмоловская и Л. А. Краснова, анализируя вопросы междисциплинарного образования, отмечают, что «междисциплинарные исследования дают возможность оценить эффективность и потенциал разрабатываемых моделей процесса обучения с позиций не только дидактики, но и смежных наук» (Осмоловская, Краснова, 2018, с. 23). По мнению И. К. Дмитрук межпредметные связи «являются конкретным выражением интеграционных процессов, происходящих сегодня в науке и в жизни общества», а потому «играют важную роль в повышении практической и научно-теоретической подготовки учащихся, существенной особенностью которой является овладение ими обобщенным характером познавательной деятельности» (Дмитрук, 2017). Об этом же говорят А. М. Минаева и Е. С. Чижикова, особо подчеркивая роль междисциплинарного подхода «в повышении качества практической и научно-технической подготовки студента» (Минаева, Чижикова, 2015, с. 65).

Результаты

Анализ многочисленных исследований как отечественных, так и зарубежных ученых, направленных на решение вопросов трансформации существующих методов и средств информационно-математической подготовки специалистов инженерного профиля, позволил авторам настоящей статьи в своих предыдущих разработках (Далингер, Моисеева, Полякова, 2021; Моисеева, Полякова, 2021; Dalinger, Moiseeva, Polyakova, 2020) в качестве «системообразующего фактора интеграции знаний по информатике и математике» обозначить информационно-математическое моделирование (ИММ), выступающее в качестве средства формирования и развития цифровых компетенций современных представителей инженерного профиля (Далингер, Моисеева, Полякова, 2021, с. 1403).

В. Н. Бабич под информационно-математическим моделированием (ИММ) понимает «процесс построения формализованного образа объекта познания, воспринимаемого по определенным свойствам как аналог этого объекта, с группами функций исследования, на основе обработки и анализа системно обоснованного информационного массива, отображающего все аспекты организации и функционирования объекта путем интеграции процедур математической формализации, геометризации и информационно-технологической поддержки с целью получения новых знаний об объекте, направленных на решение соответствующих задач» (Бабич, Кремлев, 2018, с. 4).

В настоящем исследовании под ИММ мы понимаем процесс описания или построения модели некоторой предметной области посредством современных ИКТ и методов математического моделирования (Далингер, Моисеева, Полякова, 2021). ИММ при этом выступает в качестве средства решения так называемых интегрированных учебных заданий (ИУЗ), которые, в свою очередь, являются главной составной частью практической реализации процессов междисциплинарной интеграции в преподавании математики и информатики студентам инженерных специальностей вузов. В данном случае речь идет о заданиях, при выполнении которых происходит освоение «дисциплинарных знаний, личностных и межличностных компетенций, а также умений проектировать и создавать новые продукты и системы» (Dalinger, Moiseeva, Polyakova, 2020).

В научной статье (Dalinger, Moiseeva, Polyakova, 2020) совместно с В. А. Далингером нами была предложена классификация ИУЗ по математике и информатике, для решения которых может быть привлечен аппарат ИММ (Dalinger, Moiseeva, Polyakova, 2020, с. 595). Так, были выделены следующие типы задач: ИУЗ на инженерное прогнозирование; ИУЗ на конструирование технических объектов; ИУЗ на экспериментирование; ИУЗ на вычисление; ИУЗ на аналитику данных. (Там же, с. 596).

В качестве инструмента решения ИУЗ с помощью ИММ могут быть использованы цифровые сервисы. В общем под цифровым сервисом понимается «совокупность услуг, которая предоставляет пользователям возможность удаленной работы с определенными информационными ресурсами, но не наделяет их правом собственности на эти ресурсы» (Шалкина, 2021; Франтасов, Балановская, Прокаева, 2022; Калашникова, 2021; Касьянова, 2021).

В нашей работе мы рассматриваем цифровые сервисы, функционал которых аналогичен функционалу пакетов прикладных программ, используемых для проведения компьютерного математического моделирования (табл. 1), а также функционалу интегрированной среды разработки и анализа данных.

В таблице 1 представлен аналитический обзор цифровых сервисов с сопоставлением аналогичных им средств прикладного программного обеспечения.

Таблица 1 – Аналитический обзор цифровых сервисов и прикладного программного обеспечения

Table 1 – Analytical review of digital services and application software

№ п/п	Наименование цифрового сервиса	Прикладное программное обеспечение
1.	Google Sheets (Таблицы) (https://docs.google.com/spreadsheets/) – онлайн-редактор электронных таблиц	Электронная таблица Excel
2.	Wolfram-Alpha (https://www.wolframalpha.com/) – цифровой сервис для проведения математического анализа и вычислений любой сложности, который может применяться в задачах математического моделирования; разработан на основе вычислительного ядра системы Mathematica	Прикладные пакеты для математических расчетов: Maple, MATLAB, Macsyma, Mathematica, MathCad, GNU Octave
3.	SMath Studio Cloud (https://ru.smath.com/cloud/) – онлайн-версия бесплатного математического пакета SMath Studio, который поддерживает множество функций для математических вычислений и анализа; позволяет сохранить вычисления для дальнейшей работы, а также предоставить ссылку на них другим пользователям	Прикладные пакеты для математических расчетов: SMath Studio, Macsyma, MathCad, GNU Octave
4.	Mas.Exponenta.ru (http://mas.exponenta.ru/about/) – цифровой сервис для проведения математических вычислений, который содержит вычисления в следующих разделах: математический анализ, линейная алгебра, теория вероятности, математическая статистика, численные методы	Прикладные пакеты для математических расчетов: SMath Studio, Macsyma, MathCad
5.	Graph Online (https://graphonline.ru/) – цифровой сервис предназначен для визуализации графа и поиска кратчайшего пути на графе; создание графа выполняется по матрице смежности или матрице инцидентности; кроме поиска кратчайшего пути можно осуществить поиск компонента связности; онлайн-система поддерживает работу с орграфами и неориентированными графами; построенный граф можно сохранить	

В качестве примера интегрированной среды разработки анализа данных рассмотрим Google Colab (Colaboratory) – интерактивный облачный блокнот на основе Jupyter Notebook для программирования на языке высокого уровня Python, а также анализа данных и машинного обучения. Google Colab (<https://colab.research.google.com/>) предоставляет мощные процессоры для облачных вычислений прямо в браузере, обладает интуитивно понятным интерфейсом, который не перегружает компьютер и производит все вычисления быстро. Среди облачных сред, похожих на Google Colab, можно выделить: Yanex DataSphere, Kaggle Kernels, Azure Notebooks, CoCalc.

Рассмотрим примеры ИУЗ, решаемых с применением цифровых сервисов.

Пример 1 (ИУЗ на аналитику данных). Исследование различных вопросов, которые появляются при планировании, организации и работе автомобильного транспорта, сопровождается обработкой экспериментальных и статистических данных для установления вида или параметров аналитических зависимостей. На основании этих зависимостей в дальнейшем решаются задачи долгосрочного прогнозирования по работе автотранспорта. ИММ позволяет осуществить решение такого рода задач, а привлечение к процессу самого решения соответствующих цифровых сервисов – во многом оптимизировать работу, связанную с обработкой экспериментальных данных, поиском аналитического выражения с последующим графическим представлением нужной зависимости. Речь в таком случае идет о распространенной в данной области

исследований задаче выравнивания, заключающейся в установлении зависимости некоторой физической величины y от физической величины x (Галушко, 1976).

Например, при исследовании двигателей внутреннего сгорания (ДВС) часто приходится проводить ряд испытаний ДВС с целью выявления зависимостей между их основными параметрами. Такими параметрами могут являться: часовой расход топлива и число оборотов вала двигателя, рабочий объем цилиндра и величина степени сжатия, ход поршня и его скорость и т. д. Значения этих параметров исследователь получает экспериментально, после чего необходима их обработка и анализ. Один из основных вопросов, который ставится перед исследователем, – на основании полученных результатов эксперимента выявить функциональную зависимость между изучаемыми параметрами с целью прогнозирования того, как поведет себя система в определенный промежуток времени, в тех или иных условиях. В связи с чем умения устанавливать подобные аналитические зависимости относятся к числу компетенций, необходимых специалистам технических профилей.

Таблица 2 – Данные стендовых испытаний двигателя

Table 2 – Engine bench test data

	1	2	3	4	5
x	5,1	10,2	15,1	19,8	24,9
y	12,1	11	10,5	11,8	12,5

Следует отметить, что в целях оптимизации решение подобных задач вполне можно доверить цифровым сервисам, позволяющим произвести необходимые вычисления в более короткие сроки. На рис. 1 представлен фрагмент решения задачи, демонстрирующий результат построения аналитической зависимости величины часового расхода топлива ($G \rightarrow y$) (в кг/ч) от величины степени сжатия ($\varepsilon \rightarrow x$), полученных по результатам стендовых испытаний ДВС (табл. 2), с помощью цифрового сервиса WolframAlpha (<https://www.wolframalpha.com/>) после непосредственного введения в поисковое окно экспериментальных данных.

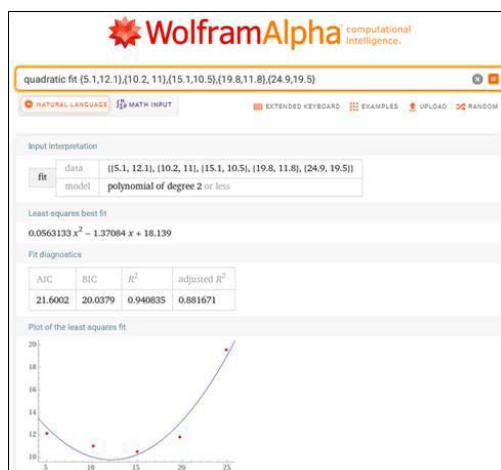

Рис. 1. Фрагмент решения ИУЗ на аналитику данных в WolframAlpha

Fig. 1. Fragment of the HMI solution for data analytics in WolframAlpha

Пример 2 (ИУЗ на вычисление / прогнозирование). В примере 2 рассмотрим три варианта формулировки и решения задачи на оптимизацию, достаточно часто встречающуюся в разделе экономической теории на транспорте (Костин, 2003). Для решения поставленной в данном примере задачи задействованы возможности цифрового сервиса Excel Online (<https://online-excel.ru/>).

А. При производстве трех видов продукции используются три вида ресурсов. Составить план выпуска продукции, обеспечивающий максимальную прибыль, при выпуске не менее 300 единиц изделий.

Таблица 3 – Исходные данные по условию задачи Примера 2

Table 3 – Initial data on the condition of the problem of Example 2

Ограничения по ресурсам b_j (y. e.)		Расход ресурсов на единицу продукции a_{ij} (y. e.)		
		№ 1	№ 2	№ 3
Энергия	1200	3	3	4
Финансы	2000	5	6	4
Сырье	2000	4	6	8
Прибыль на ед. продукции z_i (y. e.)		8	11	12

Воспользуемся следующими обозначениями: наличие на предприятии каждого j -го ресурса b_j ; a_{ij} – норма расхода j -го ресурса на одно изделие i -го вида; z_i – прибыль от реализации i -го вида продукции; минимальное количество b_4 всех видов изделий, которое предприятие должно выпустить (в нашем примере $b_4 = 300$). Целевая функция: $Z1 = z_1 \cdot x_1 + z_2 \cdot x_2 + z_3 \cdot x_3 \rightarrow \max$.

Задача решена с помощью сервиса Excel Online (<https://online-excel.ru/>) (рис. 2) и функции «поиск решения».

Исходные данные:				Переменные:	
Прибыль Z1=	8			x1=	163
Z2=	11			x2=	170
Z3=	12			x3=	41
Ресурсы:				Целевая функция	
энергия=	1200			Z1=z1x1+z2x2+z3x3	3666
финансы=	2000				
сырьё=	2000				
Нормы расхода:					
по энергии a11=	3	a12=	3	a13=	4
по финансам a21=	5	a22=	6	a23=	4
по сырью a31=	4	a32=	6	a33=	8
Минимальное кол. Изделий					
Ограничения:					
a11*x1+a12*x2+a13*x3=	1163				
a21*x1+a22*x2+a23*x3=	1999				
a31*x1+a32*x2+a33*x3=	2000				
x1+x2+x3=	374				

Рис. 2. Фрагмент решения ИУЗ на вычисление / прогнозирование (Пример 2А) в Excel Online

Fig. 2. Fragment of the HMI solution for calculation / prediction (Example 2A) in Excel Online

Итак, при заданных ограничениях наибольшая прибыль составит 3 666 y. e. При этом необходимо выпускать 163 ед. изделия № 1, 170 ед. изделия № 2 и 41 ед. изделия № 3 и всего будет произведено 374 ед. продукции (суммарно).

При этом экономия энергии и финансов останется в количестве 37 и 1 y. e. (соответственно), сырье будет израсходовано полностью.

Б. Изменим задание следующим образом: если составить план выпуска продукции, обеспечивающий минимальное потребление энергии (при сохранении остальных условий неизменными), то целевая функция: $Z2 = a_{11} \cdot x_1 + a_{12} \cdot x_2 + a_{13} \cdot x_3 \rightarrow \min$.

Решение также ищем с помощью сервиса Excel Online (рис. 3).

Исходные данные:				Переменные:	
Прибыль Z1=	8			x1=	200
Z2=	11			x2=	100
Z3=	12			x3=	0
Ресурсы:				Целевая функция	
финансы=	2000			Z2=a11x1+a12x2+a13x3	900
сырьё=	2000				
Нормы расхода:					
по энергии a11=	3	a12=	3	a13=	4
по финансам a21=	5	a22=	6	a23=	4
по сырью a31=	4	a32=	6	a33=	8
Минимальное кол. Изделий					
Ограничения:					
a21*x1+a22*x2+a23*x3=	1600				
a31*x1+a32*x2+a33*x3=	1400				
x1+x2+x3=	300				
Прибыль	2700				

Рис. 3. Фрагмент решения ИУЗ на вычисление / прогнозирование (Пример 2Б) в Excel Online

Fig. 3. Fragment of the HMI solution for calculation / prediction (Example 2B) in Excel Online

В этом случае при заданных ограничениях наименьший расход энергетических ресурсов составит 900 у. е. При этом необходимо выпускать 200 ед. изделия № 1, 100 ед. изделия № 2 и не выпускать изделия № 3 и всего будет произведено 300 ед. продукции (суммарно). Прибыль при этом составит 2 700 у. е. Экономия сырья составит 600 у. е.; экономия финансов – 400 у. е.

В. Сформулируем двухкритериальную задачу: составить план выпуска продукции, обеспечивающий максимальную прибыль, при минимальном потреблении энергии, при выпуске не менее 300 единиц изделий. В этом случае обобщенная целевая функция:

$$Z = \alpha_1 \cdot \frac{z_1 \cdot x_1 + z_2 \cdot x_2 + z_3 \cdot x_3}{Z1} - \alpha_2 \cdot \frac{a_{11} \cdot x_1 + a_{12} \cdot x_2 + a_{13} \cdot x_3}{Z2} \rightarrow \max,$$

где $Z1 = z_1 \cdot x_1 + z_2 \cdot x_2 + z_3 \cdot x_3$ и $Z2 = a_{11} \cdot x_1 + a_{12} \cdot x_2 + a_{13} \cdot x_3$ значения целевых функций из предыдущих примеров, весовые коэффициенты α_1 и α_2 (определяются или статистически, или экспертными оценками). Знаки перед целевыми функциями определяются так: «+» – если функция максимизируется, «-» – если минимизируется.

Фрагмент решения примера 2В. с помощью сервиса Excel Online представлен на рис. 4.

Исходные данные:				Переменные:			
Прибыль Z1=	8			x1=	0		
Z2=	11			x2=	333		
Z3=	12			x3=	0		
Ресурсы:				Целевая функция			
финансы=	2000			$Z = \alpha_1(z_1x_1 + z_2x_2 + z_3x_3)/Z1 - \alpha_2(a_{11}x_1 + a_{12}x_2 + a_{13}x_3)/Z2$			
сырьё=	2000						0,255427
Нормы расхода:							
по энергии a11=	3	a12=	3	a13=	4		
по финансам a21=	5	a22=	6	a23=	4		
по сырью a31=	4	a32=	6	a33=	8		
Минимальное кол. Изделий	300						
$\alpha_1; \alpha_2$	0,7	0,4					
Ограничения:							
$a_{11} \cdot x_1 + a_{12} \cdot x_2 + a_{13} \cdot x_3 =$	999						
$a_{21} \cdot x_1 + a_{22} \cdot x_2 + a_{23} \cdot x_3 =$	1998						
$a_{31} \cdot x_1 + a_{32} \cdot x_2 + a_{33} \cdot x_3 =$	1998						
$x_1 + x_2 + x_3 =$	333						
Z1=	3666						
Z2=	900						
Прибыль Z= $z_1x_1 + z_2x_2 + z_3x_3$	3663						

Рис. 4. Фрагмент решения ИУЗ на вычисление / прогнозирование (Пример 2В) в Excel Online

Fig. 4. Fragment of the HMI solution for calculation / prediction (Example 2B) in Excel Online

При такой постановке задачи прибыль составила 3 663 у. е., затраты энергии составят 999 у. е. Необходимо выпускать 333 ед. изделия № 2 и не выпускать изделия № 1 и № 3. Общее количество изделий – 333 у. е. (по сравнению с пред. задачами 374 у. е. и 300 у. е.).

Значение обобщенной целевой функции получено в относительных единицах, так как каждая целевая функция делится на ее нормирующее значение.

Пример 3 (ИУЗ на аналитику данных / прогнозирование). Анализ и прогнозирование энергопотребления является важной задачей, которая дает коммунальным предприятиям информацию и помогает им повышать производительность своих систем с точки зрения производительности и эффективности (Salam, El Hibaoui, 2018).

Рассмотрим несложный анализ данных и прогнозирование в цифровом сервисе Google Colab, который позволит эффективно выполнить анализ энергопотребления на основе достаточно большого набора данных. С веб-сайта Machine Learning Repository (<https://archive.ics.uci.edu/ml/datasets/Power+consumption+of+Tetouan+city#>) был загружен набор данных *consumption* в формате CSV, который содержит данные об энергопотреблении трех различных распределительных сетей г. Тетуан, расположенного на севере Марокко.

В наборе данных 52 416 записей, 9 столбцов. Рассмотрим информацию об атрибутах, формирующих структуру набора данных *consumption.csv*:

DateTime – дата и время (каждые десять минут).
 Temperature – температура в г. Тетуан.
 Humidity – влажность в г. Тетуан.
 Wind Speed – скорость ветра в г. Тетуан.
 General diffuse flows – общие диффузные потоки.
 Diffuse flows – диффузные потоки.
 Zone 1 of Tetouan city – потребляемая мощность зоны 1 г. Тетуан.
 Zone 2 of Tetouan city – энергопотребление зоны 2 г. Тетуан.
 Zone 3 of Tetouan city – энергопотребление зоны 3 г. Тетуан.

Решение:

Для проведения анализа данных и соответствующей графической визуализации результатов анализа данных подключим библиотеки Python: Pandas, Seaborn и Matplotlib (рис. 5).

```
import pandas as pd #импорт библиотеки Pandas
import matplotlib.pyplot as plt #импорт библиотеки для построения графиков
import seaborn as sns #импорт библиотеки готовых шаблонов для статистической визуализации
df = pd.read_csv('consumption.csv')
print("Размер набора данных:",df.shape)
```

Размер набора данных: (52416, 9)

Рис. 5. Подключение библиотек Python для анализа данных

Fig. 5. Connecting the Python library for data analysis

Найдем сведения об энергопотреблении зон 1, 2 и 3 г. Тетуан при температуре выше 35. Для отбора (или фильтрации) необходимых записей составим неравенство (рис. 6).

```
df[df['Temperature'] > 35]
```

	DateTime	Temperature	Humidity	Wind Speed	general diffuse flows	diffuse flows	Zone 1 Power Consumption	Zone 2 Power Consumption	Zone 3 Power Consumption
19104	5/13/2017 16:00	35.46	17.25	4.406	647.8	614.7	31953.83607	19504.64396	17565.66802

Рис. 6. Фильтрация записей (простое условие)

Fig. 6. Record filtering (simple condition)

Необходимо отметить, что в условиях фильтрации можно использовать не только математические операции сравнения, но и методы работы со строками. Можно комбинировать несколько условий одновременно, используя логические операторы. Например, произведем отбор строк, в которых значение температуры больше 0 и меньше +5 (рис. 7).

```
df[(df['Temperature'] > 0) & (df['Temperature'] < 5)]
```

	DateTime	Temperature	Humidity	Wind Speed	general diffuse flows	diffuse flows	Zone 1 Power Consumption	Zone 2 Power Consumption	Zone 3 Power Consumption
13	1/1/2017 2:10	4.968	78.8	0.084	0.070	0.134	22329.11392	14710.03040	15822.650600

Рис. 7. Фильтрация записей (сложное условие)

Fig. 7. Record filtering (complex condition)

Для того чтобы значения столбца Temperature были более наглядными, округлим все значения в этом столбце (тогда в нем появятся значения, по которым можно сгруппировать данные) с помощью функции *round()*. Затем сгруппируем данные по новому столбцу температуры Temp_new и вычислим, сколько уникальных значений для каждой группы содержится в остальных столбцах. Для этого в качестве агрегирующей функции используем *count()*:

```
df['Temp_new'] = round(df['Temperature'])
df.groupby('Temp_new').count()
```

В результате получилось, что температура +21 встречается в наборе данных 3 690 раз.

Теперь вычислим коэффициент корреляции Пирсона между атрибутами (переменными) набора данных (рис. 8).

```
df.corr(method='pearson')
```

	Temperature	Humidity	Wind Speed	general diffuse flows	diffuse flows	Zone 1 Power Consumption	Zone 2 Power Consumption	Zone 3 Power Consumption
Temperature	1.000000	-0.460243	0.477109	0.460294	0.196522	0.440221	0.382428	0.489527
Humidity	-0.460243	1.000000	-0.135853	-0.468138	-0.256886	-0.287421	-0.294961	-0.233022
Wind Speed	0.477109	-0.135853	1.000000	0.133733	-0.000972	0.167444	0.146413	0.278641
general diffuse flows	0.460294	-0.468138	0.133733	1.000000	0.564718	0.187965	0.157223	0.063376
diffuse flows	0.196522	-0.256886	-0.000972	0.564718	1.000000	0.080274	0.044667	-0.038506
Zone 1 Power Consumption	0.440221	-0.287421	0.167444	0.187965	0.080274	1.000000	0.834519	0.750733
Zone 2 Power Consumption	0.382428	-0.294961	0.146413	0.157223	0.044667	0.834519	1.000000	0.570932
Zone 3 Power Consumption	0.489527	-0.233022	0.278641	0.063376	-0.038506	0.750733	0.570932	1.000000

Рис. 8. Вычисление коэффициента корреляции Пирсона

Fig. 8. Calculation of the Pearson correlation coefficient

Мы видим, что температура, скорость ветра, диффузные потоки и общие диффузные потоки умеренно коррелируют со значением коэффициента корреляции 0,489527 и 0,440221 для энергопотребления зоны 3 и энергопотребления зоны 1 соответственно.

Теперь визуализируем приведенную выше таблицу корреляции с помощью тепловой карты (рис. 9).

Рис. 9. Визуализация таблицы корреляции Примера 3 с помощью тепловой карты

Fig. 9. Visualization of the correlation table of Example 3 using a heat map

Цель использования в анализе данных тепловой карты – понимание взаимосвязи между различными атрибутами в наборе данных. Так, более темные оттенки представляют высокую степень взаимосвязи между элементами, а более светлые оттенки представляют собой низкую степень взаимосвязи между элементами. Сопоставив содержимое таблицы на рисунке 8 и тепловую карту на рисунке 9, можно отметить, что их интерпретация одинакова, но тепловая карта более эффективно визуализирует степень взаимосвязи между элементами набора данных.

Выводы

1. Проанализированы основные подходы к осуществлению информационно-математической подготовки студентов инженерно-технических вузов. Выявлено усиление роли междисциплинарной

интеграции дисциплин математика и информатика для развития цифровых компетенций студентов в условиях цифровой экономики и Industry 4.0. Определено, что в качестве основополагающего и значимого фактора осуществления соответствующих интеграционных процессов выступает ИММ.

2. Проведен аналитический обзор цифровых сервисов, функционал которых аналогичен функционалу прикладного программного обеспечения, с точки зрения возможностей их применения в решении задач ИММ на практике и в будущей профессиональной деятельности специалистов инженерно-технического профиля.

3. Приведены примеры ИУЗ, решаемых методами и средствами ИММ с помощью соответствующих цифровых сервисов. Использование ИУЗ и алгоритмов их решения в процессе информационно-математической подготовки студентов способствует развитию их цифровых компетенций, а также обогащает методы и формы реализации смешанного обучения в техническом вузе, что соответствует логике цифровой трансформации национального инженерного образования.

Источники

- Анисимова Г. Д., Евсеева С. И. (2020) Междисциплинарные связи математики, информатики и электротехники в техническом вузе. Наука о человеке: гуманитарные исследования, № 1 (39), с. 156–163. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.39.156.
- Бабич В. Н., Кремлев А. Г. (2018) Анализ проблематики информационно-математического моделирования. Инновационные геотехнологии при разработке рудных и нерудных месторождений. Сборник докладов VII Международной научно-технической конференции в рамках Уральской горнопромышленной декады. Екатеринбург, Уральский государственный горный университет, с. 454–459.
- Барабанова С. В., Кайбияйнен А. А., Крайсман Н. В. (2019) Цифровизация инженерного образования в глобальном контексте. Высшее образование в России, т. 28, № 1, с. 94–103. DOI: 10.31992/0869-3617-2019-28-1-94-103.
- Галушко В. Г. (1976) Вероятностно-статистические методы на автотранспорте. Киев, Издательское объединение «Вища школа», 232 с.
- Далингер В. А., Моисеева Н. А., Полякова Т. А. (2021) Взаимная интеграция информационно-математической подготовки инженеров в эпоху цифровизации. Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки, т. 14, № 9, с. 1399–1419. DOI: 10.17516/1997-1370-0772.
- Дмитрук И. К. (2017) Реализация межпредметных связей предметов естественнонаучного цикла, математики и информатики. URL: <https://refdb.ru/look/1876453.html>.
- Калашникова Т. Г. (2021) Цифровые сервисы в учебном процессе. Проблемы и решения процесса интеграции изобразительного искусства, инженерной, компьютерной графики и дизайна в современной образовательной среде. Материалы Международной научно-технической конференции, Андижан, Узбекистан, 10 мая 2021 года. Андижан, ООО «Мини Тайп», с. 130–135.
- Касьянова Е. В. (2021) Применение цифровых сервисов для развития ИКТ-компетентности будущих IT-инженеров. Педагогическое образование в условиях глобальной цифровизации. Сборник научных трудов международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию Новосибирской области, в рамках Международного форума «Высокие технологии, искусственный интеллект и роботизированные системы в образовании», Новосибирск, 16–17 ноября 2021 года. Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет, с. 78–82.
- Климов А. А., Заречкин Е. Ю., Куприяновский В. П. (2019) Влияние цифровизации на систему профессионального образования. Современные информационные технологии и ИТ-образование, т. 15, № 2, с. 468–476. DOI: 10.25559/SITITO.15.201902.468-476.
- Костин В. Н. (2003) Оптимизационные задачи электроэнергетики. СПб., СЗТУ, 120 с.
- Минаева А. М., Чижикова Е. С. (2015) Межпредметные связи математики с другими дисциплинами в техническом вузе. Инновации. Интеллект. Культура. Материалы XXII Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции, Тобольск, 13 февраля 2015 года. Тобольск, Тюменский государственный нефтегазовый университет, с. 64–66.
- Моисеева Н. А., Полякова Т. А. (2021) Развитие цифровых компетенций будущих инженеров средствами информационно-математического моделирования. Научно-методический электронный журнал «Концепт», № 3. с. 71–85. DOI: 10.24412/2304-120X-2021-11015.
- Осмоловская И. М., Краснова Л. А. (2018) Процесс обучения с позиции междисциплинарных исследований. Образование и наука, т. 20, № 8, с. 9–27. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-8-9-27.
- Рождественская Е. А. (2019) Проблемы цифровизации высшего образования в формате массовых открытых онлайн-курсов. Актуальные проблемы преподавания математики в техническом вузе, № 7, с. 256–261. DOI: 10.25206/2307-5430-2019-7-256-261.
- Рождественская Е. А., Болдовская Т. Е. (2019) Использование образовательных интернет-медиа в процессе обучения математике. Методика преподавания математических и естественнонаучных дисциплин: современные проблемы и тенденции развития. Материалы VI Всероссийской

- научно-практической конференции, Омск, 4 июля 2019 года. Омск, Омский государственный технический университет, с. 266–269.
- Франтасов Д. Н., Балановская А. В., Прокаева А. Е. (2022) Роль цифровых сервисов в процессе цифровой трансформации организаций высшего образования. Экономика и предпринимательство, № 2 (139), с. 1043–1046. DOI: 10.34925/EIP.2022.139.2.205.
- Шалкина Т. Н. (2021) Цифровые сервисы в обучении информатике: опыт интеграции методик удаленного и традиционного обучения. Мир науки. Педагогика и психология, №3. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/28PDMN321.pdf>.
- Dalinger V. A., Moiseeva N. A., Polyakova T. A. (2020) Information and Mathematical Modeling as the Basis for the Professional Activity of Future Engineers in the Digitization Era. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research : Proceedings of the International Scientific Conference “Digitalization of Education: History, Trends and Prospects” (DETP 2020)*, Yekaterinburg. Atlantis Press, pp. 593–598.
- Rizza C. (2014) Digital Competences. *Encyclopedia of Quality of Life and Well-Being Research*, pp. 1614–1619. DOI: 10.1007/978-94-007-0753-5_731.
- Salam A., El Hibaoui A. (2018). Comparison of Machine Learning Algorithms for the Power Consumption Prediction: Case Study of Tetouan city. In 2018 6th International Renewable and Sustainable Energy Conference (IRSEC), pp. 1–5.
- Skov A. (2016) What is digital competence? URL: <https://digital-competence.eu/front/what-is-digital-competence>.

References

- Anisimova G. D., Evseeva S. I. (2020) Mezhdistsiplinarnyye svyazi matematiki, informatiki i elektrotehniki v tehničeskom vuze [Interdisciplinary connections of mathematics, computer science and electrical engineering in a technical university] *The Science of Person: Humanitarian Researches*, no. 1 (39), pp. 156–163. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.39.156 (In Russian).
- Babich V. N., Kremlev A. G. (2018) Analiz problematiki informatsionno-matematicheskogo modelirovaniya [Analysis of the problems of information and mathematical modeling]. *Innovatsionnyie geotekhnologii pri razrabotke rudnyih i nerudnyih mestorozhdeniy* [Innovative geotechnologies in the development of ore and non-ore deposits]. Collection of reports of the VII International Scientific and Technical Conference within the framework of the Ural Mining Decade. Responsible for the release of N. G. Valiev]. Ekaterinburg, Uralskiy gosudarstvennyiy gornyy universitet, pp. 454–459 (In Russian).
- Barabanova S. V., Kaybiyaynen A. A., Kraysman N. V. (2019) Tsfrovizatsiya inzhenerenogo obrazovaniya v globalnom kontekste [Digitalization of engineering education in a global context]. *Vysshhee obrazovanie v Rossii – Higher education in Russia*, vol. 28, no. 1, pp. 94–103. DOI: 10.31992/0869-3617-2019-28-1-94-103 (In Russian).
- Dalinger V. A., Moiseeva N. A., Polyakova T. A. (2021) Vzaimnaya integratsiya informatsionno-matematicheskoy podgotovki inzhenerov v epohu tsifrovizatsii [Mutual integration of information and mathematical training of engineers in the era of digitalization]. *Journal of the Siberian Federal University. Series: Humanities*, vol. 14, no. 9, pp. 1399–1419. DOI: 10.17516/1997-1370-0772 (In Russian).
- Dalinger V. A., Moiseeva N. A., Polyakova T. A. (2020) Information and Mathematical Modeling as the Basis for the Professional Activity of Future Engineers in the Digitization Era. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research : Proceedings of the International Scientific Conference “Digitalization of Education: History, Trends and Prospects” (DETP 2020)*, Yekaterinburg. Atlantis Press, pp. 593–598.
- Dmitruk I. K. (2017) Realizatsiya mezhpredmetnyih svyazey predmetov estestvennonauchnogo tsikla, matematiki i informatiki [Implementation of interdisciplinary connections between subjects of the natural science cycle, mathematics and informatics]. Available at: <https://refdb.ru/look/1876453.html> (In Russian).
- Frantsov D. N., Balanovskaya A. V., Prokaeva A. E. (2022) Rol tsifrovyyih servisov v protsesse tsifrovoy transformatsii organizatsiy vysshiego obrazovaniya [The role of digital services in the process of digital transformation of higher education organizations]. *Journal of Economy and Entrepreneurship*, no. 2 (139), pp. 1043–1046. DOI: 10.34925/EIP.2022.139.2.205 (In Russian).
- Galushko V. G. (1976) Veroyatnostno-statisticheskie metody na avtotransporte [Probabilistic-statistical methods on vehicles]. Kyiv, Vischa shkola Publ., 232 p. (In Russian).
- Kalashnikova T. G. (2021) Tsfrovyye servisy v uchebnoy protsesse [Digital services in the educational process]. *Problemy i resheniya protsessa integratsii izobrazitel'nogo iskusstva, inzhenernoy, kompyuternoy grafiki i dizayna v sovremennoy obrazovatel'noy srede* [Problems and solutions of the process of integration of fine arts, engineering, computer graphics and design in the modern educational environment. Proceedings of the International Scientific and Technical Conference, Andijan, Uzbekistan, May 10, 2021]. Andijan, Mini Tayp Publ., pp. 130–135 (In Russian).
- Kasyanova E. V. (2021) Primenenie tsifrovyyih servisov dlya razvitiya IKT-kompetentnosti buduschih IT-inzhenerov [The use of digital services for the development of ICT competence of future IT engineers]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v usloviyah globalnoy tsifrovizatsii* [Pedagogical education in the context of global digitalization]. Collection of scientific papers of the international scientific and practical conference dedicated to the 85th anniversary of the Novosibirsk region, within the framework of the International Forum “High technologies, artificial intelligence and robotic systems in education”, Novosibirsk, November 16–17, 2021. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University Publ., pp. 78–82 (In Russian).

- Klimov A. A., Zarechkin E. Yu., Kupriyanovskiy V. P. (2019) Vliyanie tsifrovizatsii na sistemu professionalnogo obrazovaniya [The impact of digitalization on the system of vocational education]. *Modern Information Technologies and IT-education*, vol. 15, no. 2, pp. 468–476. DOI: 10.25559/SITITO.15.201902.468-476 (In Russian).
- Kostin V. N. (2003) Optimizatsionnyye zadachi elektroenergetiki [Optimization problems of electric power industry]. St. Petersburg, SZTU Publ., 120 p. (In Russian).
- Minaeva A. M., Chizhikova E. S. (2015) Mezhpredmetnyye svyazi matematiki s drugimi distsiplinami v tehnichestvom vuze [Interdisciplinary connections of mathematics with other disciplines in a technical university]. *Innovatsii. Intellect. Kultura [Innovation. Intelligence. Culture]*. Materials of the XXII All-Russian (with international participation) scientific and practical conference, Tobolsk, February 13, 2015]. Tobolsk, Tyumen State Oil and Gas University, pp. 64–66 (In Russian).
- Moiseeva N. A., Polyakova T. A. (2021) Razvitie tsifrovyykh kompetentsiy buduschih inzhenerov sredstvami informatsionno-matematicheskogo modelirovaniya [Development of digital competencies of future engineers by means of information and mathematical modeling]. *Scientific-methodological electronic journal "Koncept"*, no. 3, pp. 71–85. DOI: 10.24412/2304-120X-2021-11015 (In Russian).
- Osmolovskaya I. M., Krasnova L. A. (2018) Protsess obucheniya s pozitsii mezhdistsiplinarnykh issledovaniy [The learning process from the position of interdisciplinary research]. *The Education and Science Journal*, vol. 20, no. 8, pp. 9–27. DOI 10.17853/1994-5639-2018-8-9-27 (In Russian).
- Rizza C. (2014) Digital Competences. *Encyclopedia of Quality of Life and Well-Being Research*, pp. 1614–1619. DOI: 10.1007/978-94-007-0753-5_731.
- Rozhdestvenskaya E. A. (2019) Problemy tsifrovizatsii vysshego obrazovaniya v formate massovykh otkrytykh onlayn-kursov [Problems of digitalization of higher education in the format of massive open online courses]. *Aktualnyye problemy prepodavaniya matematiki v tehnichestvom vuze – Actual problems of teaching mathematics in a technical university*, no. 7, pp. 256–261. DOI: 10.25206/2307-5430-2019-7-256-261 (In Russian).
- Rozhdestvenskaya E. A., Boldovskaya T. E. (2019) Ispolzovanie obrazovatelnykh internet-media v protsesse obucheniya matematike [The use of educational Internet media in the process of teaching mathematics]. *Metodika prepodavaniya matematicheskikh i estestvennonauchnykh distsiplin: sovremennyye problemy i tendentsii razvitiya [Methods of teaching mathematical and natural sciences: modern problems and development trends]*. Materials of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference. Omsk, Omsk State Technical University, pp. 266–269 (In Russian).
- Salam A., El Hibaoui A. (2018) Comparison of Machine Learning Algorithms for the Power Consumption Prediction: Case Study of Tetouan city. In *2018 6th International Renewable and Sustainable Energy Conference (IRSEC)*, pp. 1–5.
- Shalkina T. N. (2021) Tsifrovyye servisy v obuchenii informatike: opyt integratsii metodik udalennogo i traditsionnogo obucheniya [Digital services in teaching computer science: experience in integrating methods of remote and traditional learning]. *World of Science. Pedagogy and psychology*, no. 3. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/28PDMN321.pdf> (In Russian).
- Skov A. (2016) What is digital competence? URL: <https://digital-competence.eu/front/what-is-digital-competence>.

Информация об авторах

Моисеева Наталья Александровна

Кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры прикладной математики и фундаментальной информатики. Омский государственный технический университет, г. Омск, РФ. ORCID ID: 0000-0002-9502-3891. E-mail: nat_lion@mail.ru

Полякова Татьяна Анатольевна

Кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры физики и математики. Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет (СибАДИ), г. Омск, РФ. ORCID ID: 0000-0002-9673-1750. E-mail: ta_polyakova@mail.ru

Ширшова Татьяна Ахметовна

Кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры программного обеспечения и защиты информации. Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, РФ. E-mail: shirshova_tanya@rambler.ru

Autor's information

Natalya A. Moiseeva

Cand. Sc. (Pedagogy), Associate Professor of Applied Mathematics and Fundamental Computer Science Dept. Omsk State Technical University, Omsk, Russian Federation. ORCID ID: 0000-0002-9502-3891. E-mail: nat_lion@mail.ru

Tatiana A. Polyakova

Cand. Sc. (Pedagogy), Associate Professor of Physics and Mathematics Dept. The Siberian State Automobile and Highway University, Omsk, Russian Federation. ORCID ID: 0000-0002-9673-1750. E-mail: ta_polyakova@mail.ru

Tatiana A. Shirshova

Cand. Sc. (Pedagogy), Associate Professor of Software and Information Security Dept. Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation. E-mail: shirshova_tanya@rambler.ru

А. С. Корсаков^{1, 2}

✉ korsakov_aleksi@mail.ru

¹Новосибирский военный ордена Жукова институт им. генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, г. Новосибирск, Российская Федерация²Омская гуманитарная академия, г. Омск, Российская Федерация

Организационно-педагогические условия формирования профессиональной мобильности курсантов военного вуза

Аннотация: Направления модернизации и темпы развития Вооруженных Сил РФ определяются требованиями обеспечения национальной безопасности, повышения статуса нашей страны в мировом сообществе и геополитическими интересами России. Мобильность современной армии всецело зависит от профессиональной мобильности командного состава и военнослужащих российской армии. Профессиональная мобильность предполагает учет особенностей личности военного, готового к быстрой адаптации и успешной самореализации в условиях высокой динамичности общественной среды. Актуальность исследования обусловлена объективно существующим противоречием между необходимостью формирования профессиональной мобильности будущих офицеров в военном вузе и современной организацией учебного процесса, не реализующей в полной мере возможности формирования профессиональной мобильности у курсантов военного вуза. Методологической основой исследования являются системный подход, на основе которого рассмотрена структура профессиональной мобильности курсанта военного вуза и разработана модель ее формирования, и деятельностный подход, который позволяет рассматривать мобильность как результат личностной активности и выстроить процесс формирования профессиональной мобильности на основе включения курсантов в разные виды деятельности. Формирование профессиональной мобильности будущих офицеров – целенаправленный, комплексный, сложный образовательный процесс, выраженный в создании модели развития важнейшего интегративного качества личности курсантов военного вуза, которая включает содержание и структуру профессиональной мобильности военного специалиста, этапы формирования, содержательные аспекты уровней сформированности профессиональной мобильности курсантов военного вуза, организационно-педагогические условия, обеспечивающие успешное формирование профессиональной мобильности.

Ключевые слова: курсанты военного вуза, профессиональная мобильность, организационно-педагогические условия, личностная мобильность, социальная мобильность.

Дата поступления статьи: 16 декабря 2022 г.

Для цитирования: Корсаков А. С. (2023) Организационно-педагогические условия формирования профессиональной мобильности курсантов военного вуза. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 17, № 1, с. 129–138. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.14.

Scientific article

A. S. Korsakov^{1, 2}

✉ korsakov_aleksi@mail.ru

¹Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute of National Guard Troops, Novosibirsk, Russian Federation²Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russian Federation

Organizational and pedagogical conditions for the professional mobility formation of military university cadets

Abstract: The directions of modernization and the pace of development of the Armed Forces of the Russian Federation are determined by the requirements of ensuring national security, increasing the status of our country in the world community and the geopolitical interests of Russia. The mobility of the modern army depends entirely on the professional mobility of the command staff and military personnel of the Russian army. Professional mobility involves taking into

account the personality characteristics of a military man who is ready for rapid adaptation and successful self-realization in a highly dynamic social environment. The relevance of the study is due to the objectively existing contradiction between the need for the formation of professional mobility of future officers in a military university and the modern organization of the educational process, which does not fully realize the possibility of the formation of professional mobility among cadets of a military university. The methodological basis of the research is a systematic approach, on the basis of which the structure of professional mobility of a cadet of a military university is considered and a model of its formation is developed, and an activity approach that allows considering mobility as a result of personal activity and building the process of professional mobility formation based on the inclusion of cadets in different types of activities. The formation of professional mobility of future officers is a purposeful, complex, complex educational process expressed in the creation of a model for the development of the most important integrative personality quality of military university cadets, which includes the content and structure of professional mobility of a military specialist, stages of formation, content aspects of the levels of formation of professional mobility of military university cadets, organizational and pedagogical conditions that ensure the successful formation of professional mobility.

Keywords: cadets of a military university, professional mobility, organizational and pedagogical conditions, personal mobility, social mobility.

Paper submitted: December 16, 2022.

For citation: Korsakov A. S. (2023) Organizational and pedagogical conditions for the professional mobility formation of military university cadets. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 17, no. 1, pp. 129–138. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.14.

Введение

Процесс становления профессиональной мобильности личности основан на обладании необходимым объемом знаний, профессиональных умений, лежащих в основе ее развития (Решетников, 2022). Идеальной моделью современного специалиста, отвечающего требованиям любого работодателя, стало представление о практико-ориентированном образовании, по результатам которого личность не только обладает необходимой компетентностью в профессиональной сфере, но и способна развиваться в смежных профессиональных областях, при необходимости быстро менять и осваивать новый профессиональный функционал (Сахаров, 2017). Совокупность приведенных требований получила название профессиональной мобильности выпускника.

Процессы модернизации российского профессионального военного образования, выраженные в высоких требованиях к курсантам вузов, в большом количестве требуемых от военных командиров компетенций и теоретических знаний, актуализируют тему настоящего исследования. Быстрые темпы развития Вооруженных Сил РФ и военной техники обуславливают необходимость получения военного специалиста нового формата. В настоящее время отсутствуют четкие представления о механизме формирования профессиональной мобильности будущих офицеров в военном вузе и организационно-педагогических условиях, обеспечивающих его успешность.

Целью настоящего исследования стало обоснование и разработка организационно-педагогических условий формирования профессиональной мобильности у курсантов в образовательном процессе военного вуза. Исследование выстроено в рамках системного и деятельностного подходов, которые позволили представить структуру профессиональной мобильности курсанта военного вуза как результат личностной активности и разработать организационно-педагогические условия ее формирования на основе включения курсантов в разные виды деятельности.

Методы

Методологической основой исследования являются системный подход, на основе которого рассмотрена структура профессиональной мобильности курсанта военного вуза и разработана модель ее формирования, и деятельностный подход, который позволяет рассматривать мобильность как результат личностной активности и выстроить процесс формирования профессиональной мобильности на основе включения курсантов в разные виды деятельности.

Результаты

Понятие «мобильность» прочно входит в научные труды и практику применения во второй половине XX века (Сидоров, 2017). Такой подход к определению профессиональной мобильности считается неполным, так как не содержит всей полноты организационных связей субъектов, участвующих в формировании и осуществлении феномена профессиональной мобильности.

Интересно мнение Л. А. Солдатовой, которая утверждает, что профессиональная мобильность – это способность личности осуществлять профессиональную деятельность в экономической или финансовой сфере с привлечением правовой сферы (Солдатова, 2015). Б. М. Игошев определяет мобильность как качество личности, которое может проявляться только в деятельности, и говорить о степени и уровне мобильности человека следует только при условии ее реализации в деятельности (Игошев, 2009).

Л. В. Горюнова вводит в определение профессиональной мобильности три важнейших компонента: качества и характеристики личности, которые включают совокупность общих и профессиональных компетенций, важных для успешной самореализации в профессиональной деятельности и продвижении по карьерной лестнице; деятельность личности, которая определяется внешними обстоятельствами и условиями и направлена на преобразование окружающего пространства, и как итог – самореализация специалиста в профессиональной деятельности; как процесс, который направлен на совершенствование личностью себя и пространства вокруг себя (Горюнова, 2006; 2007).

На основе анализа исследований в области профессиональной мобильности специалиста нами обосновано и введено понятие «профессиональная мобильность курсанта военного вуза» как интегративное качество личности, обеспечивающее способность адаптироваться к профессиональной ситуации для совершения оптимальных действий средствами служебной деятельности.

Исследователи выделяют два элемента профессиональной мобильности: образовательные и профессиональные возможности курсанта военного вуза; требования, с которыми государство и общество обращается к военным образовательным учреждениям относительно квалификации, качества знаний, развитости профессиональной мобильности будущих офицеров (Чуковский, Исакова, 2020).

Формирование профессиональной мобильности осуществляется тремя путями: овладение совокупностью новых современных знаний в области профессиональной деятельности, освоение технических новинок, средств, информации; возникновение и выделение новых смежных профессий; овладение профессиональными знаниями и направлениями, имеющими общепрофессиональный статус и содержание.

Большое значение приобретают не только способности, качества личности, но и внешняя среда, окружающее пространство, события, формирующие личность военного специалиста. Следствием приведенных утверждений выступает закономерное деление профессиональной мобильности на социальную и личностную (Сергеева, 2015).

Социальная профессиональная мобильность как компонент структуры личности курсанта военного вуза состоит в способности и готовности к смене деятельности, места прохождения службы, внешних условий прохождения службы, окружения, содержания профессиональной деятельности (Сорокин, 1992). Социальная профессиональная мобильность может выражаться в трех видах: культурном, коммуникативном, адаптивном.

Под личностной профессиональной мобильностью следует понимать степень внутренней свободы человека, индивидуальные характеристики личности, способность к маневрированию и вариативному мышлению в процессе решения военно-профессиональных проблем. По мнению М. В. Пономарева, личностная мобильность опирается на активность личности, способность к рефлексии, самоанализу, переоценке собственного поведения, ценностей, установок и смене сценария собственного социального и профессионального поведения (Пономарев). Так, личностная профессиональная мобильность основана на развитом мотивационном, аналитическом компоненте, способности к осмыслению, определению и пониманию истинного смысла событий.

Исторически подтверждено, что воспитание инициативной и самостоятельной личности офицера оправдано в условиях ведения военных действий. Слепое следование приказу, неоправданное соблюдение теоретических инструкций мало результативно в уникальных внешних обстоятельствах, важность представляет не соблюдение регламента осуществления процесса выполнения военно-профессиональной задачи, а четкое соответствие результата деятельности заданному параметру, без учета пути и способа достижения цели.

Структура личностной профессиональной мобильности представлена тремя компонентами: когнитивным, мотивационным и деятельностным. Данный вид профессиональной мобильности формируется в процессе саморазвития личности, определяется уровнем развитости нестандартного мышления, гибкого сознания (Горюнова, 2007).

Модель профессиональной мобильности выпускника военного вуза
Model of professional mobility of a graduate of a military university

Анализ различных педагогических источников показывает, что понятие «организационно-педагогические условия» рассматривается как совокупность мер, направленных на повышение эффективности педагогической деятельности; внешнее обстоятельство, оказывающее существенное влияние на протекание педагогического процесса, в той или иной мере сознательно сконструированного педагогом, предполагающего достижение определенного результата; результат целенаправленного отбора, конструирования и применения элементов содержания, методов (приемов), а также организационных форм обучения для достижения целей; совокупность объективных возможностей содержания, форм, методов, средств и материально-пространственной среды, направленных на решение поставленных задач; совокупность мер (объективных возможностей) педагогического процесса (Караваяев, 2013; Козлов, Комаров, 2018; Логвиненко, 2018).

В совокупность организационно-педагогических условий формирования профессиональной мобильности будущих офицеров входят следующие:

- ведущие компоненты профессиональной мобильности (когнитивный, адаптивный, деятельностный, мотивационно-ценностный, коммуникативный, культурный) формируются на определенном этапе (начальном, установочном, основном, заключительном);
- определены уровни сформированности профессиональной мобильности курсантов (базовый, репродуктивный, мотивационно-деятельностный, продуктивный), достижение которых должно быть обеспечено на соответствующем этапе;
- формирование профессиональной мобильности осуществляется в рамках разработанной образовательной программы, учитывающей: развитие каждого компонента профессиональной

мобильности курсанта военного вуза через систему мероприятий, проводимых в военном вузе; усиление ориентации на формирование профессиональной мобильности курсантов от курса к курсу через участие в разнообразных видах деятельности в процессе осуществления образовательного процесса; параллельное овладение двумя специальностями (военной и гражданской) в процессе выполнения учебной, воспитательной и служебной деятельности.

Для реализации указанных условий необходимо учитывать специфику военного образования. К числу отличительных черт военного вузовского образования предлагаем отнести:

- максимальную приближенность образовательной среды к условиям профессиональной деятельности в будущем (служба в карауле, наряды, соблюдение устава, жесткая дисциплина, соблюдение режима дня в сочетании с процессом освоения теоретического материала). Постоянный дефицит свободного времени создает высокий темп деятельности и высокий уровень физической и психологической нагрузки, как следствие, возрастают требования к здоровью, личностным качествам курсантов;

- строгое соблюдение профессиональной иерархии: подготовка и обучение курсантов как рядового, что включает первый этап формирования основных знаний, умений и навыков; обучение в качестве младшего командира, что включает кроме знаний первого этапа умение управлять людьми, обучать и воспитывать их, умение принимать простые волевые решения; третий этап обучения направлен на подготовку будущего начальника отдела, который к комплексу знаний первых двух этапов должен уметь четко выполнять служебные задачи значительного уровня.

Специфика организации процесса обучения курсантов состоит, кроме названных особенностей, в строгой нормативно-правовой регламентации Федеральным государственным образовательным стандартом ключевых результатов обучения, а также боевым уставом и уставом внутренней службы. Комплекс нормативных регламентов направлен на формирование как теоретических профессиональных навыков, так и практических профессиональных умений в области будущей военной профессии, которая включает требования к владению сложными техническими системами (Мищенко, 2010).

Проектирование организационно-педагогических условий формирования профессиональной мобильности проходило с соблюдением следующих методологических принципов:

- принцип сочетания личностного развития обучающегося с необходимостью соблюдения требований устава, где приоритет отдается самостоятельности и гармоничности курсанта;
- принцип индивидуализации обучения курсантов, что выражено в учете индивидуальных особенностей, а именно: интересов, мировоззрения, статуса в группе;
- принцип разностороннего развития личности в процессе формирования профессиональной мобильности.

Первое организационно-педагогическое условие формирования профессиональной мобильности предусматривает становление компонентов личностной и социальной профессиональной мобильности на определенном этапе военного образования:

- первый этап направлен на формирование теоретических общепрофессиональных знаний и рассчитан на 1–4 семестр;

- второй этап посвящен развитию практических навыков, основанных на закреплении теоретического материала, 5–7 семестр;

- третий и четвертый этапы практической эксплуатационной подготовки практически приравнены к профессиональной военной службе и включают 8–10 семестры.

Соответственно, разработанная программа формирования профессиональной мобильности курсантов военного вуза основана на четырех этапах последовательной реализации (Корсаков и др., 2020).

Первый этап – начальный, реализуется в первом-втором семестре. Содержание деятельности преподавательского и командного состава на данном этапе основано на анализе и исследовании уровня общих знаний, оценке развитости позитивного осмысленного отношения к военной профессии и военной службе. В процессе посещения теоретических и практических занятий курсанты получают первые знания и опыт по техническим, военным и узкоспециальным

предметам. Первые компоненты профессиональной мобильности формируются уже в первом семестре путем необходимости быстрой адаптации к новым условиям военной службы. Начинается формирование навыков самоконтроля и дисциплинированности путем соблюдения режима дня, принятия нового распорядка, самодисциплины. В начале обучения в военном вузе курсант выполняет роль рядового солдата, что позволяет освоить первичные навыки военной службы и определить уровень соответствия собственных ожиданий и реальной жизни военного офицера.

Обучение на первом курсе направлено на формирование первичных военно-профессиональных навыков, в числе которых: освоение функций часового, обязанностей посыльного по штабу, функций дневального на контрольно-пропускном пункте. В начальный период закладываются основы воспитательной деятельности, нравственного потенциала и патриотического воспитания.

Важным навыком данного периода выступает развитие коммуникативных способностей, на первом курсе проводится систематическая плотная работа по развитию навыков публичных выступлений, сначала в микрогруппах, на собраниях и совещаниях. Наиболее актуальными и результативными на начальном этапе выступают такие виды образовательной деятельности, формы и методы обучения, как: беседа, решение задач, выполнение упражнений, иллюстрация, демонстрация, дискуссия, презентации, беседа с наставниками, познавательные задачи и другие.

Второй этап – установочный (третий-четвертый семестр). На данном этапе военного образования курсант адаптируется к систематизированной организованной жизнедеятельности, четко понимает важность профессиональной мобильности как важнейшего качества личности будущего офицера Вооруженных Сил и учится мобильно реагировать на изменение содержания образования при сохранении следования организованному режиму. Характеристики деятельности и поведения курсантов к концу первого курса обучения: проявление интереса к освоению военной профессии; осознанная активность при участии в любой учебной и внеучебной деятельности; приспособление к условиям обучения в военной среде с одновременным усилением роли самоорганизации и самоконтроля. На втором этапе происходит увеличение количества обучающего материала, объем выполняемых заданий, увеличивается скорость усвоения учебной информации и ее сложность. Воспитательная работа направлена на активное участие курсантов в заседаниях собраний учебных групп, публичное выступление на собраниях, самостоятельную подготовку выступлений и сообщений. Такими способами формируются умения осмысленной подготовки к выступлению, самоконтроля и самокритичности, соблюдения регламента и поведения в коллективе, выполнения разных ролей: председателя собрания, секретаря, выступающего. Особую роль на втором этапе обучения имеет наличие профессионального образца, примера для подражания, авторитетного преподавателя. Понимание данной особенности второго этапа обучения курсантов обязывает назначать командиров, имеющих опыт военной службы, военно-профессиональные заслуги и достижения, специальное высшее образование, умеющих выстраивать эффективную коммуникацию и держать дисциплину, а также обладающих развитой профессиональной мобильностью. Другой особенностью второго этапа обучения является обязательное использование соревновательных видов деятельности, которые призваны формировать личностные качества, составляющие профессиональную мобильность.

Третий этап – основной (пятый – седьмой семестры). Данный этап профессионального развития личности будущих офицеров содержит все виды деятельности, ранее освоенные и подлежащие закреплению на втором и третьем курсах обучения. Критериями оценки личности курсанта в данный период являются качества целеустремленности, ответственности при выполнении команд и заданий, настойчивости.

Отличительной особенностью обучения третьего этапа выступает формирование мотивации обучения, которая направлена на планирование карьеры профессионального роста на далекую перспективу. Важную роль начинает иметь применение принципа индивидуализации обучения, учет личностных талантов, интересов обучающихся и развитие выявленных качеств. Также третий этап соответствует возрастанию активности обучающихся, которая при наличии

накопленных теоретических знаний проявляется в желании их измерить, показать, проявить на практике. Применением такой особенности выступает участие курсантов в научной деятельности военного вуза, конференциях, семинарах, практикумах, что позитивно влияет на развитие профессиональной мобильности. Именно в третьем периоде проявляются признаки психологической, физической и интеллектуальной зрелости, что позволяет обрести уверенность поведения в коллективе, выстроить комфортные отношения и обрести навыки продуктивной коммуникации.

Практические занятия на третьем этапе приобретают новые функции, они позволяют ознакомиться с основами практической деятельности аэродрома, работы боевой техники, деятельностью на военных заводах и предприятиях. Курсанты имеют возможность проявить на практике теоретические знания, закрепить их, что дает положительные результаты для развития профессиональной мобильности курсантов, а также позволяет осуществить направление профессионального самоопределения в будущей области военной деятельности. Осуществление служебных обязанностей курсантов начинается со второго курса обучения: несение караула, выполнение функций дневального, командира, дежурного, постового. Названные виды деятельности направлены на формирование работы в команде, проявление лидерских качеств, организованности поведения, корпоративной культуры, ответственности, дисциплинированности, которые выступают элементами профессиональной мобильности курсантов.

Четвертый этап – заключительный (восьмой – десятый семестры) отличается усилением ориентации курсантов на будущую профессиональную деятельность. Будущие офицеры осознанно планируют военно-профессиональную карьеру, определяются с военной специализацией и возможным местом прохождения службы, ориентируются на получение дополнительного образования, которое позволит расширить профессиональные возможности. Третий-четвертый курс обучения отличают разный подход курсантов к обучению разным дисциплинам, они начинают выделять для себя особо полезные учебные предметы и те, что не будут востребованы в профессии. В связи с этим частично повышается учебная мотивация, направленная на усиленное внимание к отдельным предметам и игнорирование остальных.

Войсковая стажировка дает курсантам опыт самостоятельной деятельности и независимого поведения, возможность заслужить доверие командования и проявить свои способности. Педагогические условия третьего периода направлены на определение готовности курсанта проявить полученные знания, умения, навыки на практике, что способствует профессиональному развитию, закреплению полученного опыта и развитию профессиональной мобильности в части коммуникативных, адаптивных, культурных и деятельностных качеств личности курсанта.

Таким образом, формирование профессиональной мобильности курсантов военного вуза содержит четыре этапа: начальный, установочный, основной и заключительный.

Второе организационно-педагогическое условие требует обеспечения уровня сформированности профессиональной мобильности курсантов военного вуза (базового, репродуктивного, мотивационно-деятельностного, продуктивного) на определенном этапе.

Начальный этап становления компонентов профессиональной мобильности соответствует базовому уровню профессиональной мобильности курсанта. Отличительными особенностями данного этапа выступают: отсутствие устойчивой мотивации к обучению и профессиональной деятельности, имеющиеся теоретические знания не имеют системы, поведение курсантов не профессионально, так как принимаемые решения не вполне осознанны и не обдуманно, среди всех сформированных навыков можно выделить только наличие базовых теоретических знаний по общепрофессиональным дисциплинам.

Установочный этап соответствует репродуктивному уровню формирования профессиональной мобильности курсантов. Данный этап содержит активное нравственное и ценностное развитие, происходит формирование профессиональных ценностей и психологических установок. Учебный интерес и мотивация по-прежнему носят неустойчивый характер. Теоретические знания, умения, шаблоны поведения, практические задания усваиваются по заданному образцу и выполняются по определенному алгоритму, что говорит о репродуктивности

осуществляемой курсантами учебной деятельности. На этом этапе формируется репродуктивный уровень профессиональной мобильности.

Основной этап обучения курсантов соответствует мотивационно-деятельностному уровню развития профессиональной мобильности. Данный этап отличается сформированной мотивацией к учению, наличием ценностного ориентира на профессиональную деятельность, наличием прочных знаний, умений в области военно-профессиональной деятельности. Возрастает ориентация курсанта на самосовершенствование и саморазвитие, самовыражение.

Заключительный этап соответствует продуктивному уровню профессиональной мобильности курсантов. На данном этапе выделяются следующие особенности развития и воспитания курсантов: нравственная определенность и зрелость, четкая ориентация на будущую профессиональную деятельность, высокий уровень ответственности и самостоятельности поступков и мыслей курсантов. На заключительном этапе курсанты достигают продуктивного уровня профессиональной мобильности, который подлежит закреплению в процессе осуществления будущей военно-профессиональной деятельности.

Третье организационно-педагогическое условие предусматривает формирование профессиональной мобильности в рамках разработанной образовательной программы.

Программа формирования профессиональной мобильности имеет сложную структуру и содержит комплекс мероприятий по развитию каждого компонента профессиональной мобильности курсантов военного вуза. Состоит из следующих разделов: общие и организационные мероприятия, агитационно-пропагандистская работа, воспитательная работа, психологическая работа, работа по укреплению и поддержанию воинской и служебной дисциплины и правопорядка, военно-социальная работа, культурно-досуговая работа. Зависимость на начальном этапе обучения курсантов в военном вузе делает обоснованным стремление командиров и педагогов активизировать жизненную позицию и потенциал курсантов, помочь в прохождении процесса адаптации к военной службе и преодолении психологических проблем и барьеров. Важным направлением работы преподавателей становится процесс развития чувства уверенности в себе и своих возможностях, а также вселение убежденности в высокой степени важности выполнения служебно-профессионального долга и поставленных задач. Для формирования всех компонентов профессиональной мобильности приоритетными методами организации воспитательно-образовательного процесса выступают такие занятия, которые направлены на проявление высокой степени самостоятельности. К таковым относятся: учебное моделирование, все виды практических занятий, стажировки. Формирование позитивного профессионального опыта, развитие чувства уверенности в себе создают дополнительную мотивацию к учению в процессе всего периода обучения в военном вузе.

В ходе четырех образовательных этапов становления профессиональной мобильности курсантов военного вуза формируются ее уровни: базовый, репродуктивный, мотивационно-деятельностный, продуктивный. В свою очередь, будущие офицеры, проходя новый этап становления профессиональной мобильности, достигают одного из четырех ее уровней, что соответствует одному или нескольким компонентам структуры профессиональной мобильности. Каждый компонент профессиональной мобильности курсанта военного вуза подлежит формированию через систему мероприятий, проводимых в военном вузе и направленных на развитие определенных качеств личности будущего офицера в учебной, внеучебной и служебной деятельности курсантов.

Выводы

Таким образом, профессиональная мобильность курсанта военного вуза рассматривается как интегративное качество личности, обеспечивающее способность адаптироваться для совершения оптимальных действий средствами служебной деятельности в соответствии с содержанием профессиональной ситуации.

К организационно-педагогическим условиям, обеспечивающим успешное формирование профессиональной мобильности, относятся следующие:

- ведущие компоненты профессиональной мобильности (когнитивный, адаптивный, деятельностный, мотивационно-ценностный, коммуникативный, культурный) формируются на определенном этапе (начальном, установочном, основном, заключительном);
- определены уровни сформированности профессиональной мобильности курсантов (базовый, репродуктивный, мотивационно-деятельностный, продуктивный), достижение которых должно быть обеспечено на соответствующем этапе;
- формирование профессиональной мобильности осуществляется в рамках разработанной образовательной программы, учитывающей: развитие каждого компонента профессиональной мобильности курсанта военного вуза через систему мероприятий, проводимых в военном вузе; усиление ориентации на формирование профессиональной мобильности курсантов от курса к курсу через участие в разнообразных видах деятельности в процессе осуществления образовательного процесса; параллельное овладение двумя специальностями (военной и гражданской) в процессе выполнения учебной, воспитательной и служебной деятельности.

Источники

- Горюнова Л. В. (2006) Профессиональная мобильность специалиста в контексте компетентного подхода. Гуманитарные и социально-экономические науки. Спецвыпуск «Педагогика», № 3, с. 42–46.
- Горюнова Л. В. (2007) Составляющие профессиональной мобильности современного специалиста. Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки, № 1, с. 63–68.
- Игошев Б. М. (2009) Подготовка профессионально мобильных специалистов в педагогическом университете как центре непрерывного образования. Образование и наука, № 6 (63), с. 46–52.
- Караваев Н. Л. (2013) Деятельностный подход в контексте социогуманитарного познания. Alma mater (Вестник высшей школы), № 11, с. 30–34.
- Козлов О. А., Комаров М. Е. (2018) Организационно-методическое обеспечение формирования военно-педагогической компетентности будущих офицеров. Модернизация образования: научные достижения, отечественный и зарубежный опыт. Материалы XXV Рязанских педагогических чтений, в 2 томах. С. 166–172.
- Корсаков А. С., Токарев В. А., Тарасов А. Н. (2020) Практическая деятельность курсантов в образовательном процессе военного вуза как фактор повышения профессиональной мобильности. Мир науки, культуры, образования, № 2 (81), с. 156–158.
- Логвиненко Д. В. (2018) Организационно-педагогические условия повышения качества профессиональной педагогической подготовки курсантов военного вуза в процессе производственной практики. Электронный научно-образовательный вестник «Здоровье и образование в XXI веке», т. 20, № 8, с. 27–31.
- Мищенко В. А. (2010) Формирование профессиональной мобильности в системе высшего профессионального образования: монография. Ханты-Мансийск, Информационно-издательский центр, 215 с.
- Пономарев М. В. Проблемы социальной и психологической мобильности в информационном обществе. URL: http://monitoring-mioo.narod2.ru/publikatsii/ponomarev_mv_problemi_sotsialnoi_i_psihologicheskoi_mobilnosti_v_informatsionnom_obschestve/index.html
- Решетников М. М. (2022) Психология войны. Прогнозирование состояния, поведения и деятельности людей. Монография. М., Издательство Юрайт, 336 с.
- Сахаров С. Ю. (2017) Структурные компоненты профессиональной адаптации молодых офицеров: содержательная характеристика. Дискуссия, № 10 (84), с. 93–97.
- Сергеева Т. Б. (2015) Личностная и профессиональная мобильность: проблема сопряженности. Образование и наука, № 8 (127), с. 81–96
- Сидоров И. А. (2017) Сущность и содержание управленческой компетенции курсантов военных вузов. Terra Linguistica, № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-i-soderzhanie-upravlencheskoy-kompetentsii-kursantov-voennyh-vuzov>.
- Солдатова Л. А. (2015) Формирование профессиональной мобильности будущих экономистов. Вестник Оренбургского государственного университета, № 2 (177), с. 156–159.
- Сорокин П. А. (1992) Человек. Цивилизация. Общество. М., Политиздат, 543 с.
- Чуковский А. М., Исакова Т. И. (2020) Состояние проблемы формирования профессиональной мобильности курсантов. Современная высшая школа: инновационный аспект, т. 12, № 2 (48), с. 22–29.

References

- Chukovskiy A. M., Isakova T. I. (2020) Sostoyaniye problemy formirovaniya professional'noy mobil'nosti kursantov [State of the problem of formation of professional mobility of cadets]. Contemporary Higher Education: Innovative Aspects, vol. 12, no. 2 (48), pp. 22–29 (In Russian).
- Goryunova L. V. (2006) Professional'naya mobil'nost' spetsialista v kontekste kompetentnostnogo podkhoda [Professional mobility of a specialist in the context of a competency-based approach]. Humanities, Social-Economic and Social Sciences, no. 3, pp. 42–46 (In Russian).

- Goryunova JI. B. (2007) Sostavlyayushchiye professional'noy mobil'nosti sovremennogo spetsialista [Components of professional mobility of a modern specialist]. University proceedings. Volga region. Social sciences, no. 1, pp. 63–68 (In Russian).
- Igoshev B. M. (2009) Podgotovka professional'no mobil'nykh spetsialistov v pedagogicheskom universitete kak tsentre nepreryvnogo obrazovaniya [Training of professionally mobile specialists at the Pedagogical University as a center of continuing education]. The Education and Science Journal, no. 6 (63), p. 46–52 (In Russian).
- Karavayev N. L. (2013) Deyatel'nostnyy podkhod v kontekste sotsiogumanitarnogo poznaniya [Activity approach in the context of socio-humanitarian knowledge]. Alma Mater (Vestnik Vyshey Shkoly), no. 11, pp. 30–34 (In Russian).
- Kozlov O. A., Komarov M. E. (2018) Organizatsionno-metodicheskoye obespecheniye formirovaniya voyenno-pedagogicheskoy kompetentnosti budushchikh ofitserov [Organizational and methodological support for the formation of military-pedagogical competence of future officers]. Modernizatsiya obrazovaniya: nauchnyye dostizheniya, otechestvennyy i zarubezhnyy opyt [Modernization of education: scientific achievements, domestic and foreign experience]. Materials of the XXV Ryazan pedagogical readings, in 2 volumes. pp. 166–172 (In Russian).
- Korsakov A. S., Tokarev V. A., Tarasov A. N. (2020) Prakticheskaya deyatel'nost' kursantov v obrazovatel'nom protsesse voyennogo vuza kak faktor povysheniya professional'noy mobil'nosti [Practical activities of cadets in the educational process of a military university as a factor in increasing professional mobility]. The world of science, culture and education, no. 2 (81), pp. 156–158 (In Russian).
- Logvinenko D. V. (2018) Organizatsionno-pedagogicheskiye usloviya povysheniya kachestva professional'noy pedagogicheskoy podgotovki kursantov voyennogo vuza v protsesse proizvodstvennoy praktiki [Organizational and pedagogical conditions for improving the quality of professional pedagogical training of cadets of a military university in the process of industrial practice]. Electronic scientific and educational bulletin "Health and education in the XXI century", vol. 20, no. 8, pp. 27–31 (In Russian).
- Mishchenko V. A. (2010) Formirovaniye professional'noy mobil'nosti v sisteme vysshego professional'nogo obrazovaniya [Formation of professional mobility in the system of higher professional education]. Monograph. Khanty-Mansiysk, Information and Publishing Center, 215 p. (In Russian).
- Ponomarev M. V. Problemy sotsial'noy i psikhologicheskoy mobil'nosti v informatsionnom obshchestve [Problems of social and psychological mobility in the information society]. Available at: http://monitoring-mioo.narod2.ru/publikatsii/ponomarev_mv_problemi_sotsialnoi_i_psihologicheskoi_mobilnosti_v_informatsionnom_obschestve/index.html (In Russian).
- Reshetnikov M. M. (2022) Psikhologiya voyny. Prognozirovaniye sostoyaniya, povedeniya i deyatel'nosti lyudey [Psychology of war. Forecasting the state, behavior and activities of people]. Monograph. Moscow, Yurait Publ., 336 p. (In Russian).
- Sakharov S. Yu. (2017) Strukturnyye komponenty professional'noy adaptatsii molodykh ofitserov: sodержatel'naya kharakteristika [Structural components of the professional adaptation of young officers: a meaningful description]. Discussion, no. 10 (84), pp. 93–97 (In Russian).
- Sergeeva T. B. (2015) Lichnostnaya i professional'naya mobil'nost': problema sopryazhennosti [Personal and professional mobility: the problem of contingency]. The Education and Science Journal, no. 8 (127), pp. 81–96 (In Russian).
- Sidorov I. A. (2017) Sushchnost' i sodержaniye upravlencheskoy kompetentsii kursantov voyennykh vuzov [The essence and content of the managerial competence of cadets of military universities]. Terra Linguistica, no. 1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sushchnost-i-soderzhanie-upravlencheskoy-kompetentsii-kursantov-voennykh-vuzov> (In Russian).
- Soldatova L. A. (2015) Formirovaniye professional'noy mobil'nosti budushchikh ekonomistov [Formation of professional mobility of future economists]. Vestnik of the Orenburg State University, no. 2 (177), pp. 156–159 (In Russian).
- Sorokin P. A. (1992) Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo [Man. Civilization. Society]. Moscow, Politizdat Publ., 543 p. (In Russian).

Информация об авторе

Корсаков Алексей Сергеевич

Старший преподаватель. Новосибирский военный ордена Жукова институт им. генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, г. Новосибирск, РФ.
Аспирант. Омская гуманитарная академия, г. Омск, РФ. E-mail: korsakov_aleksi@mail.ru

Autor's information

Aleksey S. Korsakov

Senior Lecturer. Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute of National Guard Troops, Novosibirsk, Russian Federation.
Postgraduate student. Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russian Federation.
E-mail: korsakov_aleksi@mail.ru

G. K. Ismailova¹, L. A. Baitleuova¹✉

✉ laura180898@mail.ru

¹Shakarim University of Semey, Semey, Republic of Kazakhstan

The influence of methods and means of teaching foreign languages on the students' learning outcomes and their academic motivation: review from Kazakhstani teachers' perspective

Abstract: Nowadays, with the development of international cooperation and socio-economic relations of the Republic of Kazakhstan with foreign countries, the need for highly-qualified specialists in various fields with the knowledge of foreign languages has increased. Therefore, educational institutions are paying more attention to the quality of training of foreign language teachers. The aim of this article was to study the impact of the grammar-translation and the communicative methods of teaching foreign languages in combination with authentic materials on the formation of students' language skills and their academic motivation. A survey was conducted among 30 teachers of foreign languages from five universities of Kazakhstan training future foreign language teachers. The following aspects were considered, namely, (a) teachers' opinion on the interdependence of teaching methods and students' academic motivation, (b) teachers' experiences of using authentic teaching materials, and (c) teachers' perception of the combination of these two methods along with authentic materials. It was concluded that both teaching methods have strong and weak sides. Therefore, it is necessary to use these two methods in complex with authentic materials in order to have a concurrent impact on the development of all four language skills of students and achieve the necessary results.

Keywords: academic motivation, academic performance, foreign language teaching, language skills, grammar-translation method, communicative method, authentic teaching materials.

Paper submitted: June 15, 2022.

For citation: Ismailova G. K., Baitleuova L. A. (2023) The influence of methods and means of teaching foreign languages on the students' learning outcomes and their academic motivation: review from Kazakhstani teachers' perspective. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 17, no. 1, pp. 139–147. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.15.

Научная статья

Г. К. Исмаилова¹, Л. А. Байтлеуова¹✉

✉ laura180898@mail.ru

¹Университет имени Шакарима города Семей, г. Семей, Республика Казахстан

Влияние методов и средств преподавания иностранных языков на результаты обучения студентов и их академическую мотивацию: обзор с точки зрения казахстанских преподавателей

Аннотация: С развитием международного сотрудничества и социально-экономических связей Республики Казахстан с зарубежными странами возросла потребность в высококвалифицированных специалистах в различных областях со знанием иностранных языков. Поэтому учебные заведения уделяют больше внимания качеству подготовки преподавателей иностранных языков. Целью данной статьи было изучение влияния грамматико-переводного и коммуникативного методов обучения иностранным языкам в сочетании с аутентичными материалами на формирование языковых навыков студентов и их академическую мотивацию. Был проведен опрос среди 30 преподавателей иностранных языков из пяти вузов Казахстана, которые готовят будущих учителей иностранных языков. Были рассмотрены следующие аспекты, а именно: мнение учителей о взаимозависимости методов обучения и академической мотивации студентов, опыт преподавателей в использовании аутентичных учебных материалов и мнение преподавателей о сочетании этих двух методов наряду с аутентичными материалами. Был

сделан вывод, что оба метода обучения имеют сильные и слабые стороны. Поэтому необходимо использовать эти два метода в комплексе с аутентичными материалами, чтобы оказать одновременное влияние на развитие всех четырех языковых навыков обучающихся и достичь необходимых результатов.

Ключевые слова: академическая мотивация, академическая успеваемость, преподавание иностранного языка, языковые навыки, метод грамматического перевода, коммуникативный метод, аутентичные учебные материалы.

Дата поступления статьи: 15 июня 2022 г.

Для цитирования: Исмаилова Г. К., Байтлеулова Л. А. (2023) Влияние методов и средств преподавания иностранных языков на результаты обучения студентов и их академическую мотивацию: обзор с точки зрения казахстанских преподавателей. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 17, № 1, с. 139–147. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.15.

Introduction

The three-level training of teachers of foreign languages is widespread in Kazakhstan's universities: Bachelor's, Master's and Doctoral levels. The main aim of the educational program "Foreign Language: Two Foreign Languages" is to train teachers of English and one additional foreign language of their choice (usually French, Chinese, Korean, German or Turkish). The duration of the Bachelor's program is four years. Upon completion of this program, students are supposed to acquire all language skills at the proficient level according to the Common European Framework of Reference (CEFR). In addition to that, they need to have the knowledge of the system of the language studied and the pedagogical competences needed to be a highly qualified and competitive foreign language teacher. The Common European Framework of Reference for Languages (CEFR) represent a self-assessment grid which can be used to assess learners' language proficiency levels based on describing four skills in detail: listening, reading, speaking and writing (Cambridge University Press, 2001). It is supposed that at the professional level, students will be able to take part in any communication situations, easily read and understand all forms of written speech, express their thoughts clearly and easily, as well as write complex, coherent and cohesive texts, such as letters, reports, summaries or articles. The modern leading concept of foreign language education is the intercultural-communicative theory which means active introduction of a communicative method that has proven its success in developing students' conversational skills (Kunanbayeva, 2010). However, if we look at the specifics of various exams and tests conducted in our country at the republican levels, we can observe that all test tasks mainly focus on the grammatical and lexical components of the language. For example, according to the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, in the current and subsequent years, the quality of teacher training will be assessed by passing a national qualification test, which will determine the level of subject knowledge and proficiency in teaching methods of an academic subject. Employment of graduates in secondary schools is now possible only based on the results of the national qualification test.

Therefore, despite the fact that the leading concept of foreign language education is the intercultural-communicative theory, students still need the presence of the grammatical-translation method in their learning process in order to acquire the necessary knowledge and skills to pass various qualification tests which mainly concentrate on the knowledge of grammatical rules and sufficient vocabulary and determine the suitability of a graduate for further employment. The results of the national qualification test can be considered as one of the components of the academic performance of students majoring in foreign languages. It is necessary to take into account the content of these tests in the process of training teachers and to carry out training using all methods that meet the modern requirements of our society.

Literature review

Academic performance is one of the most urgent problems of higher school pedagogy in connection with the increasing requirements for specialists. In order to improve the educational system, it is extremely important to pay attention to improving the academic performance of students. The concept of academic performance is considered by many authors, as a result of which there are many definitions of this concept, considering it from different sides. Nevertheless, most researchers agree on the definition

that academic performance is the result of learning, the amount of acquired knowledge, the strength of this knowledge, mastering the skills necessary in future professional activity (Ozhegov, 1990; Abrosimov, 2012; Birina, 2014; Lnogradskaya, 2012). Since, it is the students' academic performance is the final indicator that reflects the effectiveness of the educational institution in training specialists and the quality of educational services provided.

As we know, in the conditions of intensively developing international relations between countries, the importance of foreign languages as a means of interaction has increased. In different periods, depending on the goals of teaching and learning a foreign language, new methods appeared. In the XVIII – early XIX century, the process of learning languages pursued mainly general educational goals. According to this paradigm, the study of a foreign language was primarily aimed at the development of logical thinking and the outlook of students and only then at the practical mastery of the language (Shchukin, 2015). It was then that the most popular method of teaching was the grammar-translation method (GTM) of teaching, which is one of the oldest methods in the history of teaching foreign languages, also called the “traditional method” or the “classical method”. Initially, this method was used to study classical or so-called “dead” languages, such as Latin and Greek. The grammar-translation method was also known in the West as the “Prussian method” due to its widespread use in German gymnasiums of the 19th century. This method of teaching is characterized mainly by deductive grammar teaching through presentation and performing translation exercises in order to memorize speech models and analyze grammatical rules studied earlier (Richards & Rodgers, 1986). As for skills, reading and writing are given more attention than listening and speaking. Teachers and students have the traditional roles of transmitter and receiver of knowledge. According to Threesje Roza Souisa and Lelyemin Yanuarius, the more students know about the grammar of a language, the better they can express their thoughts and improve their communication skills (Souisa, Yanuarius, 2020). However, in the process of learning using the grammar-translation method of teaching, little attention is paid to speaking and listening skills, as well as the content of the material. It mainly focuses on reading and writing skills. Since its introduction, this method has been completely focused on the development of grammar knowledge (Kolishnichenko, Yatsun, 2018).

In the 1970–1980 years, due to the active development of international cooperation with foreign countries, the need to apply the acquired knowledge when communicating in real life situations increased. The increasing social demand for practical mastery of a foreign language has aroused particular interest in communication-oriented methods of teaching foreign languages. The dominance of the communicative approach required a radical revision of the teaching content. Thus, in accordance with the new social order of the XXI century, language teaching was aimed at mastering it as a means of intercultural communication. With the transition of the learning process to communicative-oriented learning, a communicative method of teaching foreign languages was developed. This method has become as popular as the method of grammatical translation. The communicative method was aimed at transforming the learning process by creating communication situations in artificial conditions that are close to real life. The communicative method is widely used by university teachers due to the fact that it allows students to interact with each other in a friendly atmosphere on almost any topic (Jin, Yoo, 2019). This is the most important characteristic of this method, since students' communicative competencies can be developed through increasing their motivation by involving them in meaningful situations of language interaction (Kolishnichenko, Yatsun, 2018). In addition, the communicative method of teaching pays more attention to the personal experience of students, as well as modern requirements of social interaction. Nevertheless, teachers still face some challenges when implementing this method in a language classroom. Take, for example, the insufficient level of grammar skills and vocabulary of students, which is why they cannot fully express their thoughts or freely interact with fellow students. It is in this case that the communicative method of teaching is sometimes inferior to the grammar-translation method of teaching for the reason that it is very difficult for low-level students to immerse themselves in the process of communication without the necessary background knowledge of grammar and vocabulary (Kolishnichenko, Yatsun, 2018). In a short period of time, communicative teaching

method allows students to achieve tangible results and improvements in oral communication (Adil, 2020). However, teaching under this method does not allow students to gain a complete understanding of the grammar of the language and its syntax (Fois, 2020). Thus, it can be assumed that the use of a communicative method of teaching foreign languages has a number of advantages in relation to the development of students' intercultural communication skills. The flexibility of this method allows to combine the study of culture with the study of language. It stimulates students' learning motivation by creating a friendly learning atmosphere.

Another important role in teaching foreign languages is played by the teaching materials used by the teacher. The choice of which can affect the effectiveness of the teaching process and the productivity of the learning process. Thanks to the wide possibilities of the global network, both teachers and students have wide access to a variety of resources. Nowadays, a huge number of books and textbooks are available, specially developed by leading experts of the world for foreign language learners. However, we should not forget that all these materials and exercises are designed for the purposes of language teaching and may not sufficiently reflect the actual conditions of language use by native speakers. Authentic materials can be used to eliminate this problem. Authentic materials are materials intended for daily use by native speakers that were not developed for educational purposes. They include films, television advertisements, street signs, songs, newspapers, menus, brochures, schedules, recipes, TV shows (Damayanti, Fauzi, Inayati, 2018). According to Yana Beresova, authentic materials can be a great opportunity to get acquainted with the “real” language used by native speakers in everyday life. In addition, this type of learning tool gives students the opportunity to immerse themselves in the culture of English-speaking countries. Last but not least, it has a positive impact on the level of motivation of students and the enrichment of their vocabulary (Beresova, 2015). In general, authentic materials can be divided into printed, auditory, visual, audiovisual and online materials¹.

Printed materials include: newspapers, magazines, advertising, books, restaurant menus, recipes, instructions, labels, television programs, comics. Audio materials include radio news, songs, voice messages, podcasts. Visual materials include posters, street signs, postcards. Audiovisual includes films, advertisements, documentaries, music videos, television programs, video instructions. Online materials include websites, blogs, social networks, games. There are many objections to the use of authentic materials in classes with a low level of language proficiency, since they may contain complex words and language structures. Although these problems may become a problem for students at the initial level, Richards supports the idea of using authentic materials in the process of teaching a foreign language because they contain cultural information about the target language, provide access to a real language, are more closely related to real language needs, and allow for a more creative approach to language learning (Richards, 2006).

The goal of the research

The purpose of this study was to investigate the teachers' attitudes towards the grammar-translation and communicative methods of teaching foreign languages in combination with authentic learning materials. According to the theoretical overview of the above-mentioned teaching methods we believe that combining both methods with the use of authentic materials will have a better effect on the formation of students' four languages skills, as well as their academic performance and motivation than using one of the methods in isolation.

The Research methodology

To achieve the goal of this study, a survey was conducted among 30 teachers of foreign languages from 5 different universities of Kazakhstan which provide training in the educational program 5B011900 “Foreign language: two foreign languages”. The survey method was chosen for this study mainly because this tool is much easier to distribute and administer. The online questionnaire, generated on the Google

¹ Web-presentation: Using authentic materials short - roger aguirre final, made by Embajada de EE.UU. en el Perú. Available at: <https://www.slideshare.net/ircdirector/using-authentic-materials-short-roger-aguirre-final>

Drive electronic platform, was distributed to respondents via email and WhatsApp messenger. Based on the results obtained, a statistical and comparative analysis was carried out.

Results of the Survey

In this sociological survey, a large proportion of respondents were teachers from the Non-Profit Joint Stock Company “Karaganda University named after academician E. A. Buketov” – 33 %, followed by participants from the Educational institution “Alikhan Bokeikhan University”, Semey – 30 %, Non-Profit Joint Stock Company “Shakarim University of Semey” – 20 %, Suleyman Demirel University, Almaty – 13 %, Non-Profit Joint Stock Company “West Kazakhstan University named after M. Utemisov” in Uralsk – 4 % (Figure 1).

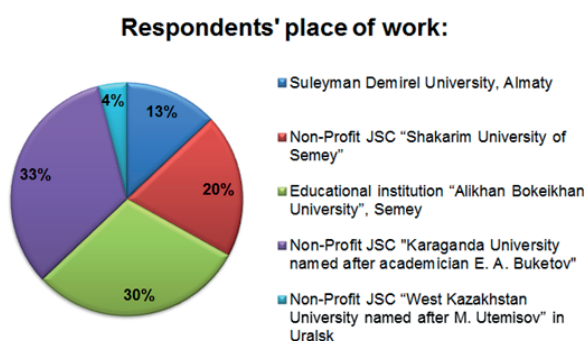

Fig. 1. Respondents' place of work (universities)

Рис. 1. Место работы респондентов (вузы)

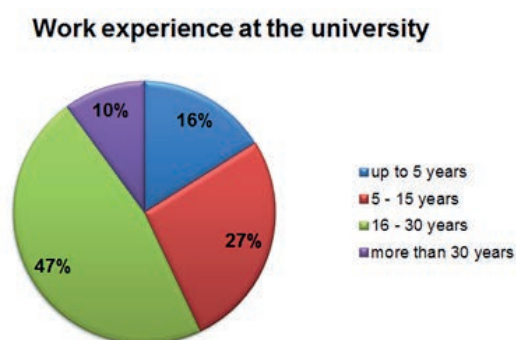

Fig. 2. Experience of teaching foreign languages at the university

Рис. 2. Опыт преподавания иностранных языков в вузе

The majority of respondents were in the age category from 25 to 40 years – 60 %, followed by the age group of 41–55 years – 23 %, participants aged 18 to 25 years made up 7 % and over 55 years – 10% of respondents. Of these, 50 % have postgraduate education, 30 % have a scientific degree, 20 % – with higher education. The prevailing part of the survey participants – 80 % teach only English, 3 % – only German, the remaining 17 % are bilingual teachers: English and German – 3 %, English and French – 7 %, English and Chinese – 7 %.

In general, respondents who have different experience of teaching foreign languages in higher educational institutions took part in the survey. Thus, 16 % of respondents have been working with students for less than 5 years, 27 % from 5 to 15 years, and 10 % of respondents over 30 years. In total, a little less than half – 47 % were teachers with experience from 16 to 30 years (Figure 2)

The overwhelming majority of respondents – 90 % agree that the level of motivation of students has an impact on their academic performance (Figure 3). 94 % of teachers support the statement that teaching methods also have an impact on the level of motivation of students (Figure 4). Thus, the following chain of influences is formed: teaching methods → motivation level → academic performance.

In order to determine the popularity of the methods considered in the literature review, one of the questionnaire questions was aimed at identifying the frequency of their use by teachers of Kazakhstani universities. As a result, it turned out that the communicative method of teaching with 100 % voting is used much more often than the grammar-translation method of teaching (Figure 5).

According to the table shown in Figure 6, the majority of teachers – 70 % consider the communicative teaching method as the most suitable for teaching listening skills. As for reading - 53 % of teachers preferred the grammar-translation method, and the number of adherents of the communicative method was comparatively lower – 37 %. According to the formation of speaking skills, the leading position belongs to the communicative method of teaching – 97 %. While, in teaching writing skills, the first place is taken by grammar-translation, a teaching method with 67 % of votes (Figure 6).

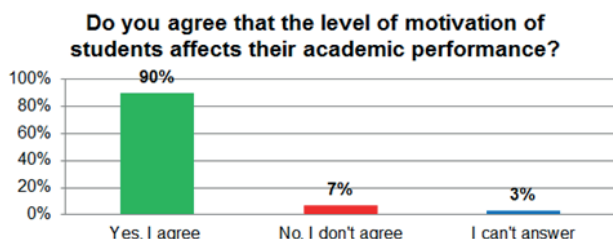

Fig. 3. Distribution of respondents' answers to the question about the influence of motivation level on students' academic performance

Рис. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос о влиянии уровня мотивации на успеваемость студентов

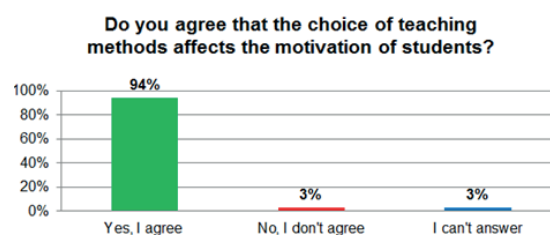

Fig. 4. Distribution of respondents' answers to the question about the influence of teaching methods on the level of motivation of students

Рис. 4. Распределение ответов респондентов на вопрос о влиянии методов обучения на уровень мотивации студентов

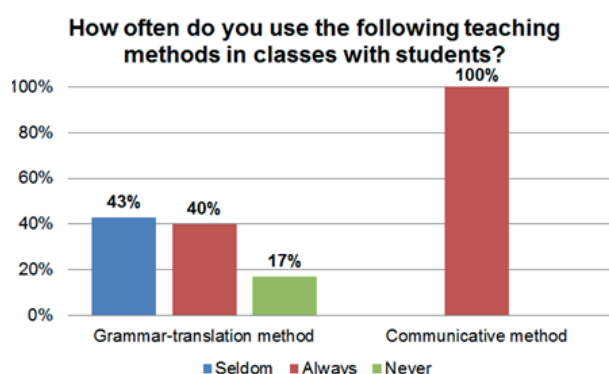

Fig. 5. Distribution of respondents' answers to the question about the frequency of use of grammar-translation and communicative teaching methods

Рис. 5. Распределение ответов респондентов на вопрос о частоте использования грамматико-переводных и коммуникативных методов обучения

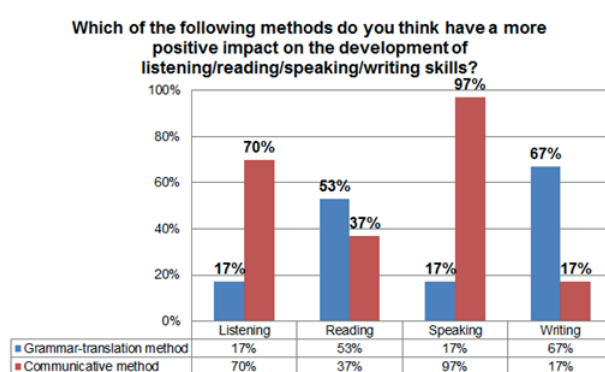

Fig. 6. Positive impact of grammar-translation and communicative methods on the development of language skills, such as listening, reading, speaking and writing

Рис. 6. Положительное влияние грамматико-переводных и коммуникативных методов на развитие языковых навыков, таких как аудирование, чтение, говорение и письмо

The next question of the questionnaire was focused on determining mainly what type of educational resources are used by the teachers of foreign languages. According to the results received, texts and exercises from textbooks took the first position with 77 % of votes, authentic audio and video materials, texts from newspapers and news sites without adaptation scored 68 % of votes, while in the adapted form, these materials were used by slightly more than half of the respondents – 58 % (Figure 7).

More than half of the interviewed teachers – 70 % agree that the use of authentic materials: newspapers, magazines, songs, films, video advertisements, recordings of talk shows/interviews in English when using the communicative and grammatical-translation method of teaching can positively affect the effectiveness of teaching and academic achievements of students (Figure 8).

Conclusion

It is a well-known that changing requirements for the quality of education on the part of society is the driving force of the educational paradigm of foreign language education, which is constantly searching for adequate and modern ways and methods of teaching and learning foreign languages. The quality of training of foreign language teachers directly depends on the quality and effectiveness of educational services offered by universities. Therefore, the problem of studying teaching methods as

factors affecting the academic performance and motivation of students is relevant and requires new research. In order to achieve the goals of education and meet the needs of society, it is necessary to constantly search for optimal methods and means of education.

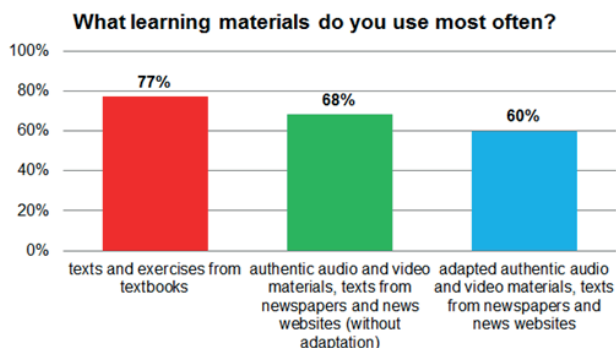

Fig. 7. The types of learning materials used by respondents

Рис. 7. Типы учебных материалов, которые использовали респонденты

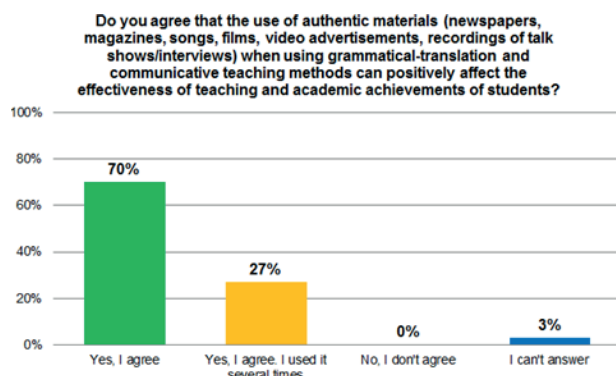

Fig. 8. Teachers' opinion on the combined use of authentic materials together with grammar-translation and communicative teaching methods

Рис. 8. Мнение учителей о сочетанном использовании аутентичных материалов с грамматико-переводными и коммуникативными методами обучения

This study has shown that teaching methods, learning materials, motivation of the student and his academic performance or success are very closely interrelated. The teaching methods used have an impact on the motivation of students – their interest in the activity performed. In turn, motivation to achieve certain results has a positive effect on their learning outcomes, which are reflected in the academic performance of students – in their grades. The international language proficiency exams, as well as tests at the national level, such as national qualification testing can be considered as indicators of academic performance and success of students. The complex application of grammar-translation and communicative teaching methods can have a positive impact on the results of various kinds of tests and exams. As can be seen from the results obtained from the survey, the communicative teaching method has lower results in the “Reading” and “Writing” sections, while the grammatical-translation method has weaker positions in the “Listening” and “Speaking” sections. That’s why it can be concluded that the grammar-translation method actively contributes to mastering the knowledge of grammar and the system of the studied language, improving the literacy of productive language skills such as speaking and writing. The communicative method of teaching promotes the activation of students’ conversational skills and makes it possible to put into practice all the knowledge formed within the framework of the grammatical-translation method.

Thus, as a result of this study, we came to the conclusion that in order to improve the academic performance and achievements of students, a comprehensive application of grammar-translation and communicative methods using authentic materials is necessary. Using such resources in English classes can make the learning process even more exciting, creative and motivating for students. The main principle of selecting these materials may be that they should reflect the situation that students may encounter in an English-speaking environment, i.e. contain the most relevant lexical and grammatical content. It is very important not to overload students, especially low level students, with narrowly focused texts, for example scientific and technical content. It is necessary to choose articles, songs or films that are not too difficult to understand and do not require too much time to read, or to allocate sufficient time for familiarization, i.e. to devote more time or to break the material into parts.

References

- Abrosimov A. A. (2012) Gumanitarnaya podgotovka i uspevayemost' studentov [Humanitarian training and academic performance of students]. Vestnik of Samara State Technical University Psychological and Pedagogical Sciences, vol. 9, no. 2, pp. 5–9 (In Russian).
- Adil M. (2020) Exploring the role of translation in communicative language teaching or the communicative approach. SAGE Open 10 (2), pp. 1–10. DOI: 10.1177/2158244020924403.
- Beresova Ja. (2015) Authentic Materials – Enhancing Language Acquisition and Cultural Awareness. Procedia – Social and Behavioral Sciences, vol. 192, pp. 195–204. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.06.028.
- Birina O. V. (2014) Kontseptsiya uspehnosti obucheniya v sovremennykh pedagogicheskikh i psikhologicheskikh teoriyakh [The concept of learning success in modern pedagogical and psychological theories]. Fundamental research, no. 8-2, pp. 438–443 (In Russian).
- Common European Framework for Reference (2001). Learning, Teaching, Assessment. Cambridge: Cambridge University Press. 260 p.
- Damayanti D., Fauzi A., Inayati, A. M. (2018) Learning materials: the “Nucleus” of language teaching. Journal of English Education, vol. 3(1), pp. 1–8. DOI: 10.31327/jee.v3i1.417.
- Fois E. (2020) ELT and the role of translation in developing intercultural competence. Lang. Intercult. Commun, no. 20 (6), pp. 561–571.
- Jin Y. J., Yoo I. W. (2019) Why communicative language teaching has yet to work in Korea: Exploring teachers' viewpoints. Journal of Asia TEFL, no. 16 (4), pp. 1332–1347. DOI: 10.18823/asiatefl.2019.16.4.17.1332.
- Kolishchenko N. N., Yatsun Y. M. (2018) Four Basic Methods of Teaching English in a Chronological Order of Their Development: Application in the System of Public Administration Training. Ukrainian Assembly of Doctors of Sciences in Public Administration, no. 1 (12), pp. 149–166. DOI: 10.31618/vadnd.v1i12.88.
- Kunanbayeva S. S. (2010) Teoriya i praktika sovremennogo inoyazychnogo obrazovaniya [Theory and practice of modern foreign language education]. Almaty. 344 p. (In Russian).
- L'nohradskaya O. I. (2012) Psychological factors of students' academic success Vestnik of Samara State Technical University Psychological and Pedagogical Sciences, vol. 9, no. 2, pp. 113–117 (In Russian).
- Ozhegov S. I. (1991) Slovar' russkogo yazyka: 70 000 slov [Dictionary of the Russian language: 70,000 words]; edited by N. Yu. Shvedova. 23rd ed. Moscow, Publ. Russian language. 921 p. (In Russian).
- Richards J. C. (2006). Communicative Language Teaching Today. New York, Cambridge University press, 52 p.
- Richards J., Rodgers, T. (1986). Approaches and methods in language teaching: A description and analysis. Contemporary Psychology: A Journal of Reviews, no. 21 (1), pp. 20–21.
- Shchukin A. N., Frolova G. M. (2015) Metodika obucheniya inostrannym yazykam [Methods of teaching foreign languages]. Moscow, Publ. Academy, 288 p. (In Russian).
- Souisa T. R., Yanuarius L. (2020) Teachers' strategies on teaching grammar: Facts and expectations of senior high school teachers at ambon. International Journal of Evaluation and Research in Education, no. 9 (4), pp. 1121–1127. DOI: 10.11591/ijere.v9i4.20643.
- Tyut'kova I. A. (2016) Pedagogicheskiy tezaurus [Pedagogical thesaurus]. Moscow, 121 p. (In Russian).

Источники

- Абросимов А. А. (2012) Гуманитарная подготовка и успеваемость студентов. Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки, № 2 (18), с. 5–9.
- Бирина О. В. (2014) Понятие успешности обучения в современных педагогических и психологических теориях. Фундаментальные исследования, № 8-2. с. 438–443.
- Кунанбаева С. С. (2010) Теория и практика современного иноязычного образования. Алматы, 344 с.
- Льноградская О. И. (2012) Психологические факторы академической успешности студентов. Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки, том 9, № 2, с. 113–117.
- Ожегов С. И. (1991) Словарь русского языка: 70 000 слов; под редакцией Н. Ю. Шведовой. 23-е изд. М., Русский язык, 921 с.
- Тютюкова И. А. (2016) Педагогический тезаурус. М., В. Сечкачев, 121 с.
- Шукин А. Н., Фролова Г. М. (2015) Методика преподавания иностранных языков. М., Академия, 288 с.
- Adil M. (2020) Exploring the role of translation in communicative language teaching or the communicative approach. SAGE Open 10 (2), pp. 1–10. DOI: 10.1177/2158244020924403.
- Beresova Ja. (2015) Authentic Materials – Enhancing Language Acquisition and Cultural Awareness. Procedia – Social and Behavioral Sciences, vol. 192, pp. 195–204. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.06.028.
- Common European Framework for Reference (2001). Learning, Teaching, Assessment. Cambridge: Cambridge University Press. 260 p.
- Damayanti D., Fauzi A., Inayati, A. M. (2018) Learning materials: the “Nucleus” of language teaching. Journal of English Education, vol. 3(1), pp. 1–8. DOI: 10.31327/jee.v3i1.417.
- Fois E. (2020) ELT and the role of translation in developing intercultural competence. Lang. Intercult. Commun, no. 20 (6), pp. 561–571.

- Jin Y. J., Yoo I. W. (2019) Why communicative language teaching has yet to work in Korea: Exploring teachers' viewpoints. *Journal of Asia TEFL*, no. 16(4), pp. 1332–1347. DOI: 10.18823/asiatefl.2019.16.4.17.1332
- Kolisnichenko N. N., Yatsun Y. M. (2018). Four Basic Methods of Teaching English in a Chronological Order of Their Development: Application in the System of Public Administration Training. *Ukrainian Assembly of Doctors of Sciences in Public Administration*, no. 1(12), pp. 149–166. DOI: 10.31618/vadnd.v1i12.88.
- Richards J. C. (2006). *Communicative Language Teaching Today*. New York, Cambridge University press, 52 p.
- Richards J., Rodgers, T. (1986). Approaches and methods in language teaching: A description and analysis. *Contemporary Psychology: A Journal of Reviews*, no. 21(1), pp. 20–21.
- Souisa T. R., Yanuarius L. (2020). Teachers' strategies on teaching grammar: Facts and expectations of senior high school teachers at ambon. *International Journal of Evaluation and Research in Education*, no. 9 (4), pp. 1121–1127. DOI: 10.11591/ijere.v9i4.20643.

Информация об авторах

Исмаилова Гайнигуль Кабидуллиновна

Кандидат филологических наук, профессор кафедры иностранных языков. Университет им. Шакарима города Семей, г. Семей, Республика Казахстан.

ORCID ID: 0000-0002-6061-6590.

E-mail: gainigul_ismailova@mail.ru

Байтлеуова Лаура Аязбеккызы

Магистрант кафедры иностранных языков. Университет имени Шакарима города Семей, г. Семей, Республика Казахстан.

ORCID ID: 0000-0002-2742-4853.

E-mail: laura180898@mail.ru

Autor's information

Gainigul K. Ismailova

Candidate of philological sciences, professor of the Department of Foreign Languages. Shakarim University of Semey, Semey, Republic of Kazakhstan.

ORCID ID: 0000-0002-6061-6590.

E-mail: gainigul_ismailova@mail.ru

Laura A. Baitleuova

Master student of the Department of Foreign Languages. Shakarim University of Semey, Semey, Republic of Kazakhstan.

ORCID ID: 0000-0002-2742-4853.

E-mail: laura180898@mail.ru

Т. П. Руденко¹, О. В. Фрезе¹ ✉

✉ ofreze@rambler.ru

¹Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Российская Федерация

Деловой английский и его место в университетском курсе иностранного языка для студентов неязыковых специальностей

Аннотация: Статья рассматривает один из важных и неоднозначных аспектов курса английского языка в вузе – деловой английский. Приводятся примеры употребления в англоязычных странах таких понятий, как «английский для специальных целей», «деловой английский», а также понятий, производных от него. На основе анализа оригинальных и отечественных источников авторы делятся своими размышлениями по поводу возможности разграничения нескольких понятий, употребляемых под одним термином «деловой английский» для внесения большей ясности в специфику каждого из них. Этим авторы делают попытку привлечь внимание педагогического сообщества к существующей проблеме, чтобы общими усилиями наметить возможные пути ее решения. На основе сравнительно-сопоставительного метода исследования анализируется программа дисциплины «Иностранный язык» для неязыковых специальностей. В статье также приводятся этапы организации вузовского курса английского языка для специальных целей и возможное содержание модуля «Английский язык делового общения» в рамках такого курса. Делается вывод о том, что английский язык делового общения универсален и предназначен для всех обучающихся, участвующих в межкультурном общении, независимо от сферы их настоящей или будущей деятельности.

Ключевые слова: английский для специальных целей, деловой английский, обучение иностранному языку на неязыковых факультетах, профессиональная коммуникативная компетенция.

Дата поступления статьи: 20 июня 2022 г.

Для цитирования: Руденко Т. П., Фрезе О. В. (2023) Деловой английский и его место в университетском курсе иностранного языка для студентов неязыковых специальностей. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 17, № 1, с. 148–155. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.16.

Scientific article

Т. П. Rudenko¹, О. V. Freze¹ ✉

✉ ofreze@rambler.ru

¹Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation

Business English and its place in university EFL course for students of non-linguistic specialties

Abstract: The article considers one of the important and controversial aspects of the English language course at the university – Business English. Examples of the use in English-speaking countries of such concepts as English for Special Purposes, Business English, as well as concepts derived from it are given. Based on the analysis of original and domestic sources, the authors share their thoughts on the possibility of distinguishing between several concepts used under one term “Business English” in order to clarify the specifics of each of them. Hereby, the authors make an attempt to draw the attention of the pedagogical community to the existing problem in order to outline possible ways to solve it by common efforts. Based on the comparative method of research, the program of the discipline “Foreign language” for non-linguistic specialties is analyzed. The article also provides the stages of organizing a university course of English for special purposes and the possible content of the module “English for business communication” within the framework of such a course. It is concluded that the English language of business communication is universal and is intended for all students involved in intercultural communication, regardless of the scope of their current or future activities.

© Т. П. Руденко, О. В. Фрезе, 2023

Keywords: English for special purposes, Business English, teaching a foreign language in non-linguistic departments, professional communicative competence.

Paper submitted: June 20, 2022.

For citation: Rudenko T. P., Freze O. V. (2023) Business English and its place in university EFL course for students of non-linguistic specialties. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 17, no. 1, pp. 148–155. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.16.

Введение

С незапамятных времен важность знания иностранных языков объяснялась необходимостью общения людей разных национальностей и этнических групп с целью выживания и процветания. На современном этапе в нашем глобализованном мире эта цель сохраняется, но приобретает еще большее значение в связи с углублением и расширением международных контактов во всех областях жизни, что не могло не вызвать нового всплеска интереса как к изучению иностранных языков, так и к методам и подходам в их преподавании. Появляются новые направления для решения новых задач в самом языке.

Так, в 60–70-е годы прошлого века возникло направление «Английский язык для специальных/профессиональных целей» (English for Specific Purposes, или ESP), заложившее основы профессионально ориентированного обучения английскому языку специалистов в разных сферах деятельности – от науки и техники, до культуры и спорта (Поляков, 2003).

По мнению исследователей, английский для специальных / профессиональных целей имеет свои особенности, главной из которых является его непосредственная связь с анализом потребностей обучающихся, поскольку английский для специальных / профессиональных целей призван сформировать у них навыки и умения эффективного общения в их области знания в целом и непосредственно на их рабочем месте (Асташева, Дерина, Савинова и др., 2018). Тем не менее у английского для специальных / профессиональных целей много общего с английским для общих целей, например, одинаковые критерии успешности и результативности образовательного процесса:

- владение языковыми знаниями (грамматический код иностранного языка, диапазон вокабуляра);
- готовность к речевому взаимодействию (умение слушать, понимать и быстро реагировать на воспринимаемую информацию);
- готовность к творческой деятельности (уровень мотивации, познавательной и творческой активности обучающихся) (Образцов, Иванова, 2005, с. 96–97).

Почти одновременно – в 70-е годы XX века – в повседневный обиход вошел термин «деловой английский» (Business English). Однако, несмотря на его распространенность, до сих пор сохраняется неоднозначность в его понимании и использовании.

Несомненно одно: деловой английский – одна из многих разновидностей английского для специальных / профессиональных целей. Но сложность заключается в том, что, в отличие от других его вариантов, под деловым английским с момента его появления многие понимали не только английский специального содержания (т. е. английский язык сферы бизнеса, коммерции, экономики), но и английский общего содержания, который относится в целом к способности взаимодействовать более эффективно в ситуациях делового общения (Ellis, Johnson, 1994, с. 3).

Деловой английский и сейчас понимается специалистами по-разному. Для некоторых он сфокусирован на лексике и темах, используемых в мире бизнеса, торговли, финансов и международных отношений. Для других он относится к коммуникативным навыкам, используемым на рабочем месте, и фокусируется на языке и навыках, необходимых для типичного делового общения, таких как презентации, переговоры, встречи, светские беседы, общение, переписка, написание отчетов.

И как результат такого разночтения самого понятия, несмотря на общепризнанный факт, что в основе знания делового английского лежит лексика, здесь также существует некая неопределенность, поскольку ни объем, ни структура вокабуляра, по мнению некоторых лингвистов, тщательно не изучены и не структурированы (Назарова, 2004, с. 83).

Методы

Для разграничения нескольких понятий, употребляемых под одним термином «деловой английский», и для внесения большей ясности в специфику каждого из них использован метод анализа литературы по лингвистике, психологии и методике обучения иностранным языкам; для описания разных программ обучения применялся сравнительно-сопоставительный метод исследования. Методологической основой исследования послужили работы следующих отечественных и зарубежных ученых о природе языка для специальных целей: Л. С. Арзуманян (2019), А. И. Комарова (1996), О. Г. Поляков (2003), Т. Н. Хомутова (2008), М. Эллис и К. Джонсон (1994), Дж. Сэджер (1980), Т. Хатчинсон, А. Уотерс (1987), – на базе которых обосновывается необходимость использования лично ориентированного подхода как основы преподавания делового английского в университетском курсе иностранного языка для специальных целей.

Результаты

Можно предположить, что решение проблемы напрямую связано с определением места делового английского в сложной иерархии английского для специальных/профессиональных целей или профессионально ориентированного английского языка.

В своей работе *Teaching Business English* (обучение деловому английскому), ставшей настольной книгой многих поколений преподавателей во всем мире, авторы – известные эксперты в этой области – М. Эллис и К. Джонсон среди различных вариантов делового английского особо выделяют его версии для обучающихся с опытом работы (*experienced learners*) и для обучающихся без опыта работы (*pre-experienced learners*). По мнению авторов, представители первой категории больше сфокусированы на своих пробелах и потребностях в языке, исходя из реальных ситуаций общения на рабочем месте. В отличие от них для представителей второй категории, вследствие отсутствия у них практического опыта в реальных ситуациях делового общения, знания бизнеса, получаемые в стенах колледжа и университета, будут неполными и более теоретическими, чем практическими (Ellis, Johnson, 1994, p. 5–6).

В системе английского для специальных / профессиональных целей английский язык для деловых целей (*English for Business Purposes*) занимает особое место. И хотя он давно занял свое место в категории английского языка для профессиональных целей, иногда его выносят за пределы последнего, поскольку из-за своей важности и распространенности он включает в себя примерно в равной степени как английский для общих целей, так и английский для специальных / профессиональных целей.

Кроме того, исследователи считают, что, несмотря на сходство принципов и подходов английского для специальных целей, английского для академических целей (*English for Academic Purposes – EAP*) и делового английского (*English for Business Purposes – EBP/BE*), между этими областями существуют значительные различия, основным из которых является тот факт, что английский для академических целей рассчитан на приобретение знаний индивидуально, в то время как деловой английский нацелен на обучающегося как на члена делового сообщества: от рабочих до политиков (Dudley-Evans, Saint John, 1998, p. 5, 72).

Название «Английский язык бизнеса (экономики/медицины и т. д.) для академических / учебных целей» здесь приводится в противовес названиям «Профессиональный английский в сфере бизнеса / экономики (в области медицины, физики, химии и т. д.)» или «Профессиональный английский язык для бизнесменов (юристов, инженеров, медицинских работников, математиков и т. д.)». Полагаем, подобное разведение одного термина «Английский для специальных/профессиональных целей» по этим двум направлениям вносит больше ясности.

Двадцатипятилетний опыт преподавания английского языка на факультете международного бизнеса и двенадцатилетний опыт работы на Президентской Программе подготовки управленческих кадров для организаций народного хозяйства РФ доказывают правомерность такого уточнения.

Однако считаем необходимым внести дополнение относительно курса «Английский для специальных академических целей» (т. е. «Английский язык бизнеса (экономики / медицины и

т. д.) для академических / учебных целей»). Исходя из практического опыта, полагаем, что на содержание университетского курса в России (как и в других странах, где английский изучается как иностранный язык) влияет еще один фактор, которым не следует пренебрегать – недостаточный исходный уровень языковой подготовки некоторых студентов, что влечет за собой необходимость внедрения в курс на начальном этапе обучения модуля «Английский язык для общих целей».

В результате университетский курс иностранного языка для неязыковых специальностей будет состоять из трех этапов / модулей, ставших уже традиционными в практике некоторых российских вузов:

1-й этап – модуль «Английский для общих целей (General English)».

2-й этап – модуль «Общенаучный английский (Subject General English)».

3-й этап – модуль «Английский соответствующей области науки для академических целей (Subject Specific English for Academic Purposes)» как разновидность английского для специальных целей (ESP).

Что представляют собой второй и третий этапы, в чем их специфика? Исходя из вышесказанного, это варианты делового английского для обучающихся без опыта работы (pre-experienced learners) со свойственным каждому из них уровню «погружения» в будущую профессию. Так, цель общенаучного английского – дать общую картину истории и состояния данной науки на сегодняшний день. Следовательно, цель третьего этапа – более подробно разобраться в сути направления и профиля подготовки обучающихся.

Возможность и оправданность разграничения между двумя разновидностями, т. е. английским для специальных академических / учебных целей (студенты = pre-experienced learners) и английским для профессиональных целей (на рабочем месте – в основном взрослые люди с опытом работы = experienced learners), продиктована и тем фактом, что оригинальные учебные пособия давно строятся по этому принципу.

Например, известные учебные пособия зарубежных издательств Business Objectives, Starting English for Business, BEC Masterclass, Benchmark, In Company и другие предназначены именно для обучающихся с опытом работы. Они имеют свою специфику: тексты носят скорее информативный, чем обучающий характер, система упражнений и заданий – более практического характера с опорой на предыдущий или настоящий опыт работы – направлены на выработку речевых умений, т. е. «как говорить», поскольку «что говорить» обучающимся известно из практического опыта. Тексты на аудирование лаконичны и используют, как правило, простые грамматические структуры и лексику.

В свою очередь, учебные пособия, предназначенные для обучающихся без опыта работы, предлагают тексты, которые носят скорее информативно-обучающий характер, т. к. дают основы той или иной специальной дисциплины, изучаемой в рамках всего курса обучения в университете по этому направлению подготовки, поэтому им присущ академизм и большой объем информации. Аудиотексты часто представлены в лекционном формате, а система упражнений и заданий нацелена в основном на введение и отработку лексики и грамматических структур, зачастую более сложных по сравнению с встречающимися в учебных пособиях для обучающихся с опытом работы. Широко используемые учебные материалы для этой категории обучающихся: The Business, (New) Insights into Business, Market Leader и другие.

Что касается методической стороны обучения этих двух категорий учащихся, безусловно, есть определенные методы / приемы / виды заданий, которые нецелесообразно использовать при работе с pre-experienced learners из-за отсутствия у них опыта работы, например, симуляции/воображаемые ситуации (simulations) и метод кейсов / конкретных ситуаций / метод ситуационного анализа (case-studies) и др.

Тем не менее, несмотря на различия, естественно, есть немало общего в обучении этих двух категорий студентов. По этой причине, если это оправдано целью урока и уровнем языковой подготовки, считаем возможным привносить в занятия с группами обучающихся с опытом работы методические приемы, а также некоторые задания и тексты из учебной литературы для студентов университетов и наоборот.

Вновь обратимся к М. Эллис и К. Джонсон, которые также дают советы относительно содержания курсов иностранного языка для вышеназванных категорий обучающихся. Если для студентов университетов и колледжей, по мнению авторов, важно развивать виды речевой деятельности с упором на построение солидного запаса специальной лексики, причем потребности в языковом плане полностью зависят от выбора преподавателя и рабочей программы дисциплины, то для обучающихся с опытом работы важны именно умения узконаправленного практического применения языка. Тем не менее, авторы советуют формировать у обучающихся без опыта работы наряду с умениями, необходимыми для их учебных целей (экзаменов, тестов), также умения, связанные с их будущей профессией. В частности, умения составления деловой документации и ведения деловой корреспонденции, презентации информации, социализации в деловых ситуациях (например, совещания) (Ellis, Johnson, 1994, p. 5–6).

В связи с этим возникает еще один вопрос: как внедрить этот важный раздел, касающийся делового общения, в программу университетского курса для студентов, например, подготовки в области экономики, бизнеса, финансов.

Такое уточнение места и, соответственно, терминологии, на наш взгляд, помогло бы разделить курс «Деловой английский» (Business English) на три самостоятельных понятия, а именно, например, в нашем случае: 1. Английский язык бизнеса для академических целей (для студентов университетов данного направления подготовки); 2. Профессиональный английский в сфере бизнеса или профессиональный английский язык для бизнесменов (в основном для профессионалов в данной области); 3. Английский язык делового общения.

Особо подчеркнем, что курс английского языка делового общения универсален и предназначен для всех обучающихся, участвующих в межкультурном общении, независимо от сферы их настоящей или будущей деятельности.

К сожалению, рамки понятия делового английского до сих пор четко не определены и часто включают как навыки бизнес-коммуникации, бизнес-корреспонденции, так и навыки профильного английского языка (Андреева, 2008). А в странах на Западе английский для профессиональных целей преподается и как английский для различных профессий и как деловой английский (Обучение английскому языку..., 2002, с. 17).

Этот факт объясняется существованием некоторого совпадения между английским языком для академических целей, английским языком для профессиональных целей в сфере бизнеса и английским для общих целей. Например, деловой английский можно рассматривать как язык, связующий специфический язык определенной области бизнеса, и язык для общих целей, что ставит его в положение между английским для общих целей и английским для профессиональных целей (Dudley-Evans, Saint John, p. 8).

Подобная путаница приводит к тому, что английский язык делового общения до сих пор многие считают в основном уделом обучающихся на факультетах экономических направлений. Такая трактовка ошибочна, так как противоречит одной из важнейших составляющих цели курса иностранного языка для неязыковых вузов, а именно формированию у студентов коммуникативной компетенции, которая предполагает способность понимать и порождать иноязычные высказывания в соответствии с конкретной ситуацией, конкретной целевой установкой и коммуникативным намерением (Образцов, Иванова, 2005, с. 30).

Более того, невозможно не согласиться с мнением П. И. Образцова и О. Ю. Ивановой относительно отбора содержания обучения, который должен быть ориентирован на последние достижения в той или иной сфере человеческой деятельности, своевременно отражать научные достижения в сферах, непосредственно затрагивающих профессиональные интересы обучающихся, предоставлять им возможность для дальнейшего профессионального опыта (Там же, с. 36).

Деловой английский во всех его вариантах и в частности английский язык делового общения, как никогда актуален сегодня и, без сомнения, занимает свою особую нишу, следовательно, может использоваться именно как язык делового общения (English for Business Communication) для студентов и специалистов всех направлений подготовки. Доказательством тому служат результаты:

1) предпроектного исследования ситуации с преподаванием английского языка для неязыковых специальностей в российских вузах (2002 год) и 2) проведенного нами опроса слушателей Президентской Программы подготовки управленческих кадров для организаций народного хозяйства РФ набора 2020–2021 гг. при Омском государственном университете им. Ф. М. Достоевского.

В первом случае на основе анализа результатов опроса студентов всех курсов и преподавателей более ста российских вузов, а также работодателей (5 682 респондента) авторы сделали вывод о низкой эффективности курса и о необходимости внесения корректив в программы и методику преподавания английского языка с учетом современных требований (Обучение английскому языку..., 2002, с. 7–8).

Результаты второго анкетирования (125 респондентов) показали, что:

1. Основная часть респондентов (84 %) – специалистов из разных сфер деятельности – сталкиваются с иностранным языком на рабочем месте (из них 13,6 % часто).

2. 96,8 % опрошенных имеют желание улучшить свои знания по иностранному языку.

Результаты второго анкетирования косвенно подтверждают вывод, сделанный в первом исследовании, и могут служить основанием необходимости курса иностранного языка в рамках Президентской Программы подготовки управленческих кадров для организаций народного хозяйства РФ; расширения сетки часов курса иностранного языка для неязыковых специальностей в рамках обучения в университете за счет введения модуля «Английский язык делового общения».

Рассмотрим, что может включать в себя модуль «Английский язык делового общения». Он призван сформировать не только лингвистическую компетенцию у студентов неязыковых специальностей, но и другие компоненты коммуникативной компетенции (социокультурный, социолингвистический и прагматический). В рамках прагматической компетенции такой модуль помог бы сформировать специфические умения (subskills / micro-skills), такие как note-taking, summarizing, scanning, skimming, rendering, и части профессиональных умений (professional language skills), такие как presenting, letter writing, negotiating, reporting (Дронова, Жолнерик, 2014, с. 113). Этот модуль мог бы также фокусироваться на развитии социокультурной компетенции с профессиональным акцентом, поскольку деловое общение предполагает знание социального кода поведения, этикета (не только общего, но и делового), стиля ведения деловых переговоров, встреч, ведение разговора по телефону и так далее, а также умения ими пользоваться в соответствии с ситуацией общения и особенностями культурной принадлежности собеседника.

Справиться с такой задачей в рамках курса иностранного языка для неязыковых специальностей, рассчитанного, например, как в нашем случае, всего на 3 семестра, нереально.

Выводы

Естественно, введение еще одного модуля («Английский язык делового общения») в курс профессионально ориентированного обучения студентов неязыковых специальностей создало бы дополнительные сложности: повлекло бы переделку содержания рабочей программы и перераспределение того минимума часов, который отведен на университетский курс иностранного языка.

Однако необходимо подчеркнуть, что сегодня профессионально ориентированное обучение выходит за рамки так называемой традиционной методики обучения иностранному языку, так как речь идет не о формировании коммуникативной языковой компетенции вообще, а о формировании профессиональной коммуникативной компетенции и о развитии профессиональных качеств будущего специалиста независимо от направления и профиля его подготовки (Дронова, Жолнерик, 2014).

Идеальный вариант – вернуть сетку часов, рассчитанную на четыре семестра. Однако, на наш взгляд, реальным выходом из положения на сегодняшний день стало бы введение для желающих (именно для желающих) всех неязыковых факультетов элективного курса английского языка делового общения, в течение которого можно было бы сформировать перечисленные профессиональные компетенции, с вручением соответствующего приложения к диплому.

Полагаем, что оптимизация учебных материалов с точки зрения как тематики, так и лексики с учетом таких характеристик делового дискурса, как диалогичность и превалирование в нем общеупотребительной лексики и терминологии, стало бы незаменимым подспорьем не только специалистам, но и преподавателям и студентам всех неязыковых специальностей.

Источники

- Алмабекова О. А., Гоголь О. В., Guralnik T. A. and etc. (2005) ESP Teacher Development Course = Курс профессионального развития для преподавателей английского языка неязыковых вузов: Руководство для методиста. СПб., 218 с.
- Андреева Н. А. [и др.] (2008) Деловой английский; отв. ред. Л. С. Пичкова. М., Проспект, 1008 с.
- Арзуманян Л. С. (2019) Использование языка для специальных целей (language for specific purposes) при совершенствовании профессиональной подготовки студентов медицинского вуза. Современное педагогическое образование, № 2, с. 90–94.
- Асташева Г. В., Дерина Н. В., Савинова Т. А., Залавина Т. Ю. (2018) Интеграционные процессы в иноязычной подготовке успешного специалиста. Вестник Челябинского государственного педагогического университета, № 2, с. 9–18.
- Дронова О. В., Жолнерик А. И. (2014) Использование деловых игр в обучении профессиональному английскому языку. Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. № 2 (30), с. 247–257.
- Комарова А. И. (1996) Язык для специальных целей (LSP): теория и метод. М., МАПП, 192 с.
- Назарова Т. Б. (2004) Английский язык делового общения. Курс лекций и практикум. М., АСТ-Астрель, Транзиткнига, 272 с.
- Образцов П. И., Иванова О. Ю. (2005) Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку на неязыковых факультетах вузов; под ред. П. И. Образцова. Орел, ОГУ, 114 с.
- Обучение английскому языку специальности в вузах современной России. Результаты предпроектных исследований (2002); ред. Л. Кузнецова, С. Вайнтруб. СПб., Петрополис, 155с.
- Поляков О. Г. (2003) Английский язык для специальных целей: теория и практика, 2-е изд., стер. М., НВИ-ТЕЗАУРУС, 2003, 188 с.
- Хомутова Т. Н. (2008) Язык для специальных целей (LSP): лингвистический аспект. Известия РГПУ им. А. И. Герцена, № 11 (71), с. 96–106.
- Dudley-Evans T., Jo St John M. (1998) Developments in English for Specific Purposes: A Multi-Disciplinary Approach. Cambridge univ. press, 301 p.
- Ellis M., Johnson Ch. (1994) Teaching Business English. Oxford University Press, 237 p.
- Hutchinson T., Waters, A. (1987) English for specific purposes: A learning-centred approach. Cambridge etc., Cambridge univ. press, 183 p.
- Sager J. C., Dungworth D., Mac Donald P. F. (1980) English special languages : principles and practice in science and technology. Wiesbaden, Brandstletter, 368 p.

References

- Almabekova O. A., Gogol' O.V., Guralnik T.A. and etc. (2005) ESP Teacher Development Course = Kurs professional'nogo razvitiya dlya prepodavateley angliyskogo yazyka neyazykovykh vuzov: Rukovodstvo dlya metodista [ESP Teacher Development Course = Professional Development Course for Non-Linguistic English Teachers: A Guide for a Methodist]. St. Petersburg, 218 p. (In Russian)
- Andreeva N. A. and etc. (2008) Delovoy angliyskiy [Business English]. Ed. by L. S. Pichkov. Moscow, Prospekt Publ., 1008 p.
- Arzumanyan L. S. (2019) Ispol'zovaniye yazyka dlya spetsial'nykh tseley (language for specific purposes) pri sovershenstvovanii professional'noy podgotovki studentov meditsinskogo vuza [The use of language for specific purposes (language for specific purposes) in improving the professional training of medical students]. Modern Pedagogical Education, no. 2, pp. 90–94 (In Russian).
- Astasheva G. V., Derina N. V., Savinova T. A., Zalavina T. Yu. (2018) Integratsionnyye protsessy v inoyazychnoy podgotovke uspeshnogo spetsialista [Integration processes in the foreign language training of a successful specialist]. Herald of Chelyabinsk state pedagogical University. Academic journal, no. 2, pp. 9–18 (In Russian).
- Dronova O. V. (2014) The use of business games in teaching professional English. University proceedings. Volga region. Humanities, no. 2 (30), pp. 247–257 (In Russian).
- Dudley-Evans T., St John M. J. (1998) Developments in English for Specific Purposes: A Multi-Disciplinary Approach. Cambridge univ. press, 301 p.
- Ellis M., Johnson Ch. (1994) Teaching Business English. Oxford University Press, 237 p.
- Homutova T. N. (2008) Yazyk dlya spetsial'nykh tseley (LSP): lingvisticheskiy aspekt [Language for Special Purposes (LSP): linguistic aspect]. Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences, no. 11 (71), pp. 96–106 (In Russian).
- Hutchinson T., Waters, A. (1987) English for specific purposes: A learning-centred approach. Cambridge etc., Cambridge univ. press, 183 p.

- Komarova A. I. (1996) Yazyk dlya spetsial'nykh tseley (LSP): teoriya i metod [Language for Special Purposes (LSP): Theory and Method]. Moscow, MAPP Publ., 192 p. (In Russian)
- Nazarova T. B. (2004) Angliyskiy yazyk delovogo obshcheniya. Kurs lektsiy i praktikum [English language of business communication. Course of lectures and workshop]. Moscow, AST-Astrel Publ., Transitkniga Publ., 272 p. (In Russian)
- Obrazcov P. I., Ivanova O. Yu. (2005) Professional'no-oriyentirovannoye obucheniye inostrannomu yazyku na neyazykovykh fakul'tetakh vuzov [Vocational-oriented teaching of a foreign language at non-linguistic faculties of universities]. Ed. P. I. Obratsova. Orel, OSU Publ., 114 p. (In Russian)
- Obucheniye angliyskomu yazyku spetsial'nosti v vuzakh sovremennoy Rossii. Rezul'taty predproyektnykh issledovaniy (2002) [Teaching English as a specialty in the universities of modern Russia. Results of pre-project research]. St. Petersburg, Petropolis Publishing House, 155 p. (In Russian)
- Polyakov O. G. (2003) Angliyskiy yazyk dlya spetsial'nykh tseley: teoriya i praktika [English for special purposes: theory and practice]. 2nd ed. Moscow, NVI-TEZAURUS Publ., 188 p. (In Russian)
- Sager J. C., Dungworth D., Mac Donald P. F. (1980) English special languages : principles and practice in science and technology. Wiesbaden, Brandstetter, 368 p.

Информация об авторах

Руденко Татьяна Павловна

Доцент. Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, РФ.
E-mail: rudenko17@yandex.ru

Фрезе Ольга Владимировна

Кандидат педагогических наук, доцент. Омский
государственный университет
им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, РФ.
ORCID ID: 0000-0002-4794-3167.
E-mail: ofreze@rambler.ru

Author's information

Tatiana P. Rudenko

Associate Professor. Dostoevsky Omsk State
University. Omsk, Russian Federation
E-mail: rudenko17@yandex.ru

Olga V. Freze

Cand. Sc. (Pedagogy), Associate Professor.
Dostoevsky Omsk State University. Omsk, Russian
Federation.
ORCID ID: 0000-0002-4794-3167.
E-mail: ofreze@rambler.ru

УДК 37.062.2

DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.17

Научная статья

В. М. Минияров¹, Е. И. Суслина¹ ✉

✉ kashtanova-1995@mail.ru

¹Самарский филиал Московского городского педагогического университета, г. Самара, Российская Федерация

Когнитивный уровень отчуждения от учебной деятельности обучающихся 5-х классов

Аннотация: Актуальным на сегодня вопросом остается снижение интереса обучающихся к учебной деятельности. В данной работе рассмотрены только результаты когнитивного компонента, полученные по его основным показателям у обучающихся 5-х классов. Анализируются результаты, полученные в процессе изучения процесса отчуждения, его начального этапа формирования, отчуждения от учебной деятельности и отчуждения от школы в целом. Данный класс важен тем, что обучающиеся перешли из начальной школы в среднее звено, где предъявляются новые требования к их умственной деятельности. Возникший процесс отчуждения у обучающихся 5-х классов настораживает тем, что значительная часть из них не проявляет желания учиться. Это свидетельствует о начавшейся тенденции снижения познавательного интереса к учебной деятельности и желания выйти за рамки современной системы образования.

Ключевые слова: школа, обучающиеся, учебная деятельность, отчуждение.

Дата поступления статьи: 29 марта 2021 г.

Для цитирования: Минияров В. М., Суслина Е. И. (2023) Когнитивный уровень отчуждения от учебной деятельности обучающихся 5-х классов. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 17, № 1, с. 156–162. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.17.

Scientific article

V. M. Miniyarov¹, E. I. Suslina¹ ✉

✉ kashtanova-1995@mail.ru

¹Samara Branch of Moscow City University, Samara, Russian Federation

Cognitive level of the fifth-graders alienation from learning activity

Abstract: A pressing issue today is the decline in students' interest in educational activities. In this work, only the results of the cognitive component, obtained by its main indicators in 5th grade students are considered. The results obtained are analyzed in the process of studying the process of alienation, its initial stage of formation, alienation from educational activities and alienation from the school as a whole. This class is important because the students have moved from primary school to the secondary level, where new requirements are imposed on their mental activity. The emerging process of alienation among 5th grade students is alarming that a significant part of them do not show a desire to learn. This testifies to the beginning of a tendency towards a decrease in the cognitive interest in educational activities and the desire to go beyond the framework of the modern education system.

Keywords: school, learners, learning activities, alienation.

Paper submitted: March 29, 2021.

For citation: Miniyarov V. M., Suslina E. I. (2023) Cognitive level of the fifth-graders alienation from learning activity. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 17, no. 1, pp. 156–162. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.17.

Введение

Процесс отчуждения человека от самого себя, от окружающей действительности всегда вызывал повышенный интерес в социуме, так как это реакция субъектов на внешние раздражители. Человек

и его взаимосвязь с социальным миром направлена на постоянное взаимодействие. Но всегда реализовывать один и тот же процесс невозможно. Особенно это характерно для монотонной деятельности (Г. С. Черновцова). Отчуждение – это термин, который рассматривается человеческим обществом в разных системах и направлениях. Уже с момента зарождения и развития общества люди подробно рассматривали данный вопрос. Актуальным на сегодня вопросом остается отсутствие интереса детей к учебной деятельности (Калимуллин, Габдулхаков, 2015). При этом современные социальные запросы направлены на общекультурное, личностное и познавательное развитие обучающихся, обеспечивающее умение учиться, что нашло отражение в федеральных государственных образовательных стандартах второго поколения (Сабилова, 2015, с. 277). Но в настоящее время ведутся поиски методов повышения мотивации учения, предлагаются нестандартные подходы в обучении, расширяется круг научных дисциплин для совершенствования государственных стандартов обучения (Зимняя, 2010). Несмотря на это наблюдается ситуация снижения уровня заинтересованности обучающихся при переходе из класса в класс.

Понятие «отчуждение» рассматривается как в отечественной, так и зарубежной литературе, в трудах Л. Карсавина, К. Леонтьева, Н. Лосского, Д. Мережковского, В. Розанова, П. Флоренского, С. Франка и других (Степанова, Калачева, 2018, с. 85). Немалый вклад в разработку проблемы отчуждения внесли работы А. Швейцера, М. Вебера, М. Шелера, О. Шпенглера, Т. Адорно, А. Гелена, Э. Фромма (Матросова, 2016, с. 10). Данный феномен интересует разные научные области знания, достаточно глубок интерес к этому процессу и в философии, в которой отчуждение рассматривают как «философскую категорию для обозначения общественного процесса, в границах которого происходит превращение результатов и продуктов деятельности людей в независимую силу, становящуюся выше своих творцов и подавляющую их» (Калугин, Терехова, 2014, с. 168).

Помимо философского понимания термина существует и психологический аспект его понимания. Понятие «отчуждение» получило свое прямое или косвенное освещение в ряде работ отечественных психологов: С. Л. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева, К. А. Абульхановой-Славской, А. А. Меграбяна, В. С. Мухиной, И. С. Кона, В. В. Новикова, Г. М. Мануйлова, А. В. Петровского, В. А. Петровского, М. В. Полевой, В. А. Абраменковой, А. Е. Горбушина (Зиновьева, 2005, с. 6). Данный термин был представлен как совокупность различных психических состояний личности в отношении действующей системы. Активно воздействуя на человека, система подвергает человека особому состоянию, испытанию определенных эмоций во время реализации социальной деятельности. В связи с этим личность направлена на определенные действия по отношению к действующей системе (Безрукова, 2014).

В педагогике сложно выделить понятие «отчуждение», так как существует большое количество описательных и разнообразных трактовок его значения, помимо этого в науке не выработана интегральная концепция самого термина, но существуют близкие описательные свойства данного процесса (Ефимова, Семенов, 2015, с. 39-40). Многие ученые сходятся в единой точке зрения, что отчуждение – неотъемлемая характеристика человеческого существования. Полное избавление от отчуждения невозможно, так как человек связан с социальным миром, его проявлением, отношением людей друг с другом. В целом мы не можем говорить о процессе социализации, если человек будет полностью изолирован от существующей системы (Бухаленкова и др., 2021). Иногда любопытные определения отчуждения имеют в своем основании именно этот момент алиенации – невозможность достигнуть своими действиями «желаемого результата» (Зиновьева, 2005, с. 18). На основе полученных характеристик можно рассматривать «отчуждение» в педагогическом аспекте как результат дисгармонии отношений человека с миром, другими и собой, результат которой приводит к деструктивному общению, неадекватному поведению, внутренним переживаниям, блокирующим восприятие новой информации, стремление к достижению успеха и стремление к познавательной деятельности.

Из приведенного анализа следует, что отчуждение является непрерывным процессом¹. Как любой процесс, отчуждение имеет определенные этапы. В данном исследовании были выделены следующие этапы:

¹ Исследование учебной мотивации школьников по методике М. Р. Гинзбург. URL: clck.ru/Sk2YW

- I этап – начальный этап отчуждения;
- II этап – отчуждение от учебной деятельности;
- III этап – отчуждение от школы в целом.

Каждый этап включает в себя компоненты, из которых состоит процесс отчуждения, а именно: когнитивный, мотивационный, деятельностный. Когнитивный компонент включает в себя представления обучающихся о школе как совокупность их знаний о ней (Гуцу, 2013). Согласно Н. В. Зайцевой, мотивационный компонент включает в себя личностное отношение к деятельности, выраженное в целевых установках, интересах, мотивах (Красноперова, 2014). Деятельностный компонент определяет операциональную сущность формируемого знания и умения как результат овладения способами и приемами деятельности; как способность личности на основе знаний и навыков выполнять какую-либо деятельность или действие в изменяющихся условиях (Сластенин, 2013).

Методы

В работе рассмотрены только результаты когнитивного компонента, полученные по его основным показателям у обучающихся 5-х классов. Опрос был проведен в начале II триместра, в декабре 2020 года. В исследовании приняли участие 52 обучающихся. Многие из них активно отвечали на открытые вопросы, что свидетельствует об их включенности в данный процесс и высоком уровне заинтересованности. Ранее анкета была апробирована на 235 обучающихся школы среднего звена, что позволило определить репрезентативность анкеты и способствовало получению достоверной информации по определению уровня сформированности когнитивного компонента отчужденности. В опросе приняли участие два параллельных класса. Результаты исследования представлены в табл. 1.

Результаты

Анализ результатов исследования показал, что 36 % опрошенных понимают учебный материал полностью и не требуют дополнительных объяснений учителя. Это свидетельствует о том, что обучающиеся не отчуждаются от учебной деятельности. Незначительная часть обучающихся (20 %) стараются понять то, что им показывает и объясняет учитель, что, по-видимому, может свидетельствовать о начальном этапе отчуждения от учебной деятельности. Больше всего обучающихся (44 %) хотели бы понять учебный материал, но не понимают. Этот показатель достаточно высок для данного класса. Конечно, можно было бы с этим смириться, так как обучающиеся перешли на новый этап учебной деятельности. Теперь они встречаются с разными преподавателями и их требованиями, где содержание образования требует от учащихся проявления не только способностей к запоминанию, но и логического мышления. Если учитывать еще и индивидуальные особенности обучающихся, среди которых одни стесняются переспросить учителя, другие боятся насмешек одноклассников, то все это может способствовать зарождению постепенного отчуждения обучающихся от учебной деятельности, так как у них нарастает чувство тревоги и стрессогенное состояние (Гасинец и др., 2022). Не лучше выглядят показатели, полученные по 5 «Б» классу, так как, вероятно, изначально действует принцип отбора обучающихся, согласно которому в «А»-классы собирают более подготовленных к школе детей, а во все остальные – по степени их развития. По-видимому, это и сказалось на полученных результатах исследования по 5 «Б» классу (табл. 1).

Если подводить итог, суммируя результаты двух классов, то в среднем по когнитивному компоненту отчуждения можно видеть, что лишь незначительная часть (17 %) в среднем по двум классам не отчуждается от учебной деятельности. Такой низкий процент можно объяснить тем, что обучающиеся только перешли в 5-й класс, в котором идет интенсивный процесс социализации и адаптации к учебной деятельности (Сорокин, Фрумин, 2022, с. 120). Об этом свидетельствует и то, что значительная часть обучающихся (36,5 %) пытаются понять то, что объясняют учителя. В то же время 35 % обучающихся, то есть точно такая же часть, хотят понять, но уже ничего не понимают. То есть в отличие от предыдущего случая, где только наметилась тенденция отчуждения, здесь уже наблюдается отчуждение от учебной деятельности. По-видимому, это сразу сказывается на том, что обучающиеся 5-х классов резко снижают свою балловую успеваемость, в отличие от той, что они демонстрировали в

начальной школе. Вечный конфликт, идущий до сегодняшнего дня, продолжается между учителями начальных классов и средней школы. На самом деле это естественный конфликт, так как усложняются требования к учебной деятельности обучающихся, но учителя не находят ничего лучшего для разрешения ситуации, кроме как обязать родителей нанимать репетиторов, снимая с себя ответственность за успешность обучения вверенных им детей.

Таблица 1 – Результаты опроса обучающихся по показателю «понимание учебного материала»

Table 1 – The results of the survey of students in terms of understanding the educational material

Понимание учебного материала	5 А	5 Б	Х
Все понимаю	36 %	11 %	17 %
Стараюсь понять	20 %	48 %	36,5 %
Хочу понять, но не всегда понимаю	44 %	41 %	35 %
Не хочу понимать	–	–	–

Еще одним критерием когнитивного компонента отчуждения обучающихся от школы является показатель контроля за выполнением учебных заданий обучающихся. Отмечено, что обучающиеся 5 «А» класса (60 %) проверяют выполненные задания самостоятельно, что может свидетельствовать о том, что реально отчужденных от учебной деятельности может быть на самом деле меньше. Об этом нам говорят данные о том, что родители проверяют домашнее задание только у 28 % обучающихся, что свидетельствует о начавшемся процессе отчуждения от учебной деятельности (то есть начальный этап). По-настоящему отчужденные от учебной деятельности, то есть обучающиеся, которые никогда не проверяют выполненные задания, составляют 8 %. Но появляется новая группа обучающихся, которая говорит уже об отчуждении от учебной деятельности (4 %). Не лучше картина по 5 «Б» классу, где 70 % условно, можно сказать, не отчужденных обучающихся, 15 % обучающихся, находящихся на начальном этапе отчуждения, 15 % отчужденных от учебной деятельности (табл. 2).

Таким образом, данные по когнитивному компоненту отчуждения и показателю самостоятельной проверки заданий обучающимися свидетельствуют о латентной форме этого процесса. В то же время обнаруживаются явные недостатки в обучении, когда появляется устойчивый процент обучающихся, не желающих получать образование и отчужденных от учебной деятельности.

Таблица 2 – Результаты опроса обучающихся по показателю «проверка заданий»

Table 2 – The results of the survey of students in terms of checking tasks

Проверка заданий	5 А	5 Б	Х
Всегда проверяю	60 %	70 %	65,2 %
Проверяют родители	28 %	15 %	21,2 %
Никогда не проверяю	8 %	–	3,8 %
Не проверяю и не люблю, когда проверяют другие	4 %	15 %	9,7 %

Для оценки степени отчуждения обучающихся от учебной деятельности по когнитивному компоненту был взят еще один показатель, который свидетельствует об уровне знания обучающимися 5-го класса о необходимости иметь определенные личностные качества, чтобы обучаться успешно, и выявления, каких из этих качеств у них нет, но вместо них существуют другие. По мнению О. Б. Ярош и И. Ф. Зиновьева, определение личностных качеств очень важно для формирования профессиональных компетенций, которые в будущем будут востребованы уже на рынке труда работодателями (Ярош, Зиновьев, 2021, с. 116). Данный вопрос задавался для того, чтобы выяснить, насколько обучающиеся критически оценивают свои возможности обучения в средних классах. Результаты показывают, что 82 % в 5 «А» классе и 92 % опрошенных в 5 «Б» знают, что для успешного обучения необходимо обладать следующими качествами: ум, вежливость,

ответственность, дисциплинированность, внимательность, активность, умение слушать, умение высказывать свои мысли, настойчивость, интерес к знаниям, умение делать все правильно, умение проверить себя самостоятельно, сообразительность, трудолюбие. В 5 «А» классе по непонятным причинам (12 %) не отметили, какие у них есть на самом деле личностные качества. В то время как в 5 «Б» классе, обучающиеся (8 %) отметили целый перечень личностных качеств, а также навыков и умений, которые им необходимы для успешного обучения и мотивации к учебе. Так, например, у них отсутствуют такие качества, как усидчивость, гибкость, находчивость, дисциплинированность, а отдельные обучающиеся указывают, что у них нет почти никаких качеств. Но присутствует вспыльчивость, плаксивость, лень. Среди навыков отсутствуют умение учиться, умение скрывать эмоции, навыки выполнения требований учителя, зато есть умение использовать решебник. Среди мотивационных показателей указывают на нежелание учиться, так как неинтересно, выполнять домашние задания, и лишь в отдельных случаях присутствует интерес к некоторым предметам.

Таким образом, хотя большинство обучающихся в 5 «А» и 5 «Б» классах знают, какие личностные качества необходимы для успешного обучения, лишь отдельная часть опрошенных в 5 «Б» классе проявила самокритичность, указав на те качества, умения и мотивацию, которые не позволяют им обучаться успешно.

Уточняющим критерием развития когнитивного компонента отчуждения у обучающихся 5-х классов является показатель, выявляющий понимание обучающимися необходимости учиться. Большинство опрошенных 5 «А» класса (88 %) отметили, что знают, зачем они учатся. Данный показатель весьма высок, и это положительная тенденция, но необходимо помнить, что в 5-м классе этот результат не охватывает всех учащихся, есть процент детей, которые не осознают важности своей учебной деятельности, находятся в разной степени отчуждения. Так, например, в 5 «А» классе 4 % опрошенных сомневаются в необходимости своей учебы, что свидетельствует о развитии начального этапа отчуждения. Такое же количество (4 %) учеников указали на то, что родители знают, зачем им необходимо учиться. Этот факт свидетельствует о вероятности зарождения отчуждения от учебной деятельности, так как обучающиеся не осознают всей важности и необходимости своего обучения. Еще 4 % опрошенных сказали, что не знают причины своего обучения. Это свидетельствует о полной переоценке ценностей образовательной деятельности, где происходит потеря ее значимости для обучающихся, и зарождении процесса отчуждения от школы (табл. 3). В то же время 85 % обучающихся 5 «Б» класса осознают значимость своего обучения, но 15 % опрошенных утверждают о непонимании своего обучения в школе. По итогам полученных данных, можно отметить, что существует устойчивая тенденция отчуждения обучающихся на всех трех этапах. По мнению М. М. Поташник, так же важной ситуацией в развитии показателя важности учебной деятельности для обучающихся может выступать и высокая отчетная нагрузка педагогов. Постоянные запросы, сведения, отчеты не приносят положительного результата в деятельности педагогов и обучающихся. А поскольку отсутствует обратная связь, позволяющая учителю получить оценку хотя бы своей исполнительской дисциплины, то невозможно понять, как именно эти отчеты, справки, информация учитываются в образовательной муниципальной, региональной и государственной политике, то есть вся эта мучительная работа становится абсолютно бессмысленной, отупляющей и этим унижающей учителя, но, что самое главное, вредной для обучающихся, для образования страны в целом (Поташник, 2015, с. 15).

Таблица 3 – Результаты опроса обучающихся по показателю «необходимость обучения»

Table 3 – The results of the survey of students in terms of the need for training

Необходимость обучения	5 А	5 Б	Х
Сомневаются в необходимости учебы	4 %	–	1,9 %
Знают родители	4 %	–	1,9 %
Не знают, зачем учатся	4 %	15 %	9,7 %
Знают, зачем учатся	88 %	85 %	86,4 %

Выводы

Таким образом, анализ параллели 5-х классов показал, что уже на данной ступени мы видим невыполнение домашнего задания, использование решебника и Интернета, снижение уровня родительского контроля, который для некоторых играет решающую роль в учебной деятельности, так как формируются базовые навыки учиться (Клячко и др., 2019). Данный класс важен тем, что обучающиеся перешли из начальной школы в среднее звено, где предъявляются новые требования к их умственной деятельности. Возникший процесс отчуждения у обучающихся 5-х классов настораживает тем, что значительная часть из них не проявляет желания учиться. Это свидетельствует о начавшейся тенденции снижения познавательного интереса к учебной деятельности и желания выйти за рамки современной системы образования.

Источники

- Безрукова Е. И. (2014) Мониторинг развития УУД как основополагающий элемент организации методической службы образовательного учреждения. *Муниципальное образование: инновации и эксперимент*, № 3, с. 10–13.
- Бухаленкова Д. А., Чичина Е. А., Чурсина А. В., Веракса А. Н. (2021) Обзор исследований, посвященных изучению взаимосвязи использования цифровых устройств и развития когнитивной сферы у дошкольников. *Science for Education Today*, т. 11, № 3, с. 7–25.
- Гасинец М. В., Капуза А. В., Добрякова М. С. (2022) Агентность учителей в формировании учебного успеха школьников: роли и убеждения. *Вопросы образования*, № 1, с. 75–97.
- Гуцу Е. Г. (2013) Когнитивный компонент в структуре профессиональной компетенции преподавателя высшей школы. *Современные проблемы науки и образования*, № 1. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=8501>.
- Ефимова Г. З., Семенов М. Ю. (2015) Ключевые барьеры, препятствующие эффективной работе учителя: по материалам социологического исследования. *Теория и практика общественного развития*, № 20, с. 38–43.
- Зимняя И. А. (2009) Учебная деятельность – специфический вид деятельности. *Инновационные проекты и программы в образовании*, № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchebnaya-deyatelnost-spetsificheskii-vid-deyatelnosti>.
- Зиновьева Д. М. (2005) Психология отчуждения. Монография. Волгоград, Изд-во ГОУ ВПО «ВАГС», 172 с.
- Калимуллин А. М., Габдулхаков В. Ф. (2015) О стратегических ориентирах развития педагогического образования в России в контексте глобальных перемен. *Образование и саморазвитие*, № 4, с. 3–9.
- Калугин А. С., Терехова Г. Л. (2014) Философско-религиозные аспекты проблемы отчуждения в высшем образовании в современной России. *Вестник Тамбовского государственного технического университета*, т. 20, № 1, с. 167–174.
- Клячко Т. Л., Семионова Е. А., Токарева Г. С. (2019) Успешность и неуспешность школьников: ожидания родителей, оценка учителей. *Вопросы образования*, № 4, с. 71–92.
- Красноперова Н. А. (2014) Мотивационный компонент в структуре формирования здорового образа жизни студентов. *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова*, т. 11, № 4, с. 109–117.
- Матросова Ю. С. (2016) Отчуждение подростков от школы как негативный фактор социализации. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*, № 181, с. 7–12.
- Поташник М. М. (2015) Падение с недосягаемой высоты. *Народное образование*, № 6 (1449), с. 9–15.
- Сабирова Э. Г. (2015) Значимые исследовательские умения в процессе развития универсальных учебных действий младших школьников. *Образование и саморазвитие*, № 4 (46), с. 42–48.
- Сластенин В. А., Исаев И. Ф., Шиянов Е. Н. (2013) Педагогика. М., Издательский центр «Академия», 576 с.
- Сорокин П. С., Фрумин И. Д. (2022) Образование как источник действия, совершенствующего структуры: теоретические подходы и практические задачи. *Вопросы образования*, № 1, с. 116–137.
- Степанова И. Н., Калачева Е. В. (2018) Отчуждение в образовании. *Вестник Курганского государственного университета*, № 1 (48), с. 85–87.
- Черновцова Г. С. Учебная деятельность. Становление, формирование, развитие. URL: clck.ru/PdbQz.
- Ярош О. Б., Зиновьев И. Ф. (2021) Образовательные стандарты и запросы современности: противоречия или возможности. *Образование и саморазвитие*, т. 16, № 1, с. 116–128.

References

- Bezrukova Ye. I. (2014) Monitoring razvitiya UUD kak osnovopolagayushchiy element organizatsii metodicheskoy sluzhby obrazovatel'nogo uchrezhdeniya [Monitoring the development of UUD as a fundamental element in the organization of the methodological service of an educational institution]. *Municipal education: innovations and experiment*, no. 3, pp. 10–13 (In Russian).
- Bukhalenkova D. A., Chichinina Ye. A., Chursina A. V., Veraksa A. N. (2021) Obzor issledovaniy, posvyashchennykh izucheniyu vzaimosvyazi ispol'zovaniya tsifrovyykh ustroystv i razvitiya kognitivnoy sfery u doshkol'nikov [Review of studies on the relationship between the use of digital devices and the development of cognitive sphere in preschoolers]. *Science for Education Today*, vol. 11, no. 3, pp. 7–25 (In Russian).

- Chernovtsova G. S. Uchebnaya deyatel'nost'. Stanovleniye, formirovaniye, razvitiye [Educational activity. Becoming, formation, development]. Available at: clck.ru/PdbQz (In Russian).
- Efimova G. Z., Semenov M. Yu. (2015) Klyuchevyye bar'yery, prepyatstvuyushchiye effektivnoy rabote uchitelya: po materialam sotsiologicheskogo issledovaniya [Key barriers that impede the effective work of a teacher: based on sociological research]. Theory and Practice of Social Development, no. 20, pp. 38–43 (In Russian).
- Gasinets M. V., Kapuza A. V., Dobryakova M. S. (2022) Agentnost' uchiteley v formirovanii uchebnogo uspekha shkol'nikov: roli i ubezhdeniya [The agency of teachers in shaping the educational success of schoolchildren: roles and beliefs]. Educational Studies Moscow, no. 1, pp. 75–97 (In Russian).
- Gutsu Ye. G. (2013) Kognitivnyy komponent v strukture professional'noy kompetentsii prepodavatelya vysshey shkoly [Cognitive component in the structure of professional competence of a higher school teacher. Modern problems of science and education, no. 1. Available at: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=8501> (In Russian).
- Kalimullin A. M., Gabdulkhakov V. F. (2015) O strategicheskikh oriyentirakh razvitiya pedagogicheskogo obrazovaniya v Rossii v kontekste global'nykh peremen [On the strategic guidelines for the development of pedagogical education in Russia in the context of global changes]. Education and Self Development, no. 4, pp. 3–9 (In Russian).
- Kalugin A. S., Terekhova G. L. (2014) Filosofsko-religioznye aspekty problemy otchuzhdeniya v vysshem obrazovanii v sovremennoy Rossii [Philosophical and religious aspects of the problem of alienation in higher education in modern Russia]. Transactions TSTU, vol. 20, no. 1, pp. 167–174 (In Russian).
- Klyachko T. L., Semionova Ye. A., Tokareva G. S. (2019) Uspeshnost' i neuspeshnost' shkol'nikov: ozhidaniya roditeley, otsenka uchiteley [Success and failure of schoolchildren: parents expectations, teachers assessment]. Educational Studies Moscow, no. 4, pp. 71–92 (In Russian).
- Krasnoperova N. A. (2014) Motivatsionnyy komponent v strukture formirovaniya zdorovogo obraza zhizni studentov [Motivational component in the structure of the formation of a healthy lifestyle of students]. Vestnik of the M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, vol. 11, no. 4, pp. 109–117 (In Russian).
- Matrosova Yu. S. (2016) Otchuzhdeniye podrostkov ot shkoly kak negativnyy faktor sotsializatsii [Alienation of teenagers from school as a negative factor of socialization]. Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences, no. 181, pp. 7–12 (In Russian).
- Potashnik M. M. (2015) Padeniye s nedosyagayemoy vysoty [Falling from an unattainable height]. National Education, no. 6 (1449), pp. 9–15 (In Russian).
- Sabirova E. G. (2015) Znachimyye issledovatel'skiye umeniya v protsesse razvitiya universal'nykh uchebnykh deystviy mladshikh shkol'nikov [Significant research skills in the process of development of universal educational activities of junior schoolchildren]. Education and Self Development, no. 4 (46), pp. 42–48 (In Russian).
- Slastenin V. A., Isayev I. F., Shiyarov Ye. N. (2013) Pedagogika [Pedagogy]. Moscow, Akademiya Publishing Center, 576 p. (In Russian).
- Sorokin P. S., Frumin I. D. (2022) Obrazovaniye kak istochnik deystviya, sovershenstvuyushchego struktury: teoreticheskiye podkhody i prakticheskiye zadachi [Education as a source of action that improves structures: theoretical approaches and practical problems]. Educational Studies Moscow, no. 1, pp. 116–137 (In Russian).
- Stepanova I. N., Kalacheva Ye. V. (2018) Otchuzhdeniye v obrazovanii [Alienation in education]. Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the Kurgan State University, no. 1 (48), pp. 85–87 (In Russian).
- Yarosh O. B., Zinov'yev I. F. (2021) Obrazovatel'nyye standarty i zaprosy sovremennosti: protivorechiya ili vozmozhnosti [Educational standards and demands of modernity: contradictions or opportunities]. Education and Self Development, vol. 16, no. 1, pp. 116–128 (In Russian).
- Zimnyaya I. A. (2009) Uchebnaya deyatel'nost' – spetsificheskii vid deyatelnosti [Educational activity is a specific type of activity]. Innovative projects and programs in education, no. 6. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchebnaya-deyatelnost-spetsificheskii-vid-deyatelnosti> (In Russian).
- Zinov'yeva D. M. (2005) Psikhologiya otchuzhdeniya [Psychology of alienation]. Monograph. Volgograd, Publishing house of GOU VPO “VAGS”, 172 p. (In Russian).

Информация об авторах

Минияров Валерий Максимович

Доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики. Самарский филиал Московского городского педагогического университета, г. Самара, РФ.
E-mail: hose.marti@mail.ru

Сулина Елена Игоревна

Аспирант кафедры педагогики. Самарский филиал Московского городского педагогического университета, г. Самара, РФ.
E-mail: kashtanova-1995@mail.ru

Autor's information

Valery M. Miniyarov

Dr. Sc. (Pedagogy), Professor of the Pedagogy Department. Samara Branch of Moscow City University, Samara, Russian Federation.
E-mail: hose.marti@mail.ru

Elena I. Suslina

Postgraduate student of the Department of Pedagogy. Samara Branch of Moscow City University, Samara, Russian Federation.
E-mail: kashtanova-1995@mail.ru

С. М. Андрюшечкин¹

✉ asm57@mail.ru

¹Омская гуманитарная академия, г. Омск, Российская Федерация

Изучение влияния характера дидактических средств на развитие диалектического мышления учащихся

Аннотация: В настоящее время многие учителя являются (или хотели бы быть) активными участниками лично ориентированного развивающего образовательного процесса. В этой ситуации для них представляет ценность информация об эффективности средств обучения, предлагаемых им дидактами. Это определяет актуальность соответствующих эмпирических исследований дидактических средств. Цель исследования: выявить, влияют ли на становление диалектического мышления школьников дидактические средства, созданные для реализации проблемного обучения (на примере курса физики основной школы).

Исследование является элементом более масштабного изучения дидактической эффективности комплекса средств проблемного обучения «Физика – 7–9», методологической основой которого является системный подход и принципы лично ориентированного развивающего образования. Результаты исследования позволили сделать вывод об отличии уровней диалектической структуры продуктивного мышления в экспериментальных и контрольных группах, что обусловлено применением в образовательном процессе в экспериментальных группах системы дидактических средств проблемного обучения по курсу физики основной школы. Научная новизна заключается в исследовании эффективности дидактических средств в плане влияния характера средств (предназначенных для использования в репродуктивном образовательном процессе или в развивающем образовании, например, на основе проблемного обучения) на развитие интеллектуальной сферы учащихся, в частности диалектического мышления.

Ключевые слова: дидактические средства, проблемное обучение, развитие диалектичности мышления учащихся.

Дата поступления статьи: 30 марта 2022 г.

Для цитирования: Андрюшечкин С. М. (2023) Изучение влияния характера дидактических средств на развитие диалектического мышления учащихся. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 17, № 1, с. 163–175. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.18.

Scientific article

S. M. Andryushechkin¹

✉ asm57@mail.ru

¹Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russian Federation

Study of the didactic materials influence on the development of students' dialectical thinking

Abstract: Modern teachers aim to actively apply the principles of personality-oriented developmental education. In this context, information on the effectiveness of teaching materials offered by developers is of particular importance. This fact determines the relevance of empirical testing of didactic materials. To verify whether the didactic materials aimed at facilitating problem-based learning have a statistically significant impact on the development of students' dialectical thinking on the example of a physics course at secondary school. This study is part of a larger research project investigating the didactic effectiveness of the problem-based teaching course "Physics – 7-9 form". The project is based on the principles of personality-oriented developmental education and system approach. In this article, dissertation studies investigating a relationship between the developed didactic materials and students' intellectual development were reviewed. Empirical data were obtained during a specifically designed pedagogical experiment. A difference in the levels of students' dialectical

thinking between the control and experimental groups was noted. The observed higher levels of dialectical thinking in the experimental groups were attributed to the use of didactic materials of problem-based learning in the course of physics at secondary school. The obtained results can encourage pedagogical research into the relationship between the content of didactic materials and the development of students' cognitive abilities.

Keywords: didactic materials, problem-based learning, development of students' dialectic thinking.

Paper submitted: March 30, 2022.

For citation: Andryushechkin S. M. (2023) Study of the didactic materials influence on the development of students' dialectical thinking. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 17, no. 1, pp. 163–175. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.18.

Введение

В настоящее время не только для представителей педагогического сообщества (ученых, экспертов, педагогов), но и для все более широких слоев общества очевиден тезис о том, что усилия общества и государства по развитию различных областей общего и профессионального образования являются важнейшими инвестициями в будущее (Хорватова, Чайкова, 2018, с. 422). Как результат, в современном обществе концептуальной основой образования является осознание того, что образование – ведущая сила по достижению целей устойчивого развития¹.

В российской системе образования, как и в образовании зарубежных стран, с каждым годом все большее влияние приобретает личностно ориентированное развивающее образование, которое «основывается на методологическом признании в качестве системообразующего фактора личности обучаемого» (Зеер, 1999, с. 117).

Если сфокусироваться в сравнении репродуктивного и развивающего образования именно на процессе обучения, то в первую очередь необходимо отметить, что при репродуктивном обучении «эксплуатируются» уже сформировавшиеся у учащегося когнитивные структуры и идет установление и усиление связей между имеющимися структурами. При развивающем же обучении, указывает известный психолог Н. И. Чуприкова, идет формирование новых когнитивных структур, возникают новые уровни структур (дифференционно-интеграционная парадигма). «Только в этом случае обучение... будет вести за собой развитие в истинном смысле этого слова» (Чуприкова, 1994, с. 187).

Ученые-педагоги подчеркивают, что в условиях современного образования необходимо в полной мере реализовывать подход к образованию как активному процессу формирования у учащегося (и учащимся) востребованных знаний и навыков (Де Кортте, 2019, с. 33-34). Одной из эффективных форм практического воплощения личностно ориентированного развивающего образования является проблемное обучение, при котором продукт когнитивной деятельности ученика, обладающий определенной субъективной новизной, создается учеником при разрешении им учебной проблемы – «знании о незнании». Как показано Н. И. Чуприковой, дидактическая эффективность проблемного обучения обусловлена согласованностью проблемного обучения с законами умственного познавательного развития (принцип системной дифференциации).

Р. Н. Бунеев справедливо отмечает, что личностно ориентированное образование из «модного бренда» становится педагогической реальностью только при выполнении определенных условий:

- настроенность учителя на волну развивающего образования, что определяется совокупностью его личностных качеств, профессиональным уровнем владения учебным предметом и педагогическими технологиями;
- наличие дидактического инструментария, соответствующего целям и задачам развивающего обучения (Бунеев, 2009, с. 78–81).

Так, при проблемном обучении, чтобы научить учеников общим принципам анализа изучаемого явления, дать им рекомендации относительно способов выполнения познавательных операций, учитель должен в первую очередь овладеть умением ставить проблемные вопросы, организовывать учебные дискуссии и управлять ими, располагать системой дидактических средств для организации проблемного обучения.

¹ UNESCO Incheon Declaration for Education 2030. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000233137>

Аналогичным образом и при личностно ориентированном развивающем обучении на основе иных методов и технологий учитель должен быть вооружен специализированным дидактическим инструментарием, «заточенным» под цели и задачи реализуемого образовательного процесса.

Это требует определения степени эффективности используемого дидактического инструментария. По этой причине основной целью проведенного нами исследования являлась оценка (по результатам педагогического эксперимента) влияния системы дидактических средств, предназначенных для осуществления проблемного обучения физике в основной школе, на развитие диалектического мышления учащихся.

Использованный дидактический комплекс проблемного обучения (ДКПО) «Физика – 7–9» включает в себя: программу по предмету, учебник, методические пособия «Уроки физики» и «Сценарии уроков», тематическую тетрадь для ученика, сборник самостоятельных и контрольных работ, комплект тематических тестов, пособие для факультативных занятий «Физика в опытах и задачах», книгу для дополнительного чтения «О физике и физиках» (для каждого из классов). Разработанный ДКПО «Физика – 7–9» создан в рамках концепции личностно ориентированного развивающего образования. Основными идеями, определяющими структуру ДКПО и содержание его элементов, являются:

- идея системности дидактического комплекса;
- идея технологичности обучения;
- идея нравственного и умственного развития ученика средствами учебного предмета (Андрюшечкин, 2017, с. 60–61). Более подробно концепция комплекса, его модель и принципы практической реализации отдельных дидактических элементов изложены в монографии¹.

Обзор литературы

Системы образования, реагируя на запросы общества, кардинально меняются на пути трансформации в «школы будущего», и при этом педагоги-исследователи неизбежно выходят из академических кабинетов в «открытый космос», решая насущные проблемы педагогической практики (Engeström, 2020, с. 42).

Анализ научной литературы, посвященной частной дидактике различных учебных предметов, показал, что авторы, разрабатывая те или иные дидактические средства, стремятся выяснить, насколько они применимы в рамках субъект-субъектного подхода, насколько эффективны и технологичны.

Например, установлено, как применение рабочей тетради при обучении математике влияет на развитие познавательной самостоятельности младших школьников (Болотова, 2009).

Разработана концепция интегрированного пропедевтического курса физики «Математика и механика» и соответствующее ей учебно-методическое обеспечение курса (учебное пособие для учеников, комплекты заданий для развития понятийного мышления, методические указания для учителя, диагностические материалы). Реализация данного курса крайне важна, так как решает задачу становления понятийного мышления учащихся, уровень развития которого является залогом успешного изучения таких школьных предметов, как математика и физика (Ошемкова, 2014, с. 102).

О. А. Родыгина выявила условия развития коммуникативной деятельности учащихся в ходе изучения ими школьного курса «География России» в логике проблемно-диалогического обучения. Значимость коммуникативной деятельности как способности человека к согласованным действиям с учетом позиции другого индивида подтверждена, в частности, тем, что в современных стандартах образования среди метапредметных результатов освоения образовательной программы выделены и коммуникативные универсальные учебные действия (Камерилова, Родыгина, 2012, с. 90). Используемым дидактическим инструментарием являлись учебники географии «Моя Россия» (8–9 кл.), рабочие тетради. Экспериментальным исследованием подтверждено, что в этом случае изучение курса географии России вносит позитивный вклад в решение задачи формирования коммуникативной компетентности школьников (Там же, с. 93).

¹ Андрюшечкин С. М. Дидактический комплекс проблемного обучения: теория, модель, практическая реализация: монография. М.: Баласс, 2018. – 151 с. Текст монографии находится в открытом доступе на сайте Российской государственной библиотеки.

А. В. Леонтьевой проведено диссертационное исследование о влиянии проектно-исследовательской технологии на развитие творческого потенциала учащихся. Автор разработала методическую систему проектно-исследовательской деятельности учеников при изучении школьного курса биологии и осуществила экспериментальную оценку эффективности данной системы. Было установлено, что участие в проектно-исследовательской деятельности развивает такие качества личности школьников, как когнитивность, креативность и оргдеятельность (Леонтьева, 2010, с. 65).

М. И. Гармашов исследовал эффективность видеокomпьютерного физического эксперимента и в ходе педагогического исследования показал, что это средство обучения формирует исследовательские компетенции учащихся (Гармашов, Завьялов, с. 103).

Выяснено, как влияет применение учебно-методического комплекса «Естествознание, 10 класс» на развитие исследовательских способностей учащихся классов гуманитарного профиля (Шлык, 2015, с. 130).

Установлена эффективность учебно-методического комплекса по химии (программа, комплект креативных карт, рабочие тетради, учебное пособие, контрольно-оценочные материалы) для развития умственных умений учащихся (Тушакова, 2009).

Е. А. Самойлов разработал ряд дидактических средств по физике: задачник, учебные пособия, комплекс цифровых образовательных ресурсов, система измерителей для контроля и оценки обученности и интеллектуального развития учащихся – и провел экспериментальную работу по проверке эффективности этих дидактических средств (Самойлов, 2014).

Различные модели развивающего обучения (проектное обучение, педагогический дизайн, проблемное обучение) широко применяются не только в отечественных, но и в зарубежных школах в процессе перехода «к конструктивистским методам обучения, ориентированным на учащегося» (Barak, 2020, p. 74).

Для проектного обучения, по мнению Е. С. Полат, характерно движение к цели образовательного процесса через достижение определенного практического результата, презентуемого учащимся. Близка к проектной деятельности модель STEM-образования (STEM – Science, Technology, Engineering and Mathematics), как одного из вариантов использования исследовательского подхода. При этом специалисты отмечают, что наибольшие трудности в этом случае возникают на этапе разработки необходимых учебно-методических материалов (Сюй, Сунг, Шин, 2020, с. 231).

Значительное распространение получил подход, определяемый как педагогический дизайн – проектирование образовательной среды, включающей новые формы организации обучения учащихся и новые технические средства, в том числе компьютерные технологии и технологии сетевого взаимодействия. Эффективность такого рода исследований (DBR – Design-Based Research) положительно оценивается специалистами (Anderson, Shattuck, 2012). В литературе имеется значительное число примеров разработки систем диалогического обучения, формирования критического или диалектического мышления, например, с использованием технических возможностей глобальных компьютерных сетей, что позволяет учащимся в ходе совместной учебной деятельности анализировать, критически оценивать и обобщать информацию, изложенную в разных источниках на основе различных подходов к изучаемой проблеме (Wu, Shih, Carroll, 2014).

Широкомасштабный поиск педагогами и учеными путей интенсификации развития когнитивных способностей школьников и студентов, их креативных качеств, интереса к продуктивной познавательной деятельности, стимулировал усилия и по развитию проблемного обучения, как в общетеоретическом плане, так и на уровне методик и дидактических средств. Сферой применения проблемного подхода являются различные уровни образования – от начального до высшего. При этом современные стратегии проблемного обучения принято определять как проблемно ориентированное обучение (PBL – Problem-Based Learning). Педагогика PBL акцентирует роль развития критического мышления и приоритет умения преобразовывать знания над их получением, указывает на необходимость создания определенной обучающей среды (Savin-Baden, 2020).

Имеется значительное число исследований, подтверждающих эффективность проблемного обучения при реализации самых разных образовательных программ при условии применения соответствующих дидактических средств:

– при реализации программы бакалавриата по менеджменту с привлечением практически работающих менеджеров, предложивших студентам реальные профессиональные проблемы (Da Silva, 2018);

– при изучении учащимися гимназии курса физики с использованием проблемно-лабораторных занятий (Радулович, Стоянович, 2019, с. 166);

– при освоении школьниками основных тем курса математики и естественно-научных дисциплин 10–11 классов с использованием комплекса проблемных ситуаций и творческих задач естественно-научного содержания, что способствовало через «открытие» учениками субъективно новых знаний росту их творческого потенциала (Кочнев, 2011, с. 115);

– для реализации проблемного обучения информационным технологиям (основная школа) разработаны система проблемных заданий, методические указания для учителей информатики (Панюкова, Прусакова, 2012, с. 29).

В ряде исследований изучено влияние характера образовательного процесса и применяемых при этом дидактических средств на формирование диалектического мышления обучающихся (для разных уровней образования и разного возраста учащихся) (Веракса и др., 2019; Qiu, Tan, 2015; Li, Han, Fu et al., 2021; Daniels, 2012). Выявлено, что изменение профессиональных приоритетов самих учителей в сторону личностно ориентированного развивающего обучения и, в частности, формирования диалектического мышления учащихся является непростой и не решаемой «одномоментно» задачей. Так, даже в образовательной системе Финляндии (которая по праву считается одним из лидеров в сфере образования) определенная часть учителей, отдавая должное активной роли учеников в обучении, по-прежнему считает себя «первой скрипкой оркестра», главными носителями знаний (Ahonen, 2014, с. 177). Проведенное вьетнамскими учеными специальное исследование взглядов учителей Вьетнама на целесообразность применения диалектического обучения показало, что 7,5 % учителей из числа опрошенных считают, что диалектическое обучение неприемлемо для вьетнамских школ, и 3,4 % учителей, осознавая преимущества диалектического обучения, все же не считают необходимым его использование в педагогической практике¹.

Какие выводы позволяет сделать изучение рассмотренных работ?

1. Несмотря на значительные различия дидактического инструментария, что определяется и особенностями предметных областей, для которых предназначены дидактические средства, и несовпадением взглядов авторов на пути практической реализации личностно ориентированного развивающего обучения, есть общая фокусирующая точка, объединяющая исследования: современный творческий тип мышления формируется у учащихся в процессе их активной учебной деятельности, организуемой с использованием специально разработанных средств обучения, отвечающих требованиям развивающего образования.

2. Экспериментальные оценки эффективности дидактических средств, созданных для развития определенных характеристик когнитивной сферы учащихся, свидетельствуют о проявлении своеобразного «мультипликативного» эффекта: одновременно с воздействием дидактического средства на ту характеристику, для которой оно разработано, средство может положительно влиять и на развитие других характеристик когнитивной сферы.

3. Работ, в которых бы рассматривалось влияние дидактических средств проблемного обучения на становление диалектического мышления учащихся, мы не обнаружили.

Материалы и методы

Для оценки результатов изучения курса физики основной школы с использованием дидактического комплекса проблемного обучения «Физика – 7–9» был применен ряд методов.

¹ Bui T. N. L. (2019) Perceptions of Vietnamese Teachers Towards Incorporating Dialectical Thinking: A Transformational Model of Curriculum and Pedagogy. URL: <https://nova.newcastle.edu.au/vital/access/manager/Repository/uon:34892>, с. 127, 125.

Во-первых, использован теоретический метод анализа исследований, авторы которых рассматривали влияние разработанных ими дидактических средств на отдельные стороны развития учащихся.

Во-вторых, проведен педагогический эксперимент по изучению влияния ДКПО «Физика – 7–9» на становление диалектического мышления школьников.

По мнению известного исследователя диалектического мышления М. Бессечеса, «диалектика – это развивающее преобразование (т. е. развивающееся движение от одной формы к другой)» (Бессечес, 2018, с. 53). Это созвучно мысли философа Э. В. Ильенкова: «Объективная реальность всегда развивается через возникновение внутри нее конкретного противоречия, которое и находит свое разрешение в порождении новой, более высокой и сложной формы развития» (Ильенков, 1984, с. 269).

В работах российских психологов в рамках структурно-диалектического подхода, автором которого является Н. Е. Веракса, показано, что существует отдельная форма умственной деятельности человека – диалектическое мышление. Оно «выступает как самостоятельная способность оперирования отношениями противоположности» (Веракса, 2019, с. 4). Иными словами, диалектическое мышление – это творческое, продуктивное мышление, при котором создание нового интеллектуального продукта является результатом осознания противоречия и преобразования структуры проблемной задачи.

Установлено, что начальными формами диалектического мышления обладают уже дошкольники, и в дальнейшем, в зависимости от особенностей образовательной среды, возможно как усиление диалектического мышления, так и превалирование мышления на базе формальной логики.

Формирование диалектического мышления заключается в становлении механизма оперирования противоположностями, умении анализировать противоречия, определять границы справедливости того или иного утверждения, критичности мышления¹. Выделены три взаимосвязанных направления становления диалектического мышления:

– первое основное направление ориентировано на диалектическое противоречие. Формами организации учебной работы при этом являются «сократический диалог», разрешение парадоксов, диспут по обсуждению антиномии;

– второе направление: метод «восхождения от абстрактного к конкретному» путем введения обобщенного понятия, опирающегося на эмпирический опыт, которым обладают учащиеся, и последующего наполнения его конкретным содержанием;

– третье направление: усвоение учениками в доступной им форме категориального аппарата диалектической логики (Кочергина, 2002, с. 25–30).

Формирование диалектического мышления учащихся является сложной задачей. С одной стороны, это обусловлено тем, что при анализе диалектического противоречия многие ученики строят рассуждения по «черно-белому варианту», присущему формально-логическому мышлению, а с другой стороны, учитель должен располагать необходимой системой «диалектических» заданий и быть активным приверженцем идеи, что диалектическое мышление – это «тот тип мышления, который обеспечивает процесс интеллектуального творчества» (Белолуцкая, 2017, с. 51). Для диагностики диалектических структур продуктивного мышления учеников экспериментальных и контрольных классов мы использовали методику «Чего не может быть одновременно?», предложенную психологом А. К. Белолуцкой². Автор методики указывает, что она направлена на изучение различных типов оперирования противоположностями (формальное опосредование, объединение на основе родового понятия, разведение по наблюдателю и времени, метафорическое объединение, продуктивная стратегия).

В-третьих, был проведен эксперимент по изучению влияния ДКПО «Физика – 7–9» на динамику развития интеллектуальных способностей учащихся и умения применять физические знания на практике. Использованы метод психологического тестирования школьников и оценка успешности разрешения ими учебных проблем.

¹ Фасиун П. Критическое мышление: что это такое и почему важно. Перевод на русский язык. Е. Н. Волков, И. Н. Волкова. URL: https://evolkov.net/critic.think/Facione_P/Crit_Think_What_It_Is_and_Why_It_Counts.Facione.P.html

² Белолуцкая А. К. Анализ особенностей диалектических структур мышления детей и взрослых: дис. ... канд. псих. наук. Москва, 2006. 188 с. С. 59–61.

Результаты исследования

Результаты теоретического анализа изученных нами педагогических исследований изложены в заключительной части обзора литературы, где подчеркнута, что проблема реализации учебного процесса развивающего типа требует дидактических средств обучения, созданных специально под цели и задачи развивающего образования.

Основная часть исследования – педагогический эксперимент по изучению влияния характера дидактических средств, используемых при изучении курса физики основной школы, на развитие диалектического мышления. При освоении учащимся школьного курса физики задача формирования норм диалектического мышления имеет особую значимость: «С одной стороны, именно через диалектику школьник может приобщиться к современной физике. С другой – именно в процессе изучения физики он может научиться диалектике» (Тарасов, 1990, с. 11).

Подбор учащихся экспериментальных и контрольных классов в эксперименте был осуществлен с учетом результатов, показанных учениками 7-х классов при прохождении ими ШТУР – школьного теста умственного развития (версия 2.0), состоящего из восьми субтестов (Логинава, 2002, с. 4). Анализ результатов прохождения ШТУР контрольными и экспериментальными классами показал, что классы, выбранные нами в качестве экспериментальных, на начальном этапе эксперимента не превосходят контрольные классы.

В экспериментальных классах изучение курса физики базировалось на авторском дидактическом комплексе проблемного обучения (ДКПО) «Физика – 7–9» (Андрюшечкин, 2017). В контрольных классах использовались классические учебники А. В. Пёрышкина с использованием элементов проблемного обучения.

В ходе диагностики диалектических структур продуктивного мышления (она проводилась с учениками девятых классов в конце учебного года) испытуемые отвечали на пять вопросов; за «диалектически верный» ответ на вопрос присваивался один балл. Результаты приведены в табл.

Результаты, показанные учениками контрольных и экспериментальных классов при диагностике диалектических структур продуктивного мышления**Results shown by students in experimental and control groups when assessing the dialectic structures of productive thinking**

	0	1	2	3	4	5
Число учеников, набравших определенное число баллов, контрольные классы	14	18	5	0	0	0
Число учеников, набравших определенное число баллов, экспериментальные классы	9	26	4	0	0	0
Число учеников, участвовавших в исследовании, контрольные классы	37					
Число учеников, участвовавших в исследовании, экспериментальные классы	39					

Таким образом, были получены две независимые выборки с результатами диагностики по порядковой шкале с шестью различными рангами-уровнями. Для статистической оценки результатов был использован критерий Вилкоксона – Манна – Уитни (англ. Wilcoxon – Mann – Whitney test) (Грабарь, 1977, с. 83–95), что позволило сделать обоснованный вывод о различии уровней диалектической структуры продуктивного мышления в контрольных и экспериментальных классах.

Психологи, исследовавшие диалектическое мышление детей и подростков, отмечают: «не менее значимым, чем возраст, фактором формирования диалектического мышления оказываются особенности образовательной ситуации, в которой происходит взросление ребенка» (Белолуцкая, 2017, с. 49). Так как образовательный процесс в контрольном и экспериментальном классах отличался на такую «компоненту процесса», как ДКПО «Физика – 7–9», то мы вправе сделать вывод: более высокий уровень диалектического мышления у учеников экспериментального класса «на выходе», при завершении обучения в основной школе, обусловлен применением дидактического комплекса.

Следующая часть педагогического эксперимента заключалась в проверке предположения, что опережение учащимися экспериментальных классов учеников контрольных классов по уровню диалектического мышления может найти свое отражение и в динамике развития интеллекта.

Для сравнения динамики развития интеллектуальных способностей учащихся был использован адаптированный вариант теста структуры интеллекта Р. Амтхауэра (восемь субтестов) (Акимова, Козлова, 2006, с. 90–980). Так как тест Амтхауэра имеет две эквивалентные формы, то тестирование было проведено дважды – в середине 8 класса и в середине 9 класса. Результаты этой части работы таковы:

– к моменту первого тестирования (8 класс) ученики экспериментальных классов не превосходят учеников контрольных классов по исследуемому критерию развития – уровню интеллектуальных способностей;

– результаты второго тестирования (9 класс) свидетельствуют о более высокой динамике изменения уровня интеллектуальных способностей в экспериментальных классах в сравнении с контрольными классами (с достоверностью 95 %).

Известный американский психолог А. Анастаси отмечала, что «большинство тестов на интеллект могут расцениваться в качестве измерителей школьных способностей, или способности успешно обучаться в наших школах» (Анастаси, 2001, с. 485). Применение ДКПО «Физика – 7–9», как показали результаты педагогических экспериментов, привело «на выходе» к более высокому уровню диалектического мышления и уровню интеллекта у учащихся экспериментальных классов, значит, мы вправе рассчитывать и на более высокий уровень усвоения курса физики этими учащимися в сравнении с учениками контрольных классов.

Оценка уровня естественно-научного образования в России и сравнение его с уровнем других стран осуществляются, как известно, путем участия российских школьников в Международной программе по оценке образовательных достижений учащихся (PISA – Programme for International Student Assessment, PISA). Очередной трехгодичный цикл исследований был завершен в 2018 году, его результаты опубликованы PISA 2018: Results. OECD (6 December 2019)¹.

Для российских школьников камнем преткновения, как показывают результаты PISA, явилось выполнение так называемых продуктивных заданий, привязанных к реальному жизненному контексту. Использование проблемного обучения позволяет снять подобные затруднения, так как в рамках деятельностного подхода «учитель развивает у учеников критическое мышление и способность принимать взвешенные решения в условиях неопределенного будущего» (Мруз и др., 2020, с. 186). По этой причине законный интерес для нас дополнительно представляет вопрос о влиянии дидактического комплекса проблемного обучения на уровень применения учащимися полученных ими знаний и умений для решения практических задач повседневной жизни.

Развитие учащихся в этом плане в ходе педагогического эксперимента оценивалось по успешности разрешения ими учебных проблем – «жизненных задач». Задачи предлагались ученикам контрольных и экспериментальных классов в качестве домашнего задания при завершении ими изучения определенного раздела.

В течение педагогического эксперимента ученикам было предложено пять таких задач, выполнение которых оценивалось по порядковой шкале (четырёхуровневая шкала). Ниже в качестве примера приведено условие одной из таких задач и соответствующая ей оценочная шкала.

Жизненная задача

Название задачи. Ледовый городок.

Ситуация. Для осуществления процесса плавления льда необходимо количество теплоты, которого требуется тем больше, чем больше масса льда.

Ваша роль. Архитектор ледового городка.

Результат. Выясните, как время плавления ледовой скульптуры зависит от ее размера. (В качестве ледовых скульптур используйте шарики льда разного размера.) Попробуйте дать теоретическое обоснование полученного вами на опыте результата (учтите, что количество теплоты,

¹ URL: https://www.oecd.org/pisa/Combined_Executive_Summaries_PISA_2018.pdf

поступающее из окружающей среды при неизменной температуре среды, зависит от площади поверхности скульптуры и времени процесса).

Оценочная шкала

Уровень	Критерии присвоения уровня
Нулевой	Ученик не решал задачу или не предоставил собственного самостоятельного варианта решения
Низкий	Ученик изготовил необходимые «модели скульптур», провел наблюдения, предоставил отчет-презентацию
Средний	Ученик изготовил необходимые «модели скульптур», выполнил измерения. Провел обработку результатов измерений (например, построив соответствующий график), сделал вывод, предоставил отчет-презентацию
Высокий	Ученик полностью решил задачу и обосновал вывод о прямо пропорциональной зависимости времени плавления от размера «модели скульптуры»

Статистическая оценка результатов выполнения жизненных задач учениками контрольных и экспериментальных классов была проведена по критерию χ_2 (хи-квадрат) и показала следующее:

- к моменту решения первой жизненной задачи ученики экспериментальных классов не превосходят учеников контрольных классов по исследуемому критерию развития;
- к моменту решения второй задачи также отсутствует статистически наблюдаемое отличие учеников экспериментальных и контрольных классов;
- по результатам решения третьей – пятой жизненных задач зафиксирован статистически достоверный рост критерия развития «уровень применения учащимися полученных ими знаний и умений для решения практических задач повседневной жизни» в экспериментальных классах в сравнении с контрольными классами.

Обсуждение и заключение

Известные эксперты в сфере образования М. Муршед, Ч. Чийоке, М. Барбер, рассматривая вопрос о путях совершенствования школьных систем образования, справедливо отмечают:

- необходимость внесения изменений в структуру системы, изменения ее элементного состава, иерархии и связей;
- необходимость изменения ресурсов системы (финансирования и числа педагогических работников);
- необходимость изменять «учебный процесс, улучшая способ, которым учителя преподают и руководят руководители»¹.

Рассмотрение дидактической эффективности тех или иных средств обучения как раз и относится к вопросу «улучшения способа, которым учителя преподают».

Проведенный нами педагогический эксперимент показал, что ДКПО «Физика – 7–9» является эффективным средством развития диалектичности мышления учащихся в ходе изучения ими курса физики основной школы. Также выявлена более высокая динамика развития интеллектуальных способностей учащихся и более высокий уровень освоения содержания предмета школьниками, изучавшими физику с использованием данного комплекса.

Источники

- Акимова М. К., Козлова В. Т. (2006) Диагностика умственного развития детей. Санкт-Петербург, Питер, 240 с.
- Анастаси А. (2001) Дифференциальная психология. Индивидуальные и групповые различия в поведении. М., Апрель Пресс, Эксмо-Пресс, 742 с.
- Андрюшечкин С. М. (2017) Концепция дидактического комплекса проблемного обучения. Сибирский учитель, № 4 (113), с. 59–61. URL: <http://www.sibuch.ru/sites/default/files/АбрисАндрюшечкин.pdf>.
- Белолуцкая А. К. (2017) Подходы к исследованию диалектического мышления. Психологический журнал, № 2 (38), с. 44–54.
- Бессечес М. (2018) Диалектическое мышление и развитие взрослых. М., Мозаика-Синтез, 568 с.

¹ Mourshed M., Chijioke Ch., Barber M. How the world's most improved school systems keep getting better. URL: <https://www.mckinsey.com/industries/public-and-social-sector/our-insights/how-the-worlds-most-improved-school-systems-keep-getting-better>.

- Болотова А. И. (2009) Использование рабочей тетради для раскрытия смысла умножения. Начальная школа плюс до и после, № 3, с. 90–94. URL: <http://school2100.com/upload/iblock/40b/40b65927a88352bob2of10b426ab2497.pdf>.
- Бунеев Р. Н. (2009) Учет психолого-педагогических принципов нового поколения в образовательной системе. Начальная школа плюс до и после, № 6, с. 78–81. URL: <http://school2100.com/upload/iblock/1ad/1ad4be93ecbdc801918baf61ce541326.pdf>.
- Веракса Н. Е. (2019) Диалектическое мышление: логика и психология. Культурно-историческая психология, № 3 (15), с. 4–12. DOI: 10.17759/chrp.2019150301.
- Веракса Н. Е., Свиридова Е. В., Туребаев Д. А., Фоминых А. Я. (2019) Диалектическое мышление дошкольников и шкала оценивания поддержки диалектического мышления детей образовательной средой дошкольного учреждения. Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология, т. 9, вып. 4, с. 374–384. DOI: 10.21638/spbu16.2019.404.
- Гармашов М. Ю., Завьялов Д. В. (2012) Методика проведения видеоконьютерного физического эксперимента в средней школе. Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Педагогические науки», № 5 (69), с. 100–103.
- Грабарь М. И. (1977) Применение математической статистики в педагогических исследованиях. Непараметрические методы. М., Педагогика, 136 с.
- Де Кортэ Э. (2019) Проектирование учебного процесса: создание высокоэффективных образовательных сред для развития навыков саморегуляции. Вопросы образования, № 4, с. 30–43. DOI: 10.17323/1814-9545-2019-4-30-46.
- Зеер Э. Ф. (1999) Становление личностно ориентированного образования. Образование и наука, № 1 (1), с. 112–122.
- Ильенков Э. В. (1984) Диалектическая логика: Очерки истории и теории. М., Политиздат, 320 с.
- Камерилова Г. С., Родыгина О. А. (2012) Организация коммуникативной деятельности на уроках географии. Начальная школа плюс до и после, № 2, с. 90–93. URL: <http://school2100.com/upload/iblock/d9f/d9fa2f47a24be9918061645b55810d6a.pdf>.
- Кочергина Н. В. (2002) Теоретико-методологические основы формирования системы методологических знаний при обучении физике в средней школе. Монография. Благовещенск, Изд-во БГПУ, 230 с.
- Кочнев В. П. (2011) Проблемные математические задачи как средство развития творческих способностей учащихся. Образование и наука, № 3 (82), с. 108–116.
- Леонтьева А. В. (2010) Креативность и ее взаимосвязь с проектно-исследовательской деятельностью учащихся. Наука и школа, № 1, с. 64–66.
- Логинова Г. П. (2002) Диагностика умственного развития детей подросткового возраста. М., МГППУ, 41 с.
- Мруз А., Оцеткевич И., Томчик Л., Валотек-Щчаньска К., Ротт Д. (2020) Устойчивое развитие в учебных программах средних школ. Вопросы образования, № 1, с. 182–204. DOI: 10.17323/1814-9545-2020-1-182-204.
- Новиков Д. А. (2004) Статистические методы в педагогических исследованиях (типовые случаи). М., МЗ Пресс, 67 с.
- Ошемкова С. А. (2014) О концепции интегрированного пропедевтического курса физики «Математика и механика». Вестник МГОУ. Серия: Педагогика, № 4, с. 101–108.
- Панюкова С. В., Прусакова О. А. (2012) Психолого-педагогические аспекты развития мышления при реализации проблемного обучения информатике. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Информатизация образования», № 1, с. 29–32.
- Радулович Б., Стоянович М. (2019) Эффективность преподавания физики через призму субъективной оценки умственных усилий учащихся. Вопросы образования, № 3, с. 152–175. DOI: 10.17323/1814-9545-2019-3-152-175.
- Самойлов Е. А. (2014) Экспериментальная проверка системы управления интеллектуальным развитием учащихся физико-математических классов при обучении физике. Поволжский педагогический вестник, № 2 (3), с. 44–47.
- Сюй Ш., Сунг Ч., Шин Х. (2020) Разработка междисциплинарного STEM-модуля для учителей средней школы: поисковое исследование. Вопросы образования, № 2, с. 230–251. DOI: 10.17323/1814-9545-2020-2-230-251.
- Тарасов Л. В. (1990) Современная физика в средней школе. М., Просвещение, 288 с.
- Тушакова З. Р. (2009) Методика использования креативных карт при обучении химии как средство развития учащихся. Вестник Тобольской государственной социально-педагогической академии, № 1, с. 112–115.
- Хорватова З., Чайкова А. (2018) Социально-экономические аспекты политики Европейского Союза в области образования. Интеграция образования, № 3 (22), с. 412–425. DOI: 10.15507/1991-9468.092.022.201803.412-425.
- Чуприкова Н. И. (1994) Умственное развитие и обучение (Психологические основы развивающего обучения). М., АО «Столетие», 192 с.
- Шлык Н. С. (2015) Наблюдение как средство развития исследовательских способностей учащихся на уроках естествознания в старшей школе. Школа будущего, № 2, с. 126–130.
- Ahonen, E., Pyhältö, K., Pietarinen, J., Soini, T. (2014) Teachers' professional beliefs about their roles and the pupils' roles in the school. Teacher Development, no. 18 (2), pp. 177–197. DOI: 10.1080 / 13664530.2014.900818.

- Anderson T., Shattuck J. (2012) Design-Based Research: A Decade of Progress in Education Research. *Educational Researcher*, no. 41 (1), pp. 16–25. DOI: 10.3102/0013189X11428813.
- Barak M. (2020) Problem-, Project- and Design-Based Learning: Their Relationship to Teaching Science, Technology and Engineering in School. *Journal of Problem-Based Learning*, no. 7 (2), pp. 94–97. DOI: 10.24313/jpbl.2020.00227.
- Daniels H. (2012) Dialectic and Dialogic: The essence of a Vygotskian Pedagogy. *Cultural-Historical Psychology*, no. 3, pp. 70–79.
- Da Silva A. B., de Araújo Bispo A. C. K., Rodriguez D. G., Vasquez F. I. F. (2018) A Proposal for Structuring PBL and its Implications for Learning among Students in an Undergraduate Management Degree Program. *Revista de Gestão*, no. 25 (2), pp. 160–177. DOI: 10.1108/REGE-03-2018-030.
- Engeström Y. (2020) Ascending from the Abstract to the Concrete as a Principle of Expansive Learning. *Psychological Science and Education*, no. 5 (25), pp. 31–43. DOI: 10.17759/pse.2020250503.
- Li X., Han Z., Fu J., Mei Y., Liu J. (2021) Debate: A New Approach for Improving the Dialectical Thinking of University Students. *Innovations in Education and Teaching International*, no. 58, pp. 95–106. DOI: 10.1080/14703297.2019.1640123.
- Qiu Li Q., Tan X. (2015) Heuristic Teaching and Dialectical Thinking Education in Theoretical Mechanics. A Case Study of Conservation Law of Motion of Mass Center. *Proceedings of the 1st International Conference on Arts, Design and Contemporary Education (ICADCE 2015)*, pp. 930–933. DOI: 10.2991/icadce-15.2015.225.
- Savin-Baden M. (2020) What Are Problem-Based Pedagogies? *Journal of Problem-Based Learning*, no. 7 (1), pp 3–10. DOI: 10.24313/jpbl.2020.00199.
- Wu Y., Shih P. C., Carroll J. M. (2014) Design for Supporting Dialectical Constructivist Learning Activities. *Conference: Proceedings of the International Conference on Education and New Learning Technologies (July 2014)*. Barcelona, Spain. DOI: 10.13140/2.1.1908.6724.

References

- Ahonen, E., Pyhältö, K., Pietarinen, J., Soini, T. (2014) Teachers' professional beliefs about their roles and the pupils' roles in the school. *Teacher Development*, no. 18 (2), pp. 177–197. DOI: 10.1080 / 13664530.2014.900818.
- Anderson T., Shattuck J. (2012) Design-Based Research: A Decade of Progress in Education Research. *Educational Researcher*, no. 41 (1), pp. 16–25. DOI: 10.3102/0013189X11428813.
- Akimova M. K., Kozlova V. T. (2006) Diagnostika umstvennogo razvitiya detey [Diagnostics of children's mental development]. St. Petersburg, Piter Publ., 240 p. (In Russ.)
- Anastazi A. (2001) Differentsial'naya psikhologiya. Individual'nyye i gruppovyye razlichiya v povedenii [Differential psychology. Individual and group differences in behavior]. Moscow, Aprel' Press, Eksmo-Press, 742 p. (In Russ.)
- Andryushechkin S. M. (2017) Kontseptsiya didakticheskogo kompleksa problemnogo obucheniya [Concept of didactic system in problem-based learning]. *Siberian Teacher*, no. 4 (113), pp. 59–61. Available at: <http://www.sibuch.ru/sites/default/files/AbrisAndryushechkin.pdf>. (In Russ.)
- Barak M. (2020) Problem-, Project- and Design-Based Learning: Their Relationship to Teaching Science, Technology and Engineering in School. *Journal of Problem-Based Learning*, no. 7 (2), pp. 94–97. DOI: 10.24313/jpbl.2020.00227.
- Belolutskaia A. K. (2017) Podkhody k issledovaniyu dialekticheskogo myshleniya [Approaches to the study of dialectical thinking]. *Psychological journal*, no. 2 (38), pp. 44–54 (In Russ.)
- Besseches M. (2018) Dialekticheskoye myshleniye i razvitiye vzroslykh [Dialectical Thinking and Adult Development]. Moscow, Mozaika-Sintez Publ., 568 p. (In Russ.)
- Bolotova A. I. (2009) Ispol'zovaniye rabochey tetradi dlya raskrytiya smysla umnozheniya [Usage of a workbook for multiplication sense disclosing]. *Nachal'naya shkola plus do i posle – Primary School plus Before and After*, no. 3, pp. 90–94. Available at: <http://school2100.com/upload/iblock/40b/40b65927a88352b0b20f10b426ab2497.pdf> (In Russ.)
- Buneyev R. N. (2009) Uchet psikhologo-pedagogicheskikh printsipov novogo pokoleniya v obrazovatel'noy sisteme [Psychological-Pedagogical New Generation Principles Considering in Correlation with Educational System]. *Nachal'naya shkola plus do i posle – Primary School plus Before and After*, no. 6, pp. 78–81. Available at: <http://school2100.com/upload/iblock/1ad/1ad4be93ecbdc801918baf61ce541326.pdf> (In Russ.)
- Chuprikova N. I. (1994) Umstvennoye razvitiye i obucheniye (Psikhologicheskiye osnovy razvivayushchego obucheniya) [Mental development and learning (Psychological foundations of developmental education)]. Moscow, Publishing House "Stoletie", 192 p. (In Russ.)
- Daniels H. (2012) Dialectic and Dialogic: The essence of a Vygotskian Pedagogy. *Cultural-Historical Psychology*, no. 3, pp. 70–79.
- Da Silva A. B., de Araújo Bispo A. C. K., Rodriguez D. G., Vasquez F. I. F. (2018) A Proposal for Structuring PBL and its Implications for Learning among Students in an Undergraduate Management Degree Program. *Revista de Gestão*, no. 25 (2), pp. 160–177. DOI: 10.1108/REGE-03-2018-030.
- De Korte E. (2019) Proektirovaniye uchebnogo protsessa: sozdaniye vysokoeffektivnykh obrazovatel'nykh sred dlya razvitiya navykov samoregulyatsii [Learning Design: Creating Powerful Learning Environments for Self-Regulation Skills]. *Educational Studies (Moscow)*, no. 4, pp. 30–43. DOI: 10.17323/1814-9545-2019-4-30-46 (In Russ.)

- Engeström Y. (2020) Ascending from the Abstract to the Concrete as a Principle of Expansive Learning. *Psychological Science and Education*, no. 5 (25), pp. 31–43. DOI: 10.17759/pse.2020250503.
- Garmashov M. YU., Zav'yalov D. V. (2012) Metodika provedeniya videokomp'yuternogo fizicheskogo eksperimenta v sredney shkole [Methods of video computer physics experiment at secondary school]. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, no. 5 (69), pp. 100–103 (In Russ.)
- Grabar' M. I. (1977) *Primeneniye matematicheskoy statistiki v pedagogicheskikh issledovaniyakh. Neparаметрические методы [Application of mathematical statistics in pedagogical research. Nonparametric methods]*. Moscow, Pedagogika Publ., 136 p.
- Hsu S., Sung C., Sheen H. (2020) Razrabotka mezhdistsiplinarnogo STEM-modulya dlya uchiteley sredney shkoly: poiskovoye issledovaniye [Developing an interdisciplinary bio-sensor STEM module for secondary school teachers: an exploratory study]. *Educational Studies (Moscow)*, no. 2, pp. 230–251. DOI: 10.17323/1814-9545-2020-2-230-251 (In Russ.)
- Il'yenkov E. V. (1984) *Dialekticheskaya logika: Ocherki istorii i teorii [Dialectical Logic: Essays on History and Theory]*. Moscow, Politizdat, 320 p. (In Russ.)
- Kamerilova G. S., Rodygina O. A. (2012) Organizatsiya kommunikativnoy deyatel'nosti na urokakh geografii [The organization of communicative activity at geography lessons]. *Nachal'naya shkola plus do i posle – Primary School plus Before and After*, no. 2, pp. 90–93. Available at: <http://school2100.com/upload/iblock/d9f/d9fa2f47a24be9918061645b55810d6a.pdf> (In Russ.)
- Khorvatova Z., Chaykova A. (2018) Sotsial'no-ekonomicheskiye aspekty politiki Yevropeyskogo Soyuza v oblasti obrazovaniya [Social and Economic Aspects of the EU Education Policy]. *Integratsiya obrazovaniya – Integration of Education*, no. 3 (22), pp. 412–425. DOI: 10.15507/1991-9468.092.022.201803.412-425 (In Russ.)
- Kochergina N. V. (2002) *Teoretiko-metodologicheskiye osnovy formirovaniya sistemy metodologicheskikh znaniy pri obuchenii fizike v sredney shkole [Theoretical and methodological foundations of the formation of a system of methodological knowledge in teaching physics in secondary school]*. Monograph. Blagoveshchensk, BGPU Publishing House, 230 p.
- Kochnev V. P. (2011) Problemye matematicheskiye zadachi kak sredstvo razvitiya tvorcheskikh sposobnostey uchashchikhsya [Problem mathematical tasks as a means of developing students creative abilities]. *Obrazovaniye i nauka – The Education and Science Journal*, no. 3 (82), pp. 108–116 (In Russ.)
- Leont'yeva A. V. (2010) Kreativnost' i yeye vzaimosvyaz' s proyektno-issledovatel'skoy deyatel'nost'yu uchashchikhsya [Creativity problem and its connection with project and research activity of pupils]. *Nauka i shkola – Science and School*, no. 1, pp. 64–66 (In Russ.)
- Li X., Han Z., Fu J., Mei Y., Liu J. (2021) Debate: A New Approach for Improving the Dialectical Thinking of University Students. *Innovations in Education and Teaching International*, no. 58, pp. 95–106. DOI: 10.1080/14703297.2019.1640123.
- Loginova G. P. (2002) Diagnostika umstvennogo razvitiya detey podrostkovogo vozrasta [Diagnostics of the mental development of adolescent children]. Moscow, MGPPU Publ., 41 p. (In Russ.)
- Mruz A., Otsetkevich I., Tomchik L., Valotek-Shchchan'ska K., Rott D. (2020) Ustoychivoye razvitiye v uchebnykh programmakh srednikh shkol [Sustainable Development in Secondary Schools Curricula]. *Educational Studies (Moscow)*, no 1, pp. 182–204. DOI: 10.17323/1814-9545-2020-1-182-204. (In Russ.)
- Novikov D. A. (2004) *Statisticheskkiye metody v pedagogicheskikh issledovaniyakh (tipovyye sluchai) [Statistical methods in pedagogical research (typical cases)]*. Moscow, MZ Press, 67 p. (In Russ.)
- Oshemkova S. A. (2014) O kontseptsii integrirovannogo propedevticheskogo kursa fiziki "Matematika i mekhanika" [On the concept of an integrated introductory course of physics "Mathematics and Mechanics"]. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Pedagogics*, no. 4, pp. 101–108 (In Russ.)
- Panyukova S. V., Prusakova O. A. (2012) Psikhologo-pedagogicheskiye aspekty razvitiya myshleniya pri realizatsii problemnogo obucheniya informatike [Psycho-pedagogical aspects of mentality development while realizing problem-solving teaching in IT]. *RUDN Journal of Informatization in Education*, no. 1, pp. 29–32 (In Russ.)
- Qiu Li Q., Tan X. (2015) Heuristic Teaching and Dialectical Thinking Education in Theoretical Mechanics. A Case Study of Conservation Law of Motion of Mass Center. *Proceedings of the 1st International Conference on Arts, Design and Contemporary Education (ICADCE 2015)*, pp. 930–933. DOI: 10.2991/icadce-15.2015.225.
- Radulovich B., Stoyanovich M. (2019) Effektivnost' prepodavaniya fiziki cherez prizmu sub'yektivnoy otsenki umstvennykh usliy uchashchikhsya [Comparison of Teaching Instruction Efficiency in Physics through the Invested Self-Perceived Mental Effort]. *Educational Studies (Moscow)*, no. 3, pp. 152–175. DOI: 10.17323/1814-9545-2019-3-152-175. (In Russ.)
- Samoylov Ye. A. (2014) Eksperimental'naya proverka sistemy upravleniya intellektual'nym razvitiyem uchashchikhsya fiziko-matematicheskikh klassov pri obuchenii fizike [Experimental verification of intellectual development control system as exemplified in teaching physics in physics and maths classes]. *Povolzhskiy pedagogicheskiy vestnik – Volga Pedagogical Bulletin Journal*, no. 2 (3), pp. 44–47. (In Russ.)
- Savin-Baden M. (2020) What Are Problem-Based Pedagogies? *Journal of Problem-Based Learning*, no. 7 (1), pp 3–10. DOI: 10.24313/jpbl.2020.00199.
- Shlyk N. S. (2015) Nablyudeniye kak sredstvo razvitiya issledovatel'skikh sposobnostey uchashchikhsya na urokakh yestestvoznaniya v starshey shkole [Monitoring as a means of development of research

- abilities of students in natural sciences in high school]. *Shkola budushchego = School of the future*, no. 2, pp. 126–130 (In Russ.)
- Tarasov L. V. (1990) *Sovremennaya fizika v sredney shkole [Modern physics in secondary school]*. Moscow: M., Prosveshcheniye Publ., 288 p. (In Russ.)
- Tushakova Z. R. (2009) *Metodika ispol'zovaniya kreativnykh kart pri obuchenii khimii kak sredstvo razvitiya uchashchikhsya [Technique and use of creative cards when tutoring chemistry as a pupil development tool]*. *Vestnik Tobol'skoy gosudarstvennoy sotsial'no-pedagogicheskoy akademii – Bulletin of the Tobolsk State Social and Pedagogical Academy*, no. 1, pp. 112–115. (In Russ.)
- Veraksa N. Ye. (2019) *Dialekticheskoye myshleniye: logika i psikhologiya [Dialectical Thinking: Logics and Psychology]*. *Cultural-Historical Psychology*, no. 3 (15), pp. 4–12. DOI: 10.17759/chp.2019150301 (In Russ.)
- Veraksa N. Ye., Sviridova Ye. V., Turebayev D. A., Fominykh A. YA. (2019) *Dialekticheskoye myshleniye doskol'nikov i shkala otsenivaniya podderzhki dialekticheskogo myshleniya detey obrazovatel'noy sredoy doskol'nogo uchrezhdeniya [Scale for Assessing the Support of Dialectic Thinking of Children in the Educational Environment of a Preschool Institution]*. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, vol. 9, issue 4, pp. 374–384. DOI: 10.21638/spbu16.2019.404 (In Russ.)
- Wu Y., Shih P. C., Carroll J. M. (2014) *Design for Supporting Dialectical Constructivist Learning Activities. Conference: Proceedings of the International Conference on Education and New Learning Technologies (July 2014)*. Barcelona, Spain. DOI: 10.13140/2.1.1908.6724.
- Zeyer E. F. (1999) *Stanovleniye lichnostno oriyentirovannogo obrazovaniya [Formation of personality-oriented education]*. *The Education and Science Journal*, no. 1 (1), pp. 112–122. (In Russ.)

Информация об авторе

Андрюшечкин Сергей Михайлович

Кандидат педагогических наук, младший научный сотрудник кафедры педагогики, психологии и социальной работы. Омская гуманитарная академия, г. Омск, РФ.
ORCID ID: 0000-0002-4605-9425.
E-mail: asm57@mail.ru

Author's information

Sergey M. Andryushechkin

Cand. Sc. (Pedagogy), Junior Researcher at the Department of Pedagogy, Psychology and Social Work. Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russian Federation.
ORCID ID: 0000-0002-4605-9425.
E-mail: asm57@mail.ru

УДК 796.015.6; 613.955

DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.19

Научная статья

И. И. Новикова¹✉, О. М. Куликова^{1, 2}, И. Г. Шевкун³, Г. В. Яновская³

✉ novik_ir70@rambler.ru

¹Новосибирский научно-исследовательский институт гигиены Роспотребнадзора, г. Новосибирск, Российская Федерация

²Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики, г. Новосибирск, Российская Федерация

³Федеральная служба Роспотребнадзора, г. Москва, Российская Федерация

Нормирование физических нагрузок в детско-юношеском спорте как инструмент сохранения здоровья детей: систематический обзор трудов отечественных и зарубежных ученых

Аннотация: Цель исследования: на основании систематического обзора трудов отечественных и зарубежных ученых определить степень проработанности вопроса нормирования нагрузки в детско-юношеском спорте, разработанности критериев оптимальности ее объемов и интенсивности для различных возрастных групп детей. Систематический обзор включал анализ трудов отечественных и зарубежных ученых в справочных базах данных PubMed, Scopus, Google Scholar, eLibrary.Ru за период 2018–2022 гг. Проанализировано 40 публикаций отечественных и зарубежных ученых, 67 нормативно-правовых документов по исследуемой проблематике. В результате выявлено, что современные исследования по заявленной проблематике фрагментарны, в статьях анализируются отдельные аспекты влияния физических нагрузок на здоровье детей, четко не определены критерии их оптимизации и нормирования в детско-юношеском спорте. В литературных источниках указываются различные возрастные периоды начала занятий спортом. Для решения задач оптимизации физических нагрузок используется показатель ЧСС или экспертные знания тренеров с учетом значений, указанных в стандартах. При этом отсутствует единая унифицированная структура периодов формирования двигательных функций у детей, необходимых для занятий тем или иным видом спорта. На основании вышесказанного может быть сделан вывод, что требуется создание унифицированной системы критериев нормирования физических нагрузок в детско-юношеском спорте, выявления чувствительных фаз развития двигательных функций у детей различных возрастов, решения задачи определения оптимальных периодов начала занятий детей тем или иным видом спорта.

Ключевые слова: нормирование в детско-юношеском спорте, тренировочный процесс, здоровье детей, спортивная педагогика.

Дата поступления статьи: 12 октября 2022 г.

Для цитирования: Новикова И. И., Куликова О. М., Шевкун И. Г., Яновская Г. В. (2023) Нормирование физических нагрузок в детско-юношеском спорте как инструмент сохранения здоровья детей: систематический обзор трудов отечественных и зарубежных ученых. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 17, № 1, с. 176–187. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.19.

Scientific article

I. I. Novikova¹✉, O. M. Kulikova^{1, 2}, I. G. Shevkun³, G. V. Yanovskaya⁴

✉ novik_ir70@rambler.ru

¹Novosibirsk Research Institute of Hygiene of the Federal Service for Supervision of Human Welfare, Novosibirsk, Russian Federation

²Siberian State University of Telecommunications and Information Science, Novosibirsk, Russian Federation

³Federal Service for Supervision of Human Welfare, Moscow, Russian Federation

Physical activity regulation in children's and youth sport as a tool to maintain children's health: systematic review of the works of Russian and foreign scientists

Abstract: Based on a systematic review of the works of national and foreign scientists to determine the degree of elaboration of the issue of rationing the workload in children's and youth sport, the development of criteria for its optimal volumes and intensity for different age groups of children. The systematic review includes analysis of the works

of national and foreign scientists available in the reference databases PubMed, Scopus, Google Scholar, eLibrary.ru for the period 2018-2022. We have analyzed 40 publications of national and foreign scientists, 67 legal documents on the investigated problem. On the basis of the study we have revealed that modern research on the investigated problems are fragmentary, the articles analyze individual aspects of the impact of physical activity on children's health, the criteria for their optimization and rationing in children's and youth sport are not clearly defined. Literature sources indicate different age periods of start times for sports. To solve the problems of optimization of physical activity, the heart rate indicator or the expert knowledge of coaches is used, taking into account the values specified in the standards. However, there is no unified structure of the periods of motor function formation in children required for practicing a particular sport. Based on the above, it can be concluded that it is necessary to create a unified system of criteria for rationing physical loads in children's and youth sports, to identify the sensitive phases of motor function development in children of different ages, to solve the problem of determining the optimal periods of the beginning of children's activities in a particular sport.

Keywords: standardization in children's and youth sport, training process, children's health, physical loads, motor functions.

Paper submitted: October 12, 2022.

For citation: Novikova I. I., Kulikova O. M., Shevkun I. G., Yanovskaya G. V. (2023) Physical activity regulation in children's and youth sport as a tool to maintain children's health: systematic review of the works of Russian and foreign scientists. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 17, no. 1, pp. 176-187. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.19.

Введение

В последние годы в России растет интерес к детско-юношескому спорту. Постепенно увеличивается количество детей, занимающихся спортом. Данный показатель за последние 10 лет вырос в 1,5 раза и составил 23 млн человек¹.

Вовлечение людей в регулярные занятия спортом является одной из приоритетных задач национального проекта «Демография».

Спорт является источником повышенного риска возникновения нарушений здоровья (McHugh et al., 2020). Различные виды спорта, в том числе детско-юношеского, способствуют росту случаев травматизма детей (Солодовник, 2019). Наибольшее количество травм получают дети, занимающиеся популярными видами спорта, такими как футбол, регби, гимнастика и др. (Якубчик, 2021; Mitchell, Pecheva, Modi, 2021). За последние 10 лет уровень госпитализаций по болезням, вызванным занятиями спортом, значимо не снижается (Lystad, 2019).

Это обусловлено наличием ряда проблем в отечественном детско-юношеском спорте (Сейранов и др., 2021; Двейрина и др., 2020; Самойлов и др., 2019; Ситникова, Киндеркнехт, 2021):

- отсутствие единого физкультурно-спортивного образовательного пространства с унифицированным нормативно-правовым регулированием;
- недостаточное научно-методическое обеспечение спортивной подготовки в детско-юношеском спорте;
- несоответствие существующего инструментария нормирования, мониторинга и контроля в детско-юношеском спорте современным требованиям науки и спорта.

Указанные проблемы затрудняют решение вопросов оптимизации и нормирования физических нагрузок в спорте не только на уровне работы тренера, но и на государственном уровне (Сейранов и др., 2020; Бобровский, 2020; Корчагина, 2021; Антипова, Козин, 2020; Чесноков, Морозов, Тарасов, 2020; Подливаев, 2021).

Все это определило необходимость решения задачи выявления оптимального сочетания объема и интенсивности физических нагрузок в детско-юношеском спорте, определения возрастного периода, когда дети могут начать заниматься спортом без ущерба их здоровью. На основании систематического обзора трудов отечественных и зарубежных ученых определить степень проработанности вопроса нормирования нагрузки в детско-юношеском спорте, разработанности критериев оптимальности ее объемов и интенсивности для различных возрастных групп детей.

¹ Министерство спорта РФ. Физическая культура и спорт. Статистическая информация. URL: <http://www.minsport.gov.ru/sport/physical-culture/statisticheskaya-inf/>

Методы

Систематический обзор включал поиск в справочных базах данных PubMed, Scopus, Google Scholar, eLibrary.Ru за период 2018–2022 гг. Также выполнен анализ нормативных документов, регламентирующих детско-юношеский спорт в РФ. Проанализировано 40 публикаций, 67 нормативно-правовых документов.

Для достижения поставленной цели исследование проводилось по следующим вопросам:

- 1) анализ нормативно-правовых документов, регламентирующих в России различные виды спорта;
- 2) научное обоснование минимального возраста начала занятий детей спортом;
- 3) нормирование продолжительности занятий спортом и их интенсивности для разных возрастных групп детей.

Результаты

Вопросы подготовки спортсменов и управления в спорте регламентируются следующими нормативными документами:

- Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации»;
 - Приказ Минспорта России от 27 декабря 2013 г. № 1125 «Об утверждении особенностей организации и осуществления образовательной, тренировочной и методической деятельности в области физической культуры и спорта»;
 - Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.10.2018 № 2245-р «Об утверждении Концепции подготовки спортивного резерва в Российской Федерации до 2025 года» (вместе с «Планом мероприятий по реализации Концепции подготовки спортивного резерва в Российской Федерации до 2025 года»);
 - Приказ Минспорта России от 30.10.2015 № 999 «Об утверждении требований к обеспечению подготовки спортивного резерва для спортивных сборных команд Российской Федерации»;
 - Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»;
 - Федеральные стандарты спортивной подготовки по олимпийским видам спорта;
 - Приказ Министерства спорта Российской Федерации от 14.01.2020 № 13 «О внесении изменений в Порядок формирования и ведения Всероссийского реестра объектов спорта, предоставления сведений из него и внесения в него изменений, утвержденный приказом Минспорта России от 12.09.2014 № 766»;
 - Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 28.03.2019 № 194н «Об утверждении профессионального стандарта «Спортсмен»;
 - Распоряжение правительства РФ от 28 декабря 2021 г. № 3894-р «Концепция развития детско-юношеского спорта в России до 2030 года»;
 - Федеральный закон от 30 апреля 2021 г. № 127-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации»;
 - Федеральный закон от 30 апреля 2021 г. № 127-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».
- Основными задачами детско-юношеского спорта является приобщение лиц в возрасте до 18 лет к систематическим занятиям спортом.

Результаты анализа стандартов спортивной подготовки по некоторым видам спорта приведены в табл.

Рекомендуемый минимальный возраст начала занятий исследуемыми видами спорта (по данным табл.) колеблется в диапазоне от 6 до 11 лет. Рекомендуемое количество часов тренировочных занятий на этапе начальной подготовки лежит в диапазоне от 4,5 до 14 часов в неделю, на тренировочном этапе – от 9 до 22 часов в неделю, совершенствования спортивного мастерства – от 18 до 32 часов в неделю.

Результаты анализа стандартов спортивной подготовки по некоторым видам спорта

The results of the analysis of the standards of sports training in some types of sport

Вид спорта / Kind of sport	Рекомендуемый минимальный возраст начала занятий, лет / Recommended minimum age to start classes, years	Количество тренировочных занятий в неделю, часов / Number of training sessions per week, hours					
		Этапы / Stages					
		Начальной подготовки / Basic training		Тренировочный / Training		Совершенство вания спортивного мастерства / Improvement of sportsmanship	
		До года / Up to a year	Свыше года / Over a year	До двух лет / Up to two years	Свыше двух лет / Over two years		
Футбол / Football	7	3	4	5	7	9	
Бокс / Boxing	10	4,5	6	10–12	14–16	По индивидуальному плану тренировок / According to an individual training plan	
Художественная гимнастика / Gymnastics	6	6	8	12–15	15–18	20–24	
Легкая атлетика / Athletics	9	6	6	9	12	18	
Тяжелая атлетика / Weightlifting	9	6	8	12	15	18	
Биатлон / Biathlon	9	6	9	12	18	24	
Хоккей / Hockey	8	6	9	14	18	24–28	
Стендовая стрельба / Bench shooting	11	6	9	12	18	28	
Фигурное катание на коньках / Figure skating	6	10	14	18	22	32	
Плавание / Swimming	7	6	9	14	20	28	
Тхэквондо / Taekwondo	7	5	6	10	18	28	
Триатлон / Triathlon	10	6	9	16	18	28	
Дзюдо / Judo	7	5	6	12	18	21	
Регби / Rugby	9	6	9	10	14	24	
Спортивная аэробика / Sports aerobics	7	4,5	6	12	18	По индивидуальному плану тренировок / According to an individual training plan	
Пауэрлифтинг / Powerlifting	10	6	8	12	18	24	
Парусный спорт / Sailing	9	6	8	12–14	18	28	

Источник: исследование проводилось по нормативным документам, размещенным на сайте Министерства спорта РФ. URL: <https://www.minsport.gov.ru/sport/podgotovka/82/5502>

Несмотря на достаточную проработанность вопроса оптимального (рекомендуемого) возраста начала занятий различными видами спорта в нормативных документах (табл.) в трудах современных ученых этот вопрос остается недостаточно изученным. В статье Т. А. Погосян «Клас-

сификация возрастных периодов у спортсменов» описана распространенная проблема в отечественной спортивной подготовке несовпадения официального и фактического возрастов начала занятий спортом (Погосян, 2018). Наиболее ранний прием детей в спортивную школу в сложнокординативных видах спорта начинается с 7 лет, когда существуют оптимальные условия для формирования специальных умений и навыков. Но в частных школах, как показали проведенные вышеуказанным автором исследования, дети могут заниматься фигурным катанием с 3 лет, и нагрузки носят зачастую специфический характер. Национальная программа спортивной подготовки по виду спорта «Хоккей» (2020) рекомендует начинать занятия хоккеем с 5 лет. В трудах отечественных ученых отмечается, что оптимальный возраст начала занятий тем или иным видом спорта определяется сформированностью у ребенка двигательных актов, физических и интеллектуальных качеств, выносливости (Семенов, Семенова, 2018). М. В. Пасикова отмечает, что оптимальный возраст начала занятий виндсерфингом – 12–14 лет (Пасикова, 2018). В этот возрастной период, по результатам проведенных исследований, происходит увеличение выносливости ребенка, увеличение скоростно-силовых качеств, повышается пространственная точность. В то же время по современным нормативным документам рекомендуемый возраст начала занятий указанным видом спорта – 9 лет (табл.). В статье В. Е. Водлозерова обосновывается необходимость внесения изменений в приказ Министерства спорта Российской Федерации от 19 января 2018 года № 30 «Об утверждении федерального стандарта спортивной подготовки по виду спорта “триатлон”» о снижении возраста детей для зачисления их на этап начальной спортивной подготовки по данному виду спорта с 10 лет до 7 лет (Водлозеров, 2021).

Библиографический поиск показал, что в современной науке вопросы идентификации чувствительных фаз развития качеств, необходимых для занятий различными видами спорта, изучены в недостаточной степени, фрагментарны и зачастую противоречивы. Анализ результатов исследований (Пярых и др., 2020; Ярошенко, 2020) показывает на частичное совпадение возрастных периодов, в которых происходит интенсивное развитие тех или иных физических качеств ребенка.

В трудах зарубежных ученых указанная проблематика практически не обсуждается. Исследования направлены на изучение отдельных аспектов применения спортивных технологий для развития различных качеств детей с учетом персонализированного подхода. Приведем некоторые результаты таких исследований.

В статье Н. Озтурк и Ф. Унвер (Ozturk, Unver, 2022) исследуются аспекты влияния пилатеса на детей дошкольного возраста. Выявлено, что такие упражнения, как тест на равновесие фламинго, приседания, вытягивания, прыжки в длину с места и другие, оказывают положительное влияние на параметры физической подготовленности и оценку осанки у детей дошкольного возраста. На основании проведенного исследования сделан вывод, что пилатес может быть интересной альтернативой физической активности для детей в возрасте 5–6 лет.

Занятия спортом повышают функциональные возможности детей с кровообращением Фонтена. В статье Дж. Рато с соавторами показано, что при многофакторном анализе еженедельная спортивная практика была лучшим предиктором значений VO_2 у таких пациентов (Rato et al., 2020). Клиницистам следует активно назначать и поощрять физическую активность в этой популяции детей посредством либо регулярных занятий спортом, либо участия в программах кардиореабилитации.

Рекомендуемые нормативы продолжительности занятий спортом и распределения различных видов нагрузки для разных этапов спортивной подготовки также приведены в нормативных документах, регламентирующих спортивную деятельность, размещенных на сайте Министерства спорта (табл.).

Библиографический поиск по вопросам нормирования физических нагрузок и их интенсивности в детско-юношеском спорте в анализируемых справочных базах данных выявил отсутствие систематических и фундаментальных трудов отечественных и зарубежных ученых по данной проблематике.

Отдельные аспекты нормирования физических нагрузок в детско-юношеском спорте рассмотрены в статье «Особенности нормирования физической нагрузки юных спортсменов в тренировочной подготовке» (Абрамова и др., 2020). Авторами статьи выявлено, что приоритет энергообеспечения работы «до отказа» у детей 6–7 лет принадлежит аэробному механизму при низкой активности лактаcidной системы на фоне высокой значимости вегетативной регуляции системы кровообращения в обеспечении мышечной нагрузки в условиях возрастной гетерохронии развития дыхательной системы и механизмов анаэробно-лактатного энергообеспечения. В статье научно обоснован критериальный показатель аэробной нагрузки для юных спортсменов 6–7-летнего возраста: менее 170 ± 5 уд/мин. Превышение этих границ ЧСС для юных спортсменов может приводить к отклонениям в процессах адаптации сердечно-сосудистой системы к нагрузкам в условиях длительных занятий спортом.

В трудах отечественных и зарубежных ученых главным образом исследуются аспекты влияния различных видов физических нагрузок и их интенсивности, ранней специализации в спорте на функциональное состояние и здоровье детей.

В статье М. Кабрал с соавторами рассматриваются концепции спортивной подготовленности ребенка и подростка, предполагающие понимание ограничений, налагаемых ростом и развитием в разном возрасте, а также на этапах полового созревания (Cabral et al., 2022). Авторы статьи отмечают, что у детей, занимающихся спортом, могут возникать такие заболевания, как железодефицитная анемия, спортивная анемия, травмы опорно-двигательного аппарата, ожирение, внезапная сердечная смерть, возвращение к учебе после сотрясения мозга, связанного со спортом, эпилепсия, астма, сахарный диабет, желудочно-кишечные расстройства и пр. У девушек с высокой двигательной активностью часто появляются заболевания, связанные с относительным дефицитом энергии (Female Athlete Triad (Triad)), определяющиеся расстройством пищевого поведения, менструальной дисфункцией, остеопорозом. Авторы статьи не рекомендуют раннюю специализацию детей в спорте, ведущую к повышению рисков нарушения их здоровья.

В других исследованиях отмечается, что ранняя специализация в спорте не является причиной роста вероятности получения травм (McGowan et al., 2020). Источником повышения травматизма является увеличение физических нагрузок для детей. Несоблюдение временных показателей двигательного режима и отдыха также негативно влияет на тренировочный эффект в детско-юношеском спорте (Ачкасов, Бобина, Пашкова, 2018).

Результаты исследований показывают, что умеренная и интенсивная физическая нагрузка оказывает положительное влияние на здоровье детей, главным образом на мальчиков, на их функциональное состояние и паттерны поведения (Allen, 2019; Neville et al., 2021; Matta, 2021). В то же время в ряде трудов получены результаты, что занятия спортом, в том числе в спортивных организациях, не оказывают значимого влияния на здоровье детей различных возрастов (Bjørnagå, 2021).

В ряде трудов отечественных ученых отмечается, что в отдельных видах детско-юношеского спорта продолжительность тренировок превышает допустимые значения и не обеспечивается надлежащий контроль за поведением детей со стороны тренера (Бабикова, Насыбуллина, 2018).

Проведенный библиографический поиск позволил сформировать проблематику в организации тренировочного процесса в детско-юношеском спорте, затрудняющую реализацию концепции его развития в России до 2030 года. Основными проблемами являются недостаточная проработанность вопроса нормирования физических нагрузок в спортивной подготовке детей и определения оптимального возраста начала занятий спортом.

По вопросу рекомендуемого возраста начала занятий детей спортом стандарты спортивной подготовки в России, результаты проводимых исследований в современной науке и практический опыт деятельности спортивных школ различаются. В ряде случаев с учетом опыта деятельности спортивных школ и действия соответствующих нормативных документов оптимальный возраст начала занятий тем или иным видом спорта снижается по сравнению с проводимыми научными исследованиями.

Как показывают исследования, рекомендуемый возраст начала занятий спортом должен совпадать с чувствительными фазами развития двигательных функций у детей, при этом в современной педагогической и спортивной науке указанный вопрос решен в недостаточной степени. Результаты исследований носят обобщенный характер, не позволяют создать единую унифицированную систему возрастной периодизации оптимального формирования двигательных функций, необходимых для занятий тем или иным видом спорта, у детей.

При решении задач планирования тренировочного и соревновательного процессов в детско-юношеском спорте необходимо решать задачи оптимизации и нормирования физической нагрузки. Это обусловлено тем, что чрезмерные нагрузки повышают риски нарушения здоровья детей. Библиографический поиск не выявил разработанных четких критериев нормирования и оптимизации физической нагрузки при организации спортивных занятий у детей. Частично для решения данной задачи используются показатели ЧСС, с помощью которых с достаточной точностью нельзя оценить влияние нагрузок на организм ребенка. В настоящее время задача оптимизации и нормирования физических нагрузок решается тренерами с учетом данных нормативных документов экспертным способом без соответствующего научного обоснования, основанного на результатах современных научных исследований с применением инновационного оборудования и технологий.

Все это требует создания унифицированной системы критериев нормирования физических нагрузок в детско-юношеском спорте, выявления чувствительных фаз развития двигательных функций у детей различных возрастов, решения задачи определения оптимальных периодов начала занятий детей тем или иным видом спорта.

И при этом при проведении исследований для описания нагрузок рекомендуется использовать понятия «Частота», «Интенсивность», «Время», «Тип», «Объем» и «Прогрессия». Более подробное их описание приведено в статье, посвященной ошибочному использованию термина «нагрузка» (Staunton et al., 2022).

Одним из перспективных направлений в исследовании вопросов нормирования физических нагрузок в детско-юношеском спорте является применение компьютерного зрения в сочетании с технологиями биомеханики. Например, в игровых видах спорта технологии компьютерного зрения и глубокого обучения используются для решения задач идентификации спортсменов во время игры, их активностей. В исследовании К. Рангасами предложена предварительно обученная VGG-16 модель распознавания хоккейной активности на основе глубокого обучения, позволяющая выявлять следующие действия игроков: свободный удар, гол, угловой штрафной и длинный угловой (Rangasamy, 2020). В другой статье приведены результаты анализа автоматизированного распознавания движений спортивного танца с применением цифровых технологий (Zheng et al., 2021).

Выводы

На основании проведенного исследования могут быть сделаны следующие выводы.

1. В настоящее время остаются недостаточно изученными вопросы определения оптимальных периодов формирования спортивных способностей у детей разных возрастов. В различных исследованиях приводятся несовпадающие между собой и противоречивые результаты, что не позволяет решать задачи определения минимального (оптимального) возраста начала занятий спортом. Как показывает практический опыт, начало занятий в различных видах спорта зачастую определяется рекомендациями из деятельности спортивных организаций, а не результатами верифицированных научных исследований.

2. Также открытым остается вопрос определения типа и длительности физических нагрузок, их интенсивности для различных групп и возрастов детей. В недостаточной степени решаются вопросы персонификации спортивных нагрузок с учетом индивидуальных особенностей детей. Физические нагрузки в детско-юношеском спорте планируются в большинстве случаев только на этапе составления тренировочных планов с учетом рекомендаций из нормативно-правовых документов и без учета результатов научных исследований отечественных и зарубежных ученых.

Библиографический поиск показал недостаточную проработанность указанного вопроса в современной науке. При проведении дополнительных исследований необходимо определить соотношение между показателями объемов и интенсивности физических нагрузок в детско-юношеском спорте и количеством полученных травм, рисками нарушения здоровья детей.

Для решения вышеуказанных задач могут быть использованы технологии компьютерного зрения и глубокого обучения, позволяющие на современном этапе цифрового развития бесконтактным образом с достаточной точностью решать задачи идентификации спортсменов в различных условиях, расчета их индивидуальных показателей, показателей их тренировочной и соревновательной деятельности, что позволит увеличить скорость и массовость проводимых исследований, в том числе медицинских, повысить объективность получаемых результатов.

Все вышесказанное обосновывает необходимость организации и проведения исследований по вопросам определения минимального возраста начала занятий детей различными видами спорта, выявления оптимальных периодов для разных видов физических нагрузок, их продолжительности и интенсивности для различных возрастных категорий детей, в том числе с применением цифровых технологий. Это позволит разработать здоровьесберегающие технологии и сохранить здоровье нации.

Источники

- Абрамова Т. Ф., Головачев А. И., Никитина Т. М., Полфунтикова А. В. (2021) Особенности нормирования физической нагрузки юных спортсменов в тренировочной подготовке. Теория и практика физической культуры, № 7, с. 75–77.
- Антипова О. С., Козин В. В. (2020) Прикладной аспект применения таксономического метода в системе многолетней подготовки хоккеистов. Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта, № 2 (180), с. 10–16.
- Ачкасов В. В., Бобина О. Н., Пашкова Е. Н. (2018) Системный подход к нормированию физических нагрузок через управление структурными образованиями тренировочного процесса. Вестник Томского гос. педагогического университета, № 8 (197), с. 191–195.
- Бабилова А. С., Насыбуллина Г. М. (2018) Гигиеническая оценка условий и организации тренировочного процесса в детско-юношеских спортивных школах. Здоровье населения и среда обитания, № 12 (309), с. 41–46.
- Бобровский Е. А. (2020) О проблеме развития адаптивного спорта в России. Региональный вестник, № 1, с. 45–46.
- Водлозеров В. Е. (2021) О целесообразности снижения возраста лиц для зачисления на этап начальной подготовки по виду спорта триатлон. Актуальные проблемы физической культуры, спорта и туризма: материалы XV Международной научно-практической конференции, Уфа, 14–15 мая 2021 года. Уфа, Уфимский государственный авиационный технический университет, с. 84.
- Двейрина О. А., Терехина Р. Н., Винер-Усманова И. А. (2020) О концепции развития детско-юношеского спорта в Российской Федерации. Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта, № 9 (187), с. 77–84.
- Корчагина Н. Л. (2021) Влияние состояния материально-технической базы на развитие спорта Азия: научные исследования: экономика и управление, т. 10, № 2 (35), с. 203–206. DOI: 10.26140/apie-2021-1002-0036.
- Национальная программа подготовки хоккеистов: практическое руководство для тренеров возрастных групп 5 лет и младше (2019). Красная Машина. М., Федерация хоккея России, 233 с.
- Национальная программа спортивной подготовки по виду спорта «Хоккей» (2020) В. А. Третьяк, Р. Б. Ротенберг, П. В. Буре, О. В. Браташ, П. В. Шеруимов, Е. А. Сухачев, н. Н. Урюпин, С. М. Черкас, Д. Бохнер. М., Министерство спорта РФ, 320 с.
- Пасикова М. В. (2018) К вопросу о возрастном периоде, оптимальном для начала занятий парусной доской. Инновационное развитие, № 3 (20), с. 139–140.
- Петренко Д. Г. (2020) Проблемы и перспективы правового регулирования физической культуры и спорта в РФ. Высшая школа: научные исследования: материалы Межвузовского научного конгресса, Москва, 25 июня 2020 года. М., Инфинити, с. 11–19.
- Погосян Т. А. (2018) Классификация возрастных периодов у спортсменов. Ученые записки университета Лесгафта, № 6 (160), с. 178–182.
- Подливаев Б. А. (2021) Реализация технологии комплексного отбора спортивно одаренных детей, специализирующихся в спортивных единоборствах. Инновационные технологии в подготовке высококвалифицированных спортсменов в условиях училищ олимпийского резерва: материалы XI Всероссийской научно-практической конференции; 25 марта 2021 года; г. Смоленск. С. 105–109. URL: https://gounuor.kmr.sportsng.ru/media/2021/04/22/1247951957/sbornik_Smolensk.pdf#page=106.

- Пятых М. А., Уделов С. С., Быков Е. В. (2020) Спортивно-оздоровительный и начальный этап спортивной подготовки – фундамент успехов. Физиологический аспект адаптации детей к физическим нагрузкам. Актуальные проблемы спортивной подготовки, оздоровительной физической культуры, рекреации и туризма. Адаптивная физическая культура и медицинская реабилитация: инновации и перспективы развития. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 50-летию УралГУФ. Часть 1. Челябинск, с. 217–224.
- Самойлов А. С., Величко М. Н., Терскова Ю., Доможирова А. С. (2019) Проблемы и перспективы снижения спортивного травматизма спорт-специфичными средствами лечебной физкультуры. Здравоохранение, образование и безопасность, № 2, с. 28–38.
- Сейранов С. Г., Булгакова Н. Ж., Евсеев С. П. (2021) О концепции развития детско-юношеского спорта в Российской Федерации. Вестник спортивной науки, № 1, с. 21–27.
- Сейранов С. Г., Булгакова Н. Ж., Евсеев С. П., Фомиченко Т. Г. (2020) К вопросу о недостатках и противоречиях системы подготовки спортивного резерва в Российской Федерации. Вестник спортивной науки, № 6, с. 29–37.
- Семенов Е. Н., Семенова Е. В. (2018) Анализ поиска научно обоснованных идеальных норм развития детей и подростков, занимающихся спортом. Физическая культура, спорт и здоровье в современном обществе: сборник научных статей Всероссийской с международным участием очно-заочной научно-практической конференции. Воронеж, с. 146–154.
- Ситникова Е. Л., Киндеркнехт А. А. (2021) Организационно-правовые особенности управления физической культурой и спортом: региональный аспект. Вектор экономики, № 8, с. 19–24.
- Солодовник Е. М. (2019) Травматизм на уроках физической культуры: особенности, причины, профилактика. Международный журнал гуманитарных и естественных наук, № 2-1, с. 165–168. DOI: 10.24411/2500-1000-2019-10559.
- Чесно А. В. (2019) Индивидуализация спортивной подготовки спортсменов в различных видах спорта. Шаг в науку: материалы III научно-практической конференции института естествознания и спортивных технологий. М., Московский городской педагогический университет, с. 275–278.
- Чесноков Н. Н., Морозов А. П., Тарасов А. Ю. (2020) Дистанционный контроль физической подготовки юных футболистов 15–16 лет в условиях карантинных мер. Физическая культура, спорт – наука и практика, № 3, 35–39. DOI: 10.53742/1999-6799_2020_03_35.
- Якубчик В. А. (2021) Художественная гимнастика в жизни детей. Качество жизни населения и экология. Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. Пензенский государственный аграрный университет, Пенза, с. 127–131.
- Ярошенко Д. В. (2020) Структура тренировочного занятия на этапе начальной подготовки юных каратистов. Физическая культура. Спорт. Туризм. Двигательная рекреация, т. 5, № 1, с. 92–102.
- Allen Ch. P. (2019) Sport, physical activity and physical education experiences: Associations with functional body image in children. Psychology of Sport and Exercise, no. 45, pp. 48–55. DOI: 10.1016/j.psychsport.2019.101572.
- Bjørnarå H. B. (2021) Does organized sports participation in childhood and adolescence positively influence health? A review of reviews. Preventive Medicine Reports, no. 23, pp. 22–25. DOI: 10.1016/j.pmedr.2021.101425.
- Cabral M. D., Patel D. R., Greydanus D. E., Deleon J., Hudson E., Darweesh S. (2022) Medical perspectives on pediatric sports medicine—Selective topics. Disease-a-Month. DOI: 10.1016/j.disamonth.2022.101327.
- Lystad R. P. (2019) Incidence, costs, and temporal trends of sports injury-related hospitalisations in Australian children over a 10-year period: A nationwide population-based cohort study. Journal of Science and Medicine in Sport, no. 22 (2), pp. 175–180. DOI: 10.1016/j.jsams.2018.07.010.
- Matta P. N. (2021) Low sports participation is associated with withdrawn and depressed symptoms in urban, school-age children. Journal of Affective Disorders, no. 280, pp. 24–29. DOI: 10.1016/j.jad.2020.11.076.
- McGowan J., Whatman Ch., Walters S. (2020) The associations of early specialisation and sport volume with musculoskeletal injury in New Zealand children. Journal of Science and Medicine in Sport, no. 23, pp. 139–144. DOI: 10.1016/j.jsams.2019.09.002.
- McHugh K., Hind K., Cunningham J., Davey D. (2020) A career in sport does not eliminate risk of cardiovascular disease: A systematic review and meta-analysis of the cardiovascular health of field-based athletes. Journal of Science and Medicine in Sport, no. 23 (9), pp. 792–799. DOI: 10.1016/j.jsams.2020.02.009.
- Mitchell P. D., Pecheva M., Modi N. (2021) Acute Musculoskeletal Sports Injuries in School Age Children in Britain. Injury, no. 52 (8), pp. 2251–2256. DOI: 10.1016/j.injury.2021.03.043.
- Neville R. D., Guo Y., Borem K. A., Lakes K. D. (2021) Longitudinal Association Between Participation in Organized Sport and Psychosocial Development in Early Childhood. The Journal of Pediatrics, no. 230, pp. 152–160. DOI: 10.1016/j.jpeds.2020.10.077.
- Ozturk N., Unver F. (2022) The effects of pilates on posture and physical fitness parameters in 5–6 years old children: A non-randomized controlled study. Journal of Bodywork and Movement Therapies, no. 31, pp. 153–158. DOI: 10.1016/j.jbmt.2022.03.009.
- Rangasamy K. (2020) Hockey activity recognition using pre-trained deep learning model. ICT Express, no. 6 (3), pp. 170–174. DOI: 10.1016/j.icte.2020.04.013.

- Rato J., Souza A., Cordeiro S., Mendez M. and Anjos R. (2020) Sports practice predicts better functional capacity in children and adults with Fontan circulation. *International Journal of Cardiology*, no. 306, pp. 67-72. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijcard.2019.11.116>.
- Staunton Cr. A., Abt G., Weaving D., Wundersitz D. W. (2022) Misuse of the term 'load' in sport and exercise science. *Journal of Science and Medicine in Sport*, vol. 25 (5), pp. 439-444. DOI: 10.1016/j.jsams.2021.08.013.
- Zheng H., Liu D., Liu Y. (2021) Design and research on automatic recognition system of sports dance movement based on computer vision and parallel computing. *Microprocessors and Microsystems*, no. 80, pp. 156-167. DOI: 10.1016/j.micpro.2020.103648.

References

- Abramova T. F., Golovachev A. I., Nikitina T. M., Polfantikova A. V. (2021) Osobennosti normirovaniya fizicheskoy nagruzki yunykh sportsmenov v trenirovochnoy podgotovke [Features of normalization of physical activity of young athletes in training]. *Journal "Teoriya i praktika fizicheskoy kultury"*, no. 7, pp. 75-77 (In Russian).
- Achkasov V. V. Bobina O. N., Pashkova E. N. (2018) Sistemnyy podkhod k normirovaniyu fizicheskikh nagruzok cherez upravleniye strukturnymi obrazovaniyami trenirovochnogo protsessa [A systematic approach to the regulation of physical loads through the management of structural formations of the training process]. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, no. 8 (197), pp. 191-195. DOI: 10.23951/1609-624X-2018-8-191-195 (In Russian).
- Allen Ch. P. (2019) Sport, physical activity and physical education experiences: Associations with functional body image in children. *Psychology of Sport and Exercise*, no. 45, pp. 48-55. DOI: 10.1016/j.psychsport.2019.101572.
- Antipova O. S., Kozin V. V. (2020) Prikladnoy aspekt primeneniya taksonomicheskogo metoda v sisteme mnogoletney podgotovki khokkeistov [Applied aspect of the application of the taxonomic method in the system of long-term training of hockey players]. *Scientific notes of the University. P. F. Lesgaft*, no. 2 (180), pp. 10-16. DOI: 10.34835/issn.2308-1961.2020.2.p10-16 (In Russian).
- Babikova A. S., Nasybullina G. M. (2018) Gigiyeicheskaya otsenka usloviy i organizatsii trenirovochnogo protsessa v detsko-yunosheskikh sportivnykh shkolakh. *Public Health and Life Environment*, no. 12 (309), pp. 41-46 (In Russian).
- Bjørnarå H. B. (2021) Does organized sports participation in childhood and adolescence positively influence health? A review of reviews. *Preventive Medicine Reports*, no. 23, pp. 22-25. DOI: 10.1016/j.pmedr.2021.101425.
- Bobrovsky E. A. (2020) O problem razvitiya adaptivnogo sporta v Rossii [On the problem of developing adaptive sports in Russia]. *Regional Bulletin*, no. 1, pp. 45-46 (In Russian).
- Cabral M. D., Patel D. R., Greydanus D. E., Deleon J., Hudson E., Darweesh S. (2022) Medical perspectives on pediatric sports medicine-Selective topics. *Disease-a-Month*. DOI: 10.1016/j.disamonth.2022.101327.
- Chesno A. V. (2019) Individualizatsiya sportivnoy podgotovki sportsmenov v razlichnykh vidakh sporta. Shag v nauku: materialy III Nauchno-prakticheskoy konferentsii institute yestestvoznaniya I sportivnykh tekhnologiy [Individualization of sports training of athletes in various sports. Step into science: materials of the III scientific-practical conference of the Institute of Natural Science and Sports Technologies]. *Moscow, Moscow City Pedagogical University Publ.*, pp. 275-278 (In Russian).
- Chesnokov N. N., Morozov A. P., Tarasov A. Yu. (2020) Distantionnyy kontrol' fizicheskoy podgotovki yunykh futbolistov 15-16 let v usloviyakh karantinnykh mer [Remote control of physical training of young football players aged 15-16 under quarantine measures]. *Physical Education, Sport - Science and Practice*, no. 3, pp. 35-39. DOI: 10.53742/1999-6799_2020_03_35 (In Russian).
- Dveirina O. A., Terekhina R. N., Viner-Usmanova I. A. (2020) O kontseptsii razvitiya detsko-yunosheskogo sporta v Rossiyskoy Federatsii [On the concept of development of youth sports in the Russian Federation]. *Scientific notes of the University. P. F. Lesgaft*, no. 9 (187), pp. 77-84. DOI: 10.34835/issn.2308-1961.2020.9.p77-84 (In Russian).
- Korchagina N. L. (2021) Vliyaniye sostoyaniya material'no-tekhnicheskoy bazy na razvitiye sporta [Influence of the state of the material and technical base on the development of sports]. *Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration*, vol. 10, no. 2 (35), pp. 203-206. DOI: 10.26140/anie-2021-1002-0036 (In Russian).
- Lystad R. P. (2019) Incidence, costs, and temporal trends of sports injury-related hospitalisations in Australian children over a 10-year period: A nationwide population-based cohort study. *Journal of Science and Medicine in Sport*, no. 22 (2), pp. 175-180. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jsams.2018.07.010>.
- Matta P. N. (2021) Low sports participation is associated with withdrawn and depressed symptoms in urban, school-age children. *Journal of Affective Disorders*, no. 280, pp. 24-29. DOI: 10.1016/j.jad.2020.11.076.
- McGowan J., Whatman Ch., Walters S. (2020) The associations of early specialisation and sport volume with musculoskeletal injury in New Zealand children. *Journal of Science and Medicine in Sport*, no. 23, pp. 139-144. DOI: 10.1016/j.jsams.2019.09.002.
- McHugh K., Hind K., Cunningham J., Davey D. (2020) A career in sport does not eliminate risk of cardiovascular disease: A systematic review and meta-analysis of the cardiovascular health of field-based athletes. *Journal of Science and Medicine in Sport*, no. 23 (9), pp. 792-799. DOI: 10.1016/j.jsams.2020.02.009.

- Mitchell P. D., Pecheva M., Modi N. (2021) Acute Musculoskeletal Sports Injuries in School Age Children in Britain. *Injury*, no. 52 (8), pp. 2251–2256. DOI: 10.1016/j.injury.2021.03.043.
- Natsional'naya programma podgotovki khokkeistov: prakticheskoye rukovodstvo dlya trenerov vozrastnykh grupp 5 let i mladshye [National Ice Hockey Training Program: A Practical Guide for Coaches in Age Groups 5 and Under] (2019). Red car. Moscow, Russian Ice Hockey Federation Publ., 233 p. (In Russian).
- Natsional'naya programma sportivnoy podgotovki po vidu sporta "Khokkey" [National program of sports training for the sport "Hockey"] (2020) V. A. Tretyak, R. B. Rotenberg, P. V. Bure, O. V. Bratash, P. V. Sheruimov, E. A. Sukhachev, Ph.D. N. Uryupin, S. M. Cherkas, D. Bochner. Ministry of Sports of the Russian Federation, Moscow, 320 p. (In Russian).
- Neville R. D., Guo Y., Borem K. A., Lakes K. D. (2021) Longitudinal Association Between Participation in Organized Sport and Psychosocial Development in Early Childhood. *The Journal of Pediatrics*, no. 230, pp. 152–160. DOI: 10.1016/j.jpeds.2020.10.077.
- Ozturk N., Unver F. (2022) The effects of pilates on posture and physical fitness parameters in 5–6 years old children: A non-randomized controlled study. *Journal of Bodywork and Movement Therapies*, no. 31, pp. 153–158. DOI: 10.1016/j.jbmt.2022.03.009.
- Pasikova M. V. (2018) K voprosu o vozrastnom periode, optimal'nom dlya nachala zanyatiy parusnoy doskoy [On the question of the age period optimal for starting sailing lessons]. *Innovative Development*, no. 3 (20), pp. 139–140 (In Russian).
- Petrenko D. G. (2020) Problemy i perspektivy pravovogo regulirovaniya fizicheskoy kul'tury i sporta v RF. [Problems and prospects of legal regulation of physical culture and sports in the Russian Federation]. Higher School: Scientific Research: Proceedings of the Interuniversity Scientific Congress. Moscow, Infiniti Publ., pp. 11–19 (In Russian).
- Podlivaev B. A. (2021) Realizatsiya tekhnologii kompleksnogo otbora sportivno odarennykh detey, spetsializiruyushchikhsya v sportivnykh yedinoborstvakh [Implementation of the technology of complex selection of sports gifted children specializing in martial arts]. *Innovative technologies in the training of highly qualified athletes in the conditions of schools of the Olympic reserve: materials of the XI All-Russian scientific and practical conference*; March 25, 2021; Smolensk, pp. 105–109. Available at: https://gounuor.kmr.sportsng.ru/media/2021/04/22/1247951957/sbornik_Smolensk.pdf#page=106 (In Russian).
- Pogosyan T. A. (2018) Klassifikatsiya vozrastnykh periodov u sportsmenov [Classification of age periods in athletes]. *Scientific notes of the University of Lesgaft*, no. 6 (160), pp. 178–182 (In Russian).
- Pyatykh M. A., Udelov S. S., Bykov E. V. (2020) Sportivno-ozdorovitel'nyy i nachal'nyy etap sportivnoy podgotovki – fundament uspekhev. Fiziologicheskii aspekt adaptatsii detey k fizicheskim nagruzkam. [Sports and health-improving and the initial stage of sports training is the foundation of success. Physiological aspect of children's adaptation to physical activity]. *Actual problems of sports training, health-improving physical culture, recreation and tourism. Adaptive physical culture and medical rehabilitation: innovations and development prospects: Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to the 50th anniversary of UralGUF. Part 1. Chelyabinsk*, pp. 217–224 (In Russian).
- Rangasamy K. (2020) Hockey activity recognition using pre-trained deep learning model. *ICT Express*, no. 6 (3), pp. 170–174. DOI: 10.1016/j.ict.2020.04.013.
- Rato J., Souza A., Cordeiro S., Mendez M. and Anjos R. (2020) Sports practice predicts better functional capacity in children and adults with Fontan circulation. *International Journal of Cardiology*, no. 306, pp. 67–72. DOI: 10.1016/j.ijcard.2019.11.116.
- Samoilov A. S., Velichko M. N., Terskov A. Yu., Domozhirova A. S. (2019) Problemy i perspektivy snizheniya sportivnogo travmatizma sport-spetsifichnymi sredstvami lechebnoy fizkul'tury [Problems and prospects for reducing sports injuries by sports-specific means of physical therapy]. *Health, Education and Security*, no. 2, p. 28–38 (In Russian).
- Seiranov S. G., Bulgakova N. Zh., Evseev S. P. (2021) O kontseptsii razvitiya detsko-yunosheskogo sporta v Rossiyskoy Federatsii [On the concept of development of children's and youth sports in the Russian Federation]. *Sports Science Bulletin*, no. 1, pp. 21–27 (In Russian).
- Seyranov S. G., Bulgakova N. Zh., Evseev S. P., Fomichenko T. G. (2020) K voprosu o nedostatkakh i protivorechiyakh sistemy podgotovki sportivnogo rezerva v Rossiyskoy Federatsii [On the issue of shortcomings and contradictions in the system of training the sports reserve in the Russian Federation]. *Sports Science Bulletin*, no. 6, pp. 29–37 (In Russian).
- Semenov E. N., Semenova E. V. (2018) Analiz poiska nauchno obosnovannykh ideal'nykh norm razvitiya detey i podrostkov, zanimayushchikhsya sportom [Analysis of the search for scientifically based ideal norms for the development of children and adolescents involved in sports]. *Physical culture, sports and health in modern society: a collection of scientific articles of the All-Russian with international participation part-time scientific and practical conference. Voronezh, 2018*, pp. 146–154 (In Russian).
- Sitnikova E. L., Kinderknekht A. A. (2021) Organizatsionno-pravovyye osobennosti upravleniya fizicheskoy kul'turoy i sportom: regional'nyy aspekt [Organizational and legal features of physical culture and sports management: a regional aspect]. *Economy vector*, no. 8, pp. 19–24 (In Russian).
- Solodovnik E. M. (2019) Travmatizm na urokakh fizicheskoy kul'tury: osobennosti, prichiny, profilaktika [Injuries in physical education lessons: features, causes, prevention]. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, no. 2-1, pp. 165–168. DOI: 10.24411/2500-1000-2019-10559 (In Russian).

- Staunton Cr. A., Abt G., Weaving D., Wundersitz D.W. (2022) Misuse of the term 'load' in sport and exercise science. *Journal of Science and Medicine in Sport*, vol. 25(5), pp. 439-444. DOI: 10.1016/j.jsams.2021.08.013.
- Vodlozerov V. E. (2021) O tselesoobraznosti snizheniya vozrasta lits dlya zachisleniya na etap nachal'noy podgotovki po vidu sporta triatlon [On the feasibility of reducing the age of persons for admission to the stage of initial training in the sport of triathlon]. *Actual problems of physical culture, sports and tourism: materials of the XV International scientific and practical conference, Ufa, 14- May 15, 2021. Ufa, Ufa State Aviation Technical University*, p. 84 (In Russian).
- Yakubchik V. A. (2021). Khudozhestvennaya gimnastika v zhizni detey [Rhythmic gymnastics in the life of children]. *The quality of life of the population and ecology: a collection of articles of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Penza State Agricultural University Publ.*, pp. 127-131 (In Russian).
- Yaroshenko D. V. (2020) Struktura trenirovochnogo zanyatiya na etape nachal'noy podgotovki yunyh karatistov [The structure of the training session at the stage of initial training of young karatekas]. *Physical culture journal. Sport. Tourism. Motor recreation*, vol. 5, no. 1, pp. 92-102 (In Russian).
- Zheng H., Liu D., Liu Y. (2021) Design and research on automatic recognition system of sports dance movement based on computer vision and parallel computing. *Microprocessors and Microsystems*, no. 80, pp. 156-167. DOI: 10.1016/j.micpro.2020.103648.

Информация об авторах

Новикова Ирина Игоревна

Доктор медицинских наук, профессор,
директор ФБУН «Новосибирский научно-
исследовательский институт гигиены»
Роспотребнадзора, г. Новосибирск, РФ.
ORCID: 0000-0003-1105-471X.
E-mail: novik_ir70@rambler.ru

Куликова Оксана Михайловна

Кандидат технических наук, доцент, ведущий
научный сотрудник. ФБУН «Новосибирский
научно-исследовательский институт
гигиены» Роспотребнадзора, г. Новосибирск,
РФ. Сотрудник отдела международной
деятельности и сопровождения проектов.
Сибирский государственный университет
телекоммуникаций и информатики,
г. Новосибирск, РФ. ORCID: 0000-0001-9082-
9848. E-mail: ya.aaaaa11@yandex.ru

Шевкун Ирина Геннадьевна

Кандидат медицинских наук, начальник
Управления санитарного надзора. Федеральная
служба Роспотребнадзора, г. Москва, РФ.
ORCID: 0000-0002-1796-360X.
E-mail: Shevkun_IG@gsen.ru

Яновская Галина Владиславовна

Начальник отдела организации надзора по
гигиене детей и подростков Управления
санитарного надзора. Федеральная служба
Роспотребнадзора, г. Москва, РФ.
ORCID: 0000-0001-6565-365X.
E-mail: Yanovskaya_GV@gsen.ru

Autor's information

Irina I. Novikova

Dr. Sc. (Medical), Professor, Director. Novosibirsk
Research Institute of Hygiene of the Federal
Service for Supervision of Human Welfare,
Novosibirsk, Russian Federation.
ORCID ID: 0000-0003-1105-471X.
E-mail: novikova_ii@niig.su

Oksana M. Kulikova

Cand. Sc. (Engineering), Associate Professor,
Leading Researcher. Novosibirsk Research
Institute of Hygiene of the Federal Service for
Supervision of Human Welfare, Novosibirsk,
Russian Federation. Employee of the department
of international activities and project support.
Siberian State University of Telecommunications
and Information Science, Novosibirsk, Russian
Federation. ORCID: 0000-0001-9082-9848.
E-mail: ya.aaaaa11@yandex.ru

Irina G. Shevkun

Cand. Sc. (Medical), Leading Researcher, Head of
the Department of Sanitary Supervision. Federal
Service for Supervision of Human Welfare,
Moscow, Russian Federation.
ORCID: 0000-0002-1796-360X.
E-mail: Shevkun_IG@gsen.ru

Galina V. Yanovskaya

Head of the Department of Organization of
Supervision of hygiene of children and adoles-
cents of the Department of Sanitary Supervision.
Federal Service for Supervision of Human Welfare,
Moscow, Russian Federation.
ORCID: 0000-0001-6565-365X.
E-mail: Yanovskaya_GV@gsen.ru

С. Е. Бебинов¹✉, О. Н. Кривошекова¹

✉ bebinov.ru@gmail.com

¹Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет (СибАДИ), г. Омск, Российская Федерация

Модульный подход к формированию у юношей навыков вождения автомобиля в парадигме личностно-деятельностной методологии

Аннотация: Представлены результаты исследования эффективности модульного подхода к формированию навыков вождения автомобиля. Отмечена необходимость тесного взаимодействия между курсантом и мастером производственного обучения вождению. Цель исследования заключается в изучении эффективности модульного подхода к профессиональному обучению водителя по гибким индивидуальным образовательным траекториям. Методологическую основу составляет личностно-деятельностный подход к профессиональной подготовке. В качестве методики обучения вождению автомобиля используется модульный подход. Осуществлен теоретический анализ существующих требований к развитию водительских навыков и представлена их новая классификация и критерии оценки в соответствии с модульной организацией подготовки. Формирование навыков изучается методом экспертных оценок. Результаты исследования состоят в обосновании эффективности модульного обучения курсанта автошколы. Представлена экспериментальная концептуальная модель формирования навыков вождения автомобиля по гибким индивидуальным образовательным траекториям. Подтверждено преимущество в изучении осведомительно-коммуникативного модуля и модуля расположения на проезжей части обучающимися экспериментальной группы. В заключении формулируются выводы, что сущность личностно-деятельностной методологии в формировании навыков вождения автомобиля заключается в перераспределении учебных ресурсов. В качестве инфраструктуры для этого выступает модульное обучение курсанта, в пределах которого осуществляется проектирование гибких индивидуальных образовательных траекторий, что позволяет педагогической системе выйти на новый, более высокий структурный уровень функционирования. В результате повышается эффективность формирования осведомительно-коммуникативных навыков и водительских действий, определяющих безопасность перестроения на проезжей части.

Ключевые слова: формирование навыков вождения, модульный подход, обучение водителя, личностно-деятельностная методология, методическая инфраструктура.

Дата поступления статьи: 16 мая 2022 г.

Для цитирования: Бебинов С. Е., Кривошекова О. Н. (2023) Модульный подход к формированию у юношей навыков вождения автомобиля в парадигме личностно-деятельностной методологии. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 17, № 1, с. 188–197. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.20.

Scientific article

S. E. Bebinov¹✉, O. N. Krivoshchekova¹

✉ bebinov.ru@gmail.com

¹The Siberian State Automobile and Highway University, Omsk, Russian Federation

Developing young men's driving skills using a modular approach in the paradigm of personal-activity methodology

Abstract: The results of a study of the effectiveness of a modular approach used to form driving skills are presented. The necessity of close interaction between a cadet and a driver education teacher is noted. The purpose of the study is to investigate the effectiveness of a modular approach to professional driver training along flexible individual educational trajectories. The methodological basis is the personal-activity approach to professional training. A modular approach is used as a methodology for teaching to drive a car. A theoretical analysis of the existing requirements for the development

of driving skills is carried out and their new classification and evaluation criteria are presented in accordance with the modular organization of training. The formation of skills is studied by the method of expert assessments. The results of the study are to substantiate the effectiveness of modular training for a driving school cadet. An experimental conceptual model for the formation of driving skills along flexible individual educational trajectories is presented. The advantage in the study of the informative-communicative module and the location module on the roadway by the students of the experimental group was confirmed. At the end, the conclusions are formulated that the essence of the personal-activity methodology in the formation of driving skills lies in the redistribution of educational resources. The infrastructure for this is the modular training of the cadet, within which the design of flexible individual educational trajectories is carried out, which allows the pedagogical system to reach a new, higher structural level of functioning. As a result, the effectiveness of the formation of awareness-communicative skills and driving actions to determine the safety of changes on the roadway is increased.

Keywords: formation of driving skills, modular approach to driver training, personal-activity methodology, methodological infrastructure.

Paper submitted: May 16, 2022.

For citation: Bebinov S. E., Krivoshchekova O. N. (2023) Developing young men's driving skills using a modular approach in the paradigm of personal-activity methodology. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 17, no. 1, pp. 188–197. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.20.

Введение

Проблема. Стремительное изменение характеристик дорожного движения повышает актуальность поиска новой методологии профессионального обучения современного водителя автомобиля. Требование к компетентности обучающегося предполагает умение безопасно управлять транспортным средством¹. Для этого необходимо использовать установленный алгоритм управления учебным процессом, который определяет основные изучаемые элементы вождения автомобиля, уточняет методы обучения, последовательность освоения заданий, оценку результатов и последующую коррекцию подготовки (Чернякова, Новикова, 2011). Реализация учебных мероприятий основана на тесном взаимодействии обучающегося и преподавателя или мастера производственного обучения вождению (МПОВ). Необходимо отметить малый срок подготовки водителя в учебном центре. В результате не в полной мере обеспечивается возможность участия курсанта автошколы в самостоятельном планировании учебного процесса. Особенно актуально это при организации практического вождения автомобиля. Обучающийся водитель не имеет достаточного опыта для самостоятельного выбора индивидуальных условий обучения, соответствующих уровню его подготовленности и характера эмоционального ответа на повышающуюся сложность учебных условий в транспортном потоке. В этом случае определяющую роль в планировании подготовки выполняет МПОВ. Принимаемые им решения обуславливают персональное программирование обучения, направленное на достижение заданного уровня компетентности курсанта. Более эффективно – осуществлять программирование с учетом имеющихся индивидуальных особенностей обучающегося. Опираясь на дидактические принципы, важно обеспечить соответствующие по сложности учебные условия, способствующие более эффективному формированию навыков вождения автомобиля. Но современные автошколы не в полной мере придерживаются этой технологии обучения.

Качество обучения водителя в значительной степени определяется гибкостью учебного процесса, возможностью своевременной коррекции структурных характеристик подготовки, учитывающих индивидуальные особенности и уровень подготовленности курсанта автомобильной школы (Бебинов и др., 2018). Таким образом выстраивается вариативный компонент профессионального обучения. Это новое направление в подготовке водителя пока изучено в недостаточной степени. Идея индивидуализации учебного процесса не имеет устоявшейся методологической поддержки личностно-деятельностного обучения, не сформированы практические методы обучения (Зеер, Крежевских, 2022).

¹Приказ Минобрнауки России от 02.08.2013 № 844 (ред. от 13.07.2021) «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего профессионального образования по профессии 190627.01 Водитель городского электротранспорта». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_153250/b534b4ba20a394cdf8e465cca3e546d8ae91380d/

Изучение индивидуальности человека имеет междисциплинарный характер. Более подробно этот вопрос изучен представителями психологической науки. Значительное количество трудов Б. М. Теплова посвящено проявлению в деятельности человека свойств темперамента. Особенности формирования индивидуального стиля исследовались Е. А. Климовым. Условия профессиональной пригодности и производственной адаптации человека представлены в трудах К. М. Гуревича. Е. П. Ильин изучал успешность различных видов активности в соответствии с имеющимися типологическими особенностями проявления свойств нервной системы. Исследованию способностей посвящены труды В. Д. Шадрикова. Этот научный задел образует своеобразный фундамент для изучения феномена индивидуальности в образовании. В профессиональном обучении это понятие тесно связано с педагогической поддержкой учащегося, основанной на имеющихся у него способностях. Действия педагога направлены на «решение тех или иных проблем, возникающих в процессе развития обучающегося в образовательном пространстве» (Ибляминова, 2017, с. 15). Предпосылкой к индивидуализации обучения водителя выступает проектирование индивидуальной траектории профессионального развития, которая интерпретируется исследователями по-разному (Лысуенко, 2014). Одни определяют ее как индивидуальный образовательный маршрут, представляющий дифференцированную учебную программу. Обучение по такой программе должно удовлетворять потребностям обучающегося в реализации имеющихся способностей, учитывая требования образовательных стандартов. Другие придерживаются понятия индивидуальной образовательной траектории, имеющей более широкое значение, включая содержательный, деятельностный и процессуальный аспекты. Важно, что проектирование индивидуальной образовательной траектории распространяется не только на обучение, но и охватывает воспитательный аспект, что имеет высокую актуальность в подготовке водителя (Александрова, 2008). Общим моментом в различном понимании сущности индивидуализации профессионального образования является признание его системной структуры, основанной на личностно-деятельностном подходе и объединяющей: целеполагание, определение содержания обучения, выбор педагогических технологий, диагностический компонент, организацию учебного процесса, получение результата в достижении программируемого уровня компетентности обучающегося водителя (Зеер, Крежевских, 2022; Кекконен и др., 2018).

Стратегия проектирования ГИОТ определяется внешними и внутренними факторами. К первым относятся имеющиеся условия обучения, определяющие его социализацию. Внутренние факторы предопределяются личностью обучающегося, его индивидуальными особенностями и имеющимся опытом (Шихова, Жуйкова, 2013). Поэтому взаимодействие между субъектами учебного процесса позволяет определить персональную стратегию подготовки, направленную на достижение нормативного уровня компетентности обучающегося автошколы (Лысуенко, 2014). Гуманистическая сущность обучения выделяет личность курсанта как высшую ценность. Отмечается, что идеи гуманизма в образовании, как правило, опережают уровень социального развития. Этот феномен связывают с необходимостью смены образовательной парадигмы, что наблюдается в современном профессиональном образовании водителя (Михайлова, Юсфин, 2001).

Существующие потребности современного курсанта автошколы делают необходимым переход от жесткого администрирования подготовки¹ к гибким индивидуальным образовательным траекториям, под которыми понимается технологический процесс проектирования индивидуальной вариативной тактики формирования водительских навыков в соответствующих по интенсивности условиях транспортного потока. Содержание процесса проектирования определяет цель, результативную сторону обучения, экономичность учебной деятельности, возможность ее повторения в определенных алгоритмах, проектируемость обучения в вариативном компоненте образовательной программы, целостность учебного процесса, его управляемость и возможность корректирования, а также визуализации и гибкости обучения (Яковлев и др., 2014; Чошанов, 2011).

Цель исследования заключается в изучении эффективности модульного подхода к профессиональному обучению водителя по гибким индивидуальным образовательным траекториям (ГИОТ).

¹ Приказ Министерства образования и науки РФ от 26.12.2013 № 1408 «Об утверждении примерных программ профессионального обучения водителей транспортных средств соответствующих категорий и подкатегорий» (Зарегистрирован в Минюсте России 09.07.2014 № 33026). URL: <https://base.garant.ru/70695708/>

Методы

Современные программы профессионального обучения водителя имеют недостаточную методологическую поддержку. Методический инструментарий не в полной мере способствует достижению нормативного уровня компетентности курсанта автошколы. Для решения этой проблемы в исследовании в качестве методологической основы выбран личностно-деятельностный подход, определяющий ведущую роль личности обучающегося водителя в достижении цели обучения через выполнение учебной деятельности. Кроме этого, в качестве методической базы для проектирования ГИОТ используется модульный подход (Чошанов, 2011).

Предлагаемая классификация формируемых навыков вождения автомобиля в условиях транспортного потока построена на теоретическом анализе нормативной правовой¹ и методической литературы (Цыганков, 2006), выполнена ее систематизация, сравнение и обобщение. Формирование навыков вождения автомобиля изучалось методом экспертных оценок (Климов, 1969). Полученные результаты интерпретированы с использованием методов математической статистики. В качестве экспериментальной базы выступил учебный центр «Технопарк» г. Омска. Наблюдались юноши 18–22 лет (экспериментальная группа n = 43; контрольная группа n = 70), ранее не имевшие опыта управления автомобилем.

Контрольная группа обучалась согласно требованиям приказа Министерства образования и науки РФ². Занятия по вождению автомобиля участников экспериментальной группы проходили в соответствующих по интенсивности движения транспортных потоках с поурочной оценкой подготовленности. Это позволило проектировать ГИОТ для каждого курсанта.

Результаты

Личностно-деятельностная методология обучения водителей определяет пять основных стадий формирования навыков вождения автомобиля. На первой осуществляется формирование мысленного образа изучаемых действий. У курсанта формируется обобщенное представление о том, чему он должен научиться (Ильин, 2003). Вторая стадия заключается в первоначальном изучении действий управления автомобилем. На этом этапе выполняемая деятельность характеризуется низкой скоординированностью вождения и большим количеством ошибок. Внимание обучающегося направлено на контроль изучаемых действий. В ходе реализации третьей стадии формируется динамический стереотип управления автомобилем. Начинает проявляться сложная структура выполняемых действий. Но по-прежнему вождение контролируется вниманием курсанта. В случае перераспределения внимания вновь появляются ошибки управления автомобилем. На протяжении четвертой стадии формируются автоматизмы водительской деятельности. Внимание обучающегося перераспределяется на объекты дорожного движения, позволяя получать более полную информацию об условиях вождения. Эта стадия имеет как положительные, так и отрицательные характеристики. С одной стороны, сформированный автоматизм управления позволяет переключить внимание на обеспечение безопасности движения в транспортном потоке. С другой – в случае отклонения от заданной программы вождения у курсанта появляются значительные затруднения в управлении учебным автомобилем. Снизить отрицательное влияние позволяет пятая стадия формирования навыков вождения – вариативность действий. На этом уровне у обучающегося появляется возможность под косвенным контролем внимания выявлять возникающие отклонения в программе управления автомобилем и предпринимать своевременные корректирующие действия для сохранения равновесия в системе «водитель – автомобиль – дорога – среда движения».

Последовательный характер формирования водительских навыков располагается в основе концептуальной модели обучения по ГИОТ (рис. 1).

¹ Приказ МВД России от 20.02.2021 № 80 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по проведению экзаменов на право управления транспортными средствами и выдаче водительских удостоверений» (Зарегистрировано в Минюсте России 22.03.2021 № 62837). URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1452812/#:~:text=>

² Приказ Министерства образования и науки РФ от 26.12.2013 № 1408 «Об утверждении примерных программ профессионального обучения водителей транспортных средств соответствующих категорий и подкатегорий» (Зарегистрирован в Минюсте России 09.07.2014 № 33026) URL: <https://base.garant.ru/70695708/>

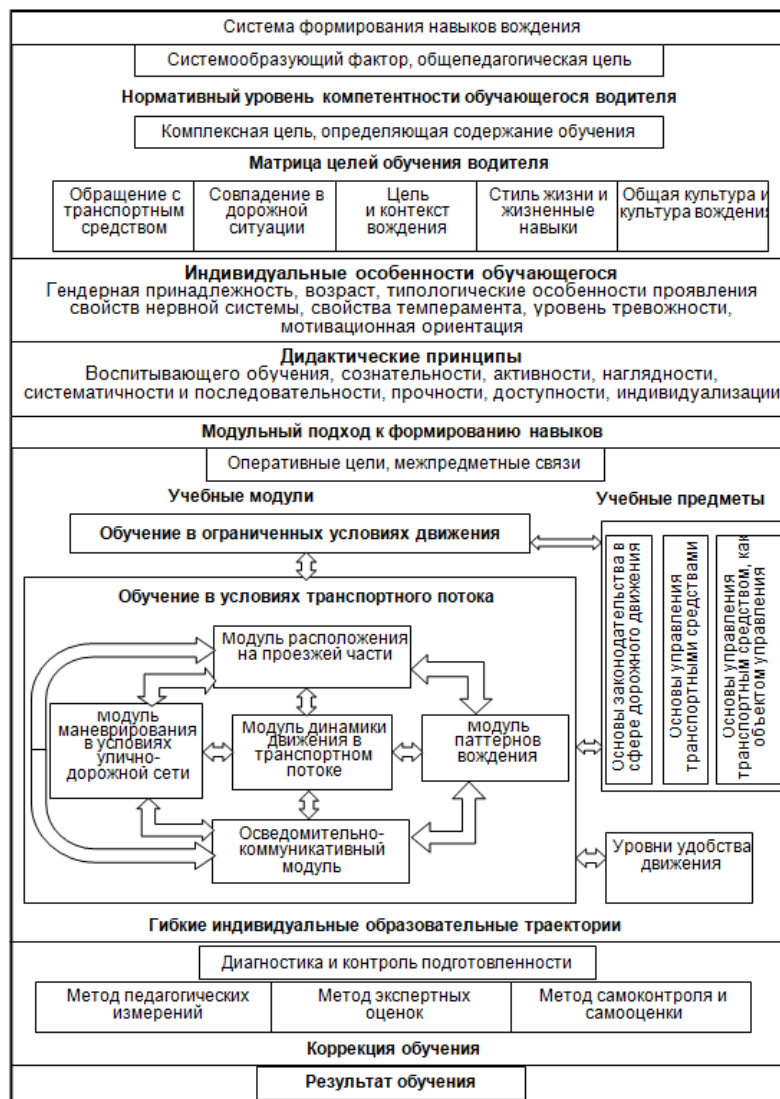

Рис. 1. Концептуальная модель формирования водительских навыков по ГИОТ

Fig. 1. Conceptual model of the formation of driving skills according to FIET

Системообразующим фактором модели является общепедагогическая цель обучения водителя, заключающаяся в формировании заданного уровня профессиональной компетентности. Комплексная цель согласуется со структурой матрицы целей обучения водителя (Keskinen, 1996) и определяет содержание обучения. Планирование обучения учитывает индивидуальные особенности курсантов и основано на дидактических принципах. Сам процесс формирования навыков имеет модульную структуру и характеризуется наличием межпредметных связей с другими учебными предметами. Гуманистическая сущность обучения заключается в проектировании ГИОТ, учитывающих уровень подготовленности обучающегося, определяющих соответствующие по сложности учебные условия на фоне регулярной диагностики полученных результатов с последующим внесением коррекций в учебный процесс.

Характер формирования водительских навыков требует от МПОВ выбора наиболее подходящих по интенсивности транспортного потока учебных условий. При этом необходимость оценки уровня подготовленности курсанта к управлению автомобилем в условиях дорожного движения ставит вопрос конкретизации изучаемых характеристик. Данное требование обусловлено тем, что имеющиеся критерии контроля учебного вождения или очень сложны

Критерии оценки навыков вождения в условиях транспортного потока

Criteria for assessing driving skills in traffic conditions

Навыки вождения	Структура и единица измерения
Осведомительно-коммуникативные	
Подготовка рабочего места водителя	Продолжительность, с
Пользование зеркалами заднего вида	Количество раз (одна попытка – 10 баллов)
Использование указателей поворотов	Баллы: min – 10, max – 40
Паттерны	
Начало движения на регулируемом перекрестке	– время от включения 1-й передачи до начала движения, с (ориентировочная фаза); – время от начала движения до включения 2-й передачи, с (исполнительская фаза)
Остановка у края проезжей части	– время от включения указателя поворота до начала торможения, с (ориентировочная фаза); – время от начала торможения до полной остановки, с (исполнительская фаза); – время от полной остановки до включения стояночного тормоза, с (завершающая фаза)
Динамика движения в транспортном потоке	
Своевременность переключения передач	Баллы: min – 10, max – 20
Обеспечение безопасной дистанции	Баллы: min – 10, max – 70
Выбор оптимального скоростного режима движения в транспортном потоке	Баллы: min – 10, max – 70
Торможение автомобиля	Баллы: min – 10, max – 70
Маневрирование в условиях улично-дорожной сети	
Выбор оптимального скоростного режима при маневрировании	Баллы: min – 10, max – 70
Выбор оптимальной траектории движения при маневрировании	Баллы: min – 10, max – 40
Расположение на проезжей части	
Расположение на полосе движения	Баллы: min – 10, max – 70
Перестроение между полосами	Баллы: min – 10, max – 70

в оценке и интерпретации¹ или не учитывают недостаточный профессиональный опыт обучающегося водителя (Цыганков, 2006).

Для устранения этого недостатка, основываясь на результатах теоретического анализа существующих норм, мы составили классификацию навыков вождения автомобиля в условиях транспортного потока и критерии их оценки (табл.).

Формирование у курсантов технических навыков осуществлялось прохождением учебных модулей динамики движения в транспортном потоке и маневрирования в условиях улично-дорожной сети. Владение этими навыками позволяет безопасно управлять автомобилем в транспортном потоке.

Освоение учебного модуля расположения на проезжей части формирует у курсанта навыки, позволяющие обеспечить безопасные боковые интервалы и условия маневрирования между полосами.

Изучение модуля паттернов вождения формировало навыки, имеющие постоянную алгоритмическую структуру, но различающиеся временем выполнения в соответствии с имеющимися

¹ Приказ МВД России от 20.02.2021 № 80 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по проведению экзаменов на право управления транспортными средствами и выдаче водительских удостоверений» (Зарегистрировано в Минюсте России 22.03.2021 № 62837). URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1452812/#:~:text=>

дорожными условиями. Для оценки развития паттернов учитывается продолжительность их выполнения.

Формируемые в исследовании навыки вождения автомобиля распределены между пятью учебными модулями в соответствии с их содержанием (рис. 2).

Изучение осведомительно-коммуникативного модуля позволило развить у обучающихся навыки, способствующие осуществлению информационного обмена между участниками дорожного движения.

Рис. 2. Учебные модули формирования навыков вождения автомобиля

Fig. 2. Training modules for the formation of driving skills

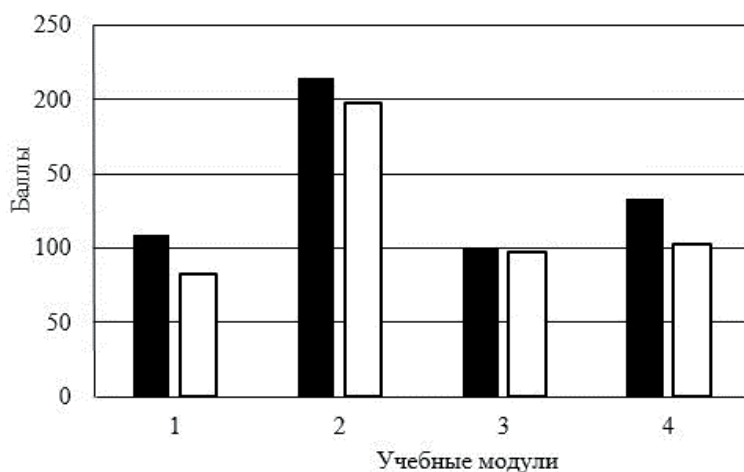

Рис. 3. Результаты изучения модулей курсантами экспериментальной и контрольной групп
1 – осведомительно-коммуникативный модуль, 2 – учебный модуль динамики движения в транспортном потоке; 3 – учебный модуль маневрирования в условиях улично-дорожной сети; 4 – учебный модуль расположения на проезжей части, ■ – экспериментальная группа, □ – контрольная группа

Fig. 3. The results of the study of modules by cadets of the experimental and control groups

Полученные в исследовании данные показывают более высокий уровень освоения учебных модулей курсантами экспериментальной группы. Так, сумма баллов, присвоенная за формирование осведомительно-коммуникативных навыков, составила 109 баллов, когда в контрольной группе результат ниже (83 балла; $p < 0,01$) (рис. 3).

Оценка учебного модуля динамики движения в транспортном потоке у юношей экспериментальной группы составила 215 баллов, тогда как обучающиеся контрольной группы имеют результат 198 баллов ($p < 0,01$). Изучение модуля маневрирования в условиях улично-дорожной сети у первых оценивается в 101 балл, а у вторых – в 97 баллов ($p < 0,05$). Освоение четвертого модуля – расположения на проезжей части – в экспериментальной группе – на уровне 133 баллов, в контрольной – 103 балла ($p < 0,01$).

Изучение учебного модуля паттернов вождения не выявило достоверных межгрупповых различий в подготовленности курсантов.

Результаты эксперимента показывают значительный уровень развития навыков у курсантов экспериментальной и контрольной групп. Но имеющееся преимущество в изучении осведомительно-коммуникативного и модуля расположения на проезжей части у первых свидетельствует о более высокой эффективности используемого подхода к обучению вождению автомобиля. Формирование однонаправленных навыков по ГИОТ позволило повысить эффективность оценки дорожной ситуации курсантами экспериментальной группы и их возможность безопасного взаимодействия с другими участниками транспортного потока. У юношей сформировался на более высоком уровне навык пользования зеркалами заднего вида. Обучающиеся в полной мере овладели последовательностью действий в оценке дорожной ситуации и выполнении маневров перестроения между полосами движения. Как правило, эти характеристики вождения не в полной мере учитываются при подготовке водителя в учебном центре. Основное внимание уделяется обучению движению через перекрестки, а также в транспортном потоке с обеспечением безопасной дистанции и интервалов.

Выводы

Обобщая полученные результаты, отметим:

1. Сущность личностно-деятельностной методологии в формировании навыков вождения автомобиля заключается в перераспределении учебных ресурсов. Для реализации этого необходима соответствующая методическая инфраструктура, связывающая отдельные навыки в единую систему.

2. В качестве методической инфраструктуры выступает модульное обучение курсанта, в пределах которого осуществляется проектирование ГИОТ. Подобный подход позволяет педагогической системе выйти на новый, более высокий структурный уровень функционирования.

3. Проектирование ГИОТ повысило эффективность формирования осведомительно-коммуникативных навыков и водительских действий, определяющих безопасность перестроения на проезжей части.

Источники

- Александрова Е. А. (2008) Педагогическое сопровождение старшеклассников в процессе разработки и реализации индивидуальных образовательных траекторий. Ученые записки Педагогического института СГУ им. Н. Г. Чернышевского. Серия: Психология. Педагогика, № 1–2, с. 74–78.
- Бебинов С. Е., Сальников В. А., Кривошекова О. Н. (2018) Взаимосвязи водительских навыков слушателей автошколы с их индивидуально-психологическими особенностями. Социальная психология и общество, т. 9, № 4, с. 74–86. DOI: 10.17759/sps.2018090407.
- Зеер Э. Ф., Крежевских О. В. (2022) Концептуально-теоретические основы персонализированного образования. Образование и наука, т. 24, № 4, с. 11–39. DOI: 10.17853/1994-5639-2022-4-11-39.
- Ибляминова М. Р. (2017) Педагогическая поддержка учащихся в процессе проектирования и реализации индивидуальных образовательных траекторий. Сибирский педагогический журнал, № 2, с. 15–19.
- Ильин Е. П. (2003) Психомоторная организация человека. СПб., Питер, 384 с.
- Кекконен А. Л., Питухин Е. А., Шабаева С. В. (2018) Персональный карьерный тренд – новый инструмент выбора профессионального пути. Наука о человеке: гуманитарные исследования, № 3 (33), с. 195–202. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2018.33.195.

- Климов Е. А. (1969) Индивидуальный стиль деятельности в зависимости от типологических свойств нервной системы. Казань, Казан. ун-т, 278 с.
- Лысуенко С. А. (2014) Проектирование индивидуальной траектории профессионального развития как условие успешной профессиональной подготовки. Образование и наука, № 10 (119), с. 47–59.
- Михайлова Н. Н., Юсфин С. М. (2001) Педагогика поддержки. М., МИРОС, 208 с.
- Цыганков Э. С. (2006) Высшая школа водительского мастерства: учеб. для студентов вузов (специализация «Автомобил. спорт»): учеб. для дополнит. проф. образования водителей в учеб. центрах высш. водит. мастерства и контраварийной подготовки. М., Академкнига, 395 с.
- Чернякова Н. В., Новикова Н. Г. (2011) Разработка информационной подсистемы управления образовательным процессом высшей школы с использованием уровневой модели зрелости. Вестник Воронежского государственного технического университета, т. 7, № 2, с. 53–57.
- Чошанов М. А. (2011) Инженерия обучающихся технологий. М., БИНОМ. Лаборатория знаний, 239 с.
- Шихова О. Ф., Жуйкова О. В. (2013) Индивидуальные образовательные траектории самостоятельной инженерно-графической подготовки студентов в техническом вузе. Образование и наука, № 9, с. 56–70. DOI:10.17853/1994-5639-2013-9-56-70
- Яковлев Е. В., Яковлева Н. О., Потапова М. В. (2014) Организация педагогической практики при модульном построении основной профессиональной образовательной программы. Современные проблемы науки и образования, № 6, с. 775.
- Keskinen E. (1996) Why do young drivers have more accidents? Referat zur ersten Interdisziplinären Fachkonferenz “Junge Fahrer und Fahrerinnen” 12–14 Dezember 1994 in Köln. Berichte der Bundesanstalt für Strassenwesen. Mensch und Sicherheit. Heft M 52, pp. 42–53.

References

- Aleksandrova E. A. (2008) Pedagogicheskoye soprovozhdeniye starsheklassnikov v protsesse razrabotki i realizatsii individual'nykh obrazovatel'nykh trayektoriy [Pedagogical support for high school students in the process of developing and implementing individual educational trajectories]. Uchenye zapiski Pedagogicheskogo instituta SGU im. N.G. Chernyshevskogo. Seriya: Psikhologiya. Pedagogika, no. 1-2, pp. 74–78 (In Russian).
- Bebinov S. E., Salnikov V. A., Krivoshechekova O. N. (2018) Vzaimosvyazi voditel'skikh navykov slushateley avtozhakoly s ikh individual'no-psikhologicheskimi osobennostyami [Interrelationships of driving skills of students of a driving school with their individual psychological characteristics]. Social Psychology and Society, vol. 9, no. 4, pp. 74–86. DOI:10.17759/sps.2018090407 (In Russian).
- Chernyakova N. V., Novikova N. G. (2011) Razrabotka informatsionnoy podsistemy upravleniya obrazovatel'nym protsessom vysshey shkoly s ispol'zovaniyem urovnevnoy modeli zrelosti [Development of an information subsystem for managing the educational process of a higher school using a level model of maturity]. Bulletin of Voronezh State Technical University, vol. 7, no. 2, pp. 53–57 (In Russian).
- Choshanov M. A. (2011) Inzheneriya obuchayushchikh tekhnologiy [Engineering of teaching technologies]. Moscow, BINOM. Knowledge Laboratory Publ., 239 p. (In Russian).
- Iblyaminova M. R. (2017) Pedagogicheskaya podderzhka uchashchikhsya v protsesse proyektirovaniya i realizatsii individual'nykh obrazovatel'nykh trayektoriy [Pedagogical support for students in the process of designing and implementing individual educational trajectories]. Siberian Pedagogical Journal, no. 2, pp. 15–19 (In Russian).
- Ilyin E. P. (2003) Psikhomotornaya organizatsiya cheloveka [Psychomotor organization of a person]. St. Petersburg, Peter Publ., 384 p. (In Russian).
- Kekkonen A. L., Pitukhin E. A., Shabaeva S. V. (2018) Individual career path – as new instrument to choose career. The Science of Person: Humanitarian Researches, no. 3 (33), pp. 195–202. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2018.33.195 (In Russian).
- Keskinen E. (1996) Why do young drivers have more accidents? Referat zur ersten Interdisziplinären Fachkonferenz “Junge Fahrer und Fahrerinnen” 12–14 Dezember 1994 in Köln. Berichte der Bundesanstalt für Strassenwesen. Mensch und Sicherheit. Heft M 52, pp. 42–53.
- Klimov E. A. (1969) Individual'nyy stil' deyatel'nosti v zavisimosti ot tipologicheskikh svoystv nervnoy sistemy [Individual style of activity depending on the typological properties of the nervous system]. Kazan, Kazan Federal University Publ., 278 p. (In Russian).
- Lysuenko S. A. (2014) Proyektirovaniye individual'noy trayektorii professional'nogo razvitiya kak usloviye uspeshnoy professional'noy podgotovki [Designing an individual trajectory of professional development as a condition for successful professional training]. The Education and Science Journal, no. 10(119), pp. 47–59 (In Russian).
- Mikhailova N. N., Yusfin S. M. (2001) Pedagogika podderzhki [Pedagogy of support]. Moscow, MIROS Publ., 208 p. (In Russian).
- Shikhova O. F., Zhuykova O. V. (2013) Individual'nyye obrazovatel'nyye trayektorii samostoyatel'noy inzhenerno-graficheskoy podgotovki studentov v tekhnicheskoy vuzе [Individual educational trajectories of independent engineering and graphic training of students in a technical university]. The Education and Science Journal, no. 9, pp. 56–70. DOI: 10.17853/1994-5639-2013-9-56-70 (In Russian).
- Tsygankov E. S. (2006) Vysshaya shkola voditel'skogo masterstva [Higher school of driving skills] Textbook for university students (specialization “Automotive. Sport”). Moscow, Akademkniga Publ., 395 p. (In Russian).

- Yakovlev E. V., Yakovleva N. O., Potapova M. V. (2014) Organizatsiya pedagogicheskoy praktiki pri modul'nom postroyenii osnovnoy professional'noy obrazovatel'noy programmy [Organization of pedagogical practice in the modular construction of the main professional educational program]. Modern problems of science and education, no. 6, pp. 775. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22877998> (In Russian).
- Zeer E. F., Krezhevskikh O. V. (2022) Kontseptual'no-teoreticheskiyeosnovy personalizirovannogo obrazovaniya [Conceptual and theoretical foundations of personalized education]. The Education and Science Journal, vol. 24, no. 4, pp. 11-39. DOI: 10.17853/1994-5639-2022-4-11-39 (In Russian).

Информация об авторах

Бебинов Сергей Евгеньевич

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры организации и безопасности движения. Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет (СибАДИ), г. Омск, РФ.
ORCID ID: 0000-0001-6044-4744.
E-mail: bebinov.ru@gmail.com

Кривошекова Ольга Николаевна

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры физической культуры и спорта. Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет (СибАДИ), г. Омск, РФ.
ORCID ID: 0000-0003-3515-1784.
E-mail: krivoshokova.ru@gmail.com

Author's information

Sergey E. Bebinov

Cand. Sc. (Pedagogy), Associate Professor. The Siberian State Automobile and Highway University, Omsk, Russian Federation.
ORCID ID: 0000-0001-6044-4744.
E-mail: bebinov.ru@gmail.com

Olga N. Krivoshchekova

Cand. Sc. (Pedagogy), Associate Professor. The Siberian State Automobile and Highway University, Omsk, Russian Federation.
ORCID ID: 0000-0003-3515-1784.
E-mail: krivoshokova.ru@gmail.com

УДК 339.976
JEL A13, B41, P36

DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.21

Научная статья

Н. Е. Алексеев¹

✉ oeip@mail.ru

¹Омская гуманитарная академия, г. Омск, Российская Федерация

Базовые модели координации хозяйственных связей экономических субъектов

Аннотация: Целью статьи является выявление и раскрытие базовых основ моделей координации связей между экономическими субъектами. Автор отмечает, что в различных моделях общественного устройства потребности имеют различную структуру и по-разному раскрывают свое экономическое содержание. В качестве причин изменения модели координации связей может служить повышение степени удовлетворения потребностей субъектов хозяйствования, а также сокращение временного интервала между возникновением потребности и ее удовлетворением, минимизация степени отчуждения. По мнению автора, исследование данного вопроса является важной составной частью анализа социально-экономического развития национальной экономики, так как будет способствовать более точному определению количественных и качественных показателей развития экономики в динамическом аспекте. Реализация моделей координации производства, потребностей и потребления в национальной экономике сопровождается целым рядом деструктивных концептов, характеризующих формат современного мироустройства. В современной реальности невозможно обнаружить модель координации в чистом виде, происходит активное взаимопроникновение характеристик разных моделей друг в друга, происходит сложное взаимодействие и взаимодополнение моделей координации. В экономической системе не существует конкретных временных интервалов функционирования той или иной модели координации связей субъектов хозяйствования, нет их поэтапной сменности, в экономике функционируют все модели координации.

Ключевые слова: экономический субъект, хозяйственные связи, межсубъектные коммуникации, модели, потребности, блага, производство, потребление.

Дата поступления статьи: 22 июня 2022 г.

Для цитирования: Алексеев Н. Е. (2023) Базовые модели координации хозяйственных связей экономических субъектов. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 17, № 1, с. 198–209. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.21.

Scientific article

N. E. Alekseev¹

✉ oeip@mail.ru

¹Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russian Federation

Basic models of coordination of economic relations of economic entities

Abstract: The purpose of the article is to identify and disclose the basic foundations of models of coordination of relations between economic entities. The authors note that in different models of social structure, needs have different structures and reveal their economic content in different ways. The reasons for changing the communication coordination model can be an increase in the degree of satisfaction of the needs of business entities, as well as a reduction in the time interval between the emergence of a need and its satisfaction, minimizing the degree of alienation. According to the authors, the study of this issue is an important part of the analysis of the socio-economic development of the national economy, as it will contribute to a more accurate determination of quantitative and qualitative indicators of economic development in the dynamic aspect. The implementation of models of coordination of production, needs and consumption in the foundations of the national economy is accompanied by a number of destructive concepts that characterize the format of the modern world order. In modern reality, it is impossible to detect a coordination model in its pure form, there

is an active interpenetration of the characteristics of different models into each other, there is a complex interaction and complementarity of coordination models. In the economic system, there are no specific time intervals for the functioning of one or another model of coordination of economic entities, there is no step-by-step shift, all coordination models function in the economy.

Keywords: economic entity, economic relations, intersubjective communications, models, needs, benefits, production, consumption.

Paper submitted: June 22, 2022.

For citation: Alekseev N. E. (2023) Basic models of coordination of economic relations of economic entities. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 17, no. 1, pp. 198–209. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.21.

Введение

Задачи, решаемые национальной экономикой, определены процессами трансформации парадигмы развития мировой экономической системы, сменой приоритетов и средств достижения целей. Вносятся изменения в структуру экономических систем и модели экономического поведения субъектов хозяйствующей деятельности, обуславливающие поиск и выбор оптимального механизма взаимодействия субъектов и элементов национальной экономической системы.

Модели координации субъектов и элементов экономической системы представляют собой упорядоченный набор действий по взаимодействию внутренних и внешних элементов и систем в целом. Экономические системы определяют и формируют нормы и правила экономического выбора субъектов хозяйствования, определяют структуру распределения ресурсов, способы и формы удовлетворения потребностей. Логичное стремление хозяйствующих субъектов наиболее полноценно удовлетворить свои экономические потребности обуславливает процесс формирования и трансформации моделей координации в соответствии с задачами целевого и оптимального удовлетворения потребностей в будущем.

Модель координации связей субъектов хозяйствования формируется и функционирует в границах определенной совокупности нормативно-правовых и социально-экономических ограничений, образуя тем самым институционально-эволюционную среду процесса воспроизводства (создавая возможности и накладывая ограничения).

Причиной изменения модели координации связей может служить только повышение степени удовлетворения потребностей субъектов хозяйствования, а также сокращение временного интервала между возникновением потребности и ее удовлетворением, минимизация степени отчуждения.

Глобальная институциональная среда представляет собой совокупность различного рода институтов, постоянно находящихся во взаимодействии и диалектическом противоречии друг с другом (Гриценко, 2007). В определенном смысле, согласно мнению Д. П. Фролова, институты представляют собой саморазвивающиеся функционально-структурные модели экономических отношений (Фролов, 2008). Сущность институциональной структуры раскрывается через взаимодействие прямых и обратных связей между взаимодействующими институтами. Изменение соотношения этих связей в полной мере обеспечивает трансформацию социально-экономической системы (Бабаян, 2017).

Воспроизводство рассматривается как диалектическое взаимодействие производства, распределения, обмена и потребления. Все стадии воспроизводства характеризуют социально-экономические условия существования на разных эволюционно-исторических этапах развития. Анализ потребностей предполагает выяснение их роли, места и механизма взаимодействия в каждой стадии воспроизводства.

Ранее нами было определено, что потребности есть отражение объективно существующей экономической реальности, тем самым мы уже подчеркнули их комплексную связь со всеми стадиями воспроизводства. Проявление связи заключается в том, что в трансформации потребностей находят отражение количественные и качественные изменения, сопровождающие каждую стадию воспроизводства.

Этапы формирования, развития и удовлетворения потребностей реализуются в процессах производства и потребления. В данном случае потребности представлены как фиксация процессов производства и потребления в конкретный момент времени. В ходе социально-экономического развития потребности перестают фиксировать производство и начинают от него отклоняться в сторону опережения, получается, что потребности, являясь внутренне встроенным моментом в процесс производства, определенно не совпадают с ним.

Как отмечает В. В. Радаев, потребности одновременно выступают и как результат и как цель производства, а соответственно взаимодействие производства и потребностей рассматривается как внутренний процесс в самом производстве. Однако данное взаимодействие не отражает сущности потребностей, ее полное раскрытие невозможно без анализа потребления. Целью и результатом производства потребности выступают только в случае потребления всех произведенных благ. Качественно потребности и потребление связаны через взаимообусловленность данных категорий, количественно – через взаимовлияние структурно-физических объемов (Радаев, 1970).

В рамках неоклассического подхода платежеспособные потребности всегда определяют развитие производства и динамику предложения, а равновесие на рынке со временем возникает на основе взаимодействия спроса и предложения. Потребности рассматриваются как часть производства, в триаде «производство – потребности – потребление» отдается приоритет именно производству, обосновывается это тем, что производство создает потребность как исходный пункт, а потребление создает потребность как цель для производства. Однако исключительно способ производства определяет способ потребления и круг потребностей. Потребности и потребление в данном случае должны выступать как внутренний момент производства. С другой стороны, можно рассматривать потребности как внешнюю субстанцию по отношению к производству, имеющую собственную цель развития. В отрыве от производства потребности рассматриваются во взаимодействии со сферой потребления. При подобной трактовке производство превращается в средство удовлетворения потребностей, выносится за рамки потребностей и превращает механизм взаимодействия в триаде «производство – потребности – потребление» в простое механическое противостояние, подрывая тем самым глубинную взаимосвязь категорий. Отчасти подобная трактовка становится возможной за счет рассмотрения потребностей как некоей «последующей» величины, из расчета, что данный производственный цикл уже обеспечен средствами производства. Аналогично потребности рассматриваются как некоторая «предшествующая» величина, из расчета, что данный цикл потребления уже обеспечен предметами потребления. На самом же деле потребности отражают сложившийся именно на данный момент уровень развития производства и потребления.

Любая потребность проявляется в определенном количестве предметов потребления, которые становятся возможны благодаря достигнутому уровню развития производства и механизмов экономической координации между субъектами хозяйствующей деятельности. Потребности обеспечивают баланс между производством и потреблением, они призваны приводить в соответствие количественные объемы и качественные структуры производства и потребления.

Характер и структура потребностей испытывают влияние характера и структуры потребления, которое определено производством и отражает зависимость потребностей от производства.

Под влиянием распределения формируется предметная структура производства и потребления. Обмен отражен в детализации и дальнейшей пропорциональности потребностей, на практике стадия обмена реализуется через платежеспособный спрос. Следует заметить, что стадии перераспределения и обмена представляют собой определенный механизм перемещения благ в экономической системе (Радаев, 1970).

Экономическая система характеризуется наличием специфических устойчивых тенденций и общими закономерностями развития. К общим закономерностям относятся модели координации взаимодействия «производство – потребности – потребление». Общая картина их концептуального взаимодействия такова, что производство должно удовлетворять потребности, которые выступают целевой функцией производства. Однако это концептуальное взаимодействие в зависимости от

уровня рассмотрения (макроуровень, мезоуровень, микроуровень) и определенных фундаментальных положений экономической системы (ограниченность и неограниченность потребностей, ограниченность и неограниченность ресурсов) может выражаться во вполне конкретной специфической модели координации.

Исследование данного вопроса является важной составной частью анализа социально-экономического развития национальной экономики, так как будет способствовать более точному определению количественных и качественных показателей развития экономики в динамическом аспекте.

Реализация моделей координации производства, потребностей и потребления в национальной экономике сопровождается целым рядом деструктивных концептов, характеризующих формат современного мироустройства. К ним можно отнести рост антиглобалистских движений, способствующих трансформации восприятия процессов глобализации и усиливающих рост социально-экономического неравенства; непосредственное изменение самого характера глобализации в части снижения управляемости и роста хаотичности; непрекращающиеся международные и военные конфликты; трансформация институциональной среды и информационного пространства.

Методы

Методология экономической науки не позволяет в полной мере рассмотреть трехстороннюю взаимосвязь производства, формирования, развития и удовлетворения потребностей и потребления. Данные категории и синергетический эффект их взаимосвязи имеет свои количественные и качественные границы взаимодействия, отклонения за эти пределы снижают эффективность и оптимальность социально-экономического функционирования экономической системы. Модели координации представляют собой порядок и способы социально-экономического взаимодействия и взаимовлияния друг на друга различных элементов структурного характера. Конкретное проявление функционирования одного элемента модели возможно только при наличии взаимодействия с другими элементами, которые являются зависимыми по отношению друг к другу. Основными элементами модели координации является длительность, цель, способ организации и результаты.

С точки зрения цели функционирования, способа удовлетворения потребностей хозяйствующего субъекта, структурообразующего механизма, наличия прямых и обратных связей, а также скорости изменения во внешней среде можно выделить несколько моделей координации, функционирующих на макро- и микроуровне: иерархическую, рыночную и сетевую.

Согласно исследованиям Н. В. Смородинской, в индустриальную эпоху общественно-экономическими отношениями были освоены два вида координации: иерархическая и рыночная. Однако постиндустриальная эпоха заставила осваивать сетевой способ координации связей (Смородинская, 2015). Иерархическая система координации представляет собой жесткую, вертикально интегрированную структуру, лишенную всякой степени самостоятельности и независимости с четким подчинением одному центру.

В работе В. И. Маевского и Ю. М. Максимовой отмечается, что расширительная трактовка и закрепление иерархической модели координации в функционировании экономической системы объясняется существенным недостатком у экономистов-практиков теоретических оснований для решения практических задач по моделированию и управлению спросом в условиях быстро растущего товарного разнообразия. Экономическая теория предлагала модели, применимые лишь к условиям постоянного ассортимента, экономический рост генерировался феноменом растущего разнообразия благ, технологий и институтов, мерой которых по-прежнему оставалась теория полезности. Однако теория полезности оказывалась бессильной в условиях динамических изменений. На основании этого было сделано предположение о замене рассмотрения в качестве «измерителя» теории полезности на теорию потребностей. Последняя в свою очередь не является оценочным понятием, а является предпосылкой полезности в том случае, если потребитель

испытывал потребность в определенном благе. Кроме того, потребление благ подчиняется обобщенной версии закона Энгеля, декларирующей о невозможности расширения потребления за пределы уровня насыщения. По мере насыщения потребления благом внимание потребителя переключается на другой вид благ или благо более высокого порядка (Маевский, 2006). Далее, согласно логике, исследователи приходят к выводу о том, что в условиях растущего товарного разнообразия рано или поздно спрос на многие блага достигнет насыщения. Однако подобное умозаключение явно не согласуется с еще одной аксиомой мейнстрима о ненасыщении потребностей и ограниченности возможностей их удовлетворения.

Следует отметить значительную дискуссионность данного вопроса в научном сообществе, одни считают потребности безграничными (ненасыщаемыми), другие – сторонники их ограниченности (насыщаемости).

На микроуровне (потребности в определенных благах) потребности полностью насыщаемы, на макроуровне (базовые потребности существования и развития) потребности ненасыщаемы.

Иерархическая модель координации в своей основе не способствует полноценному удовлетворению потребностей с учетом растущего товарного ассортимента, она ориентирована на обеспечение существования и развития субъекта хозяйствования в рамках удовлетворения его базовых потребностей. При реализации в социально-экономической системе данной модели координации осуществляется лишь простое воспроизводство структуры национальной экономики. Взаимодействие участников процесса воспроизводства осуществляется под контролем регулирующего целенаправленного участия государства. Процесс воспроизводства рассматривается непосредственно как непрерывный процесс производства и потребления. Иерархическая модель координации связей между хозяйствующими субъектами характеризуется незначительным количеством вертикальных прямых связей, обеспечивающих воспроизводство участников социума.

Рыночная структура координации отстает от жесткой иерархии, базируется на определенных ценовых и конкурентных «сигналах». Ее необходимо рассматривать как системную составляющую воспроизводственного процесса. Познание сущности данной структуры координации связей осуществляется путем фиксации форм собственности на средства производства и форм капитала. Анализ сущности рыночной модели целесообразно проводить в аспекте целостности развития всей национальной экономики, что предусматривает комплексный анализ энергетических, материальных, финансовых и информационных потоков. Развитие данной модели координации следует рассматривать в широком смысле как процесс расширенного воспроизводства, включающий производство, распределение, обмен и потребление. При данной модели хозяйствования взаимодействие участников процесса воспроизводства осуществляется саморегулируемым рыночным механизмом и целенаправленным участием государства. Данное обстоятельство раскрывает двойственную природу самого процесса воспроизводства. С одной стороны, воспроизводство рассматривается как непрерывный процесс производства и потребления благ и услуг, а с другой – как процесс реализации межсубъектных коммуникаций. Рыночная модель координации связей наполнена множеством вертикальных, горизонтальных, прямых и обратных связей, обеспечивающих существование и реализацию двойственной природы процесса воспроизводства.

Сетевой способ координации представлен отсутствием вертикальной субординации, отсутствием замкнутого контура взаимодействия, прерогативой кооперации. В данном исследовании в качестве рабочего определения и основного сущностного момента используем то обстоятельство, что сети предполагают горизонтальные связи, в то время как иерархии – вертикальные.

Сетевая модель координации связей хозяйствующих субъектов представляет собой некую систему по организации, регулированию и контролю правил и форм деятельности экономических субъектов, позволяющую согласовывать разнородные потребности субъектов хозяйствования.

В настоящее время в результате глобализации спроса и предложения на мировых рынках, трансформации межсубъектных отношений особое значение отводится развитию и культивации гибридных форм совместной организации экономической деятельности. Сетевая модель координации приводит

к переносу приоритетов функционального взаимодействия с простых рыночных трансакций (купля-продажа) на длительные партнерские отношения (Седых, 2017). Данная модель координации позволяет использовать в полной мере все принципы системного и диалектического подходов, а также снять институциональные ограничения, которые заключаются в том, что степень удовлетворения потребностей хозяйствующего субъекта зависит не от количества располагаемых ресурсов, а от вариантов и ограничений их использования (Юнаковский, 2019).

В данной модели координации успешно сочетаются принципы системной и институциональной методологии, которые в своей совокупности позволяют выявить и обосновать новые свойства экономической системы и потребности участников экономических отношений, невидимые при функционировании иерархической и рыночной модели.

Координация экономической деятельности хозяйствующих субъектов постоянно осуществляется в разрезе выбора одной из преобладающих вышеописанных моделей координации (Д. Д. Катуков, В. Е. Малыгин, Н. В. Смородинская, 2012). В реальном мире ни одна из моделей не действует обособленно, модели различаются лишь степенью преобладания на определенный момент времени.

В определенный момент времени каждая из моделей координации по отношению к двум другим выражает альтернативные варианты использования ресурсных потоков. В результате взаимодействия субъектов осуществляется соизмерение потребностей и возможностей, происходит поиск рациональной комбинации ресурсов, потребностей, возможностей их удовлетворения и наиболее подходящей для этого модели координации.

Важнейшей задачей экономической системы является процесс согласования экономических потребностей множества хозяйствующих субъектов. Это согласование проводится на основе средних, общих и предельных величин (в отношении конкретной структуры экономических потребностей и в отношении конкретного набора благ), причем ведущая роль отведена анализу предельных величин, средние и общие значения экономических параметров выполняют второстепенную роль. Не вызывает сомнений необходимость пересмотра роли этих величин в природе экономического анализа. Ни один из этих нормативов не дает исчерпывающей информации о направлении развития и динамике формирования и удовлетворения потребностей. Общие величины информируют о максимально возможной величине энергетических, материальных, финансовых и информационных потоков. Средние величины демонстрируют уровень ресурсных издержек на удовлетворение единицы потребности, предельные величины позволяют определить скорость их изменения и удовлетворения. Именно предельные величины позволяют обнаружить точки бифуркации протекания экономических процессов, и в случае равенства предельной величины нулю происходит переход экономической системы к другой модели координации (в отношении конкретной экономической потребности или конкретного набора благ).

В неоклассике удовлетворение экономических потребностей общества и экономических потребностей субъектов хозяйствования должно происходить с минимальными издержками. При данной трактовке парадигмы удовлетворения потребностей предельные величины наделяются второстепенной ролью по отношению к средним и общим величинам. Реальная хозяйственная практика вынуждает хозяйствующие субъекты ориентироваться не на предельные величины, а на доходы и расходы (Alekseev, Patlasov, 2021). Развитие национальной экономической системы происходит под воздействием давления применения различных институтов и технологий и множества вариантов их альтернативного использования, одно и то же количество ресурсов при прочих равных условиях, удовлетворяя различные экономические потребности, внесет различный вклад в функционирование экономической системы. Учитывая приоритетные задачи развития национальной экономики, не следует принимать данное обстоятельство как руководство к действию по максимизации объемов использования и максимизации полезной отдачи от ресурсных потоков. Объем ресурсов, не задействованный в производственном процессе в прошлый и настоящий момент времени, станет фактором экономического роста в будущем периоде и с учетом новой технологии даст значительно больший экономический эффект, чем

мог бы дать ранее. Таким образом, конкретной потребности в настоящем периоде будет соответствовать ее некоторое приращение в будущем периоде, издержки удовлетворения потребности в будущем периоде становятся меньше, чем издержки удовлетворения потребности в настоящем.

Возникновение и функционирование рыночной модели координации связей объясняется желанием субъектов хозяйствования занять монопольное положение, а сетевой модели – сократить издержки производства и реализации предметов потребления.

В настоящее время невозможно обнаружить модель координации в чистом виде, происходит активное взаимопроникновение характеристик разных моделей друг в друга, происходит сложное взаимодействие и взаимодополнение моделей координации. В экономической системе не существует конкретных временных интервалов функционирования той или иной модели координации связей субъектов хозяйствования, нет их поэтапной сменности, в экономике функционируют все модели координации.

Результаты

Основные результаты выполненного исследования состоят в следующем.

Раскрытие сущностной стороны иерархического, рыночного и сетевого способа координации чрезвычайно многообразно (Гриценко, 2007; Тарасевич 2005; Дементьев, 2008).

Модели координации связей в институциональной среде

Models of communication coordination in the institutional environment

Характеристика модели	Иерархическая модель	Рыночная модель	Сетевая модель
Цель функционирования	Приоритетное развитие доминирующего центра	Развитие доминирующего центра посредством частичного развития остальных участников, максимизация прибыли	Равномерное развитие и удовлетворение потребностей всех участников социально-экономических отношений
Условия участия в модели хозяйствующего субъекта	Эволюционно-исторически сложившиеся. Функции и ответственность жестко закреплены	Добровольное участие. Условия и требования к участию заранее определены. Функции и ответственность не конкретизированы	Добровольное участие обусловлено требованиями внешней среды. Участники представляют собственные уникальные характеристики. Функции и ответственность могут меняться
Способ удовлетворения потребностей	Вертикальное удовлетворение	Вертикально-горизонтальное удовлетворение	Коалиционное удовлетворение
Характер организационной структуры	Жесткая структура	Атомизированная (разобценная) структура	Гибкая структура
Состав элементов и участников модели	Постоянный	Постоянно-переменный	Нестабильный
Условия и скорость изменения внешней среды	Неконкурентная среда, низкая скорость изменения внешней среды	Конкурентная среда, высокий уровень неопределенности	Гиперконкурентная среда, высочайшая степень неопределенности
Структурообразующий механизм	Монополия	Конкуренция	Кооперация
Характеристика основных ресурсов	Ограниченны, редки, исчерпаемы	Ограниченны, редки, исчерпаемы	Неограниченны, неисчерпаемы
Результат функционирования модели координации	Устойчивое положение лидера и множество зависимых и догоняющих участников	Устойчивое положение лидера за счет приоритета прав собственности на средства производства и гипертрофированного механизма распределения	Относительно равномерный успех участников проекта зависит от общего успеха сети

* Составлено автором на основе: Смородинская Н. В. Глобализированная экономика: от иерархий к сетевому укладу / Н. В. Смородинская. М.: ИЭ РАН, 2015. 344 с.; Метелева Е. Р. Разработка теоретико-методологических положений сетевого подхода / Е. Р. Метелева // Проблемы теории и практики управления. Известия ИГЭА. 2008. № 3 (59). С. 69–72.

В качестве обобщенных характеристик моделей координации можно выделить следующие:

– *Цель функционирования.* Данная характеристика модели координации является следствием формы собственности на средства производства, а также соотношения сложившихся отношений воспроизводства субъектов хозяйствования и производства количественных показателей экономики. Отношения воспроизводства направлены на всестороннее восстановление функционирования и характеристик субъекта хозяйствования. Воспроизводство характеристик экономики направлено на непосредственное исполнение субъектом хозяйствования своих функциональных обязанностей.

– *Условия участия в модели хозяйствующего субъекта.* В зависимости от степени активности в институциональной среде совокупности институтов, а также механизмов принуждения, условия участия хозяйствующих субъектов и координация связей между ними может трансформироваться от жестко закрепленных и принудительных функций до добровольного участия.

– *Способ удовлетворения потребностей.* Вертикальное удовлетворение потребностей предполагает наличие двух этапов в данном процессе. На первом этапе выбирается потребность, на втором этапе выбирается благо для ее удовлетворения. Вертикально-горизонтальное удовлетворение также предполагает наличие двух вышеописанных этапов, однако второй этап осуществляется с учетом бюджетного ограничения, при выборе блага к нему предъявляется требование определенной комплексности в удовлетворении нескольких потребностей. Коалиционное удовлетворение потребностей не предполагает выделения определенной потребности ни по одному из учитываемых критериев, коалиционное удовлетворение предполагает в итоговом контексте достижение определенной цели, соответственно удовлетворяется вся группа потребностей, необходимых для достижения цели, блага, задействованные в удовлетворении группы потребностей, носят универсальный характер.

– *Характер организационной структуры.* Иерархическая модель представляет собой жесткую организационную структуру, наличие и степень прямых и обратных связей жестко закреплено. Рыночная модель предполагает наличие определенных внешних степеней свободы в действиях хозяйствующих субъектов, жесткие механизмы взаимодействия трансформированы в добровольное право (Рубан, 2018). Экономическое содержание организационной структуры сетевой модели представляет собой возможность отказа от максимизации экономического эффекта в пользу других участников сетевой структуры, иногда совершенно безвозмездно, иногда в счет ожидания от них аналогичной обратной связи.

– *Состав элементов и участников модели.* Иерархическая модель не нуждается в изменении состава элементов и количества участников, добавление или удаление элемента и участника приведет к возникновению дисбаланса, утрате определенных функций и росту трансакционных издержек. В рыночной модели задействовано непостоянное количество элементов и участников, допускается дополнение или исключение элементов и участников, рост трансакционных издержек распределяется между системой и ее участниками. Нестабильный состав элементов и участников сетевой модели координации предполагается автоматически, издержки дополнения и исключения элементов, а также входа и выхода участников полностью ложатся на участников системы.

– *Условия и скорость изменения внешней среды.* Для иерархической модели среда не может являться конкурентоспособной, скорость ее изменения предполагается низкой. При рыночной модели координации можно говорить о конкурентной среде и высокой скорости изменения внешней среды, наличии неопределенности. При реализации сетевой модели координации речь может идти о гиперконкурентной среде и высочайшей степени неопределенности, обусловленных постоянно меняющимся составом участников, их количеством и целями участия в сетевой структуре.

– *Структурообразующий механизм.* Иерархическая модель координации связей не может предполагать иного структурообразующего механизма кроме монополии, характерно наличие прямых единоподчиненных связей. Рыночной модели соответствует определенный вид и степень конкуренции, наличествуют прямые разнонаправленные связи, обратные связи слабы и единичны, единый доминирующий центр развивается за счет частичного развития остальных

участников (Ли, 2017; Давыдова, 2018). Сетевая модель для равномерного развития и удовлетворения потребностей всех участников предполагает иной структурообразующий механизм – кооперацию, именно она, объединяя совместные усилия всех участников сети, позволяет получить синергетический эффект, наличествуют одинаковые по силе прямые и обратные связи (Тихонова, 2019).

– *Характеристика основных ресурсов.* Иерархическая и рыночная модели координации связей между участниками хозяйственной деятельности основываются на постулате об ограниченности ресурсов и безграничности потребностей. В рамках подобной логики экономическая наука была вынуждена уделять приоритетное внимание производству, отводя на второй план проблемы перераспределения, потребления и удовлетворения потребностей. Сетевая модель координации связей и механизм ее функционирования предполагает постулирование безграничности ресурсов и ограниченности потребностей (Смородинская, 2012). Естественно, постулат о безграничности ресурсов раскрывается в свете развития технологий и информационной платформы экономической системы. Данному обстоятельству способствует невозможность концентрации ресурсов у отдельных хозяйствующих субъектов в рамках сетевой модели. При реализации сетевой модели координации связей хозяйствующих субъектов приоритетное внимание уделяется проблемам потребления.

– *Результат функционирования модели координации.* При функционировании иерархической модели обеспечивается устойчивое положение лидера за счет проводимой им жесткой социально-экономической политики. При рыночной модели координации устойчивое положение лидера возникает за счет приоритета прав собственности на средства производства и гипертрофированного механизма распределения. Результатом функционирования сетевой модели координации является относительно равномерное предоставление возможностей удовлетворения потребностей всем участникам коммуникации (Сухарев, 2020).

Межсубъектные коммуникации условно подразделяются на экономические и социальные отношения. Экономические отношения не могут возникнуть до момента принятия субъектом решения о количестве и степени качества набора удовлетворяемых потребностей. Это еще раз подчеркивает факт того, что формы производства, модели потребления и сами потребности (в зависимости от предмета и объекта исследования) выступают институтами формирования, развития и удовлетворения потребностей. Данный процесс носит циклопричинный характер. Взаимный переход данных категорий заключается во внутренних предпосылках и их внутреннем содержании, заключающемся в конкретной фазе и форме процесса (производство раскрывается в удовлетворении потребностей, потребности раскрываются в потреблении, потребление отражает результаты производства).

Понимание двойственной роли каждой из категорий в триаде «производство – потребности – потребление» в части того, что каждая из этих категорий является и исходным пунктом и результатом для двух оставшихся категорий, очень важно. Понимание и учет этого двойственного характера позволят активизировать организацию процесса и механизма модернизации национальной экономической системы, трансформации и корректировки модели потребления, выбора значимых секторов формирования, развития и удовлетворения потребностей.

На наш взгляд, методологической ошибкой экономической науки является рассмотрение категорий производства, потребностей и потребления не в единстве, а именно рассмотрение их различий, при таком подходе внутренняя связь между категориями разрывается, и категории входят в диалектическое противоречие, оказываясь противопоставлены друг другу. При этом логика исследования выводит нас на количественное наполнение категорий и соотношение их структур, качественная составляющая остается без должного внимания. Потребность по смысловому содержанию направлена на обеспечение будущего цикла производства. Потребление по смысловому содержанию направлено на обеспечение будущего цикла воспроизводства потребностей (оно одновременно и реализует потребность и воспроизводит ее), а соответственно, противопоставляет вышеназванные категории и выражает каждую количественно через соотношение двух других.

Экономические потребности всегда отражены суммой определенных материальных благ и в этом аспекте определены технологическими возможностями производства и трудовым потенциалом субъектов хозяйственной деятельности.

Во всех экономических системах удовлетворение потребностей является целевой функцией производства, однако механизм, экономические категории и экономическая форма реализации данной функции имеют свои особенности. В современной экономике для этого используется капитал, прибыль, прибавочная стоимость. Для данных категорий подходят рыночная и сетевая модель координации связей между хозяйствующими субъектами. В этом случае экономические отношения могут породить специфическую цель производства – максимизацию прибыли собственников факторов производства. Количество времени, посвященное производству блага, будет определяться минимально необходимым временем для производства. Условиям плановой модели экономической системы свойственна иерархическая модель координации, так как единственной целью производства является удовлетворение потребностей общества. Количество времени, посвященное производству блага, будет определяться степенью значимости этого блага в системе удовлетворения набора потребностей.

Выводы

Подход к исследованию внутреннего содержания и механизма функционирования триады «производство – потребности – потребление» аналогичен подходу раскрытия сущности моделей координации. Определяющую роль в данной цепочке играют потребности, а оставшиеся категории заключают в себе многообразие их удовлетворения. Экономическая наука усматривает в формировании, развитии и удовлетворении потребностей приоритет производства. Однако следует учесть расширенную трактовку данного приоритета, его подразумевает не производство как акт, а производство как непрерывный процесс взаимодействия субъектов и природы (производство как деятельность субъекта). Структура потребностей всегда шире структуры производства, но следует отметить, что как выражение условий производства они выступают его следствием. Именно потребности выражают объективное содержание деятельности субъекта, обусловленное уровнем развития технологий и межсубъектными коммуникациями. Потребности и их характеристики позволяют анализировать структуру межсубъектных коммуникаций в статическом и динамическом аспектах. В данном случае статические характеристики потребностей характеризуют внутреннюю структуру объекта воспроизводства, а динамические характеристики демонстрируют непосредственно «побудительные силы» межсубъектных коммуникаций. Эта демонстрация происходит за счет трансформации видов деятельности и моделей потребления. Межсубъектные коммуникации возникают в результате «противостояния» потребностей и ресурсов и характеризуют реальное положение субъектов хозяйствования в экономической системе и относительно друг друга. Главенство потребностей в данной триаде является относительным и зависит от исходного объекта исследования. Две оставшиеся категории занимают второстепенные позиции и играют роль факторов приспособления внешней среды к характеру деятельности.

Отметим, что в различных моделях общественного устройства потребности имеют различную структуру и по-разному раскрывают свое экономическое содержание.

Процесс и механизм формирования, развития и удовлетворения потребностей служит интегральным параметром и регулятором образования и трансформации моделей координации.

Источники

- Бабаян Я. В. (2017) Институциональная обусловленность развития современных экономических систем. Научный вестник Южного института менеджмента, № 1, с. 33–42.
- Гриценко А. А. (2007) Иерархия и сетевые структуры в институциональной архитектонике экономических систем. Научные труды ДонНТУ. Серия: экономическая. Вып. 31-1, с. 51–55.
- Давыдова Л. В. (2018) Хозяйственные связи предприятий торговли с поставщиками. Совершенствование методологии познания в целях развития науки. Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции, с. 103–105.

- Дементьев В. В. (2008) Институты: проблема определения понятия. Научные труды ДонНТУ. Серия: экономическая. Вып. 35, с. 5–35.
- Катуков Д. Д., Малыгин В. Е., Смородинская Н. В. (2012) Институциональная среда глобализированной экономики: развитие сетевых взаимодействий : науч. доклад / под ред. Н. В. Смородинской. М., Инст-т экономики РАН, 45с.
- Ли А. А. (2017) Рыночная координация как элемент структуры рынка. XIX Всероссийская студенческая научно-практическая конференция Нижневартковского государственного университета. Сборник статей, с. 321–323.
- Маевский В. И., Максимова Ю. М. (2006) Иерархическая концепция потребностей. Федерализм, № 2, с. 5–20.
- Метелева Е. Р. (2008) Разработка теоретико-методологических положений сетевого подхода. Проблемы теории и практики управления. Известия ИГЭА, № 3 (59), с. 69–72.
- Погосян Э. К. (2019) Сущность и порядок регулирования хозяйственных связей. Аллея науки, т. 3, № 6 (33), с. 358–361.
- Радаев В. В. (1970) Потребности как экономическая категория социализма. М., Мысль, 221 с.
- Рубан О. В. (2018) Хозяйственные связи коммерческой деятельности предприятия торговли. Стратегия предприятия в контексте повышения его конкурентоспособности, № 7, с. 182–185.
- Седых Д. Г. (2017) Установление хозяйственных связей с поставщиками. Новая наука: Стратегии и векторы развития, т. 1, № 4, с. 150–152.
- Смородинская Н. В. (2015) Глобализированная экономика: от иерархий к сетевому укладу. М., Ин-т экономики, 342 с.
- Смородинская Н. В. (2012) Смена парадигмы мирового развития и переход экономических систем к сетевому укладу. Журнал социологии и социальной антропологии, т. 15, № 5, с. 186–210.
- Сухарев О. С. (2020) Структурная и технологическая динамика российской экономики : доклад. М., Институт экономики РАН, 53 с.
- Тарасевич В. Н. (2005) Институциональная эволюция: от протоинститутов к институтам. Экономические науки, № 2, с. 64–79.
- Тихонова А. Д. (2019) Роль сетевого потенциала организации в стратегии развития. Журнал экономической теории, т. 16, № 4, с. 875–880.
- Фролов Д. П. (2008) Эволюционная перспектива институциональной экономики России. Монография. Волгоград, Изд-во ВолГУ, 461 с.
- Юнаковский А. А. (2019) Закономерности и особенности развития хозяйственных связей предпринимательских структур в условиях конкурентной среды. Финансовая экономика, № 1, с. 541–544.
- Alekseev N. E., Patlasov O. Yu. (2021) Variability determinants of new consumption formats in the agricultural sector of the economy. IOP Conf. Ser.: Earth Environ. Sci. 659 012002. DOI: 10.1088/1755-1315/659/1/012002.

References

- Alekseev N. E., Patlasov O. Yu. (2021) Variability determinants of new consumption formats in the agricultural sector of the economy. IOP Conf. Ser.: Earth Environ. Sci. 659 012002. DOI: 10.1088/1755-1315/659/1/012002.
- Babayan Ya. V. (2017) Institutsional'naya obuslovlennost' razvitiya sovremennykh ekonomicheskikh sistem [Institutional conditionality of the development of modern economic systems]. Scientific Bulletin of the Southern Institute of Management, no. 1, pp. 33–42 (In Russian).
- Davydova L. V. (2018) Khozyaystvennyye svyazi predpriyatiy trgovli s postavshchikami [Economic relations of trade enterprises with suppliers]. Sovershenstvovaniye metodologii poznaniya v tselyakh razvitiya nauki [Improving the methodology of cognition for the development of science]. Collection of articles on the results of the International Scientific and Practical Conference, pp. 103–105 (In Russian).
- Dement'yev V. V. (2008) Instituty: problema opredeleniya ponyatiya [Institutes: the problem of definition of the concept]. Scientific works of DonNTU. Series: economic. Issue 35, pp. 5–35 (In Russian).
- Frolov D. P. (2008) Evolyutsionnaya perspektiva institutsional'noy ekonomiki Rossii [The evolutionary perspective of the institutional economy of Russia]. Monograph. Volgograd, Volga Publishing House, 461 p. (In Russian).
- Gritsenko A. A. (2007) Iyerarkhiya i setevyye struktury v institutsional'noy arkhitektonike ekonomicheskikh sistem [Hierarchy and network structures in the institutional architectonics of economic systems]. Scientific works of DonNTU. Series: economic. Issue 31-1, pp. 51–55 (In Russian).
- Katukov D. D., Malygin V. Ye., Smorodinskaya N. V. (2012) Institutsional'naya sreda globalizirovannoy ekonomiki: razvitiye setevykh vzaimodeystviy : nauch. doklad [Institutional environment of the globalized economy: development of network interactions: scientific report]. Ed. N. V. Smorodinskaya. Moscow, Inst-t ekonomiki RAN Publ., 45 p. (In Russian).
- Li A. A. (2017) Rynoch'naya koordinatsiya kak element struktury rynka [Market coordination as an element of the market structure]. XIX All-Russian Student Scientific and Practical Conference of Nizhnevartovsk State University. Collection of articles, pp. 321–323 (In Russian).
- Mayevskiy V. I., Maksimova Yu. M. (2006) Iyerarkhicheskaya kontseptsiya potrebnostey [Hierarchical concept of needs]. Federalism, no. 2, pp. 5–20 (In Russian).

- Metel'eva Ye. R. (2008) Razrabotka teoretiko-metodologicheskikh polozheniy setevogo podkhoda [Development of theoretical and methodological provisions of the network approach]. *International Journal of Management Theory and Practice*, no. 3 (59), pp. 69-72 (In Russian).
- Pogosyan E. K. (2019) Sushchnost' i poryadok regulirovaniya khozyaystvennykh svyazey [The essence and order of regulation of economic relations]. *Alleya nauki – Alley of Science*, vol. 3, no. 6 (33), pp. 358-361 (In Russian).
- Radayev V. V. (1970) Potrebnosti kak ekonomicheskaya kategoriya sotsializma [Needs as an economic category of socialism]. Moscow, Mysl' Publ., 221 p. (In Russian).
- Ruban O. V. (2018) Khozyaystvennyye svyazi kommercheskoy deyatelnosti predpriyatiya torgovli [Economic relations of commercial activity of a trade enterprise]. *Strategy of an enterprise in the context of increasing its competitiveness*, no. 7, pp. 182-185 (In Russian).
- Sedykh D. G. (2017) Ustanovleniye khozyaystvennykh svyazey s postavshchikami [Establishment of economic relations with suppliers]. *Novaya nauka: Strategii i vektory razvitiya – New Science: Strategies and vectors of development*, vol. 1, no. 4, pp. 150-152 (In Russian).
- Smorodinskaya N. V. (2015) Globalizirovannaya ekonomika: ot iyerarkhiy k setevomu ukladu [Globalized economy: from hierarchies to a network structure]. Moscow, In-t ekonomiki Publ., 342 p.
- Smorodinskaya N. V. (2012) Smena paradigmy mirovogo razvitiya i perekhod ekonomicheskikh sistem k setevomu ukladu [The paradigm shift of world development and the transition of economic systems to a network structure]. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 15, no. 5, pp. 186-210 (In Russian).
- Sukharev O. S. (2020) Strukturnaya i tekhnologicheskaya dinamika rossiyskoy ekonomiki : doklad [Structural and technological dynamics of the Russian economy: report]. Moscow, Institut ekonomiki RAN Publ., 53 p. (In Russian).
- Tarasevich V. N. (2005) Institutsional'naya evolyutsiya: ot protoinstitutov k institutam [Institutional evolution: from proto-institutes to institutes]. *Scientific Journal Economic Sciences*, no. 2, pp. 64-79 (In Russian).
- Tikhonova A. D. (2019) Rol' setevogo potentsiala organizatsii v strategii razvitiya [The role of the organization's network potential in the development strategy]. *The Russian Journal of Economic Theory*, vol. 16, no. 4, pp. 875-880 (In Russian).
- Yunakovskiy A. A. (2019) Zakonomernosti i osobennosti razvitiya khozyaystvennykh svyazey predprinimatel'skikh struktur v usloviyakh konkurentnoy sredy [Patterns and features of the development of economic relations of entrepreneurial structures in a competitive environment]. *The Magazine Financial Economy*, no. 1, pp. 541-544 (In Russian).

Информация об авторах

Алексеев Николай Евгеньевич

Кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления персоналом. Омская гуманитарная академия, г. Омск, РФ.
ORCID ID: 0000-0003-0953-1943.
E-mail: oeip@mail.ru

Autor's information

Nikolay E. Alekseyev

Cand. Sc. (Econ.), Associate Professor.
Omsk Humanitarian Academy, Omsk,
Russian Federation.
ORCID ID: 0000-0003-0953-1943.
E-mail: oeip@mail.ru

УДК 338.465.4
JEL L00, O1

DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.22

Научная статья

Е. Б. Дворядкина¹✉, Д. А. Травникова¹

✉ elena.dvoryadkina@yandex.ru

¹Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Анализ тенденций устойчивого развития региональной социально-экономической системы: кейс здравоохранения

Аннотация: Значение здравоохранения как одного из системообразующих факторов экономического развития на региональном и локальном уровнях не подлежит сомнению. Статья посвящена обоснованию комплексного теоретического подхода к исследованию региональной системы здравоохранения. Методологическая база исследования представлена совокупностью положений об устойчивом социально-экономическом развитии, теории устойчивости систем, а также концепций развития здравоохранения. В статье проведен анализ состояния системы здравоохранения в Российской Федерации и в Свердловской области. Дана оценка текущего состояния системы здравоохранения, выявлены и показаны региональные тенденции развития системы здравоохранения. Обобщена группа показателей устойчивости регионального здравоохранения. Сделаны ключевые выводы о состоянии системы здравоохранения в Свердловской области и определены базовые факторы повышения ее устойчивости. Система здравоохранения является важнейшей составляющей региональной социально-экономической системы, поскольку сохранение здоровья населения способствует экономическому росту в определенном регионе, обеспечивая более высокую экономическую активность и повышая региональную производительность труда. Формирование условий устойчивого развития здравоохранения может стать ключевым фактором привлекательности региона или его муниципальных образований для миграции как внутренней, так и внешней трудовой. Именно развитие региональной технической, кадровой и технологической инфраструктуры в системе здравоохранения может повысить региональную производительность труда, особенно в таком проблемном с экологической точки зрения регионе, в силу его промышленной специализации, как Свердловская область.

Ключевые слова: устойчивость, региональная социально-экономическая система, устойчивость здравоохранения, региональная специфика системы здравоохранения, региональные условия развития системы здравоохранения, показатели развития системы здравоохранения.

Дата поступления статьи: 11 июля 2022 г.

Для цитирования: Дворядкина Е. Б., Травникова Д. А. (2023) Анализ тенденций устойчивого развития региональной социально-экономической системы: кейс здравоохранения. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 17, № 1, с. 210–219. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.22.

Scientific article

Е. В. Dvoryadkina¹, D. A. Travnikova¹

✉ elena.dvoryadkina@yandex.ru

¹Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russian Federation

Analysis of the sustainable development trends of the regional socio-economic system: a healthcare case

Abstract: The importance of healthcare as one of the system-forming factors of economic development at the regional and local levels is beyond doubt. The article is devoted to the substantiation of a comprehensive theoretical approach to the study of the regional healthcare system. The methodological basis of the study is represented by a set of provisions on sustainable socio-economic development, the theory of system sustainability, as well as concepts of health care development. The article analyzes the state of the healthcare system in the Russian Federation and in the Sverdlovsk region. The assessment

of the current state of the healthcare system is given, regional trends in the development of the healthcare system are identified and shown. A group of indicators of regional health sustainability is summarized. The key conclusions about the state of the health care system in the Sverdlovsk region are made and the basic factors of increasing its sustainability are determined. The healthcare system is the most important component of the socio-economic system of the region, since maintaining the health of the population contributes to economic growth in a particular region, providing higher economic activity and increasing regional labor productivity. The formation of conditions for the sustainable development of healthcare can become a key factor in the attractiveness of the region or its municipalities for migration, both internal and external labor. It is the development of regional technical, personnel and technological infrastructure in the healthcare system that can increase regional labor productivity, especially in such an environmentally problematic region as the Sverdlovsk Region.

Keywords: sustainability, health care sustainability, regional specifics of the health care system, regional conditions for the development of the health care system, indicators of the development of the health care system.

Paper submitted: July 11, 2022.

For citation: Dvoryadkina E. B., Travnikova D. A. (2023) Analysis of the sustainable development trends of the regional socio-economic system: a healthcare case. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 17, no. 1, pp. 210–219. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.22.

Введение

В современных условиях развитие системы здравоохранения становится ключевым механизмом экономического роста в субъектах РФ и отдельных муниципальных образованиях. Прежде всего, здесь следует обратить внимание на сохранение трудоспособного населения не только с точки зрения миграционных процессов, но и с точки зрения снижения негативных последствий воздействия окружающей среды (в том числе производственной) на население территории. По нашему мнению, именно развитие системы здравоохранения и адресной медицинской помощи может привести к сокращению последствий хронических заболеваний, к снижению инвалидизации населения. Таким образом, оценка условий развития регионального здравоохранения дает нам представление о возможностях региона в области повышения производительности труда за счет обеспечения функционирования системы здоровьесбережения.

Современное здравоохранение является неотъемлемой частью социально-экономической системы региона. Развитие здравоохранения – это условие стабильности регионального сообщества и сохранения необходимого уровня экономической активности и трудоспособности населения¹.

В Российской Федерации ключевым показателем оценки уровня здоровья населения является ожидаемая продолжительность жизни. Данный показатель в среднем на 6 лет ниже, чем в восточноевропейских странах. При этом разница с западноевропейскими странами оказалась еще больше – 12 лет, это было вызвано очень высоким показателем смертности населения в 2021 году. Так, по сравнению с 2019 годом смертность в России выросла на 37 %, обеспечив прирост на 640 тыс. человек.

Для многих регионов помимо ситуации, связанной с развитием новой коронавирусной инфекции, важными факторами, влияющими на здоровье населения, остаются неблагоприятные промышленно-производственные факторы, а также загрязненный воздух и вода.

Концептуально система здравоохранения в России в целом и в регионах в частности представляет собой сложноорганизованную социально-экономическую подсистему региона, которая ориентирована на охрану здоровья и применение комплекса технологий здоровьесбережения. При этом в основе системы лежит профилактический принцип (то есть лучше избежать, чем устранить). Концептуально система здравоохранения сложилась на принципах, заложенных Н. А. Семашко, в частности один из ключевых: принцип организации работы через участковых врачей (выросший из земской медицины) и принцип страховой медицины (Решетников, Несвижский, Касимовская, 2014).

Оценка эффективности системы регионального здравоохранения во многом складывается из множества муниципальных факторов работы конкретных организаций здравоохранения в соответствующих муниципальных образованиях, с одной стороны, а с другой стороны, эффективность складывается из оценок экспертного сообщества, если мы рассмотрим показатель медицинской эффективности, например, оценок граждан, получающих услугу в системе

¹ Цели устойчивого развития. URL: <https://www.un.org/sustainable-development/health/>

здравоохранения (социальная эффективность) и оценок использования материальных и финансово-экономических ресурсов (экономическая эффективность). Таким образом, эффективность региональной системы здравоохранения представляет собой комплексный показатель оценки социальной, медицинской и экономической эффективности множества муниципальных организаций здравоохранения.

Развитие современной системы здравоохранения можно оценить как не очень позитивное, поскольку при общем сокращении численности медицинского персонала и количества медицинских учреждений в 90-е годы XX века в настоящий момент данная тенденция сохраняется, хотя и в более сглаженном виде. Общим местом в развитии системы здравоохранения остается рост платных медицинских услуг и ориентация отраслевых органов государственной власти в направлении развития рынка медицинского обслуживания населения с усилением роли частного сектора. Система здравоохранения претерпевает, с одной стороны, подъем, обусловленный ростом инвестиционных вложений, вызванных коронавирусной инфекцией (для борьбы с ней строятся и перепрофилируются здания и целые комплексы), а с другой стороны, особенно по «традиционным» заболеваниям, сохраняется тенденция, намеченная в предыдущие годы.

Ключевыми причинами отставания Российской Федерации от развитых стран остаются следующие:

1. Низкий уровень доходов граждан РФ, по сравнению с восточноевропейскими странами уровень средней заработной платы в России на 40 % ниже. Так, в 2019 году уровень среднего дохода населения в России составлял 27 тыс. рублей. При этом стоит учитывать, что за последние два года уровень реальных доходов населения в России снизился на 6,5 %.

2. Значительное потребление алкоголя на душу населения и большое количество курильщиков. По потреблению алкоголя Россия опережает США на 25 %, а Канаду на 33 %. По распространенности курения Россия опережает США в 2,5 раза.

3. Низкий уровень финансирования здравоохранения. Так, финансирование здравоохранения в РФ на душу населения в 1,8 раза ниже, чем в восточноевропейских странах. Финансирование здравоохранения в странах ЕС составляет 5 % от ВВП, в то время как в РФ этот показатель составляет всего 3,5 % (Бокарев, 2005).

Оценивая состояние системы здравоохранения в России, следует учитывать неравномерность развития социально-экономических подсистем в различных регионах. Так, например, регионы, обладающие наибольшим финансовым, промышленно-производственным и социально-трудовым потенциалом, имеют больше возможностей в развитии региональной системы здравоохранения.

Методология

При написании статьи авторы опирались на работы Grogan C. M., Marmor T. R., Freeman R., Marchildon G. P., Robert, Zelmer J, Kingery, World Health Organization Europe (Гроган, 2017; Мармор, Фримен, Окма, 2009; Марчайлдон, 2013; Зелмер, 2015; Кингери, 2018).

ООН неоднократно подтверждает важность местных и региональных властей в достижении устойчивого развития. Согласно документам ООН, регион следует рассматривать как территорию меньшую, чем нация, которая имеет идентичность, разграниченную границами (административное образование) или идентифицируемую относительно однородными экономическими, социальными или ландшафтными характеристиками. В этом смысле регион может пересекать границы (например, макрорегионы Европы включают в себя части бельгийских, голландских и немецких провинций и являются регионами с общей историей и схожими экономическими интересами). Греймор и др. (Marmor, Freeman, Okma, 2009) утверждают, что региональный уровень предоставляет региональным органам власти наибольшую возможность работать вместе с составляющими их сообществами в направлении постоянного развития, учитывая при этом особенности местных традиций, культуры и способов ведения хозяйства.

Территориальная структура государства определяет экономическую и социальную структуру, поэтому в унитарных государствах сильна роль централизованной экономической политики в обеспечении условий устойчивого развития, а в федеративных государствах (особенно в асимметричных федерациях) фактор местных культурных традиций и специфических региональных механизмов управления играет решающую роль при определении методов обеспечения устойчивого регионального развития. Иерархия территорий и связанных с ними инфраструктурных объектов (от федерального уровня к муниципальному уровню) показывает спектр государственных, муниципальных и частных услуг, необходимых для обеспечения доступа граждан к экономическим, социальным и культурным возможностям, а также к инфраструктуре, необходимой предприятиям для построения конкурентоспособной динамичной и инновационной экономики. Эти услуги включают образование, здравоохранение, социальные транспортные и коммуникационные сети, охрану окружающей среды, торговлю и др.

Важно отметить, что устойчивое развитие региона связано с обеспечением социального, технологического и культурного обслуживания регионального сообщества на различных пространственных уровнях, включая районы, небольшие города, региональные города (или группы городов) и поселки. Стоит признать, что существует тесная взаимосвязь между размером поселения и уровнем обслуживания местного сообщества, который обеспечивается мерами государственной или муниципальной поддержки.

Отрасли обслуживания региональных сообществ по-другому можно называть отраслями региональной инфраструктуры устойчивого регионального развития, они включают:

1. Образование.
2. Здравоохранение.
3. Культуру.
4. Производственные услуги.
5. Бытовые услуги.
6. Государственные социальные услуги.

Создание критической массы инфраструктурных предприятий и организаций с государственной поддержкой определенного уровня услуг ставит перед инфраструктурными предприятиями и организациями задачи по удовлетворению потребностей пространственно-рассредоточенного населения. Уровень инфраструктуры устойчивого регионального развития при этом не должен фундаментально отличаться от региона к региону. На наш взгляд, здесь стоит исходить из показателей региональной сбалансированности, т. е. минимальная бюджетная обеспеченность должна формировать доступ к большинству инфраструктурных услуг примерно равный во всех регионах.

Таким образом, проведенный анализ выделяемых учеными факторов, влияющих на устойчивое развитие регионов, показал, что большинство из них указывает на первостепенное значение экономической, экологической и социальной составляющих (Belousova, 2022). Автором предлагается использовать методы анализа среды управления как ключевого инструмента анализа региональных условий социально-экономического развития и возможностей повышения устойчивости. Кроме того, отмечается важность развития инфраструктуры – системы отраслей обслуживания населения регионов для целей обеспечения устойчивого развития.

Результаты

В российской сфере здравоохранения, помимо затрат на управление и высоких затрат на содержание медицинской инфраструктуры, существует много проблем, касающихся непосредственно институциональной структуры: учреждений, лабораторий, органов управления и множества специализированных организаций, обеспечивающих функционирование системы здравоохранения. Большинство из них устарели и разваливаются, так что они не могут гарантировать эффективное обслуживание населения. Проблемы касаются не только существующих структур, но они могут касаться и новых больниц, и учреждений, даже если они построены недавно. Новые

больницы могут испытывать кадровый голод, нехватку квалифицированных специалистов, способных работать на новом медицинском оборудовании, отсюда потребуются много лет, прежде чем они начнут функционировать эффективно. В новых больницах эти проблемы могут быть решены на этапе планирования путем применения одного из существующих инструментов для оценки устойчивости больницы еще до начала строительства самого сооружения. Во втором и наиболее актуальном случае – существующими структурами здравоохранения – одним из первых шагов к решению проблемы является глубокое знание структуры лечебного или иного медицинского учреждения и его оперативной организации, чтобы применить индивидуальные стратегии для улучшения существующей ситуации (Бокарев, 2005).

Выбор ключевых факторов для включения в предлагаемый инструмент оценки устойчивости осуществлялся на разных этапах. Отправной точкой был обзор литературы и изучение современного состояния, анализ основных систем оценки, используемых в настоящее время для оценки эффективности работы больниц, таких как рейтинги развития систем здравоохранения.

Эти инструменты направлены на оценку организаций здравоохранения, главным образом со структурной точки зрения, например, наличие определенных технических, дизайнерских и системных аспектов с помощью конкретных показателей и метода подсчета баллов.

Научная методология, описанная выше, привела к определению гибкой модели для разработки инструмента, направленного на повышение устойчивости медицинских учреждений.

Благодаря анализу текущего сценария в области здравоохранения и изучению современного состояния стало возможным понять основные ограничения доступных инструментов оценки устойчивости. Одним из наиболее очевидных недостатков является чрезмерное внимание к экологической устойчивости, в отличие от недостаточной проработки экономических и социальных аспектов.

На основании опросов специалистов и руководителей организаций здравоохранения авторы статьи делают следующие выводы:

1) в организациях здравоохранения требуется повышение уровня гуманизации внутри самих учреждений, как для пациентов, так и для персонала, поскольку эффективное оказание медицинской помощи в большинстве случаев невозможно без комфортных помещений и позитивной рабочей среды;

2) в организациях здравоохранения требуется повышенное внимание к имеющимся ресурсам: медицинская организация является сооружением с высокими энергозатратами и потребляет значительные объемы ресурсов, которые конечны и ограничены во времени;

3) в организациях здравоохранения требуется обеспечение междисциплинарного и даже межпрофессионального подхода к развитию: в данном случае требуются усилия не только медицинского персонала, но и специалистов в области производства медицинского оборудования и материалов, специалистов в области психологии, социальных работников и пр. Только межпрофессиональное кооперирование в здравоохранении может обеспечить устойчивое развитие.

Для регионов «большого Урала» наиболее показательна Свердловская область, как один самых промышленно и экономически развитых регионов.

Видно, что наиболее эффективна система здравоохранения республики Башкортостан и Удмуртской республики. При относительной слабости систем здравоохранения в Свердловской и Оренбургской области стоит отметить, что свои позиции в рейтинге существенно улучшила Челябинская область.

Остановимся на показателях развития здравоохранения Свердловской области подробнее.

Оценка ожидаемой продолжительности жизни дает нам не очень хорошие перспективы, что связано с тенденциями, обусловившими развитие здравоохранения в 2020–2021 гг. – эпидемия новой коронавирусной инфекции. Тенденцию ожидаемой продолжительности жизни можно оценить как угрозу устойчивому региональному развитию в Свердловской области. В Свердловской области вместе с этим повторяется тренд, характерный для РФ в целом, хотя ожидаемая продолжительность жизни в Свердловской области ниже, чем в среднем по России (рис. 1, составлен по данным статистических показателей системы здравоохранения России в 2021 году. URL: <https://www.orgzdrav.com/statistics/>; статистических показателей системы здравоохранения Свердловской области в 2021 году. URL: <https://www.orgzdrav.com/statistics/>).

Таблица 1 – Рейтинг регионов Урала по уровню устойчивости системы здравоохранения в 2020–2021 гг.

Table 1 – Rating of the regions of the Urals in terms of the level of sustainability of the healthcare system in 2020–2021

Изменение (2020–2021)	Место в 2020 г.	Место в 2021 г.	Субъекты РФ
41	59	18	Республика Башкортостан
2	21	19	Удмуртская Республика
0	29	29	Ханты-Мансийский автономный округ - Югра
40	72	32	Челябинская область
14	48	34	Ямало-Ненецкий автономный округ
8	55	47	Тюменская область
11	64	53	Пермский край
-3	62	65	Оренбургская область
-5	65	70	Свердловская область

*Таблица составлена по данным статистических показателей системы здравоохранения России в 2021 году. URL: <https://www.orgzdrav.com/statistics/>

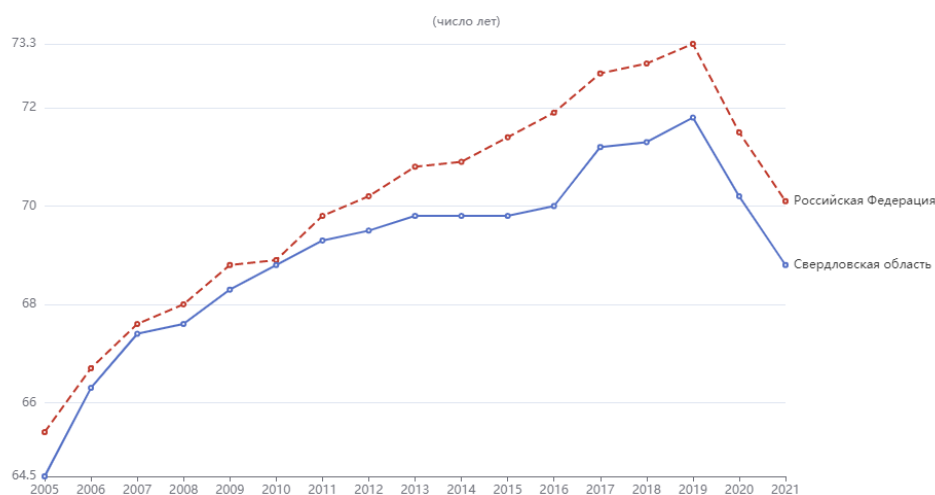

Рис. 1. Динамика ожидаемой продолжительности жизни при рождении в Свердловской области (сравнение с общероссийскими показателями) в период с 2005 по 2021 г.

Fig. 1. Dynamics of life expectancy at birth in the Sverdlovsk region (comparison with all-Russian indicators) in the period from 2005 to 2021

В 2021 году в Свердловской области произошел катастрофический рост заболеваемости населения (в расчете на 100 тыс. чел.), Свердловская область в 2020-2021 гг. впервые опередила по заболеваемости среднероссийские показатели, что можно также оценить как явную угрозу устойчивому региональному развитию (рис. 2, составлен по данным статистических показателей системы здравоохранения России в 2021 году. URL: <https://www.orgzdrav.com/statistics/>; статистических показателей системы здравоохранения Свердловской области в 2021 году. URL: <https://www.orgzdrav.com/statistics/>).

Однако при указанных тенденциях наблюдается стабильное опережение среднероссийских показателей по рождаемости в Свердловской области, данную тенденцию, безусловно, следует оценивать положительно, но только в тесной связи с показателями смертности и младенческой смертности. Показатели рождаемости в Свердловской области представлены на рис. 3 (составлен по данным статистических показателей системы здравоохранения России в 2021 году. URL: <https://www.orgzdrav.com/statistics/>; статистических показателей системы здравоохранения Свердловской области в 2021 году. URL: <https://www.orgzdrav.com/statistics/>).

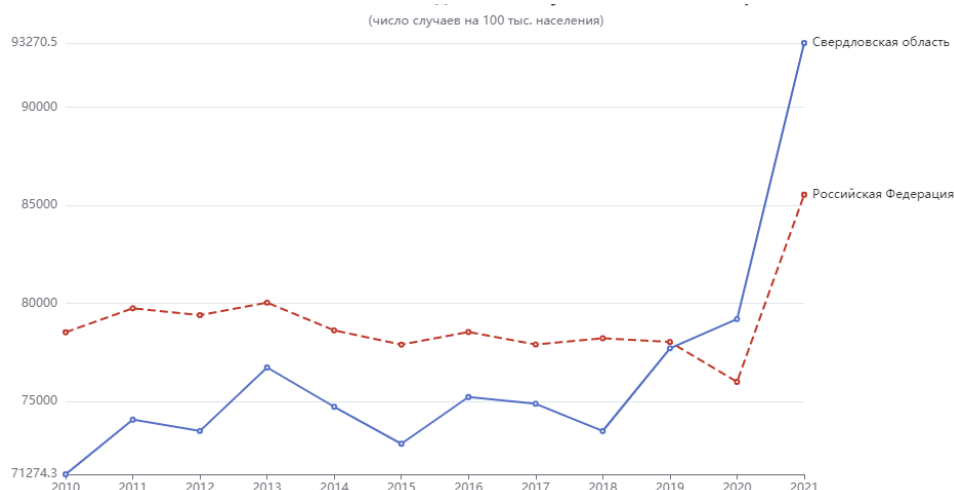

Рис. 2. Динамика заболеваемости населения с диагнозом, установленным впервые в жизни в период с 2010 по 2021 г. в Свердловской области (сравнение с общероссийскими показателями)

Fig. 2. Dynamics of the incidence of the population with a diagnosis established for the first time in life in the period from 2010 to 2021 in the Sverdlovsk region (comparison with all-Russian indicators)

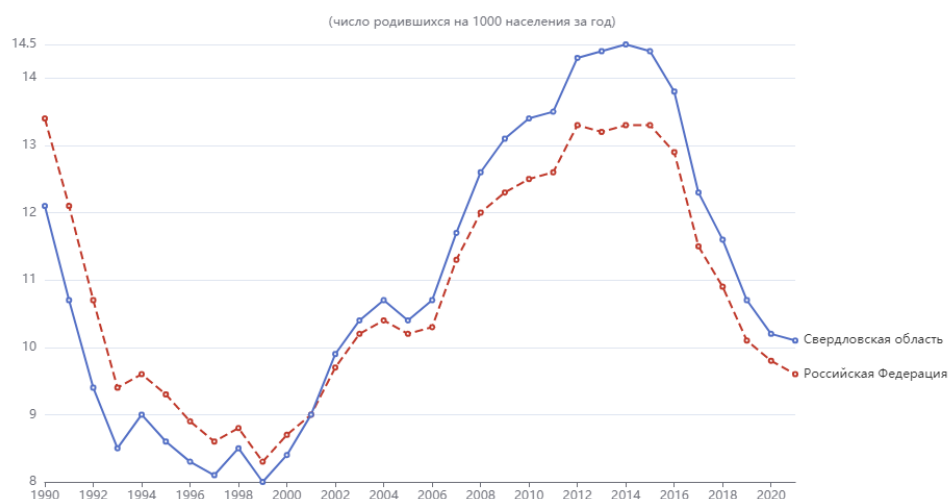

Рис. 3. Динамика рождаемости населения в период с 1990 по 2021 г. в Свердловской области (сравнение с общероссийскими показателями)

Fig. 3. Dynamics of the birth rate of the population in the period from 1990 to 2021 in the Sverdlovsk region (comparison with all-Russian indicators)

Оценивая смертность в Свердловской области, следует принять во внимание, что Свердловская область находилась в общей тенденции роста смертности в 2020-2021 гг., однако отрицательным следует признать то, что Свердловская область опережала по показателям смертности среднероссийские показатели, что также является угрозой устойчивому социально-экономическому развитию Свердловской области (рис. 4, составлен по данным статистических показателей системы здравоохранения России в 2021 году. URL: <https://www.orgzdrav.com/statistics/>; статистических показателей системы здравоохранения Свердловской области в 2021 году. URL: <https://www.orgzdrav.com/statistics/>).

С другой стороны, неуклонное снижение младенческой смертности сегодня является общемировым трендом, поэтому как таковым показателем устойчивости здравоохранения его считать не стоит. Вместе с этим в Свердловской области по данному показателю значения существенно ниже общероссийских (более чем в 5 раз), что можно охарактеризовать положительно (рис. 5, рисунок составлен по данным статистических показателей системы здравоохранения России в 2021 году. URL: <https://www.orgzdrav.com/statistics/>; статистических показателей системы здравоохранения Свердловской области в 2021 году. URL: <https://www.orgzdrav.com/statistics/>).

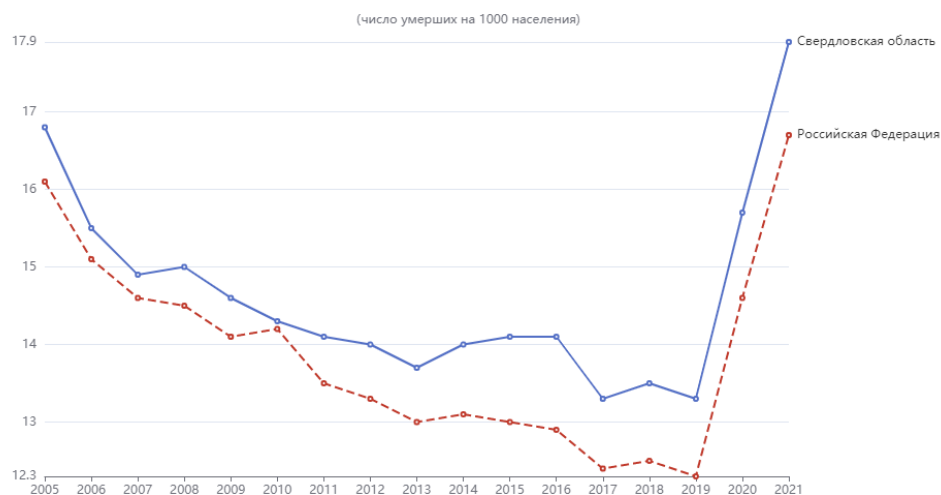

Рис. 4. Динамика смертности населения в период с 2005 по 2021 г. в Свердловской области (сравнение с общероссийскими показателями)

Fig. 4. Dynamics of mortality in the period from 2005 to 2021 in the Sverdlovsk region (comparison with all-Russian indicators)

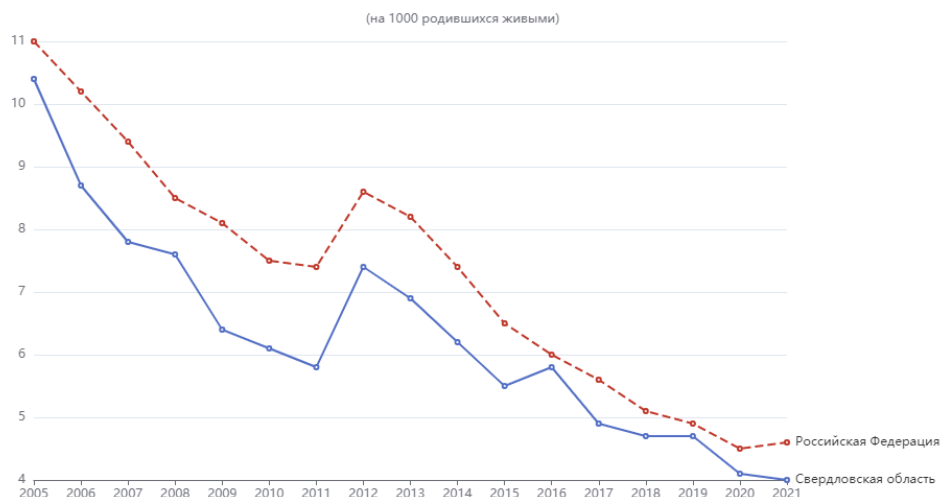

Рис. 5. Общая динамика младенческой смертности в период с 2005 по 2021 г. в Свердловской области (сравнение с общероссийскими показателями)

Fig. 5. General dynamics of infant mortality in the period from 2005 to 2021 in the Sverdlovsk region (comparison with all-Russian indicators)

Дадим оценку состояния системы оказания медицинской помощи в Свердловской области по ключевым показателям. Объемы оказания медицинской помощи в Свердловской области имеют тенденцию роста, причем как в стационарной, так и в стационарозамещающей медицинской помощи, что видно в табл. 2. Таким образом, по комплексу показателей можно дать оценку устойчивости развития здравоохранения в Свердловской области (табл. 3).

Выводы

Подводя итоги, следует отметить, что развитие здравоохранения в Свердловской области имеет в целом негативные тенденции, что не способствует повышению уровня устойчивости социально-экономической системы региона.

При анализе региональной системы здравоохранения в целом (на уровне Свердловской области) следует отметить, что существует территориальная градация муниципальных систем здравоохранения, которые составляют единую систему здравоохранения в Свердловской области.

Таблица 2 – Объемы оказания стационарной и стационарозамещающей медицинской помощи в Свердловской области в 2020–2021 гг.**Table 2 – The volume of inpatient and inpatient care in the Sverdlovsk region in 2020-2021**

Наименование	2020 год (тыс. руб.)		2021 год (тыс. руб.)	Отклонение 2021 к факту 2010	
	норматив	факт	норматив	тыс. руб.	%
Медицинская помощь в рамках территориальной программы ОМС	62 892 562,6	63 963 717,3	64 042 734,6	79 017,30	100,1
Специализированная медицинская помощь в условиях стационара	29 055 105,2	29 652 827,7	28 008 878,9	-1 643 948,80	94,5
Высокотехнологичная медицинская помощь, оказываемая в медицинских организациях	3 731 377,0	3 126 706,1	3 231 668,2	104 962,10	103,4
Медицинская помощь в условиях дневного стационара	7 458 466,4	8 404 233,1	8 422 910,3	18 677,20	100,2
Амбулаторно-поликлиническая помощь	22 225 181,6	22 279 914,4	23 138 322,0	858 407,60	103,9

* Таблица составлена авторами по данным отчетности Территориального фонда обязательного медицинского страхования Свердловской области за 2020–2021 гг. Протокол заседания Комиссии по разработке Территориальной программы обязательного медицинского страхования Свердловской области от 28.12.2021 № 16 URL <https://oms66.ru/uchastnikam-sistemy-oms/dokumenty/12442/?ysclid=le3zv9gti2m111875969>; Протокол заседания Комиссии по разработке Территориальной программы обязательного медицинского страхования Свердловской области от 28.12.2020 № 16 URL <https://oms66.ru/uchastnikam-sistemy-oms/dokumenty/4564/>.

Таблица 3 – Общая оценка устойчивости развития здравоохранения в Свердловской области в 2020–2021 гг.**Table 3 – General assessment of the sustainability of healthcare development in the Sverdlovsk region in 2020–2021**

№ п/п	Показатель устойчивости здравоохранения	Оценка тенденции (позитив/нейтрально/негатив)
1	Ожидаемая продолжительность жизни	–
2	Рождаемость	+
3	Смертность	–
4	Младенческая смертность	+
5	Заболеваемость	–
6	Институционально-инфраструктурная обеспеченность	+

Так, в первую группу по уровню развития муниципальных систем здравоохранения с наиболее высоким уровнем экономического развития вошли городской округ Верхняя Пышма, городской округ Среднеуральск, муниципальное образование город Екатеринбург, что позволяет связать экономический потенциал муниципалитета и потенциал системы здравоохранения соответствующего муниципального образования.

Основной проблемой развития региональных систем здравоохранения, кроме недостаточного финансирования, является нехватка медицинского персонала из категории врачей общей практики, медсестер в региональных медицинских организациях, что связано с низким уровнем заработных плат, что в свою очередь приводит к миграции выпускников в столичный регион либо к трудоустройству не по специальности.

Со стороны государства наблюдаются активные шаги по решению выявленной проблемы путем повышения уровня оплаты труда медработникам-выпускникам, увеличение количества целевых и бюджетных учебных мест в отраслевых учреждениях образования.

Источники

Бокарев С. А. Устойчивое развитие регионов России в процессе глобализации: автореф. дис. ... канд. экон. наук., спец: 08.00.01 ; Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина. Тамбов, 2005, 24 с.

- Решетников В. А., Несвижский Ю. В., Касимовская Н. А. (2014) Н. А. Семашко – теоретик и организатор здравоохранения. История медицины, № 3, с. 24–29.
- Belousova E. A. (2022). Economic well-being: Semantic environment and research contexts at a municipal level. *Journal of New Economy*, vol. 23, no. 4, pp. 46–68. DOI: 10.29141/2658-5081-2022-23-4-3. EDN: JTTVZH.
- Grogan C. M. (2017) Diffusion of ACA policies across the American states. *J Health Polit Policy Law*, vol. 42, pp. 205–209. doi: 10.1215/03616878-3766691
- International Health Conference (July 22, 1946) Constitution of the World Health Organization. URL: <http://apps.who.int/gb/bd/PDF/bd47/EN/constitutionen.pdf?ua=1>
- Marmor T. R., Freeman R., Okma K. G. H. (eds) (2009) *Comparative studies & the politics of modern medical care*. Yale University Press, New Haven, 370 p.
- Marchildon G. P. (2013) Canada: health system review. *Health Systems in Transition*, vol. 15(1), p. 179.
- OECD (2015) *Health at a glance 2015: OECD indicators*. OECD Publishing, Paris
- OECD (2016) *OECD health statistics [Data file]*. URL: <http://stats.oecd.org/index.aspx?DataSetCode=Kingery>
- Kingery K. L. (2018) County Health Rankings & Roadmaps. *The Journal of Youth Development*, vol. 13, Issue 3. DOI 10.5195/jyd.2018.649
- World Health Organization Europe (June 27, 2008) The Tallinn charter: Health systems for health and wealth. URL: http://www.euro.who.int/data/assets/pdf_file/0008/88613/E91438.pdf?ua=1
- Zelmer J. (2015) Beyond pilots: scaling and spreading innovation in healthcare. *Healthcare Policy*, vol. 11, pp. 8–12. DOI: 10.12927/hcpol.2016.24452

References

- Belousova E. A. (2022). Economic well-being: Semantic environment and research contexts at a municipal level. *Journal of New Economy*, vol. 23, no. 4, pp. 46–68. DOI: 10.29141/2658-5081-2022-23-4-3. EDN: JTTVZH.
- Bokarev S. A. (2005) [Ustoychivoye razvitiye regionov Rossii v protsesse globalizatsii: avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk., spets] Sustainable development of the regions of Russia in the process of globalization: abstract. dis. ... Candidate of Economic Sciences., spec: 08.00.01 ; Tambov State University named after G. R. Derzhavin. Tambov, 24 p. (In Russian).
- Grogan C. M. (2017) Diffusion of ACA policies across the American states. *J Health Polit Policy Law*, vol. 42, pp. 205–209. doi: 10.1215/03616878-3766691
- International Health Conference (July 22, 1946) Constitution of the World Health Organization. Retrieved from: <http://apps.who.int/gb/bd/PDF/bd47/EN/constitutionen.pdf?ua=1>
- Kingery K. L. (2018) County Health Rankings & Roadmaps. *The Journal of Youth Development*, vol. 13, Issue 3. DOI 10.5195/jyd.2018.649
- Marchildon G. P. (2013) Canada: health system review. *Health Systems in Transition*, vol. 15(1), p. 179.
- Marmor T. R., Freeman R., Okma K. G. H. (eds) (2009) *Comparative studies & the politics of modern medical care*. Yale University Press, New Haven, 370 p.
- OECD (2015) *Health at a glance 2015: OECD indicators*. OECD Publishing, Paris
- OECD (2016) *OECD health statistics [Data file]*. Retrieved from: <http://stats.oecd.org/index.aspx?DataSetCode=Reshetnikov>
- Reshetnikov V. A., Nesvizh Yu.V., Kasimovskaya N. A. (2014) [N. A. Semashko – teoretik i organizator zdorov'ya] N. A. Semashko – theorist and organizer of healthcare. *Journal of the History of Medicine*, no. 3, pp. 24–29 (In Russian).
- World Health Organization Europe (June 27, 2008) The Tallinn charter: Health systems for health and wealth. Retrieved from http://www.euro.who.int/data/assets/pdf_file/0008/88613/E91438.pdf?ua=1
- Zelmer J. (2015) Beyond pilots: scaling and spreading innovation in healthcare. *Healthcare Policy*, vol. 11, pp. 8–12. DOI: 10.12927/hcpol.2016.24452

Информация об авторах

Дворядкина Елена Борисовна

Доктор экономических наук, профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления, директор института экономики и финансов. Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург, РФ. ORCID ID: 0000-0001-5163-0334. E-mail: elena.dvoryadkina@yandex.ru

Травникова Дарья Александровна

Соискатель кафедры региональной, муниципальной экономики и управления. Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург, РФ. E-mail: d.travnikova@mail.ru

Autor's information

Elena B. Dvoryadkina

Dr. Sc. (Economics), Professor of the Department of Regional, Municipal Economics and Management, Director of the Institute of Economics and Finance. Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russian Federation. ORCID ID: 0000-0001-5163-0334. E-mail: elena.dvoryadkina@yandex.ru

Daria A. Travnikova

Candidate of the Department of Regional, Municipal Economics and Management. Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russian Federation. E-mail: d.travnikova@mail.ru

УДК 330
JEL N

DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.23

Научная статья

Е. А. Орлянский¹

✉ orlyanskyea@mail.ru

¹Омская гуманитарная академия, г. Омск, Российская Федерация

Эволюция теории инфляции и ее практическое значение

Аннотация: Целью статьи является переосмысление эволюции теории инфляции в экономической науке и практическое подтверждение оправданности замены чисто денежной теории инфляции на ее многофакторный вариант событиями в мировой и отечественной истории экономики. Эволюция теории инфляции в зарубежной экономической науке стала адекватным ответом на изменение сущности самой рыночной экономики и инфляции как ее составной части. Практическое значение новых теоретических разработок заключалось в том, что они стали стимулом поиска новых методов антиинфляционной политики, которые помогли преодолеть стагфляцию и не допустить ее повторения в будущем. С другой стороны, в период перехода к рынку в нашей экономике произошла недооценка трансформации теории инфляции (несмотря на интерес к этой проблеме еще в советский период). Это также имело практическое значение, но с отрицательным результатом. Антиинфляционная политика в период гиперинфляционных процессов начала переходного периода не соответствовала сущности самой инфляции и потерпела неудачу. Недооценка немонетарных факторов российской инфляции имела место и в последующем.

Ключевые слова: инфляция, количественная теория денег и цен, многофакторная теория инфляции, стагфляция, инфляция издержек.

Дата поступления статьи: 5 июля 2022 г.

Для цитирования: Орлянский Е. А. (2023) Эволюция теории инфляции и ее практическое значение. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 17, № 1, с. 220–228. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.23.

Scientific article

Е. А. Orlyansky¹

✉ orlyanskyea@mail.ru

¹Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russian Federation

Evolution of the inflation theory and its practical significance

Annotation: The purpose of this article is to rethink the evolution of the theory of inflation in economic science and practical confirmation of the justification for replacing the purely monetary theory of inflation with its multifactorial version by events in the world and Russian history of the economy. The evolution of the theory of inflation in foreign economic science has become an adequate response to the change in the essence of the market economy itself and inflation as its component. The practical significance of the new theoretical developments was that they became an incentive to search for new methods of anti-inflationary policy that helped to overcome stagflation and prevent its recurrence in the future. On the other hand, during the period of transition to the market in our economy, there was an underestimation of the transformation of the theory of inflation (despite the interest in this issue back in the Soviet period). It also had practical value, but with a negative result. The anti-inflationary policy during the period of hyperinflationary processes at the beginning of the transition period did not correspond to the essence of inflation itself and failed. The underestimation of non-monetary factors of Russian inflation took place in the future as well.

Keywords: inflation, quantity theory of money and prices, multifactorial theory of inflation, stagflation, cost-push inflation.

Paper submitted: July 5, 2022.

For citation: Orlyansky E. A. (2023) Evolution of the inflation theory and its practical significance. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 17, no. 1, pp. 220–228. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.23.

© Е. А. Орлянский, 2023

Введение

Инфляция является одним из сложнейших макроэкономических явлений. Причем сложность этого явления породила многочисленные дискуссии в зарубежной и отечественной литературе. На примере этих дискуссий явно просматривается актуальность макроэкономической теории для практики государственного антициклического регулирования. Эта проблема приобретает дополнительную актуальность тогда, когда выявилась главная теоретическая спорная проблема этой тематики. Этой спорной проблемой являлась характеристика инфляции с точки зрения факторов, ее порождающих. Как известно, сам термин «инфляция» появляется в XIX веке и изначально обозначает рост общего уровня цен в результате действия эффекта излишней денежной массы. Такое понимание инфляции уходит корнями в XVII век, когда экономика столкнулась с первым инфляционным феноменом в истории мировой экономики, получившим название «революции цен». Феномен почти столетнего роста цен тогда и был вызван резким ростом денежной массы в обращении из-за притока в Европу драгоценных металлов из американских колоний. Потом это было оформлено количественной теорией денег, которая стала исторической предтечей современного монетаризма. Такое понимание инфляции сохранялось до середины XX века. Интересно, что такое понимание объединяло разные, порой оппонировавшие друг другу, теоретические направления (неоклассика и марксизм, например). Принято считать, что тогда доминировала монетарная теория инфляции, когда инфляционным признавался только тот рост цен, который был порожден увеличением денежной массы в обращении (самым заметным проявлением такого подхода стало знаменитое уравнение обмена Ирвинга Фишера). Теоретическим выражением этого подхода была знаменитая количественная теория денег и цен. Кроме данного взгляда на инфляцию эта теория, как известно, отражала идею нейтральности денег. Такое понимание роли денег (как средства упрощения и ускорения обмена, не способного влиять на реальные экономические процессы) шло от классической теории, и способность цен мгновенно прямо реагировать на изменение денежной массы отлично подтверждало (с точки зрения самих классиков и их сторонников) тезис о нейтральности денег.

Однако эта теоретическая позиция была подвержена принципу историзма и могла соответствовать только конкретному этапу развития современной рыночной экономики.

Методология

Применение методов системного анализа, дедукции и индукции и исторического подхода приводит к однозначному выводу, что определенная теория инфляции может соответствовать только определенному этапу развития рыночной экономики. Это подтверждается различной результативностью антиинфляционной политики (основанной на различных теориях инфляции) на основе ее адекватности реальным инфляционным процессам.

Результаты

Количественная теория денег и цен оказалась очень популярной. Пройдя ряд модификаций, она сохраняет влияние до сих пор. Для некоторых экономистов (например, Милтона Фридмана) она является единственным объяснением феномена инфляции.

На самом деле первые попытки отойти от узкой монетарной трактовки инфляции появились еще в начале XX века. На уровне высокой экономической теории в качестве примера можно привести теорию Кнута Викасселя о кумулятивных процессах (Wicksell, 1977). Если инфляция понимается как один из примеров таких кумулятивных процессов, мы можем констатировать обоснование иных, кроме монетарных, факторов роста цен на уровне национальной экономики. Да и знаменитая «администрируемая инфляция» Гардинера Минза впервые была упомянута еще в 30-е гг. (Means, 1935, 1939). Хотя, конечно, атмосфера Великой депрессии с ее классической рецессией в сопровождении сильнейшей дефляции абсолютно не располагала к серьезному рассмотрению и пересмотру теории инфляции.

Кардинально ситуация меняется, как уже было сказано, в середине XX века, когда инфляционные явления перестали совпадать с увеличением денежной массы. Инфляция становится хроническим явлением. Это явно говорило о наличии альтернативных причин роста цен, не связанных с динамикой денежной массы и иными монетарными факторами, которые влияли на цены аналогично наличной денежной массе (скорость денежного оборота, кредитная экспансия). Но главный стимул к пересмотру теории инфляции был еще впереди. Здесь опять, как в случае с крахом теории автоматического механизма преодоления циклических кризисов после Первой мировой войны (послевоенный затяжной экономический рост оттянул наступление кризиса, из которого рыночная экономика не смогла бы самостоятельно выйти), реальная история затормозила теоретические разработки. Пришлось ждать реального, опять же исторического, стимула.

Этим решающим стимулом стала эпоха энергетического кризиса начала 70-х годов. Тогда экономическая реальность и теория столкнулась с совершенно новым феноменом хозяйственной жизни. Таким феноменом становится стагфляция. В этот момент толчком к активизации теоретических процессов стала необходимость адекватной реакции на этот кризис. Известно, что стагфляция стала сочетанием ранее не сосуществовавших одновременно явлений: инфляции и спада производства (рецессии). Ранее привычным сочетанием была обратная зависимость этих процессов, что было зафиксировано в кривой Филлипса. Именно феномен стагфляции заставил многих экономистов критически отнестись к традиционной трактовке инфляции как чисто денежного явления. Ведь если оставаться на позиции теории чисто монетарного происхождения инфляции, то невозможно будет объяснить рост цен на фоне рецессии. Главным фактором циклических колебаний (на чем сходятся даже сторонники и противники кейнсианства), как известно, является динамика совокупного спроса (совокупных расходов). Причем зависимость здесь между причиной и следствием однозначно прямая. Совокупный спрос, в свою очередь, связан опять же прямой зависимостью с колебаниями денежной массы в обращении. Поэтому циклическая рецессия, вызванная снижением совокупного спроса, никак не могла бы сопровождаться инфляцией в традиционной, а теперь уже заведомо устаревшей трактовке.

Именно тогда и ставится вопрос о необходимости рассматривать инфляцию как многофакторное явление с точки зрения ее причин. Потому что инфляция в условиях рецессии (которая может порождаться только сокращением денежного основания совокупного спроса) может вызываться только не денежными факторами. Начался поиск не денежных факторов инфляции. Здесь и приобретает актуальность идея К. Викселля о самовоспроизведении инфляции. И идеи Г. Минца об «администрируемых ценах» приобретают практическое значение в виде их использования в американской экономической политике (еще с 50-х гг.) (Гаджиев, Гумбатова, 2016). Внимание привлекают такие доминанты цен, как инфляционные ожидания (Hines, 1964; Johnson, Frenkel, 1976), косвенные налоги (Swoboda, 1976, Claasen, Salin. 1976), повышенная ресурсоемкость сферы услуг (Shultz, 1959) и т. п. Именно тогда, в 60–70-х гг., зарождается знаменитое деление инфляционных процессов на инфляцию спроса и инфляцию издержек по критерию факторов воздействия (здесь отметим вклад Сиднея Вейнтрауба (Weintraub, 1960, 1961, 1974, 1978) с идеями которого позже смогла ознакомиться и отечественная научная общественность) (Современная экономическая мысль, 1981).

В результате этих научных достижений постепенно формируется альтернативный теоретический блок в рассмотрении инфляции. Формируется то, что принято называть многофакторной теорией инфляции. Теория эта, как известно, не отрицает значения монетарных факторов роста. Это воплощается в теории инфляции спроса, где собраны факторы инфляции, которые имеют происхождение в сфере денежного обращения (кроме банального роста денежной массы в обращении, здесь присутствует, например, рост скорости денег, который имеет такой же инфляционный эффект, как и простое расширение ликвидности).

Новации же середины XX в. воплотились в концепцию инфляции издержек, или инфляции предложения (последнее название, может быть, точнее выражает суть инфляции на современном этапе). Название «инфляция издержек» будет понятно в том контексте, что издержки

надо рассматривать не как издержки в традиционном плане (как затраты производителя), а как общественные издержки. Общественные издержки любого товара включают в себя затраты производителя и его же прибыль (т. е. все, что оплачивает покупатель при приобретении товара). В этот контекст очень хорошо ложатся все достижения середины XX в., особенно теория «администрируемой инфляции» Г. Минза. В этой концепции фактором инфляции как раз и признается рост планируемой прибыли со стороны самих производителей (которые на рынках несовершенной конкуренции имеют возможность влиять на цены). Большинство других «новых» факторов инфляции действительно оказывают повышательное влияние на цены через рост издержек. Это и фактор импорта промежуточных товаров (сырье, комплектующие и т. п.). И фактор роста косвенных налогов (в первую очередь налога на добавленную стоимость, акцизов и тому подобных налогов, официально включаемых в состав цены и потому являющихся фактором инфляции). И фактор повышенной ресурсоемкости (через низкий уровень производительности ресурсов) сферы услуг, что является тем самым фактором разгона инфляции издержек из-за резкого роста удельного веса этой сферы в национальной экономике. И до сих пор исследования в рамках теории инфляции идут именно в тренде поиска причин инфляции вне пределов поля традиционной количественной теории денег и цен (Назаров, 2006; Verezhiani, 2017; Nacir, Porto, Senatore et al., 2012).

Революционные изменения в теории инфляции, как известно, очень быстро были учтены в практике антикризисной политики, что и привело к выходу из тогдашней стагфляции. Большинство серьезных авторов антиинфляционной политики на Западе навсегда отказались от идеи поиска универсальной системы подавления инфляции. Против разных типов инфляции стали применять разные методы подавления. Такой подход оправдал себя и позволил исключить повторение феномена стагфляции на десятилетия вперед. Позиции же сторонников узкомонетарной трактовки инфляции заметно пошатнулись. Тем не менее, как уже было сказано, эти позиции достаточно прочны.

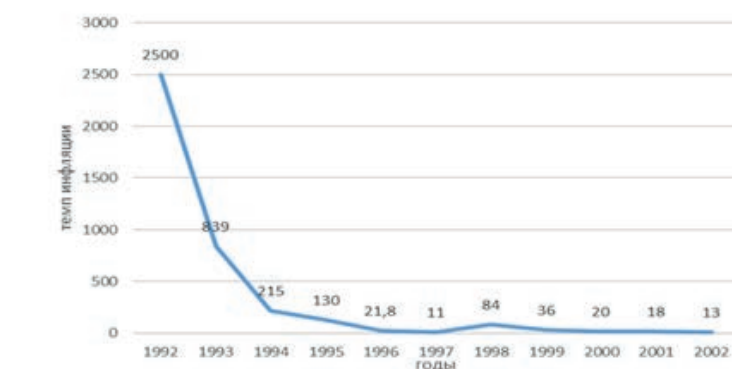
Здесь необходимо обратить внимание на еще один пример вмешательства конкретно исторических событий в развитие экономической теории (хоть в основном на локальном уровне нашей страны). Речь идет о крахе советской командно-административной экономики и возврате бывших союзных республик к рынку. В научных и политических кругах стран бывшего СССР не было большого опыта и знаний о тонкостях мировой экономической теории. Общее отрицание командно-административной экономики приводило к росту субъективных симпатий к самым крайним теоретическим построениям, которые доказывали преимущества рыночной экономики. Так, представляет интерес количественная теория денег и цен и понимание инфляции как чисто монетарного явления. Зачастую любые отступления от классического рыночного подхода зачастую рассматривались как симпатии к командно-административной экономике. Такой подход в контексте нашей тематики, к сожалению, отвлек внимание от того, что феномен инфляции именно в рыночной экономике рассматривался в отечественной экономической науке еще задолго до перехода к рынку на рубеже XX–XXI вв.

Феномен рыночной инфляции и противоречия в ее теоретическом рассмотрении на Западе были известны и в советской экономической науке. Более того, несмотря на насажденный жесткий монополизм марксизма, в советской политической экономии в 70-е гг. состоялась дискуссия, посвященная природе тогдашней инфляции. Дискуссия была, естественно, навеяна аналогичными процессами в западной экономической теории, которые были описаны выше. В ходе дискуссии состоялось столкновение сторонников марксистской трактовки (среди которых наиболее ортодоксальной позицией отличался С. Далин (Далин, 1978)). Как известно, марксистский подход к инфляции практически ничем не отличался от традиционной трактовки этого явления в количественной теории денег и цен. Инфляцию К. Маркс отождествлял с избыточной денежной массой, где рост цен является результатом этого увеличения ликвидности. В этом его подход совпадал с подходом сторонников количественной теории в начальном (классическая теория) и современном (монетаризм) вариантах. Что не представляется удивительным,

учитывая его массу заимствований из классической теории. Представляется также, что отставание таких (ставших тогда уже архаическими) позиций было связано со стремлением оградить марксизм от всяких попыток его изменения (такие изменения советские идеологи называли ревизионизмом), а не с проблемой его адекватности реальности. С другой стороны, в советской политической экономике появились ученые, которые разумно оценили изменения в рыночной экономике, приведшие к появлению немонетарных факторов инфляции. Среди этих авторов можно выделить в первую очередь С. Никитина (Никитин, 1975). Сторонники реформированного подхода к инфляции и познакомили отечественную общественность с трудами, например, того же С. Вейнтрауба. Таким образом, к началу перехода этой проблемы в практическую плоскость в связи с рыночными реформами отечественные научные и политические круги уже были знакомы с современными тенденциями подхода к инфляции и антиинфляционной политики. Однако вышеупомянутый тренд симпатии к крайним рыночным теориям не дал возможность принять позднейшие их изменения как руководство к действиям.

Возвратный переход к рыночной экономике в современной России, как известно, возродил феномен открытой инфляции. Причем открытая инфляция рубежа XX–XXI вв. отличалась от последних инфляционных всплесков в исторической России. Тогда инфляция и в России представляла из себя рост цен, обусловленный увеличением денежной массы в обращении. В современных же условиях инфляция, конечно же, выступила как многофакторное явление. Этот факт обострил актуальность решения по поводу антиинфляционной политики. Вот здесь и встал во весь рост вопрос о выборе методов антиинфляционной политики. Выбор же этот, конечно, зависел от того, как идентифицировать тип инфляции, чтобы подобрать адекватные меры антиинфляционной политики. Вот здесь как раз и столкнулись позиции сторонников различных точек зрения на инфляцию в современной экономической теории в ее историческом контексте. Так, например, О. Патласов и К. Джурабаев трактовали инфляцию как нарушение воспроизводственных процессов между производством и потреблением, спросом и предложением, потреблением и накоплением, выступающим на поверхности как переполнение каналов денежного обращения. Авторы выступали за оптимизацию уровня инфляционных потоков и видели в том числе положительные функции инфляции до определенного уровня (Патласов, Джурабаев, 1991).

Реальность начального этапа перехода к рынку в современной России является ярчайшей иллюстрацией этого тезиса. Как известно, переходные реформы начались с либерализации цен и привели к гиперинфляции в 2 500 % в первый же год. И в дальнейшем экономика испытывала большое инфляционное давление (рис.).

Инфляция в России в начале переходного периода
Inflation in Russia at the Beginning of the Transition Period

Такая большая цифра объяснялась, конечно, разными факторами. И справедливости ради скажем, что в начальном моменте сыграл роль тот денежный навес, который образовался в предреформенный период за счет товарного дефицита в условиях фиксированных цен. Однако

практика показала, что фактически одномоментный отпуск цен ликвидировал денежный навес уже в начале 1992 г. Более того, очень быстро денежный навес трансформировался в денежный дефицит. Об этом говорили такие явления, как большой удельный вес денежных суррогатов в платежном обороте (например, взаимные зачеты или выдача заработной платы в натуральной форме). И венцом денежного дефицита можно считать глобальный кризис неплатежей, который летом первого года реформ чуть не привел к остановке национальной экономики (вспомним, что Банк России был вынужден сам проводить глобальный взаимный зачет требований между хозяйственными субъектами). В дальнейшем, как известно, инфляция (пусть несколько более скромными темпами) продолжала развиваться еще несколько лет в режиме гиперинфляции, а затем галопирующей инфляции. Реальное возвращение к умеренной инфляции, как известно, происходит только в первой половине 1998 г. (9 %). Однако кризис 17 августа того же года снова возвратил инфляции высокие темпы. И только в нулевых годах инфляционная напряженность несколько спала. Однако инфляционные всплески сопровождают кризисные явления в российской экономике до настоящего времени, и решение этой проблемы пока не просматривается.

Главной причиной повышенной инфляционности переходных процессов в российской экономике следует считать именно фактор ошибочности выбора мер антиинфляционного воздействия. Как известно, ядром комплекса мер антиинфляционной политики первых кабинетов российского правительства стала так называемая «дефляционная политика». Этим термином называют рестрикционный вариант фискальной и монетарной политики государства. В области фискальной политики этот вариант предполагает сокращение государственных расходов с одной стороны и рост налоговых ставок и числа налогов с другой. Среди мер монетарной политики, входящих в комплекс «дефляционной политики», главную роль играет, например, поощрение роста рыночных процентных ставок вплоть до положительного значения (т. е. больше текущих темпов инфляции) за счет увеличения ставки рефинансирования (учетной ставки, ключевой ставки и т. п.). Сюда же относится повышение нормативов обязательных банковских резервов. И, наконец, самой популярной мерой с 1995 г. становятся операции на открытом рынке, где главным элементом была эмиссия (от имени министерства финансов) и продажа государственных облигаций (именно крах этой политики и породил кризис 17.08.98, который, как было уже сказано, обострил проблему инфляции).

Проблема результативности этой антиинфляционной политики (как и любой другой) заключается в адекватности мер такой реальной инфляции, которую они призваны подавить. Поскольку те самые новации в теории инфляции предполагали окончательное признание ее многофакторности и отказ от поиска универсального способа антиинфляционной политики, которая смогла бы найти применение при любой инфляции. Если упрощенно ограничиться делением инфляции на инфляцию спроса и инфляцию издержек (предложения), то дефляционная политика является комплексом мер исключительно против инфляции спроса. Применение ее в экономике России автоматически означает признание властями нашей инфляции именно инфляцией спроса и никакой другой. Результативность же антиинфляционной политики показывает правильность или неправильность идентификации реальной инфляции как инфляции спроса или инфляции издержек (предложения).

Неверность идентификации типа российской инфляции и показывают результаты антиинфляционной политики в России в 90-е гг. и в последующие периоды. Дефляционная политика у нас была очень мощной. В области фискальной политики доминировало глобальное сокращение государственных расходов (в первую очередь на военные и социальные нужды, а также на поддержку хозяйственных субъектов в условиях приспособления к новой экономике). Появилась мифологема о неизменном положительном значении бездефицитного государственного бюджета. Появился новый знаковый налог – налог на добавленную стоимость (внесший, как считается, огромный вклад в инфляционный всплеск). В области монетарной политики на начальном этапе выделялось стремление перевести процентные ставки в положительное значение (что все равно не удалось) и один год ставка рефинансирования даже превышала стопроцентную отметку.

Нормы обязательных резервов тоже значительно выросли. Об операциях на открытом рынке мы уже говорили выше. Активно их начали использовать в 1995 г. после запрета централизованных кредитов правительству. Дальнейшие грандиозные масштабы операций с государственными облигациями имели целью связать кредитные ресурсы банков, предложив им более выгодный способ применения своих денег. Все это говорит о том, что авторы такой антиинфляционной политики оценивали российскую инфляцию именно как инфляцию спроса.

Ошибочность такой трактовки российской инфляции доказывается в первую очередь собственно самим течением инфляции, о котором мы уже говорили. Инфляция, начавшись, продолжала свободно развиваться и стала снижаться к концу 90-х гг. за счет исчерпания своих естественных причин, а не под влиянием антиинфляционной политики. Если исходить из простейшей версии количественной теории денег и цен, то соотношение темпов прироста денежной массы и цен в первый год открытой инфляции (623,4 % и 2 500 %) говорит о том, что причиной инфляции может быть все, что угодно, но не избыток денежной массы (а соответственно, спроса). И в дальнейшем прирост денежной массы не позволял считать его главным фактором инфляции (таблица).

Прирост денежной массы и темп инфляции в России в начале переходного периода

Money Supply Growth and Inflation Rate in Russia at the Beginning of the Transition Period

	1992 г.	1993 г.	1994 г.	1995 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.
Прирост денежной массы (M2), %	623,4	658,8	331,1	195,7	125,7	33,7	30,2	16,6	57,1	62,3	40
Темп инфляции, %	25 000	839	215	130	21,8	11	84	36	20	18	13

Еще одним доказательством отсутствия всяких предпосылок к инфляции спроса является упомянутый кризис неплатежей по причине дефицита ликвидности. Однозначно понятно, что при избытке денег это невозможно. Также при избытке монетизации экономики невозможно и наличие опять же вышеупомянутого большого количества искусственных заменителей денег при расчетах с контрагентами.

С другой стороны, логика анализа экономики России в переходный период показывает избыток факторов инфляции издержек. В первую очередь отметим высочайший уровень монополизации экономики, который достался в наследство новой России от советской экономики. Введение свободы ценообразования в крайне монополизированной экономике (учитывая объективную неспособность руководителей промышленных гигантов работать в условиях рынка) неизбежно приводит к росту цен, который не имеет никакого отношения ни к денежной массе, ни к спросу. Кроме того, либерализация цен происходила на фоне высочайших инфляционных ожиданий, которые сформировались еще на фоне предшествующих дискуссий о методах перехода к рынку. Косвенным доказательством того, что российская инфляция относится к типу инфляции издержек, является результативность отдельных точечных альтернативных антиинфляционных мероприятий в 1994–1996 гг. (в основном в рамках предвыборных мер) в виде административного регулирования ценообразования естественных монополий. Эти отдельные меры были настолько эффективны, что приводили даже к дефляции по итогам отдельных периодов. К сожалению, этот тренд быстро прервался и не возобладал до сих пор.

Вывод

Революционные изменения в теории инфляции, начавшиеся в мировой экономической теории в середине XX века, имели прямой выход на макроэкономическую практику. Этот выход заключался в диверсификации антиинфляционной политики. Первые примеры этого мы могли уже видеть в период стагфляции на Западе. Недооценка (или игнорирование) этой трансформации теории инфляции угрожает провалами в той же антиинфляционной политике. Этот пример находится в рамках переходной экономики России, где провалы антиинфляционной политики

имеют истоки в неадекватной оценке типа российской инфляции и соответствующего ошибочного выбора комплекса инструментария борьбы с ней.

Таким образом, данная ситуация показывает, что развитие теоретических закономерностей в экономике практически никогда не остается в рамках чисто умозрительных выводов. Именно изменения в реальной хозяйственной деятельности обычно порождают интерес к теоретическим исследованиям. Эволюция практики становится триггером эволюции теории.

Источники

- Гаджиев Н. Г., Гумбатова С. И. (2016) Значение теории «администрируемой цены» Минза. Проблемы современной науки и образования, № 10, с. 54–57.
- Далин С. А. (1978) Проблемы инфляции и роста цен. Мировая экономика и международные отношения. № 10, с. 62–66.
- Назаров В. А. (2006) Теория инфляция и российская практика. Финансы и кредит, № 10, с. 6–13.
- Никитин С. М. (1975) Инфляционный процесс: сущность и причины. Мировая экономика и международные отношения, № 10, с. 6–12.
- Патласов О. Ю., Джурабаев К. Т. (1991) Рыночный хозяйственный механизм: Передовой зарубежный и отечественный опыт: В 2 ч. Ч. 1. Новосибирск, 180 с.
- Современная экономическая мысль (1981); ред. В. С. Афанасьева, Р. М. Энтова. М., Прогресс, 816 с.
- Berezhiani L. (2017) On corpuscular theory of inflation. Eur. Phys. J. C 77, no. 106. DOI: 10.1140/epjc/s10052-017-4672-5.
- Claasen E. M., Salin P. (1976) The role of economic size in the determination and transmission of world inflation. In: Inflation in small countries. Berlin, Springer, pp. 91–119.
- Hines A. G. (1964) Trade Unions and Wage inflation in the United Kingdom 1893–1961. Review of Economic Studies, 31, 4, no. 88, pp. 221–252.
- Johnson H. G., Frenkel J. A. (1976) The monetary approach to balance of payments. London, University of Toronto Press, 396 p.
- Means C. R. (1935) Industrial prices and their relative inflexibility. Senate document 13, 74th Congress, 15th session, 38 p.
- Means C. R. (1939) The structure of American Economy, and National Resources Committee. Washington /D. C., United States Government Printing Office, 396 p.
- Nacir D. L., Porto R. A., Senatore L. et al. (2012) Dissipative effects in the effective field theory of inflation. J. High Energ. Phys., 75 (2012). DOI: 10.1007/JHEP01(2012)075.
- Shultz C. L. (1959) Recent inflation in the United States. Employment, growth and price levels (Hearing before the joint Economic Committee, 86th Congress, 1st session, 25–28 may), U. S. Government Printing Office, pp. 4–10.
- Swoboda A. K. (1976) Monetary approaches to balance of payments theory. In: Recent issues in international monetary economics. Amsterdam, New York, North-Holland Pub. Co., American Elsevier Pub. Co.: sole distributors for the U.S.A. and Canada, Elsevier/North-Holland.
- Weintraub S. (1960) The Keynesian Theory of Inflation: the Two Faces of Janus? International Economic Review 1 (May), pp. 143–155.
- Weintraub S. (1961) Classical 45° Keynesianism: A Plea for Its Abandonment. Classical Keynesianism: Monetary Theory and the Price Level. Philadelphia, Chilton.
- Weintraub S. (1978) Capitalism's inflation and unemployment crisis: Beyond monetarism and keynesianism. Addison Wesley, 242 p.
- Wicksell K. (1977) Lectures on Political Economy. Vol. I: General Theory. Fairfield, NJ: Augustus M. Kelley Publishers, 299 p.
- Weintraub S. (1974) Comment on Cost Inflation. Economic Journal, no. 84 (June), pp. 379–382.

References

- Berezhiani L. (2017). On corpuscular theory of inflation. Eur. Phys. J. C 77, no. 106. DOI: 10.1140/epjc/s10052-017-4672-5.
- Claasen E. M., Salin P. (1976) The role of economic size in the determination and transmission of world inflation. In: Inflation in small countries. Berlin, Springer, pp 91–119.
- Dalin S. A. (1978) Problemy inflyatsii i rosta tsen [Problems of inflation and price growth]. World economy and international relations (Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya), no. 10, pp. 62–66 (In Russian).
- Gadzhiev N. G., Gumbatova S. I. (2016) Znachenije teorii “administriruyemoy tseny” Minza [Significance of Minza's “administered price” theory]. Problems of modern science and education, no. 10, pp. 54–57 (In Russian).
- Hines A. G. (1964) Trade Unions and Wage inflation in the United Kingdom 1893–1961. Review of Economic Studies, 31, 4, no. 88, pp. 221–252.

- Johnson H. G., Frenkel J. A. (1976) The monetary approach to balance of payments. London, University of Toronto Press, 396 p.
- Means C. R. (1935) Industrial prices and their relative inflexibility. Senate document 13, 74th Congress, 15th session, 38 p.
- Means C. R. (1939) The structure of American Economy, and National Resources Committee. Washington D. C., United States Government Printing Office, 396 p.
- Nacir D. L., Porto R. A., Senatore L. et al. (2012) Dissipative effects in the effective field theory of inflation. *J. High Energ. Phys.*, 75 (2012). DOI: 10.1007/JHEP01(2012)075.
- Nazarov V. A. (2006) Teoriya inflyatsiya i rossiyskaya praktika [Theory of inflation and Russian practice]. *Finansy i kredit – Finance and Credit*, no. 10, pp. 6–13 (In Russian).
- Nikitin S. M. (1975) Inflyatsionnyy protsess: sushchnost' i prichiny [Inflationary process: essence and causes]. *World economy and international relations (Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya)*, no. 10, pp. 6–12 (In Russian).
- Patlasov O. Yu. Dzhurabaev K. T. (1991) Rynochnyy khozyaystvennyy mekhanizm: Peredovoy zarubezhnyy i otechestvennyy opyt [Market economic mechanism: Advanced foreign and domestic experience]: In 2 hours. Part 1. Novosibirsk, 180 p. (In Russian).
- Shultz C. L. (1959) Recent inflation in the United States. Employment, growth and price levels (Hearing before the joint Economic Committee, 86th Congress, 1st session, 25–28 may), U. S. Government Printing Office, pp. 4–10.
- Sovremennaya ekonomicheskaya mysl' [Modern Economic Thought] (1981); ed. V. S. Afanasiev, R. M. Entova. Moscow, Publ. Progress, 816 p. (In Russian).
- Swoboda A. K. (1976) Monetary approaches to balance of payments theory. In: Recent issues in international monetary economics. Amsterdam, New York, North-Holland Pub. Co., American Elsevier Pub. Co.: sole distributors for the U.S.A. and Canada, Elsevier/North-Holland.
- Weintraub S. (1960) The Keynesian Theory of Inflation: the Two Faces of Janus? *International Economic Review* 1 (May), pp. 143–155.
- Weintraub S. (1961) Classical 45° Keynesianism: A Plea for Its Abandonment. *Classical Keynesianism: Monetary Theory and the Price Level*. Philadelphia, Chilton.
- Weintraub S. (1978) Capitalism's inflation and unemployment crisis: Beyond monetarism and keynesianism. Addison Wesley. 242 p.
- Wicksell K. (1977) Lectures on Political Economy. Vol. I: General Theory. Fairfield, NJ: Augustus M. Kelley Publishers, 299 p.
- Weintraub S. (1974) Comment on Cost Inflation. *Economic Journal*, no. 84 (June), pp. 379–382.

Информация об авторе

Орлянский Евгений Анатольевич

Кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления персоналом. Омская гуманитарная академия, г. Омск, РФ.
ORCID 0000-0002-7940-3958.
E-mail: orlyanskyea@mail.ru

Author's information

Evgeny A. Orlyansky

Cand. Sc. (Econ.), Associate Professor. Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russian Federation.
ORCID ID: 0000-0002-7940-3958.
E-mail: orlyanskyea@mail.ru

УДК 658.1
JEL G32

DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.24

Научная статья

О. Ю. Патласов^{1, 2✉}, О. Г. Конюкова³

✉ opatlasov@mail.ru

¹Омская гуманитарная академия, г. Омск, Российская Федерация²Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация³Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Омск, Российская Федерация

Технологии моделирования финансовых индикаторов

Аннотация: Статья посвящена исследованию основных подходов к моделированию финансовых индикаторов. Предложен авторский подход к определению нормативных значений основных финансовых индикаторов. Актуальность темы нормирования финансовых индикаторов в методиках анализа финансово-хозяйственной деятельности приобретает особую важность в регламентируемом финансовом анализе. Объектом исследования выступили компании по производству машин и оборудованию, по металлургическому производству и производству компьютеров и электронных изделий. Предметом исследования выступили нормативы финансовых индикаторов. Доказана целесообразность установления рекомендуемых значений нормируемых показателей в отраслевом разрезе, масштабов бизнеса, этапа жизненного цикла компаний, территориального расположения. Оценка рыночной стоимости компании является необходимой в ситуации введенных санкций, и поэтому изучение факторов, которые позволяют ее уменьшать, становится актуальной для исследования темы. Анализ динамики финансовых показателей за исследуемый период позволил получить границы (нормативы) для организаций, занятых производством машин и оборудования, металлургическим производством и производством компьютеров и электронных изделий. Эпюры позволяют визуально оценивать области допустимых значений финансовых показателей.

Ключевые слова: финансовые индикаторы, коэффициентный метод, нормирование финансовых индикаторов, рентабельность активов, рентабельность проданных товаров, коэффициент текущей ликвидности, коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами, коэффициент автономии.

Дата поступления статьи: 9 января 2023 г.

Для цитирования: Патласов О. Ю., Конюкова О. Г. (2023) Технологии моделирования финансовых индикаторов. Наука о человеке: гуманитарные исследования, т. 17, № 1, с. 229–236. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.24.

Scientific article

O. Yu. Patlasov^{1, 2✉}, O. G. Konyukova³

✉ opatlasov@mail.ru

¹Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russian Federation²Academy of Management of the MIA of Russia, Moscow, Russian Federation, Russian Federation³Financial University under the Government of the Russian Federation, Omsk, Russian Federation

Financial Indicators Modeling Technologies

Abstract: The article is devoted to the study of the main approaches to financial indicators modeling and the proposal of the author's approach to determine the normative values of the main financial indicators. The relevance of the topic of normalization of financial indicators in the methods of analysis of financial and economic activities is of particular importance in regulated financial analysis. The object of the study was the companies producing machinery and equipment, primary metal manufacturing and the production of computers and electronic products. Subject of research: standards of financial indicators. The expediency of establishing the recommended values of normalized indicators in the context of industry, the scale of business, the stage of the life cycle of companies, and the territorial location is proved. Estimating the market value of a company is an important aspect in the situation of imposed sanctions, and therefore the study of factors that allow it to be reduced becomes an urgent topic for investigation. The analysis of the financial indicators dynamics for the period under study made it possible to obtain boundaries (standards) for organizations engaged in the production

of machinery and equipment, primary metal manufacturing and the production of computers and electronic products. Diagrams allow to visually evaluate the areas of acceptable values of financial indicators.

Keywords: financial indicators, coefficient method, rationing of financial indicators, return on assets, return on goods sold, current liquidity ratio, own working capital ratio, autonomy ratio.

Paper submitted: January 9, 2023.

For citation: Patlasov O. Yu., Konyukova O. G. (2023) Financial Indicators Modeling Technologies. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 17, no. 1, pp. 229–236. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.24.

Введение

В рамках регламентированного анализа финансовой отчетности зачастую предлагаются границы по отдельным финансовым коэффициентам, при этом не приводятся доказательства адекватности нормального значения коэффициента.

В научной литературе и практическом анализе финансовой отчетности сложилась парадоксальная ситуация: одноименные финансовые коэффициенты рассчитываются по-разному в различных официальных методиках и, соответственно, приводятся различные нормативные значения или границы. Авторы уже приводили в публикации «Нормативные значения и аналитические ориентиры показателей анализа финансово-хозяйственной деятельности организации» различные толкования авторов – финансовых аналитиков, а также регламентированный анализ (Патласов, Конюкова, 2022).

Методы

Подходы к выбору технологии нормирования отдельных групп финансовых индикаторов зависят от уровня: национальный (региональный, отрасль) или уровень хозяйствующего субъекта.

Можно выделить технологии нормирования финансовых коэффициентов на уровне компаний. Так, собственники бизнеса могут изъявить желание и с помощью расчетов определить норму основных показателей, характеризующих финансовые результаты и эффективность деятельности: прибыль и рентабельность. Но если рассматривать показатели на макроуровне, то важно заметить, что такие показатели уже не будут подлежать нормированию. Нормировать на федеральном, региональном и отраслевом уровне можно лишь коэффициенты ликвидности, платежеспособности и финансовой устойчивости. Невозможно нормировать деловую активность компании, прибыль, рентабельность, финансовые результаты.

Обзор литературы

Рабочая гипотеза научной статьи: признавая актуальным инструмент коэффициентного анализа в оценке финансово-хозяйственной деятельности, несмотря на определенные преимущества применения скорингового моделирования, проблема коэффициентного анализа заключается в отсутствии разработанных границ от адекватных с учетом основных критериев: отрасли, размера бизнеса, жизненного цикла компании, месторасположения. Как показывает практика, нормативы существуют, и они разработаны, но для всех отраслей применимы одновременно, а как можно сравнивать малые, средние и крупные организации, у которых уставный капитал может отличаться значительно, как можно сравнивать компании по одним нормативам, имеющие разные территориальные особенности и жизненный цикл? Методик достаточно много, но на основании каких данных были рассчитаны представленные пороговые значения? Стоит заметить, что и формулы расчета различаются, и нормативные значения принимаются во всех существующих методиках разные. Моделирование решает проблему отсутствия нормативов. Возникает вопрос, а как они переходят к моделированию пороговых значений основных финансовых коэффициентов?

В подходе к формированию комплексной оценки делается акцент на том, что для анализа финансовой отчетности необходимо использовать не только абсолютные финансовые индикаторы, но и неколичественные факторы, которые позволяют оценить разные стороны деятельности.

К таким основным факторам можно отнести уровень эффективности существующей в организации системы управления, работу менеджеров, мотивацию сотрудников, уровень финансового состояния, уровень надежности информации, уровень достоверности информации. С помощью такого подхода можно определить степень риска, основанный на достоверности данных, отраженных в отчетности. На основании этого можно привести классификацию рисков: ликвидности, эффективности деятельности хозяйствующего субъекта, структуры имеющихся источников финансирования (собственных или заемных). Так, специалисты компаний не в рамках регламентированного анализа вправе самостоятельно выбирать набор необходимых финансовых индикаторов, учитывая при этом специфику деятельности организации. Основными же группами будут являться: платежеспособность и ликвидность, финансовая устойчивость, деловая активность, а также дополнительная группа, включающая неколичественные финансовые индикаторы: надежность финансовой отчетности и достоверность финансовой отчетности. Для таких неколичественных финансовых индикаторов и комплексной оценки нужно использовать экспертный метод.

Суть заключается в том, что задаются диапазоны изменения вышеперечисленных финансовых индикаторов, имеющие минимальную и максимальную границу, по-другому их можно обозначить как закрытый интервал. Таких интервалов может быть несколько и каждому из них соответствует интервал баллов. В таких методиках выделяются следующие группы финансовых индикаторов: эффективности деятельности, ликвидности, финансовой устойчивости, деловой активности. В первую группу относят чаще всего финансовый индикатор рентабельности продаж по прибыли от продаж и финансовый индикатор рентабельности продаж по чистой прибыли. Во вторую группу относят финансовые индикаторы абсолютной ликвидности, критической и текущей. Третья группа включает финансовый индикатор соотношения собственных и заемных средств, автономии, обеспеченности оборотных активов собственными средствами, обеспеченности запасов и затрат собственными средствами, мобильности собственных средств. Четвертая группа включает финансовый индикатор оборачиваемости запасов, оборачиваемости дебиторской и кредиторской задолженности, краткосрочных кредитов. Далее на основании данных финансовой отчетности рассчитываются вышеперечисленные финансовые индикаторы и определяются два критерия: уровень качества финансового состояния и уровень риска.

Нормирование на уровне компаний предусматривает контроль за финансовой устойчивостью и нормированием оборотных средств. Необходимо напомнить о том, что целью любой стабильно развивающейся компании является наличие оборотных активов для осуществления непрерывной деятельности. Выделяют следующие подходы к управлению оборотными активами: консервативный, агрессивный и умеренный (Дубоносова, 2018). При рассмотрении каждого из подходов можно сделать вывод, что при первом подходе происходит складирование запасов, а также накопление денежных средств на счетах компании. Так, запасы позволят минимизировать потери в случае сбоя покупки и доставки продукции от поставщиков. А денежные средства будут служить для своевременной оплаты текущих обязательств. Но можно выделить тот факт, что расходы на содержание запасов в этом случае вырастут, а денежные средства будут иметь тенденцию к обесцениванию. При агрессивном подходе руководство принимает решение закупать товар в том количестве, в котором имеется потребность и не имеет запаса. И с денежными средствами ситуация обратная в сравнении с первым подходом. В случае непредвиденных обстоятельств деятельность компании может остановиться на неопределенное количество времени из-за отсутствия необходимых оборотных активов. Умеренный подход предусматривает небольшой запас оборотных активов компании для подстраховки и спокойствия. Если рассматривать каждый подход с точки зрения риска, то самый максимальный риск будет в агрессивном подходе, минимальный риск – у консервативного подхода. Если рассматривать с точки зрения доходности, то самый доходный будет агрессивный подход.

Результаты представленного исследования также показали, что помимо классических показателей возможно использование в лепестковых диаграммах и таких показателей, как валовая добавленная стоимость, внутренние затраты от валовой добавленной стоимости на развитие

цифровой экономики, кредитная нагрузка (Патласов, Конюкова, 2023). В работе делается акцент на анализе просроченной кредиторской задолженности и ее темпе роста и определении зависимости от заемных средств долгосрочного и краткосрочного характера, и длительности производственного цикла. Также авторами дается обоснование необходимости определения рыночной стоимости энергетических корпораций, которая имеет тесную связь с показателями финансовой устойчивости.

Нормирование финансовых коэффициентов на основе кластерного анализа включает в себя два основных этапа: определение количества кластеров и кластеризация наблюдений. Для определения расстояний между парой кластеров можно выбрать метод среднего расстояния (Кейсерухская, Чачина, 2012). Такой метод позволяет определить не всегда очевидные закономерности. На этапе определения пары кластеров можно выбрать: собственные денежные средства и заемные, отражающие финансовую устойчивость организации, денежные средства и краткосрочные обязательства, отражающие ликвидность, величину активов и выручки, отражающие рентабельность. Таким образом, с помощью расчетов возможно определить средние значения каждого финансового коэффициента, которые будут являться среднеотраслевыми.

Диагностика финансового состояния предполагает наличие достоверной, своевременной и надежной информации, позволяющей реально оценивать сложившуюся ситуацию и принимать адекватные управленческие решения. Если говорить о материалах, которые будут являться информационным обеспечением, то можно выделить следующие часто используемые данные: статистические за актуальные периоды, экономические, финансовые за отчетный и предыдущие периоды, а также коммерческую информацию. Оценка финансового состояния хозяйствующего субъекта на основании определения финансовой устойчивости играет важную роль, поскольку предоставляет информацию о платежеспособности и возможности в срок выполнять свои обязательства перед контрагентами. А финансовое положение организаций, занимающихся производством машин и оборудования, металлургическим производством и производством компьютеров и электронных изделий, будет устойчивым в том случае, когда заработанные собственные денежные средства будут превышать половину и более всех финансовых ресурсов, которые необходимы для осуществления эффективной деятельности. Важно учитывать факт, что если компании вовремя осуществляют оплату своих обязательств, а вложенные денежные средства в инвестиции приносят им доход, тем самым увеличивая капитал, то это говорит о рентабельности финансовых средств.

Финансовые индикаторы ликвидности и платежеспособности, а также группа финансовой устойчивости может нормироваться не только на уровне отдельного хозяйствующего субъекта, но и на макроуровне с учетом отраслевой специфики, размера бизнеса, жизненного цикла компании; группы деловой активности, прибыли и рентабельности нормировать можно только на микроуровне.

В анализируемых методиках в данной статье применяем, прежде всего, коэффициентный анализ и лепестковую диаграмму как инструменты анализа финансово-хозяйственной деятельности. Рекомендуемые значения рассчитывались следующим образом: убирались из расчета минимальный и максимальный показатели, из оставшихся выбирался лучший для каждого конкретного финансового индикатора. Для адекватной интерпретации полученных финансовых индикаторов необходимо выполнить следующие действия:

- 1) провести сравнение текущего периода с их значениями за несколько лет;
- 2) сравнить финансовые индикаторы с принятыми в фирме нормативами;
- 3) сравнить полученные значения с наиболее успешными конкурентами;
- 4) сравнить финансовые индикаторы с отраслевыми и региональными значениями;
- 5) сопоставить финансовые индикаторы с нефинансовыми данными (трудовыми, материальными и др.).

Ограничения: при расчете рамочных финансовых индикаторов исходим из ограниченного числа (6–8) имеющихся в статистических справочниках¹ (таблицы 1–3).

¹ Данные Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/>

Таблица 1 – Динамика платежеспособности, рентабельности, финансовой устойчивости, валовой добавленной стоимости по производству машин и оборудования в Российской Федерации (по данным бухгалтерской отчетности, %)

Table 1 – Dynamics of solvency, profitability, financial stability, gross value added for the production of machinery and equipment in the Russian Federation (according to financial statements, %)

Годы	Рентабельность активов	Рентабельность проданных товаров, продукции, работ, услуг	Коэффициент текущей ликвидности	Коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами	Коэффициент автономии
2010	3,7	6,9	126,2	-4,0	31,3
2011	2,8	6,6	124,8	-7,5	29,6
2012	4,1	7,0	121,8	-7,8	29,4
2013	3,3	7,1	122,7	-9,6	30,5
2014	-0,3	6,2	116,6	-17,1	25,3
2015	2,1	7,5	127,7	-12,3	25,7
2016	4,7	6,6	123,0	-7,7	28,0
2017	-12,4	7,6	100,3	-35,5	10,1
2018	-5,2	3,2	90,9	-51,1	-3,2
2019	2,8	6,1	88,3	-51,2	-1,7
2020	4,3	9,6	91,2	-36,2	-
Границы	4,3	7,6	126,2	1	30,5

Таблица 2 – Динамика платежеспособности, рентабельности, финансовой устойчивости, валовой добавленной стоимости по металлургическому производству в Российской Федерации (по данным бухгалтерской отчетности, %)

Table 2 – Dynamics of solvency, profitability, financial stability, gross value added for metallurgical production in the Russian Federation (according to financial statements, %)

Годы	Рентабельность активов	Рентабельность проданных товаров, продукции, работ, услуг	Коэффициент текущей ликвидности	Коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами	Коэффициент автономии
2010	8,4	19,1	165,9	-6,8	53,8
2011	6,2	14,2	150,8	-22,1	49,9
2012	5,6	11,3	143,8	-28,7	46,9
2013	2,7	9,9	142,0	-36,6	45,3
2014	1,5	16,4	142,6	-40,0	36,3
2015	6,7	21,7	142,9	-42,6	32,3
2016	12,5	20,0	146,2	-48,5	35,1
2017	10,6	20,8	135,8	-53,8	39,7
2018	13,6	25,8	138,4	-61,7	37,6
2019	16,3	21,6	129,1	-55,2	36,8
2020	15,7	25,2	133,9	-56,6	-
Границы	15,7	25,2	150,8	1	49,9

Таблица 3 – Динамика платежеспособности, рентабельности, финансовой устойчивости, валовой добавленной стоимости по производству компьютеров, электронных изделий в Российской Федерации (по данным бухгалтерской отчетности, %)

Table 3 – Dynamics of solvency, profitability, financial stability, gross value added for the production of computers, electronic products in the Russian Federation (according to financial statements, %)

Годы	Рентабельность активов	Рентабельность проданных товаров, продукции, работ, услуг	Коэффициент текущей ликвидности	Коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами	Коэффициент автономии
2010	–	–	–	–	–
2011	–	–	–	–	–
2012	–	–	–	–	–
2013	–	–	–	–	–
2014	–	–	–	–	–
2015	–	–	–	–	–
2016	–	–	–	–	–
2017	5,7	15,0	153,4	6,4	36,0
2018	2,6	12,0	157,3	4,1	35,3
2019	5,8	13,3	159,2	9,5	37,7
2020	4,9	12,8	165,1	12,7	–
Границы	5,7	13,3	159,2	9,5	36,0

Результаты

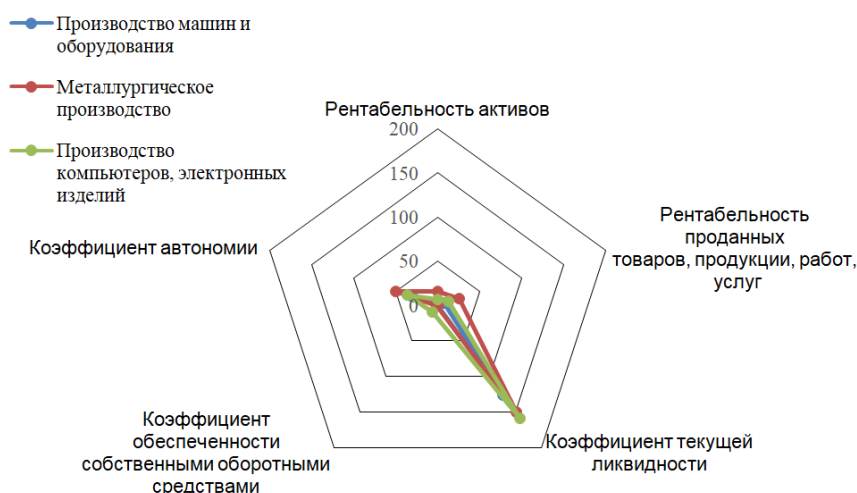
Стоит заметить, что многие авторы справедливо считают, что при нормировании финансовых индикаторов нужно выделять рекомендуемое значение¹, нормальное значение (Ковалев, Патров, Быков, 2006), по нашему мнению, для оценки финансового состояния конкретной компании лучше использовать приемлемый диапазон (Бухарин, Озеров, Пупенцова, Шаброва, 2011), нормальное или рекомендуемое (плановое) значение. Если рассматривать на уровне страны или целой отрасли, лучше принимать во внимание диапазонное значение, потому что это макроуровень и возможны варианты установления различных пороговых значений по регионам, размерам компании, по жизненному циклу и др. критериям. А при нормировании финансовых индикаторов это не учитывается. Нормы могут выстраиваться в виде рекомендуемых значений, интервальных значений или жестких значений.

Гипотеза, положенная в основу подхода к моделированию финансовых индикаторов, заключается в том, что нами будет предложена методика определения нормативных значений финансовых индикаторов с помощью лепестковых диаграмм (рис.). Данный способ при простоте инструментария имеет ограничение, связанное с тем, что нормативное значение каждого финансового индикатора выбирается по разным временным периодам.

Выводы

Считаем, что в подходах к моделированию финансовых индикаторов следует учитывать специфику деятельности, расположение региона и жизненный цикл в установлении нормативов. Стоит заметить, что если использовать средние значения по отрасли, то в случаях резких изменений нужно нормативы пересматривать. Перечисленные подходы способны создавать финансовые модели в непредвиденных ситуациях, где есть возможность среагировать и руководству принять стратегическое решение.

¹ Методические указания по анализу финансово-хозяйственной деятельности. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142116/

Пороговые значения основных финансовых коэффициентов различных организаций по видам деятельности
Threshold values of the main financial ratios of various organizations by type of activity

Представленные подходы к моделированию финансовых индикаторов разнообразны, в условиях цифровой экономики все большее распространение получают инструменты, включающие в себя техники искусственного интеллекта. Актуальным становится и то, что в настоящее время увеличивается риск потери ликвидности, финансовой устойчивости, деловой активности и именно расчет правильно выбранного набора финансовых индикаторов является первостепенным при оценке финансового положения компании и становится основой для финансового моделирования. Как показала практика, зарубежные модели не подходят российским компаниям в силу разнообразия состояния экономики, специфики деятельности, уровня инфляции и других важных факторов. Авторский подход к моделированию финансовых индикаторов заключается в техники моделирования с использованием лепестковых диаграмм, с помощью которых имеется возможность получить нормативы с учетом важных вышеперечисленных факторов.

Источники

- Бухарин Н. А., Озеров Е. С., Пупенцова С. В., Шаброва О. А. (2011) Оценка и управление стоимостью бизнеса: учебное пособие. СПб., ЭМНИТ, 238 с.
- Дубоносова А. Н. (2018) Система управления финансовой устойчивостью компании. Справочник экономиста, № 5.
- Кейсерухская У. К., Чачина Е. Г. (2012) Нормирование финансовых коэффициентов на основе методологии кластерного анализа. Молодой ученый, № 5 (2), с. 161–164.
- Ковалев В. В., Патров В. В., Быков В. А. (2006) Как читать баланс: учебник. М., Финансы и статистика, 672 с.
- Патласов О. Ю., Конюкова О. Г. (2023) Модель оценки финансового положения компаний нефтегазовой отрасли. Журнал Сибирского Федерального Университета. Гуманитарные науки, № 16(3), с. 391–404.
- Патласов О. Ю., Конюкова О. Г. (2022) Практикум по анализу финансовой отчетности и бухгалтерскому учету: учебное пособие. Ростов-на-Дону, Феникс, 249 с.

References

- Bukharin N. A., Ozerov E. S., Pupentsova S. V., Shabrova O. A. (2011) Otsenka i upravleniye stoimost'yu biznisa: uchebnoye posobiye [Valuation and management of business value: a textbook]. St. Petersburg, EMNIT, 238 p. (In Russian).
- Dubonosova A. N. (2018) Sistema upravleniya finansovoy ustoychivost'yu kompanii [Management system for the company's financial stability]. Spravochnik ekonomista – Economist's Handbook, no. 5. (In Russian).
- Keyserukhskaya U. K., Chachina E. G. (2012) Normirovaniye finansovykh koeffitsiyentov na osnove metodologii klasterного analiza [Normalization of financial ratios based on the methodology of cluster analysis]. Young scientist, no. 5 (2), pp. 161–164 (In Russian).

- Kovalev V. V., Patrov V. V., Bykov V. A. (2006) Kakchitat' balans [How to read the balance: a textbook]. Moscow, Finance and statistics, 672 p. (In Russian).
- Patlasov O. Yu., Konyukova O. G. (2023) Model' otsenki finansovogo polozheniya kompaniy neftegazovoy otrasli [Model for Assessing the Financial Position of Oil and Gas Companies]. Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences, no. 16(3), pp. 391–404 (In Russian).
- Patlasov O. Yu., Konyukova O. G. (2022) Praktikum po analizu finansovoy otchetnosti i bukhgalterskomu uchetu: uchebnoye posobiye [Workshop on the analysis of financial statements and accounting: a textbook]. Rostov-on-Don, Publ. Phoenix, 249 p. (In Russian).

Информация об авторе

Патласов Олег Юрьевич

Доктор экономических наук, профессор, Омская гуманитарная академия, Омск, РФ. Главный научный сотрудник, Академии управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, Москва, РФ. ORCID iD: 0000-0003-2015-1474. E-mail: opatlasov@mail.ru

Конюкова Ольга Георгиевна

Старший преподаватель. Финансовый университет при Правительстве РФ, Омск, Российская Федерация. E-mail: O GKonyukova@fa.ru

Autor's information

Oleg Yu. Patlasov

Dr Sc. (Econ.), Professor, Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russian Federation. Chief Researcher, Academy of Management of the MIA of Russia, Moscow, Russian Federation. ORCID iD: 0000-0003-2015-1474. E-mail: opatlasov@mail.ru

Olga G. Konyukova

Senior Lecturer. Financial University under the Government of the Russian Federation, Omsk, Russian Federation. E-mail: O GKonyukova@fa.ru

УДК 316.3:338.43.02
JEL D63, O11

DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.25

Научная статья

А. С. Саламова¹

✉ salamova_chgu@mail.ru

¹Чеченский государственный университет им. А. А. Кадырова, г. Грозный, Российская Федерация

Социально-экономические факторы борьбы с бедностью и голодом в современном мире: научный подход Амартии Кумара Сена

Аннотация: В статье рассматриваются актуальные проблемы бедности и массового голода в развивающихся странах, пути и средства преодоления этих явлений, прогрессивные экономические модели, разработанные выдающимся экономистом современности, нобелевским лауреатом Амартией Сеном, в том числе совместно с Жаном Дрезе. Амартия Кумар Сен критиковал традиционные экономические предположения, стремился построить более реалистичную экономическую науку, основанную на понятии прав и человеческих возможностей, а также дал практические рекомендации для борьбы с этими проблемами. В работах А. Сена доказывается, что голод связан с неравенством в распределении пищи, вызванным экономическими и социальными факторами, а также подчеркивается важность государственного управления в борьбе с голодом и хронической бедностью. Амартия Сен разработал подход к возможностям, который сместил акцент на области, ранее не считавшиеся актуальными, и признал существование бедности в экономически богатых странах. Автором статьи описывается и оценивается степень влияния труда Амартии Кумара Сена на международную политику и пересмотр определения продовольственной безопасности.

Ключевые слова: третий мир, бедность, пандемия голода, неравенство, благосостояние, продовольственная безопасность, А. Сен, Ж. Дрезе.

Дата поступления статьи: 9 января 2023 г.

Для цитирования: Саламова А. С. (2023) Социально-экономические факторы борьбы с бедностью и голодом в современном мире: научный подход Амартии Кумара Сена. Наука о человеке: гуманитарные исследования, т. 17, № 1, с. 237–245. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.25.

Scientific article

A. S. Salamova¹

✉ salamova_chgu@mail.ru

¹Kadyrov Chechen State University, Grozny, Russian Federation

Socio-economic factors of poverty and hunger reduction in the modern world: Amartya Kumara Sen's scientific approach

Abstract: The article discusses the current problems of poverty and famine in developing countries, ways and means of overcoming these phenomena, and progressive economic models developed by the outstanding economist of our time i.e. Nobel laureate Amartya Kumar Sen, including the ones elaborated in cooperation with Jean Drèze. Amartya Kumar Sen criticized traditional economic assumptions, and aspired to build a more realistic economic science based on the concept of rights and human opportunities; he also gave practical recommendations to combat the problems. A. Sen proved that hunger is associated with inequality of food distribution caused by economic and social factors and emphasized the importance of public administration in the fight against hunger and chronic poverty. Amartya Kumar Sen developed an approach to opportunities that shifted the focus to areas previously considered irrelevant and recognized the existence of poverty in economically rich countries. The authors of the article describe and evaluate the degree of influence of Amartya Kumar Sen's work on international politics in general, and the revision of the definition of food security.

Keywords: third world, poverty, famine, pandemic, inequality, welfare, food security, A. Sen, J. Drèze.

Paper submitted: January 9, 2023.

© А. С. Саламова, 2023

For citation: Salamova A. S. (2023) Socio-economic factors of poverty and hunger reduction in the modern world: Amartya Kumara Sen's scientific approach. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 17, no. 1, pp. 237–245. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.25.

Введение

Что такое бедность, голод, неравенство – знает практически большинство населения нашей восьмимиллиардной планеты. В последнее время, в условиях крушения однополярного мира, эти явления проявляются и в странах т. н. «золотого миллиарда». Голод, бедность и неравенство больше всего касаются стран Азиатского и Африканского континентов, некоторых государств Латинской Америки и Карибского бассейна. По заявлению генсека ООН А. Гутерреша, в 2020 году в мире голодали почти 811 млн человек, на 161 млн больше, чем годом ранее¹.

В современном мире действуют многочисленные программы борьбы с голодом и бедностью, работают тысячи благотворительных организаций и фондов, проводятся многочисленные благотворительные акции. Однако это полностью не решает проблем голода и бедности, а носит локальный и временный, а иногда и чисто показательный характер (Belousova, 2022, p. 46; Chichaibelu, Bekchanov, J. von Braun, Toger, 2021).

Выдающийся индийский ученый-экономист и философ, лауреат премии памяти Альфреда Нобеля 1998 года Амартия Кумар Сен (1933) по оценке американского журнала Foreign Policy («Политика за рубежом») вошел в топ-100 выдающихся интеллектуалов мира. Вклад А. Сена в интеллектуальное развитие человечества определяется тремя главными достижениями:

- философской критикой традиционных экономических предположений;
- попыткой построить более реалистичную экономическую науку, основанную на понятии прав и человеческих возможностей;
- длинным рядом практических вкладов в экономику благосостояния, вытекающих из подхода возможностей: как лучше измерить бедность и неравенство, как понять голод, какова важность гендерного фактора в экономическом развитии, каковы различия между экономическим развитием и экономическим ростом.

Учитывая широту и многообразие научных интересов А. Сена, сосредоточим внимание лишь на тех вопросах, которые представлены в аннотации данной статьи.

Методология

Методологической основой исследования выступает литературный обзор и изучение трудов в области бедности и массового голода, в особенности результатов научной деятельности Амартии Кумара Сена, а именно систематический обзор и анализ полученных данных, включающий критическую оценку и интерпретацию содержания трудов ученого, а также результатов и степени влияния на решение данных проблем в развивающихся странах. Для достижения цели исследования был проведен тщательный анализ основных работ Амартии Кумара Сена с учетом их контекста и значения для науки и практики для выявления тех принципов и концепций, которые могут быть использованы для решения современных экономических и социальных проблем. При анализе были использованы классические методы научной работы и изучены не только публикации Сена в научных журналах и книги, но и его выступления и биография.

Результаты

Протест против неприятия властями мер для предотвращения массового голода созрел у А. Сена еще в детские годы. В 1943 году, десятилетним мальчиком, он стал свидетелем жесточайшего голода в колониальной, тогда еще Западной Бенгалии, унесшего около 3 млн жизней (Сен, 1998а). Исследуя уже в зрелые годы Великий Бенгальский голод, А. Сен опроверг выводы авторитетной Комиссии по расследованию этого бедствия, которая утверждала, что первичной причиной голода была серьезная нехватка продовольствия, связанная в том числе с засухой 1942 года. Проведя в конце 1960-х годов многочисленные опросы жителей пострадавших от голода

¹ Число голодающих в мире превысило 800 миллионов человек, заявили в ООН // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20210726/golod-1742974364.html>.

территорий, А. Сен пришел к выводу, что далеко не все случаи голода являются результатом стихийных бедствий или самостийных «сбоев рынка». Большая часть случаев пандемии голода в слабо развитых странах вызвана человеческим фактором. Голода в Бенгалии, доказал А. Сен, можно было избежать. Бедствие, обрушившееся на его земляков, не было фатальным, поскольку в целом в Бенгалии отсутствовал острый дефицит продуктов питания. Здесь имелся достаточный запас продовольствия, но у определенных групп людей, включая сельских безземельных рабочих и городских поставщиков услуг, таких, например, как парикмахеры, не было денежных средств для приобретения продуктов питания, поскольку их цены быстро росли из-за таких факторов, как британские военные закупки, панические покупки, накопительство и «ценораздолбайство», связанные со Второй мировой войной, затронувшей и этот регион. Голодающие Бенгалии, по утверждению А. Сена, «не были абсолютно свободны что-либо делать, у них не было функции питания или возможности избежать болезней».

В научном плане изучением проблем бедности и голода А. Сей начал вплотную заниматься с середины 1970-х годов. Работа в этом направлении была инициирована Международной организацией труда в рамках Международной программы занятости. Первоначально это были статьи, посвященные отдельным аспектам рассматриваемой проблемы, такие как «Бедность: порядковый подход к измерению» (Sen, 1976в, р. 219), «Свобода, единодушие и права» (1976) (Sen, 1976б, р. 217), «Голод как отсутствие права на обмен» (1976) (Sen, 1976а), «О мерах и весах: информационные ограничения в анализе социального благосостояния» (1977) (Sen, 1977а), «Голодание и обменные льготы, общий подход и его применение к Великому Бенгальскому голоду» (1977) (Sen, 1977б, р. 33) и другие.

В 1981 году в издательстве Оксфордского университета А. Сен выпустил книгу «Бедность и голод: эссе о правах и лишениях» (Sen, 1981), в которой по-своему объяснил причину возникновения массового голода и хронической бедности. Вспоминая работу над этой книгой в своей автобиографии, А. Сен писал: «Я попытался рассматривать проблемы голода как широкие “экономические” проблемы (концентрируясь на том, как люди могут покупать продукты питания или иным образом получать на них право), а не в терминах крайне недифференцированной картины совокупного предложения продовольствия для экономики в целом»². Исследование опиралось на богатый эмпирический материал, почерпнутый из жизненных реалий Индии, Бангладеш, стран Сахары. Новаторство А. Сена в изучении этих проблем состояло в том, что в отличие от других авторов, которые утверждали, что голод и нищета исключительно связаны и напрямую зависят от нехватки продовольствия в стране и в мире, он категорически отверг это утверждение. В своем исследовании Сен обосновал отсутствие такой связи и доказал, что голод и нищета на самом деле связаны не столько с производством продуктов питания, сколько с покупательной способностью основной массы населения, и в первую очередь беднейших его слоев.

Необычайная актуальность исследований А. Сена определяется прежде всего тем, что начало 70-х годов XX века было ознаменовано значительными колебаниями в производстве зерновых культур. В эти годы на мировых продовольственных рынках произошло ощутимое повышение цен в результате сокращения мировых запасов зерна. Это представляло серьезную проблему для слаборазвитых и развивающихся государств. Об этом было с тревогой заявлено на Всемирной продовольственной конференции 1974 года в Риме, в работе которой приняли участие представители 134 стран мира. На этой конференции впервые в международной практике было выработано понятие «продовольственная безопасность» (food security), что означало переход мирового сообщества к новым стандартам оценки продовольственной проблемы. Определить эту оценку помогло исследование А. Сена «Бедность и голод: эссе о правах и лишениях».

Недоедание и голод – результат работы всей экономики в целом, а не только производства сельскохозяйственной продукции (Saeed, 1987, р. 291). Согласно определению, данному в книге А. Сена, недоедание – хроническая нехватка необходимого продовольствия для отдельных групп людей (особое внимание в работе уделено важности учета гендерного фактора). Это не хроническая нехватка продовольствия вообще (Sen, 1981). К примеру, человек может недоедать, голодать и умереть от голода, оставшись без работы при условии отсутствия должного социального

² Сен А. Биографическая. Нобелевский фонд. Бедность, голод и лишения.

обеспечения (пособий по безработице, адекватной работы благотворительных организаций). Это возможно и в условиях наличия достаточных и неумещающихся запасов продовольствия в товаропроводящей системе региона.

А. Сен доказал, что многие страны не снижали производство продуктов питания и даже экспортировали продовольствие в период голода. По утверждению ученого, голод часто возникает по причине неравенства, встроенного в механизмы распределения пищи. Сен указывает на ряд социальных и экономических факторов, таких как снижение заработной платы, безработица, повышение цен на продукты питания и плохие системы распределения продовольствия.

По мнению А. Сена, для анализа причин голода следует рассматривать большое число социальных и экономических факторов, влияющих на различные группы общества. И каждый раз они конкретные. Изучая, например, обстоятельства трагедии, произошедшей в 1973 году в Бангладеш и Эфиопии, ученый установил, что рост производства продуктов питания одновременно снизил трудовые возможности сельскохозяйственных рабочих, которые не смогли собрать довольно значительный урожай, чтобы прокормить себя. Здесь имелись явные «сбои в предоставлении прав» и невмешательство государства в исправление неэффективности в рыночных механизмах.

Нередко случается так: голод происходит в одном регионе, а продовольственное зерно имеется в изобилии в другом. В некоторых случаях, во время голода, продовольственное зерно экспортируется в другой регион той же страны (Filho et al., 2021, p. 96; Gentilini, Webb, 2008, p. 521; Maurice, 2013, p. 383). Таким образом, причина голода кроется и в отсутствии мобильности продовольственного зерна из одного места в другое, а также отсутствия у властей информации о продовольственном зерне, недостаточной покупательной способности бедных и угнетенных людей, из-за чего они умирают без продовольственного зерна, не имея возможности его купить. Причина этого – отсутствие возможности трудоустройства для бедных людей, из-за чего возникает нехватка доходов. Как правило, это сопровождается безразличным отношением правительства к насущным нуждам своих граждан.

Одним из важнейших условий в преодолении явлений массового голода и хронической бедности А. Сен считал образ управления той или иной страной. По его убеждению, отраженному в книгах «Бедность и голод», «Голод и общественные действия», в странах, где правит «функционирующая демократия», позволяющая своим гражданам открыто высказывать свои взгляды, борьба с голодом и бедностью ведется намного эффективнее, чем в условиях мажоритарной тирании. При этом А. Сен приводит такое сравнение: после обретения в 1947 году независимости несовершенно свободная Индия не видела массового голода, тогда как маоистский Китай после 1958 года стал свидетелем, возможно, самого страшного голода (до 30 млн погибших) за всю историю человечества.

Анализируя тесную связь голода и бедности, А. Сен попытался определить, сколько люди могут купить еды в зависимости от уровня своего дохода и имущественного положения. Он показал, что такие факторы, как, например, уменьшающаяся заработная плата, особенно на фоне развития инфляционной спирали, рост цен на продовольствие, вызываемый неблагоприятными погодными условиями или связанный с ошибочной экономической политикой, в значительно большей степени влияют на процесс распределения продовольствия и обостряют проблему голода среди наиболее бедных слоев населения. Работа в этом направлении продолжалась до конца 1980-х годов при поддержке Мирового института изучения экономики развивающихся стран (Хельсинки).

Широкое распространение и применение получила разработанная А. Сенем новая система индексов в статистике бедности и других индикаторов, измеряющих степень благосостояния общества и неравенства. Эти разработки рассматриваются в качестве важного практического приложения теории общественного выбора, поскольку они тесно увязаны с функциями благосостояния, представляющими ценности общества. Построение теоретически обоснованных индексов, измеряющих дифференциацию доходов и благосостояния в обществе, является важным применением теории общественного выбора. Фактически существует эквивалентность между индексами неравенства и некоторыми показателями общественных функций благосо-

стояния и общественного предпочтения. Конкретный индекс может быть определен на основе некоторых аксиом, в частности, аксиомы инвариантности, характеризующей соответствующее общественное предпочтение. А. Сен показал, что индексы бедности можно трактовать как специальный класс индексов неравенства, поэтому для их исследования можно применять доказанные ранее теоремы, модифицируя их – оптимум Парето, кривую Лоренца, индекс неравенства Джини.

Методика А. Сена позволяет показать, насколько ниже уровня бедности и по каким причинам опускаются люди, а также определить социальные, в его понимании, факторы, снижающие так называемый уровень экономической мобильности, то есть способность человека приспособиться к изменяющимся экономическим условиям. К числу таких факторов, имеющих решающее значение, он относит состояние здоровья бедняков и низкий уровень образования. Как считает Сен, экономическая политика, направленная на оказание индивидуальной помощи тем, кто находится «лишь на несколько долларов ниже уровня бедности, мало что дает тем, кто погряз в бедности».

Работы ученого способствовали распространению более широкого подхода к проблеме нищеты и оказали влияние на международную политику экономической помощи развивающимся странам. Непосредственное практическое применение его исследований нашло выражение в отказе от рассмотрения проблемы бедности (прежде всего в развивающихся странах) с ограниченной точки размера дохода и создания для бедняков возможностей выбора.

Под влиянием работ А. Сена в 1983 году «Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН» (ФАО), с одобрения Комитета по всемирной продовольственной безопасности, уточнила определение понятия «продовольственная безопасность». В соответствии с уточненным определением продовольственная безопасность стала рассматриваться как «гарантированность того, что все люди в любое время будут иметь физический и экономический доступ к основным продуктам питания, в которых они нуждаются». В уточненном определении подчеркивается необходимость обеспечения баланса спроса и предложения на продовольственных рынках, вводятся понятия «физическая доступность продовольствия» и «экономическая доступность продовольствия». Это имеет большое принципиальное значение, так как наличие продовольствия на складах еще не означает, что оно доходит до конечных потребителей. Словосочетание «в любое время» адресует к стабильности как аспекту продовольственной безопасности. Таким образом, вопрос достижения продовольственной безопасности был вновь возвращен из сферы сельскохозяйственного производства к проблемам нищеты и отсутствия платежеспособного спроса.

Впоследствии в определении продовольственной безопасности было учтено существование не только мирового и регионального уровней продовольственной безопасности, но и семейного и индивидуального уровней (Белугин, 2019, с. 135; Наз и др., 2019, с. 51). В 1986 году был опубликован Доклад Всемирного банка о бедности и голоде (World Bank, 1986), затрагивающий проблемы динамики продовольственной безопасности во времени (Белугин, 2019, с. 135).

Различные мыслители высказали некоторые замечания о реальных и денежных факторах во время голода. У Сена есть интересная ссылка на мальтузианский анализ роста цен на продукты питания и его последствий для бедных и других классов. В случае Мальтуса снижение доходности происходило при производстве продовольственного зерна; денежный инфляционный фактор отсутствовал. Относительные цены на зерновые росли из-за роста денежных и реальных затрат на их производство.

Вклад Амартия Сена в изучение бедности и голода стал результатом его заботы о социально незащищенных слоях общества. Бедность, считал ученый, это этическая проблема. Возможности и функционирование бедных являются основными проблемами, связанными с бедностью. А. Сен предлагал рассматривать бедность как лишение основных способностей, когда это лишение ограничивает свободу человека в достижении своих жизненных целей. Лучшим показателем бедности, чем низкий доход, согласно А. Сену, является «депривация возможностей», т. е. сокращение или полное игнорирование (лишение) человеком возможностей удовлетворять свои базовые потребности – личностные, социальные или иные. В контексте измерения бедности, по мнению ученого, определение минимальной комбинации основных способностей может быть хорошим способом постановки проблемы диагностики и измерения бедности.

Ценным для изучения «анатомии» бедности является замечание А. Сена о том, что все люди наделены определенным набором способностей. Если создать такую ситуацию, чтобы они могли реализовать свои возможности, они автоматически вырвутся из бедности (т. е. из своего состояния «несвободы»). Если в сегодняшнем мире сплошного изобилия есть люди, живущие в нищете, то они живут в состоянии «несвободы», не в состоянии реализовать свои возможности.

Разработанный А. Сеном «подход, основанный на возможностях» произвел революцию в подходе к развитию и бедности. Это переносит мышление в области, которые раньше не считались актуальными. Он признает наличие бедности в экономически богатых странах, опять же с точки зрения лишения возможностей. Неравенство и социальная изоляция стали двумя наиболее распространенными побочными эффектами нынешней модели экономического роста. Хотя это становится слишком очевидным в бедных экономиках, оно остается несколько замаскированным в богатстве богатых обществ.

А. Сен также подчеркнул необходимость соответствующей оценки бедности, поскольку как коэффициент численности населения, так и мера разрыва в доходах страдают от определенных ограничений. Соотношение количества голов введет в заблуждение сигналы, если людям, находящимся чуть ниже черты бедности, государство помогает выбраться из бедности. С другой стороны, разрыв в доходах сам по себе не даст представления о количестве бедных. Чтобы преодолеть эти ограничения, Сен предоставил меру бедности.

$$P = H [I + (1 - I) G],$$

где: P – индекс бедности А. К. Сена; H – коэффициент численности; I – коэффициент разрыва в уровне бедности; G – Джини – коэффициент распределения доходов бедных.

А. Сен показал, что P удовлетворяет нескольким желательным свойствам: он чувствителен к падению дохода бедного человека и нечувствителен к увеличению доходов небедных; и он увеличивается, когда доход передается от бедных к небедным.

Усилия А. Сена в области измерения бедности и борьбы с ее проявлениями привели к целому ряду исследований в этой области в разных странах мира. В соответствии с идеями А. Сена были разработаны ценные рекомендации и конкретные меры облегчения жизни беднейших слоев населения планеты. Наиболее широко используемая из этих мер – индекс бедности Фостера – Гриера – Торбеке (индекс FGT). Индекс является показателем, позволяющим определить уровень бедности в пределах определенной группы (мужчины, женщины, люди старше 60 лет, и т. д.) в определенной географической области (область, страна, континент и т. д.). Для его расчета необходимо иметь данные о доходах (или расходах) соответствующих лиц, установить черту бедности и рассчитать процент лиц, находящихся ниже этой черты. Индексы были введены в научный оборот в 1984 году в статье экономистов Эрика Торбеке, Джоэла Гриера и Джеймса Фостера (Foster, Greer, Torbeck, 1984, p. 761).

В работе «Продовольственная проблема: теория и политика» (1982) (Sen, 1982, p. 1117) А. Сен анализирует два класса подходов к проблемам продовольствия, существующие в литературе. Рискую чрезмерным упрощением, их можно назвать «ориентированными на природу» и «ориентированными на общество». Эта классификация отражает относительный акцент, который делается на различных факторах. На самом деле это вопрос фокуса, а не охвата. Справедливо будет сказать, что взгляд, ориентированный на природу, традиционно был доминирующим. В свое время он был описан Платоном в сократовском диалоге «Государственный деятель». Вопреки скептицизму по поводу вклада, который социальные науки могут внести в продовольственную проблему, А. Сен утверждает обратное.

Источником бедности развивающихся стран, по мнению А. Сена, является их «экономическое недомогание». В статье «Благосостояние, возможности и государственная политика» (1994) А. Сен отмечал: мнение о том, что бедность – это просто нехватка дохода, довольно хорошо обосновано

в литературе по этому вопросу. Это не глупый взгляд, поскольку правильно определенный доход оказывает огромное влияние на то, что мы можем или не можем делать. Недостаточный доход часто является основной причиной лишений, которые мы обычно связываем с бедностью, включая и голод. При изучении бедности есть отличный аргумент в пользу того, чтобы начать с любой имеющейся у нас информации о распределении доходов, особенно с низким реальным доходом.

Многие работы последних лет, посвященные борьбе с голодом и бедностью, Амартия Сен написал совместно с профессором экономики Жаном Дрезе (1959). Индиец по национальности, рожденный в Бельгии, куда эмигрировали его предки, он – один из пяти сыновей известного экономиста, Жака Дрезе (1929–2022), внесшего свой вклад в экономическую теорию, эконометрику и экономическую политику. Его отец прославился и своей активной научно-общественной деятельностью, как первый президент Европейской экономической ассоциации (1986) и президент Эконометрического общества (1970). Пойдя по стопам отца, Жан Дрезе посвятил себя экономическим наукам. Одним из ведущих объектов его научных исследований стали развивающиеся страны и в первую очередь почти полуторамиллиардная Индия, гражданство которой Жан Дрезе принял уже в зрелом возрасте.

В 1980-е годы работами молодого ученого заинтересовался уже известный в научном мире А. Сен и предложил совместную работу по ряду направлений, в том числе по вопросам бедности и голода в странах третьего мира. Так появились на свет их совместные работы.

Первая из них вышла в 1989 году в Оксфорде, называлась она «Голод и общественные действия» (Dreze, Sen, 1989). Исследуя проблему голода в современном мире и роль, которую общественное мнение может сыграть в борьбе с ним, Дрезе и Сен здесь предлагают целостный взгляд на сложные пищевые, экономические, социальные и политические вопросы, связанные с анализом голода. Они исследуют профилактику голода с помощью серии тематических исследований в Африке и других странах и обсуждают проблему хронического недоедания. В этой книге анализируется роль общественных действий в решении проблемы голода в современном мире. В частности, рассматривается ситуация, сложившаяся в 1980-е годы и унесшая жизни более 1 млн человек в ряде стран Африки.

Книга «Голод и общественные действия» помогла изменить взгляд людей на развитие, заставила их думать не только о ВВП, но исследовать более широко вопросы питания, обратить внимание на всевозможные проблемы бывших колониальных и зависимых государств: экономические, социальные, политические и прочие проблемы, связанные с анализом голода и организацией противодействия этому явлению.

Исследование разделено на четыре части. В первой, широко использующей концепции льгот и возможностей, исследуется взаимодействие питательных, экономических, социальных и политических факторов и их влияние на голод и лишения. Проблема предотвращения голода находится в центре внимания второй части, при этом особое внимание уделяется Африке и Индии. Третья часть посвящена проблеме борьбы с хроническим недоеданием и урокам, которые следует извлечь из политики Китая, Индии и некоторых других стран в данном вопросе. Последняя часть объединяет основные темы и проблемы предыдущих глав и дает комплексное представление о роли общественных действий в ликвидации массового голода. Исследование предполагает, что действительно существует определенное пространство для общественных действий в решении проблемы голода и это пространство требует приложения максимальных общественных усилий, комплексного подхода к решению жизненно важных для слаборазвитых стран проблем. В случае предотвращения голода социальное обеспечение могло бы предоставить системы раннего предупреждения и планы обеспечения занятости. Для борьбы с повсеместной депривацией авторы предлагают, среди прочего, рассмотреть программы базового здравоохранения, начального образования и продовольствия.

Предметом совместного творчества А. Сена и Ж. Дрезе стал ряд интересных работ, посвященных современной Индии. Среди них отметил такие, как «Индия, экономическое развитие и

социальные возможности» (1998). «Индия: развитие и участие» (2002), «Неопределенная слава: Индия и ее противоречия» (2013).

Описывая несомненные достижения современной Индии на пути экономического и социального прогресса, авторы остро подмечают и те проблемы древней страны, которые подчас замалчиваются властями. Отмечая, что рост Индии идет самыми быстрыми в мире темпами, а индийские конгломераты теперь являются мировыми лидерами, А. Сен и Ж. Дрезе не проходят и мимо того, что 50% индийцев по-прежнему живут в бедности (Dreze, Sen, 2002).

Выводы

Статьи и книги А. Сена и Ж. Дрезе далеко не всегда «соответствуют видам индийского правительства», утверждая, что пришло время взглянуть фактам в лицо. В качестве пороков современного индийского общества отмечается недостаточная политическая вовлеченность населения страны, непоследовательность в проведении прогрессивных преобразований и реформ, отставание от соседей по Южной Азии по целому ряду социальных показателей.

Характерная особенность творческой манеры Амартия Сена – постоянный поиск нового в экономике, философии, социальной политике. И это ставит индийского ученого в первые ряды борцов за прогресс человечества. Следом идут его многочисленные ученики и последователи.

Результаты исследования позволили сделать выводы о значимости трудов Сена для экономической науки, а также об уникальности его подхода к исследованию проблем развивающихся стран. Кроме того, исследование позволило выявить новые направления для дальнейших исследований в данной области.

Источники

- Белугин А. Ю. (2019) Эволюция понятия «продовольственная безопасность»: история, этапы, современное понимание. Научные исследования экономического факультета, № 11(2), с. 122–143.
- Naz F., Salim S., Rehman R. ur, Ahmad M. I., Ali R. Determinants of financial stability of microfinance institutions in Pakistan. *Upravlenets – The Manager*, 2019, vol. 10, no. 4, pp. 51–64. DOI: 10.29141/2218-5003-2019-10-4-5.
- Belousova E. A. (2022). Economic well-being: Semantic environment and research contexts at a municipal level. *Journal of New Economy*, 23(4), pp. 46–68. DOI: 10.29141/2658-5081-2022-23-4-3. EDN: JTTVZH.
- Chichaibelu B. B., Bekchanov M., J. von Braun, Torero M. (2021) The global cost of reaching a world without hunger: Investment costs and policy action opportunities. *Food Policy*, 104, Article 102151.
- Dreze J., Sen A. K. (1989) *Hunger and Public Action*. Oxford: Clarendon, 373 p.
- Dreze J., Sen A. K. (2002) *India: Development and Participation*. Oxford: University Press, 512 p.
- Filho W. L., Lovren V. O., Will M., Salvia A. L., Frankenberger F. (2021) Poverty: A central barrier to the implementation of the UN Sustainable Development Goals. *Environmental Science & Policy*, 125, pp. 96–104.
- Foster J., Greer J., Torbeck E. (1984) The class of decomposable indicators of poverty. *Econometrics*, 3.52(3), pp. 761–766.
- Gentilini U., Webb P. (2008) How are we doing on poverty and hunger reduction? A new measure of country performance. *Food Policy*, 33, pp. 521–532.
- Maurice J. (2013) New goals in sight to reduce poverty and hunger. *Lancet*, 382, pp. 383–384.
- Saeed K. (1987) A re-evaluation of the effort to alleviate poverty and hunger. *Socio Economic Planning Sciences*, 21 (5), pp. 291–304.
- Sen A. (1976a) Famines as Failures of Exchange Entitlements. *Economic and Political Weekly*, Special Number, August.
- Sen A. (1976b) Liberty, Unanimity and Rights. *Economica*, № 43 (171), pp. 217–245.
- Sen A. (1976в) Poverty: An Ordinal Approach to Measurement. *Econometrica*, № 44(2), pp. 219–231.
- Sen A. (1977a) On Weights and Measures: Informational Constraints in Social Welfare Analysis. *Econometrica*, 45.
- Sen A. (1977b) Starvation and Exchange Entitlements, A General Approach and Its Application to the Great Bengal Famine. *Cambridge Journal of Economics*, I(1), pp. 33–59.
- Sen A. (1981a) *Poverty and Famines: An Essay on Entitlement and Deprivation*. New York: Oxford: Clarendon Press, 257 p.
- Sen A. (1982) The food problem: theory and policy. *Third World Quarterly*, № 11(3), pp. 1117–1159.

References

- Belugin A. Yu. (2019) Evolyutsiya ponyatiya «prodovol'stvennaya bezopasnost'»: istoriya, etapy, sovremennoye ponimaniye [Evolution of the Concept of Food Security: History, Stages, Modern Interpretation]. Scientific researches of faculty of economics. Electronic journal, no. 11(2), pp. 122–143 (In Russian).
- Naz F., Salim S., Rehman R. ur, Ahmad M.I., Ali R. Determinants of financial stability of microfinance institutions in Pakistan. *Upravlenets – The Manager*, 2019, vol. 10, no. 4, pp. 51–64. DOI: 10.29141/2218-5003-2019-10-4-5.
- Belousova E. A. (2022). Economic well-being: Semantic environment and research contexts at a municipal level. *Journal of New Economy*, no. 23(4), pp. 46–68. DOI: 10.29141/2658-5081-2022-23-4-3. EDN: JTTVZH.
- Chichaibelu B. B., Bekchanov M., J. von Braun, Torero M. (2021) The global cost of reaching a world without hunger: Investment costs and policy action opportunities. *Food Policy*, 104, Article 102151.
- Dreze J., Sen A. K. (1989) *Hunger and Public Action*. Oxford: Clarendon, 373 p.
- Dreze J., Sen A. K. (2002) *India: Development and Participation*. Oxford: University Press, 512 p.
- Filho W. L., Lovren V. O., Will M., Salvia A. L., Frankenberger F. (2021) Poverty: A central barrier to the implementation of the UN Sustainable Development Goals. *Environmental Science & Policy*, 125, pp. 96–104.
- Foster J., Greer J., Torbeck E. (1984) The class of decomposable indicators of poverty. *Econometrics*, 3.52(3), pp. 761–766.
- Gentilini U., Webb P. (2008) How are we doing on poverty and hunger reduction? A new measure of country performance. *Food Policy*, 33, pp. 521–532.
- Maurice J. (2013) New goals in sight to reduce poverty and hunger. *Lancet*, 382, pp. 383–384.
- Saeed K. (1987) A re-evaluation of the effort to alleviate poverty and hunger. *Socio Economic Planning Sciences*, 21 (5), pp. 291–304.
- Sen A. (1976a) Famines as Failures of Exchange Entitlements. *Economic and Political Weekly*, Special Number, August.
- Sen A. (1976b) Liberty, Unanimity and Rights. *Economica*, no. 43(171), pp. 217–245.
- Sen A. (1976b) Poverty: An Ordinal Approach to Measurement. *Econometrica*, no. 44(2), pp. 219–231.
- Sen A. (1977a) On Weights and Measures: Informational Constraints in Social Welfare Analysis. *Econometrica*, 45.
- Sen A. (1977b) Starvation and Exchange Entitlements, A General Approach and Its Application to the Great Bengal Famine. *Cambridge Journal of Economics*, 1(1), pp. 33–59.
- Sen A. (1981) *Poverty and Famines: An Essay on Entitlement and Deprivation*. New York.: Oxford: Clarendon Press, 257 p.
- Sen A. (1982) The food problem: theory and policy. *Third World Quarterly*, no. 11(3), pp. 1117–1159.

Информация об авторе

Саламова Айна Салмановна

Кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и предпринимательства. Чеченский государственный университет им. А. А. Кадырова, г. Грозный, РФ.
ORCID ID 0000-0001-6359-2697.
E-mail: salamova_chgu@mail.ru

Autor's information

Aina S. Salamova

Cand. Sc. (Econ.), Associate Professor, of the Department of Economic Theory and Entrepreneurship, Kadyrov Chechen State University, Grozny, Russian Federation.
ORCID ID 0000-0001-6359-2697.
E-mail: salamova_chgu@mail.ru

УДК 378

DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.26
Обзорная статья

Е. А. Акелькина¹

✉ fmdostocentr@yandex.ru

¹Омская гуманитарная академия, г. Омск, Российская Федерация

Формирование литературоведческой школы в Омском педагогическом институте (к 90-летию вуза)

Аннотация: Статья описывает возникновение литературоведческой школы в Омском педагогическом институте во второй половине XX века. Рассмотрены многие факторы этого процесса: участие столичных ученых, а также роль лидера в этом процессе, принадлежащая М. В. Яковлевой и ее научным работам по теории литературы и исследованиям эпической прозы.

Ключевые слова: Омский педагогический институт, школа ученых-литературоведов, теория литературы, М. В. Яковлева, изучение эпической прозы.

Дата поступления статьи: 25 ноября 2022 г.

Для цитирования: Акелькина Е. А. (2023) Формирование литературоведческой школы в Омском педагогическом институте (к 90-летию вуза). Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 17, № 1, с. 246–249. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.26.

Review article

Е. А. Akel'kina¹

✉ fmdostocentr@yandex.ru

¹Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russian Federation

Formation of a literary school at the Omsk Pedagogical Institute (to the 90th anniversary of the university)

Abstract: The article describes the emergence of a literary school at the Omsk Pedagogical Institute in the second half of the twentieth century. Many factors of this process are considered: the participation of the scientists from the capital city, as well as the role of the leader in this process belonging to M. V. Yakovleva and her scientific works on literary theory and studies of epic prose.

Keywords: Omsk Pedagogical Institute, School of literary scholars, theory of literature, M. V. Yakovlev, the study of epic prose.

Paper submitted: November 25, 2022.

For citation: Akel'kina E. A. (2023) Formation of a literary school at the Omsk Pedagogical Institute (to the 90th anniversary of the university). Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 17, no. 1, pp. 246–249. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.26.

В 1932 году в стране было открыто 17 педагогических институтов. Омский педагогический институт был создан 30 октября 1932 года (второй в Западной Сибири после Томского). Директором педагогического института стал доцент Александр Сергеевич Сливко, окончивший Казанский университет. Прием студентов состоялся на два факультета – на отделение языка и литературы и на физико-математический с двумя специальностями. Первое здание института было на улице Ленина, 11, а потом на Интернациональной, 2. Первый выпуск был в 1936 году. В июне 1941 года институт был эвакуирован в Тобольск, а в его здании разместился госпиталь. Дирек-

тором института в Тобольске стал доцент-географ из Ленинграда (бывший глава Института народов Севера). В Тобольск был сослан профессор Виктор Владимирович Виноградов (1885–1969) – лингвист и литературовед, с 1946 года он стал академиком. Руководил кафедрой языкознания. Заведующий кафедрой литературы стал доцент Никита Иванович Пруцков. В Тобольске в педагогическом институте работали ленинградские ученые Борис Яковлевич Бухштаб, Н. И. Мордовченко, Мария Леонтьевна Семанова и другие. Именно тогда закладывались основы для формирования литературоведческой научной школы в Омске, благодаря эвакуированным ученым ленинградцам, носителям серьезной академической традиции. Эта ленинградская научная традиция повлияла на формирование научных школ в Томском, Свердловском, Саратовском, Тобольском, Ишимском вузах.

На первый план вышли задачи подготовки учителей, то есть образовательные. Однако именно единство научной и образовательной деятельности определило судьбу литературоведческой омской научной школы в педагогическом институте в послевоенные годы. Для формирования научной школы недостаточно вуза и кафедры, необходим независимо от ученых званий и степеней яркий настоящий ученый-исследователь, способный сам определять комплексный план научных исследований для коллег и учеников (студентов, аспирантов). На кафедре нужны преподаватели, организаторы учебного процесса, литературные критики, журналисты. Создает научную школу яркий исследователь, лидер в изучении основных законов литературы как вида искусства, обладающий широким кругозором и фундаментальными знаниями.

Омскому педагогическому институту повезло, что в годы войны в нем преподавал профессор В. В. Виноградов, объединивший изучение языка и литературы. Он заложил основу как лингвистической (В. В. Белошапкина, Е. А. Иванова-Янковская), так и литературоведческой школ. После войны многие фронтовики стали преподавать и защищать диссертации (Е. И. Беленький, Т. Г. Леонова) вначале по фольклору и современной сибирской литературе. Позже появляются работы по русской классике (А. С. Пушкин, А. П. Чехов, Ф. М. Достоевский, А. И. Герцен, А. М. Горький, Н. С. Лесков). Когда кафедру литературы возглавил Ефим Исаакович Беленький, он пригласил на кафедру молодых выпускников педагогического института, ленинградских, московских, свердловских вузов: И. В. Столярову, М. В. Яковлеву, В. М. Физикова, С. Н. Поварцова, К. П. Степанову, все они, работая над своими темами, оказались связаны с ленинградскими вузами и академическими учреждениями (ЛГУ, Ленинградский педагогический институт имени А. И. Герцена, ИРЛИ (Пушкинский дом)). Все это создало яркую жизнеспособную кафедру литературы с талантливыми, разносторонними преподавателями, организаторами, литературными критиками, исследователями.

Однако кафедра и научная школа – явления разные. Что нужно для формирования научной школы? Нужен ученый – энтузиаст с широким кругозором и умением ставить актуальные задачи, объединять коллег, внушать уверенность в своих силах и, разумеется, следовать традиции, творчески развивая ее и обновляя. В 1962 году на кафедру педагогического института, возглавляемую Е. И. Беленьким, пришли три молодых преподавателя. Двое из них были выпускниками Ленинградского университета: Маргарита Владимировна Яковлева и Ирина Владимировна Столярова. Они стали вести лекционные курсы по истории русской классической литературы, спецсеминары, спецкурсы. Тогда же в план пединститута ввели курс «Теория литературы». Его разработала М. В. Яковлева. Именно она явилась ведущим основателем омской литературоведческой школы. Талантливых ученых на омской пединститутской кафедре было достаточно, большинство из них исследовали достаточно локальные проблемы. Е. И. Беленький защитил кандидатскую по творчеству Горького, а позже стал заниматься сибирской литературой. И. В. Столярова стала впоследствии лучшим в России исследователем творчества Н. С. Лескова, С. Н. Поварцов защитил кандидатскую диссертацию по творчеству Исаака Бабеля.

Маргарита Владимировна Яковлева в ЛГУ защитила диплом по творчеству Горького, однако, читая курс теории литературы, она увлеклась методологией литературоведения, стала фундаментально изучать природу и специфику эпического рода, ведущего в отечественной литературе.

Причем ее исследования велись с привлечением широчайшего эстетического, философского, науковедческого контекста. Она стала вести научный кружок по истории и теории литературы, не ограничиваясь творчеством одного писателя. Ее статьи были посвящены А. С. Пушкину, А. П. Чехову, Ф. М. Достоевскому, И. С. Тургеневу, Н. М. Карамзину, а также современным писателям В. М. Шукшину, В. И. Белову, П. Н. Ребрину.

В середине 60-х годов, проработав несколько лет в вузе, М. В. Яковлева поехала работать директором школы в северный Усть-Ишимский район. Это было не просто преподавание, а служение, мечта о создании идеальной современной школы. Самое удивительное, что это осуществилось. Позже, встречая учеников и учителей этой школы, я убедилась, что они считали эти годы с М. В. Яковлевой лучшими в своей жизни. Затем М. В. Яковлева возвращается в вуз, где создала с коллегами и учениками уникальную атмосферу духовного научного общения и поиска. Она воспитала не одно поколение учителей и ученых-исследователей. Сегодня почти все доктора филологических наук по специальности «русская литература» – ее ученики. Это В. А. Котельников, М. С. Штерн, О. В. Мирошникова, Е. А. Акелькина, Л. М. Марцева, Н. А. Кузьмина, А. Б. Мордвинов...

М. В. Яковлева работала и писала свое основное исследование «“Разгадывание тайны”: о познании родовой сущности человека средствами эпоса» в эпоху «поздней оттепели», когда у настоящих гуманистов существовала «вера в то, что искусство своей преобразующей силой способно воздействовать на мир». Именно существование духовно-нравственного смысла литературоведения сделало М. В. Яковлеву основателем научной школы, которая в духе времени вносила философское начало в литературоведческий анализ. Философия понималась М. В. Яковлевой не как отвлеченная наука, а как мышление о «самом главном», о коренных проблемах бытия и духа. Уверенность М. В. Яковлевой, что научное мышление литературоведа может творчески преобразовывать действительность, совершенствуя ее, лежало в основе ее труда педагога, ученого, миссионера.

В застойные 70-е годы Маргарита Владимировна читала спецкурс «О природе эпического». Начиналось это исследование, которое вылилось в огромную монографию около 1000 страниц, с эпопей древности «Иллиады», «Махабхараты», «Ветхого завета» и включало рассмотрение эпического сознания и жанров в русской классике от Карамзина, Пушкина до Чехова. Монография Яковлевой получила высокую оценку ведущих литературоведов страны, но попытки напечатать ее в те годы не состоялись. Только после ухода автора из жизни, когда часть рукописи была утрачена, ученикам Маргариты Владимировны удалось опубликовать оставшийся текст в 2014 году. Именно высокий нравственный пафос труда литературоведа и синтетическая методология работ М. В. Яковлевой послужили основой для формирования омской научной школы. Главная концепция ее, опередившая свое время, состоит в том, что объектом эпического является «целостность национального сознания, сосредоточенного на постижении и воссоздании национального мира, на восстановлении его единства полноты, всеобъемлющей универсальности в условиях катастрофических объективных противоречий бытия» (Яковлева, 2014, с. 11). Оправдала себя и методология подхода к библейским текстам как к литературным произведениям, с использованием категорий теории литературы. При жизни автора все ее статьи выходили в других городах (в Ленинграде, Томске, Донецке, Старой Руссе), в Омске не было издано ни одной ее работы. Только в год ее семидесятилетия Центр Достоевского при ОмГУ посвятил ей сборник «Ф. М. Достоевский и душа Омска» (Омск, 2001). В этом сборнике, кроме перепечаток, была опубликована ее новая работа «Два письма Ф. М. Достоевского из Омска». В конце 1970-х Маргарита Владимировна тяжело заболела (онкология) и, недоработав до положенного возраста, вышла на пенсию по инвалидности. На год М. В. Яковлева уехала в Абалакский монастырь в Тобольске, где, пройдя послушание, приняла пострижение в монахини в миру. Последние 30 лет жизни Маргарита Владимировна (матушка Мария) была активным проповедником православия. Она преподавала в воскресной школе, читала лекции учителям, была ученым секретарем при омском архиепископе Феодосии. В последнее десятилетие ей удалось органично соединить православие и литературоведение, она стояла у истоков Центра исследования творчества Ф. М. Достоевского

при ОмГУ. Именно благодаря усилиям М. В. Яковлевой сложился коллектив литературоведов (пять докторов наук и ряд кандидатов), изучающих философскую прозу русских классиков. Вместе с литературоведами работали философы, культурологи, библиографы, историки, искусствоведы, исследующие философские формы в культуре. И сегодня эта литературоведческая научная школа является коллективом, осуществляющим междисциплинарные исследования актуальных гуманитарных проблем, особо важных сегодня для науки и национально-культурной самоидентификации и воспитания патриотизма.

Источники

- Акелькина Е. А. (2000) Штрих к портрету омского литературоведа (Юбилейные заметки о М. В. Яковлевой). Е. А. Акелькина, М. С. Штерн. Мир ученого в XX веке: корпоративные ценности и интеллектуальная среда. Материалы четвертой Всероссийской конференции «Культура и интеллигенция России: Интеллектуальное пространство (Провинция и Центр) XX век. Омск, в 2 т. Омск, Курьер. Т. 2, с. 173–176.
- Ф. М. Достоевский и душа Омска. К 70-летию М. В. Яковлевой (2001). Омск, 266 с.
- Штерн М. С. (2011) Звучание времени и человеческий голос. Памяти М. В. Яковлевой. Гуманитарное знание. Серия «Преемственность»: сб. науч. тр. Ежегодник. Вып. 12. Омск, с. 181–183.
- Яковлева М. В. (2014) О природе эпического. Фрагменты. М. В. Яковлева; сопроводит. ст. М. С. Штерн, Е. А. Акелькина. Омск, Издательский дом «Наука», 188 с.

References

- Akel'kina E. A. (2000) Shtrikh k portretu omskogo literaturoveda (Yubileynnye zametki o M. V. Yakovlevoy) [A stroke to the portrait of an Omsk literary critic (Anniversary notes about M. V. Yakovleva)]. E. A. Akel'kina, M. S. Shtern. Mir uchenogo v KHKH veke: korporativnyye tsennosti i intellektual'naya sreda [The World of the Scientist in the 20th Century: Corporate Values and the Intellectual Environment]. Materials of the fourth All-Russian conference "Culture and intelligentsia of Russia: Intellectual space (Province and Center) XX century. In 2 vol. Omsk, Kur'yer Publ. Vol. 2, pp. 173–176 (In Russian).
- F. M. Dostoyevskiy i dusha Omska. K 70-letiyu M. V. Yakovlevoy [F. M. Dostoevsky and the "soul of Omsk". To the 70th anniversary of M. V. Yakovleva] (2001). Omsk, 266 p. (In Russian).
- Shtern M. S. (2011) Zvuchaniye vremeni i chelovecheskiy golos. Pamyati M. V. Yakovlevoy [The sound of time and the human voice. In memory of M. V. Yakovleva]. Humanitarian knowledge. Series "Continuity". Collection of scientific papers. Issue 12. Omsk, pp. 181–183 (In Russian).
- Yakovleva M. V. (2014) O prirode epicheskogo. Fragmenty. M. V. Yakovleva [On the nature of the epic. Fragments. M. V. Yakovleva]. Ed. M. S. Shtern, Ye. A. Akel'kina. Omsk, Nauka Publishing House, 188 p. (In Russian).

Информация об авторе

Акелькина Елена Алексеевна

Доктор филологических наук, профессор.
Омская гуманитарная академия, г. Омск, РФ.
E-mail: fmdostocentr@yandex.ru

Autor's information

Elena A. Akelkina

Dr. Sc. (Philol.), Professor. Omsk Humanitarian
Academy, Omsk, Russian Federation.
E-mail: fmdostocentr@yandex.ru